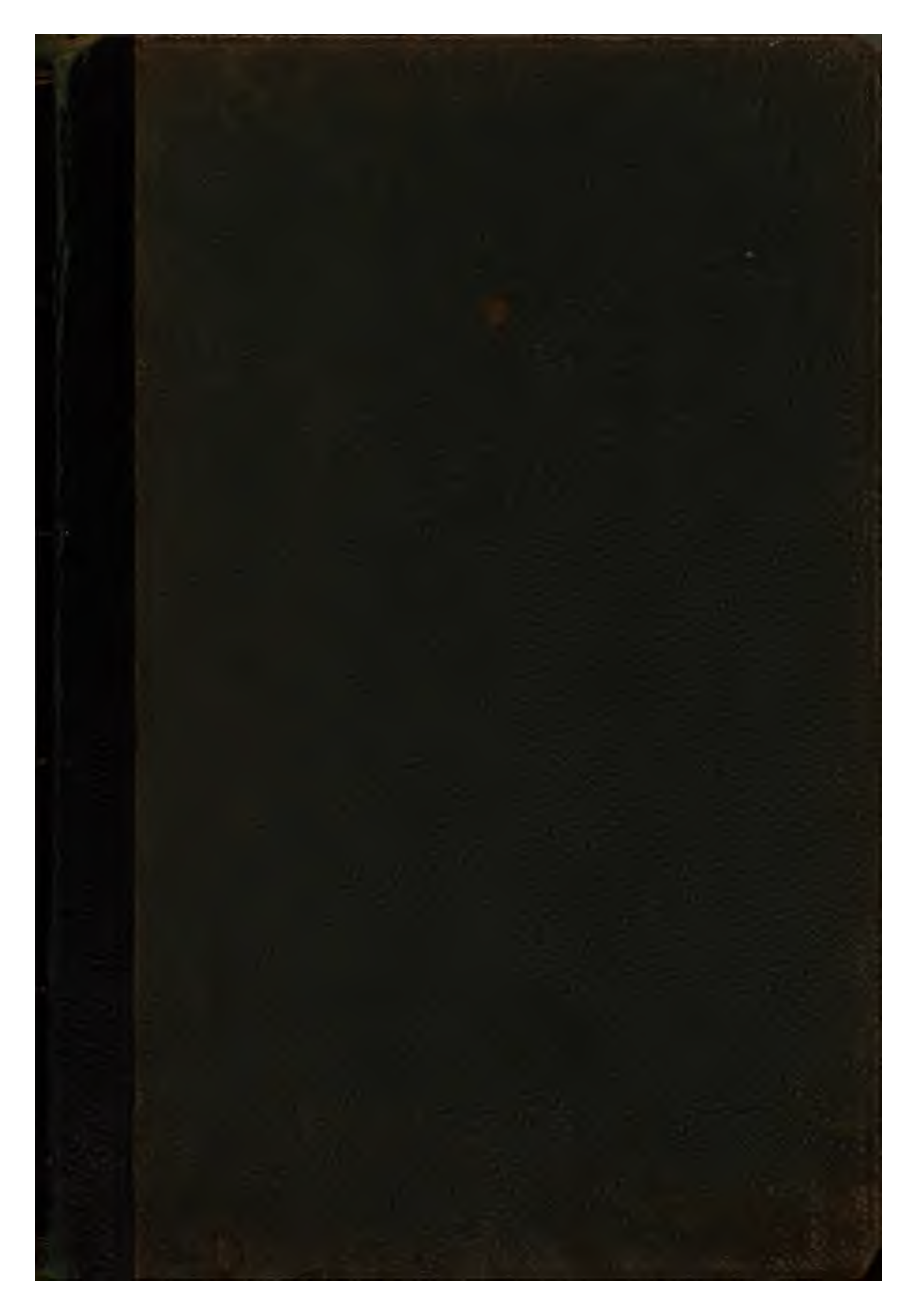

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ВОСХОДЪ

ЖУРНАЛЪ

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

Издаваемый А. Е. Ландау

Сентябрь.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія А. Е. Ландау. Офицерская. 17.
1884.

БИБЛЕЙСКІЯ КАРТИНЫ.

II *.

Второзак. III, 25—26; XXXII, 48—52; XXXIV, 1—5.

Волѣ всевышней покорный—съ равнинъ Моавитскихъ
Поднялся вождь по уступамъ Невô, направляясь
Къ дальней, туманной вершинѣ, покрытой столѣтней,
Дѣвственной чащей угрюмыхъ, морщинистыхъ кедровъ.
Скоро достигъ онъ до крайняго выступа Фазги,
И восхищенному взору его чародѣйно—
Разомъ предсталъ Ханаанъ весь отъ края до края.

Солнце къ закату склонялось. Алмазнымъ потокомъ
Било оно по сверкающей глади Іордана.
Розовымъ бархатомъ зыблились долы Сарона
Въ блескѣ прощальныхъ лучей. Голубою громадой

---

* См. „Восходъ“ 1883 г., кн. 10.

Высился стройный Кармель надъ цвѣтущей низиной.
Ширь Галлада раздольнаго взоръ утомляла,
Справа теряясь въ долинахъ далекаго Дана,
Слѣва—въ туманѣ, встававшемъ надъ Озеромъ Мертвымъ.
Далѣе—горы Евфремовы, степь и озера,
Край Неѳалимовъ со смежной землей Манассійской,
Красная розсыпь песчаной пустыни Энъ-Геди,
Снѣжные гребни Ливана подъ хмурымъ навѣсомъ
Кедровыхъ боровъ, зеленыя зыбкія купы
Пальмъ и маслинъ Іерихонскихъ, живые изгибы
Горныхъ потоковъ, сребристыя гривы фонтановъ...
Сколько чарующихъ красокъ, причудливыхъ линій,
Отблесковъ яркихъ, тѣней, очертаній, узоровъ!...

. . . .

Съ громкимъ рыданьемъ, подобно ребенку, невольно
Палъ на колѣни великій божественный старецъ:
«Господи!—горько воскликнулъ онъ—Господи правый,
Смилуйся!... Я не хочу умереть, не ступивши
Старой ногою своей за рубежъ заповѣдный—
Цѣли всей жизни моей, всѣхъ надеждъ и стремленій!...
Дай-же омыть мнѣ сѣдыя, столѣтнія кудри
Струйкой кристальной въ завѣтныхъ стремнинахъ Іордана,
Дай мнѣ упиться прохладой дремучей дубравы,
Дай подышать на свободѣ!... Пусть вѣтеръ вечерній
Кроткимъ дыханіемъ ласково, тихо обвѣетъ
Старую грудь, опаленную зноемъ пустыни...
Смилуйся, Праведный, смилуйся, Боже великій!
День хоть одинъ за тяжелые, долгіе годы!...»

«Смертный,—раздался въ отвѣтъ ему голосъ нагорный—
Смертный, избранникъ мой, славный и лучшій изъ смертныхъ!
Вспомни источникъ Меривы... Съ ударомъ преступнымъ
Поднялъ ты руку на камень, нѣмой, беззащитный,—
Кроткое слово презрѣвъ, ты прибѣгнулъ къ насилью!...
Нѣтъ, ты не вступишь въ предѣлы страны заповѣдной!...»

С. Фругъ.

СУББОТА.

РАЗСКАЗЪ.

V.

Янкель Тейтельманъ и Мойше Бернштрунгъ благополучно достигли воротъ «Лондона». Но каково же было ихъ удивленіе, когда, подойдя къ конурѣ привратника, они увидѣли тамъ Эли Тейтельмана и Геци Фейгельмана!

— А, доброе утро ребъ Мойше! окликнулъ его Эли Тейтельманъ;—зачѣмъ васъ Богъ принесъ сюда такъ рано?

— У каждаго свои дѣлишки, уклончиво отвѣтилъ Бернштрунгъ.

— Такъ-то такъ. А не хотѣли вы вчера согласиться на мое предложеніе; вотъ и прогадали.

— Выпустили изъ рукъ хорошую штучку... вставилъ свое замѣчаніе и Геци Фейгельманъ.

— Значитъ не суждено, сказалъ, улыбнувшись Бернштрунгъ.

— Это отъ того, что вы слишкомъ недовѣрчивы... Даже мнѣ, Тейтельману, и ему, Фейгельману, перестали довѣрять... А вотъ Берко Авербухъ съ перваго слова согласился дать требуемую сумму.

Янкель приблизился на шагъ и какъ пугливый заяцъ навострилъ свои, нельзя сказать чтобы маленькія уши.

— Такъ вы все по вчерашнему дѣлу хлопочете?—спросилъ Бернштрунгъ и бросилъ взглядъ на Янкеля.

---

* См. „Восходъ“, кн. 8.

— А вы думаете, мы изъ рукъ выпустили! Не таковы... И Тейтельманъ засмѣялся. Фейгельманъ поддержалъ его.

— А мнѣ сказали, что вашъ помѣщикъ уже досталъ деньги и уѣхалъ.

Тейтельманъ раскрылъ ротъ, а Фейгельманъ выпучилъ свои воловьи глаза и растопырилъ руки, что̀ въ совокупности представляло картину величайшаго изумленія.

— Не будь я еврей, если это даромъ пройдетъ тому, кто устроилъ эту штуку,—сказалъ наконецъ Тейтельманъ.—Какъ сегодня пятница, я этому негодяю всю бороду выщипаю! произнесъ менѣе сговорчивый и болѣе воинственный Фейгельманъ.

Янкель поблѣднѣлъ, какъ полотно, и попятился назадъ.

Бернштрунгъ пугливо сталъ озираться кругомъ.

— Кто вамъ это сказалъ? приступилъ къ Бернштрунгу Тейтельманъ.

— Я ничего не знаю, я только слышалъ, жалобно проговорилъ Бернштрунгъ.

— Вы должны мнѣ сказать отъ кого, слышите, или вы мнѣ отвѣтите за это.

— Да, вы... внушительно пробурчалъ Фейгельманъ.

— Я ничего не знаю, клянусь всемогущимъ Богомъ, вотъ вы разспросите Янкеля; онъ такой же факторъ, какъ вы...

— Кто? Янкель такой же факторъ, какъ и мы!... въ одинъ голосъ воскликнули Тейтельманъ и Фейгельманъ;—съ какихъ это поръ стало...

Задѣтый за самую чувствительную струнку, Янкель забылъ свой страхъ и, задорно поднявъ свою голову, приблизился на шагъ впередъ.

— Чѣмъ же я не факторъ!—проговорилъ онъ самоувѣренно.

— Какой же ты факторъ... ты и двухъ словъ связать не умѣешь... Кто же тебѣ довѣрять станетъ?

— А вотъ же довѣряютъ...

— Безумецъ какой нибудь...

— Желали бы и вы имѣть дѣло съ такими безумцами.

— Ты уже больно чванишься, Янкель, не ты ли досталъ денегъ нашему помѣщику?

— Хоть бы и я.—И Янкель бросилъ гордый, презрительный

взглядъ своимъ врагамъ. Можетъ быть, въ первый разъ въ своей жизни онъ чувствовалъ, что его совсѣмъ микроскопическое самолюбіе удовлетворено.

— Вотъ какъ!... Это было бы не дурно... Что ты на это скажешь, Фейгельманъ?

Рыжая борода Фейгельмана совсѣмъ покраснѣла, а воловьи глаза его еще больше выпучились.

— Не дурно, не дурно, а...

— Такъ это правда?... Такъ ты отнялъ нашъ заработокъ!..— заревѣлъ, подбираясь къ Янкелю и схвативъ его за воротъ кафтана, Тейтельманъ.—Воръ, кровопійца, варваръ!.. Нашъ кровный заработокъ, купленный цѣною нашего пота... Еврей-ли ты послѣ этого, душа ты поганая...

— Душа ты поганая!.. заоралъ и Фейгельманъ, запустивъ свои красныя жилистыя руки въ косматую бороду Янкеля.

— Злодѣй! чтобы твой отецъ въ сатану превратился! кричалъ Тейтельманъ.

— Чтобы въ утробѣ твоей матери чортъ поселился! не отставалъ Фейгельманъ.

Янкель неистово завопилъ и схватилъ Тейтельмана за волосы.

Тогда Фейгельманъ, держа бороду Янкеля одной рукой, другою вцѣпился въ его горло.

Янкель побагровѣлъ и сталъ задыхаться.

— Спасите! закричалъ онъ хриплымъ голосомъ.

Сбѣжавшаяся толпа, въ томъ числѣ и привратникъ Иванъ, вмѣшались въ драку и стали разнимать воюющихъ.

Прибѣжалъ и блюститель порядка.

— Что за шумъ безъ драки? проговорилъ онъ, видимо довольный, что въ его раіонѣ случилось маленькое происшествіе.

— Какой же тебѣ еще драки нужно? развѣ этого тебѣ мало?— сердито проговорилъ Иванъ, указывая на разорванные кафтаны и исцарапанныя физіономіи воюющихъ сторонъ.—Ты бы лучше хорошенько проучилъ этихъ буяновъ..

— А и въ самомъ дѣлѣ,—спохватился блюститель порядка.— Эй вы, жидочки; что вы тутъ затѣяли?.. Въ кутузку васъ

всѣхъ поганыхъ, за мной идите!..—Внушительный видъ и начальническій тонъ городоваго сразу отрезвили буяновъ.

— Меня-то въ кутузку—за что? произнесъ Тейтельманъ,— не я воръ, а онъ; къ тому же онъ бродяга.

— Бродяга... протяжно и многозначительно проговорилъ городовой.

— Да, бродяга.

— Кто, я бродяга, я!—забывъ всякое почтеніе къ начальству, закричалъ Янкель;—у меня жена и дѣти, двадцать лѣтъ живу безвыѣздно въ городѣ... Я бродяга?..

Тейтельманъ что-то шепнулъ городовому.

— Покажи свой паспортъ, если ты не бродяга, обратился къ нему городовой.

Янкель позеленѣлъ и затрясся. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ себя помнитъ, онъ паспорта въ глаза не видалъ, онъ такъ и женился, такъ и прижилъ всѣхъ своихъ дѣтей, такъ и влачилъ свое жалкое, голодное существованіе, никогда не помышляя о паспортѣ; и безъ него голодать и бѣдствовать можно было. И вдругъ такое требованіе! Онъ жалобно посмотрѣлъ вокругъ себя, ища глазами кого нибудь, кто бы выручилъ его изъ бѣды. Но никого изъ знакомыхъ... Да гдѣ же Мойше Бернштрунгъ?..

— Покажи же свой паспортъ... приставалъ между тѣмъ городовой.

— Ребъ Мойше!.. ребъ Бернштрунгъ!.. закричалъ въ отчаяніи Янкель.

— А, ты еще кричишь? Пойдемъ въ полицію, тамъ тебя возьмутъ на цугундеръ... Да и вы, молодчики, со мною, произнесъ городовой, подхвативъ подъ руку Янкеля.

— Мы пойдемъ, намъ бояться нечего... въ одинъ голосъ проговорили Тейтельманъ и Фейгельманъ.

— Спасите, братья!.. вопилъ, между тѣмъ, Янкель, всѣми силами отбиваясь отъ объятій неумолимаго городоваго,—спасите во имя субботы!..

— А ты во имя субботы хотѣлъ нашъ заработокъ украсть... злобно-насмѣшливо проговорилъ Тейтельманъ...

— Видитъ Богъ, что я не виноватъ... Спасите...

— И мы не виноваты... и мы ѣсть хотимъ... думаешь, у насъ горы золота...

— Не будь субботы на носу...

— А мы развѣ не евреи, развѣ у насъ нѣтъ дѣтей, которыя также хлѣба просятъ...

— Ну, смирно, не отбивайся, поганый, а то, ей Богу заѣду... усмирялъ между тѣмъ Янкеля городовой.

Толпа уличныхъ зѣвакъ провожала маленькую процессію до дверей полиціи. Тутъ городовой скомандовалъ: смирно! и, впустивъ ихъ въ переднюю, самъ пошелъ доложить приставу.

Не успѣлъ выйти городовой, какъ Тейтельманъ, переглянувшись съ Фейгельманомъ, шмыгнулъ въ боковыя двери. Прошло нѣсколько минутъ напряженнаго ожиданія. У Янкеля сердце сильно билось отъ глубокаго волненія, и при одной мысли о предстоящей участи у него каждый разъ холодный потъ выступалъ на лбу. Вскорѣ появился приставъ, человѣкъ довольно внушительной наружности, съ голосомъ, способнымъ привести въ ужасъ не однихъ только безпаспортныхъ.

Янкель хорошо зналъ пристава, и при его появленіи онъ отвѣсилъ ему низкій поклонъ.

— Такъ это ты, Янкель, вздумалъ буйствовать на улицѣ?

— Побей меня Богъ, если я... началъ оправдываться Янкель.

— Ну, ну, не оправдывайся, а въ кутузкѣ уже переночуешь, добродушно сказалъ приставъ.

— Но за что же?

— А паспортъ есть у тебя? перемѣнилъ вдругъ тонъ приставъ.

У Янкеля языкъ точно одеревенѣлъ.

— Гдѣ же твой паспортъ?

— Зачѣмъ мнѣ паспортъ,—пробовалъ защищаться Янкель,—меня всѣ въ городѣ знаютъ, и вы меня знаете...

— А все же таки паспортъ мнѣ покажи...

Янкель молчалъ.

— Нѣтъ его у тебя?

Янкель все болѣе и болѣе блѣднѣлъ, будь у него хоть одна

рублевая бумажка въ карманѣ, онъ бы не такъ пугался; но тогда бы, можетъ быть, ничего этого бы не случилось.

— Такъ ты бродяга!—закричалъ приставъ,— эй, кто тамъ, отведите его пока въ кутузку.

Двое полицейскихъ подхватили Янкеля и повели къ дверямъ, а приставъ мигнулъ Фейгельману, который мгновенно скрылся.

VI.

Все еще не понимая, что̀ за шумъ происходитъ на улицѣ, Вигурскій позвонилъ въ надеждѣ узнать что нибудь отъ прислуги, но вмѣсто ея въ комнату вошелъ Мойше Берншпрунгъ.

— Вамъ что угодно? спросилъ удивленный Вигурскій, всматриваясь въ незнакомую фигурку ростовщика.

— Я къ пану...

— Я это вижу... Но что вамъ угодно?

— Мнѣ угодно... Но пану нужны деньги, неправда-ли?

Еще какой нибудь новый Тейтельманъ! подумалъ въ досадѣ Вигурскій.

— Нѣтъ не нужно... можете убраться...

— Но я знаю, что пану нужны деньги...

— А вы ихъ мнѣ можете дать?

— Хоть сейчасъ...

Вигурскій широко раскрылъ глаза.

— Знаю я ваши «сейчасъ»,—сказалъ онъ;—сколько васъ еще Тейтельмановъ въ городѣ?

— Тѣ Тейтельманы совсѣмъ другіе...

— А вы же какой?

— Такой, что деньги могу дать сейчасъ.

— Чортъ побери,—сказалъ, перемѣнивъ тонъ, Вигурскій;—зачѣмъ же дѣло стало? давайте.

— Напишите вексель; вотъ вамъ бланкъ.

— Кому же писать?

— Пишите на имя Мойше Бернштрунга.

— Не вы ли самъ Мойше?

— Нѣтъ, я только факторъ.

— Ну, все равно; вотъ вамъ вексель; кто же мнѣ деньги дастъ?

— Я.—И Бернштрунгъ сталъ отсчитывать деньги.

Вигурскій пересчиталъ пачки. — Тутъ не всѣ, сказалъ онъ наконецъ.

— А проценты?

— Все же не достаетъ.

— А фактору за трудъ забыли?..

— Такъ ты самъ себѣ взялъ? ну хорошо. А гдѣ же самъ кредиторъ?

— Онъ явится, когда нужно будетъ...—И онъ съ низкимъ поклономъ оставилъ Вигурскаго, который отъ радости не зналъ, что дѣлать.

Онъ быстро сталъ одѣваться, разсчитывая зайти къ Квицинскимъ раньше, чѣмъ онѣ поѣдутъ въ городъ за покупками. Теперь онъ вполнѣ свободенъ и можетъ ихъ сопровождать хоть на край свѣта. Одна мысль, что ему не придется выжидать цѣлыми часами прихода какаго нибудь фактора, приводила его въ неописанный восторгъ. Точно съ неба свалился этотъ факторъ... И какъ онъ провѣдалъ! Не Тейтельманъ ли его послалъ? Но отчего онъ самъ не явился? И онъ вспомнилъ вчерашній эпизодъ съ кукурузой и не могъ удержаться отъ смѣха. Не будь этого Янкеля, онъ бы, можетъ быть, теперь не былъ такъ счастливъ... Съ этой мыслью онъ оставилъ свой номеръ, искренно сожалѣя, что не Янкель Тейтельманъ, а другой факторъ получилъ заработокъ.

Между тѣмъ другой факторъ, т. е. Мойше Бернштрунгъ, выйдя изъ гостинницы, направился къ себѣ домой. Онъ никогда еще не былъ въ такомъ розовомъ настроеніи духа, какъ теперь. Удачная сдѣлка была еще тѣмъ выгоднѣе, что онъ получилъ еще факторское вознагражденіе. Хотя въ его долголѣтней ростовщической практикѣ и попадались такіе случаи, но такого удачнаго онъ не запомнитъ. Ему было пріятно и хорошо. Онъ теперь только понялъ, что его ремесло вовсе не такое простое, какъ это казалось другимъ. Давать деньги и брать проценты... Но развѣ это такъ просто... развѣ онъ не могъ бы сегодня наравнѣ съ Янкелемъ Тейтельманомъ попасться въ

лапы этимъ свирѣпымъ людямъ, и даже угодить въ кутузку... Бѣдный Янкель... Какъ человѣку не везетъ... И по ассоціаціи идей онъ вдругъ вспомнилъ о собственномъ несчастьи, постигшемъ его годъ тому назадъ, объ его одинокой жизни вдовца... о черноглазой Саррѣ. Нѣтъ худа безъ добра, подумалъ онъ глубокомысленно; не умри его жена, развѣ онъ могъ бы думать объ этой дѣвушкѣ... А она будетъ очень хорошая хозяйка и безъ сомнѣнія сдѣлаетъ его счастливымъ. Нужно будетъ завтра же послать Юкели Шадхена... Но зачѣмъ его? Развѣ онъ самъ не можетъ сдѣлать того же, что сдѣлаетъ Юкель? Этотъ еще потребуетъ плату за свои труды, а себѣ онъ не долженъ будетъ платить.

Разсуждая такимъ образомъ, онъ незамѣтно вмѣсто своей квартиры очутился у домика Янкеля.

— Тѣмъ лучше; узнаю, что сталось съ бѣднымъ Янкелемъ, сказалъ онъ себѣ и вошелъ черезъ полураскрытую дверь въ кухню.

На кухнѣ, кромѣ маленькой Фейги, барахтавшейся на земляномъ полу, никого не было, но за то сама кухня имѣла очень оживленный и даже привлекательный видъ. Въ одномъ углу, въ большомъ корытѣ лежалъ свѣжеиспеченный хлѣбъ, такъ и манившій къ себѣ своимъ пріятнымъ своеобразнымъ запахомъ, нѣжнымъ лоскомъ и наконецъ разнообразной формой. Казалось, что этого количества хватитъ на цѣлую недѣлю и для семейства вдвое большаго, чѣмъ семейство Янкеля; на преднечникѣ горѣлъ яркій огонь, въ пламени котораго ютилось нѣсколько горшковъ различной величины и различной формы; нѣкоторые изъ нихъ шипѣли, другіе только жужжали, третьи же издавали такой звукъ, точно въ нихъ сидѣли живыя существа и ссорились между собою. На кухонномъ столѣ стояла цѣлая батарея мисокъ, тарелокъ, стклянокъ и еще горшковъ, наполненныхъ то этимъ, то другимъ.

Какой-то особенный, специфическій ароматъ господствовалъ въ кухнѣ. Тутъ былъ запахъ и свѣжаго лука, поджареннаго на гусиномъ жирѣ, и фаршированной рыбы, подправленной шафраномъ и изюмомъ, и бычачьей печенки, и телячьихъ ножекъ, и лавровыхъ листьевъ... Кто бы повѣрилъ, что въ этой

своеобразной лабораторіи, гдѣ посторонняго человѣка поражали и этотъ праздничный видъ, и эта масса разнообразнаго съѣдобнаго матеріала, и эта тонкость и разнообразіе вкуса, гдѣ душистый запахъ рыбы спорилъ съ нѣжнымъ ароматомъ виноградиаго листа—что здѣсь въ будни царствуютъ уныніе и голодъ, что эти самые горшки, которые теперь такъ жужжатъ и визжатъ, согрѣваемые блестящимъ пламенемъ, въ остальные дни валяются безъ всякаго употребленія, что вмѣсто этихъ тонкихъ ароматовъ—запахъ чернаго хлѣба и гнилой селедки здѣсь обычное и даже радостное явленіе... А теперь... Все во имя субботы, все ради субботы...

Бернпрунгъ, обладавшій, благодаря своему наслѣдственному носу, довольно развитымъ обоняніемъ, нѣсколько минутъ вдыхалъ въ себя пріятные, щекотавшіе вкусовые нервы ароматы, причемъ жадные глаза его перебѣгали отъ одного горшка къ другому...

Какъ тутъ хорошо!.. А вѣдь все это на его деньги... Онъ далъ деньги и взялъ взамѣнъ подушку... Какъ ловко устроилось: изъ подушки приготовить столько нѣжныхъ, чисто райскихъ блюдъ. Волшебство!..

Онъ оглянулся и увидѣлъ барахтавшуюся на полу Фейгу.

— А гдѣ мама, дѣвочка? обратился онъ къ ней.

Фейга, увидя предъ собою совершенно незнакомаго человѣка, заревѣла благимъ матомъ и бросилась изъ кухни. Въ эту минуту вбѣжала Рухиль. Она была на дворѣ и чистила живаго окуня... Гдѣ при такой работѣ усмотрѣть за ребенкомъ!

— За то въ честь субботы, сказалъ Бернпрунгъ.

Въ первый моментъ испуганная плачемъ ребенка, Рухиль не придала никакого особеннаго значенія такому необыкновенному посѣтителю, какъ Бернпрунгъ. Но теперь, когда она снова пришла въ себя, она сильно удивилась.

— Что васъ принесло къ намъ въ такой часъ? спросила она, стараясь привести въ нѣкоторый порядокъ свой не совсѣмъ изящный туалетъ.

— Что тутъ удивительнаго,—сказалъ Бернпрунгъ,—шелъ мимо и зашелъ. А у васъ тутъ любо-хорошо, настоящій рай; сейчасъ видно, что хозяйка чтитъ субботу.

— На то мы дѣти Израиля,—скромно отвѣтила Рухиль. — Но что мы стоимъ въ кухнѣ, зайдемте пожалуйста въ комнату.

— Нѣтъ, не нужно; я вѣдь только такъ, хотѣлъ Янкеля видѣть.

— Его дома нѣтъ; онъ сегодня, еще до пѣтуховъ ушелъ изъ дому.

— И съ тѣхъ поръ не приходилъ?

— Нѣтъ, должно быть, дѣло какое нибудь.

— Да, онъ у меня былъ сегодня и мы съ нимъ вмѣстѣ отправились по одному дѣлу.

— Ну и что же? въ нетерпѣніи спросила Рухиль.

— Потомъ онъ встрѣтился съ Эли Тейтельманомъ и Геци Фейгельманомъ, знаете, съ этими безбожниками, и о чемъ-то повздорили... Я не знаю, чѣмъ кончилась эта исторія, потому что мнѣ нужно было уйти.

— Такъ дѣло и разстроилось?

— Разстроилось.

— Ахъ, онъ извергъ, бездѣльникъ? нашелъ, когда ссориться!—въ отчаяніи вскричала Рухиль. — Слышишь, Сарра, что́ ребъ Бернширунгъ разсказываетъ... Какой же онъ послѣ этого отецъ своихъ дѣтей, какой онъ послѣ этого сынъ Израиля...

Сарра высунулась въ полуотворенную дверь и заглянула въ кухню.

— Бросать дѣло и затѣвать ссору съ безбожниками въ то время, когда нечѣмъ субботу справить!.. Злодѣй, чтобы онъ въ аду мучился, какъ я теперь...

— Но, можетъ быть, онъ не виноватъ... попробовала Сарра защищать отца.

— Какъ не виноватъ? Ну, скажите вы, ребъ Бернширунгъ, развѣ вы бы такъ поступили?..

Бернширунгъ былъ не радъ, что сболтнулъ. Ему вовсе не до того было. Хорошенькая Сарра показалась ему теперь еще красивѣе, и онъ твердо рѣшилъ, что она должна быть его женою.

— Ну, стоитъ ли убиваться изъ-за такихъ пустяковъ,—сказалъ онъ въ утѣшеніе;—не это дѣло, такъ другое подвернется;

Янкелю я всегда готовъ услужить... А скажите мнѣ лучше, когда ваша Сарра замужъ выйдетъ?

Сарра покраснѣла и потупилась, а Рухиль злобно посмотрѣла на дочь.

— Пойдите, спросите... У такого отца, какимъ Господь ее наградилъ, не скоро замужъ выйдешь.

— Почему такъ?

— А много онъ приданаго припасъ?—Рухиль вдругъ вспомнила о вчерашнемъ намекѣ Бернштрунга и подозрительно на него посмотрѣла Не онъ ли думаетъ ее сватать? мелькнула у нея мысль, и материнское сердце ея сильно при этомъ забилось.

— Вы думаете, что на вашу Сарру не найдутся охотники и безъ приданаго? сказалъ Бернштрунгъ выразительно взглянувъ сначала на Рухиль, потомъ на Сарру.—Послѣдняя еще болѣе при этомъ покраснѣла и, воспользовавшись плачемъ своей маленькой сестренки, выбѣжала изъ комнаты.

Бернштрунгъ проводилъ глазами выбѣжавшую дѣвушку и потомъ задумчиво прибавилъ: ее можно взять и безъ приданаго.

— Если бы нашелся такой хорошій человѣкъ, я бы ее хоть сейчасъ ему отдала, сказала Рухиль, расправивъ свои засученные рукава и придавъ своему лицу болѣе соотвѣтствующее разговору выраженіе.

— Ну, такой, пожалуй, найдется; вы только спросите, хочетъ ли она выйти за вдовца...

— Зачѣмъ ее спрашивать? на то, слава Богу, есть отецъ и мать, съ важностью сказала Рухиль.

— Тѣмъ лучше,—произнесъ обрадованный Бернштрунгъ:— знаете, хотя здѣсь и не мѣсто и не время говорить о такихъ серьезныхъ вещахъ, къ тому же слѣдовало прислать сначала Юкеля Шадхена, но такъ какъ я уже случайно тутъ, то почему же и не сказать правду: я возьму Сарру и безъ приданаго.

Не смотря на то, что Рухиль была подготовлена къ такому исходу и догадывалась, къ чему Бернштрунгъ ведетъ разговоръ, но послѣднія его слова совершенно ее ошеломили, и она не знала — вѣрить или не вѣрить тому, что она слышала.

— Какъ вы думаете на этотъ счетъ? хорошо ли я дѣлаю?

Хотя и непріятно, тѣмъ болѣе въ моемъ положеніи, брать невѣсту безъ приданаго, но я не падокъ на деньги...

Рухиль наконецъ пришла въ себя.

— Вы настоящій благодѣтель, Сарра будетъ васъ боготворить и цѣловать прахъ вашихъ ногъ...

— Я такъ и зналъ; вы умная женщина, Рухиль, вы понимаете, что это счастіе для дѣвушки... Я вотъ вамъ сказалъ все, а теперь, когда Янкель придетъ домой, передайте ему мои слова, и чтобы не затянуть дѣла, мы можемъ завтра же устроить дѣло; Юхеля Шадхена я къ вамъ не пошлю, да не къ чему... Такъ, вы понимаете меня... А теперь прощайте... Да, вотъ еще что... можетъ быть, вамъ нужны будутъ деньги на завтра, пришлите ко мнѣ — я вамъ дамъ рубль, другой, безъ заклада... Пока прощайте и скажите обо всемъ Саррѣ.

VII.

— Сарра, Сарра!—Да гдѣ же ты, глупая дѣвка...—Съ этими словами Рухиль вбѣжала въ кухню, послѣ того, какъ Бернштрунгъ ушелъ. — Но такъ какъ Сарры на кухнѣ не было, то Рухиль выбѣжала на дворъ. — Сарра, Сарра! Да съ кѣмъ ты тамъ шепчешься.

— Это я, Борухъ...

— Ты же откуда взялся?

— Я у заказчика былъ, работу относилъ; пришлось проходить мимо, вотъ и зашелъ покалякать немного.

Съ этими словами изъ-за калитки показался молодой человѣкъ, довольно высокаго роста, съ красивыми, хотя грубоватыми чертами лица. По крѣпкому сложенію и по довольно развитымъ мышцамъ не трудно было догадаться, что этотъ человѣкъ занимается не торговлею и не факторствомъ, а какимъ нибудь физическимъ трудомъ.

— Нашелъ время!.. сказала сердито Рухиль;—знаешь, что сегодня пятница.

— Но онъ тебѣ не мѣшаетъ... заступилась за него Сарра.

Борухъ съ выраженіемъ глубокой благодарности взглянулъ на Сарру, а Рухиль что-то проворчала.

— Зачѣмъ ты меня звала? спросила Сарра.

— Какъ зачѣмъ звала? развѣ сегодня не пятница, или ты это забыла? Я думаю, что въ такой часъ только Борухъ можетъ найти время для калякянья.—Но чтобы еще болѣе кольнуть ненавистнаго ей въ эту минуту молодаго человѣка, она вдругъ прибавила:

— А знаешь, что мнѣ Бернширунгъ сказалъ?

— Это для меня во всякомъ случаѣ не интересно, сказала серьезно Сарра.

— Болѣе интересно, чѣмъ это ты думаешь; отъ этого зависитъ твое будущее счастье, моя дочь.

Борухъ весь превратился въ слухъ, а Сарра тревожно посмотрѣла на мать.

— Что же онъ тебѣ сказалъ? спросила она.

Но вмѣсто отвѣта Рухиль обратилась къ Боруху.

— Ну, скажи, Борухъ: выгодный ли женихъ Бернширунгъ?

— Если бы у меня была дочь, я бы ее за него не выдалъ, прямо сказалъ Борухъ.

— Почему такъ? вспылила Рухиль.

Борухъ молчалъ; по лицу его пробѣжала грустная тѣнь.

— А я лучшаго жениха и не желаю для своей Сарры— продолжала Рухиль.—Вотъ увидите, что отецъ скажетъ.

— А развѣ Бернширунгъ хочетъ на мнѣ жениться? спросила, съ трудомъ скрывая свое волненіе, Сарра.

— Это ты узнаешь завтра,—сказала Рухиль,—а пока возьмись за работу, смотри, какъ солнце уже высоко стоитъ, а мы еще почти ничего не успѣли сдѣлать... А ты уже отобѣдалъ, Борухъ?

— Да, уже давно.

— А то бы съ нами пообѣдалъ; Яниель вѣроятно скоро придетъ.

— Нѣтъ, мнѣ нужно идти.

— Такъ приходи завтра; у насъ, можетъ быть, будетъ весело; а то всегда приходишь не во время.

— Приходи сегодня вечеромъ, шепнула ему Сарра.

Борухъ, взволнованный, вышелъ изъ кухни. Весь этотъ разговоръ сильно опечалилъ его. Неужели Бернширунгъ хочетъ

жениться на Саррѣ? думалъ онъ, медленно пробираясь по пустынному переулку. Хотя онъ видѣлъ, что Сарра благосклонно смотритъ на него, но кто знаетъ женское сердце! А главное, какъ онъ, бѣдный мѣдникъ, можетъ тягаться съ богатымъ ростовщикомъ. Если бы и не подвернулся Бернштрунгъ, то еще вопросъ, отдадутъ ли за него родители свою Сарру. А теперь?.. Единственное, что еще утѣшало его, это надежда, что все это неправда, что Рухиль просто хвастнула, чтобы испугать его. А если это и въ самомъ дѣлѣ правда? У бѣднаго Боруха даже морозъ пробѣжалъ по тѣлу. И зачѣмъ это такъ дурно устроено на свѣтѣ? думалось ему: коль скоро ремесленникъ, такъ уже не человѣкъ... Чѣмъ онъ хуже Бернштрунга? Развѣ онъ не больше его трудится, въ потѣ лица зарабатывая свой хлѣбъ? Онъ не богатъ—это правда, но развѣ однимъ богатствомъ счастливъ человѣкъ? Живутъ же и бѣдные люди—и счастливы. А ужъ какъ онъ былъ бы счастливъ, если бы Сарра стала его женою...

Размышляя такимъ образомъ, онъ дошелъ до базарной площади, гдѣ помѣщалась его бѣдная мастерская. Но не успѣлъ онъ дойти до своей лавочки, какъ на встрѣчу ему попался Фейгельманъ.

— А, Борухъ, откуда ты?

— Такъ, шляюсь.

— Что работы мало?

— Не могу жаловаться.

— А видѣлъ ты сегодня Янкеля?

— Я только что отъ него.

— Что, онъ здоровъ?

— Я его не засталъ дома.

— А знаешь, гдѣ онъ?

— Мнѣ почемъ знать?

— Сходи въ полицію, узнаешь.

И пучеглазый Фейгельманъ залился веселымъ смѣхомъ. Борухъ въ изумленіи посмотрѣлъ на Фейгельмана.

— Да, онъ теперь сидитъ въ кутузкѣ и смакуетъ воду вмѣсто жирнаго соуса изъ бычачьей печенки, не переставая смѣяться продолжалъ Фейгельманъ.

— Правда? воскликнулъ испуганный Борухъ.

— Какъ сегодня пятница

— За что?

— За то, что вздумалъ тягаться со мною, Геци Фейгельманомъ.

— Ты никакъ съ ума сошелъ, Геци? произнесъ недоумѣвая Борухъ.

— Ну, ты со мною такъ не разговаривай, молокососъ, а то и ты будешь тамъ, гдѣ твой родственникъ.

— Геци, Геци! раздался между тѣмъ чей-то голосъ.

Геци обернулся и увидѣлъ Тейтельмана; послѣдній стоялъ на площади и махалъ ему рукой.

Фейгельманъ подбѣжалъ къ нему, оставивъ Боруха въ сильномъ недоумѣньи.

Нѣсколько мгновеній простоялъ онъ, не двигаясь съ мѣста и соображая, что ему дѣлать. Наконецъ онъ повернулъ и быстро побѣжалъ по тому же пути, по которому пришелъ сюда. Черезъ нѣсколько минутъ онъ, задыхаясь, опять стоялъ у домика Янкеля. Рухиль была одна на кухнѣ и трудилась надъ прилаживаніемъ крышки къ печному отверстію, замазывая края липкой глиною. На предпечникѣ уже огня не было; всѣ горшки съ яствами, заготовленными на завтрашній день, стояли уже въ горячей печи, которую нужно было только герметически закрыть. Занятая этимъ серьезнымъ дѣломъ, Рухиль и не замѣтила, какъ Борухъ просунулъ голову въ кухню.

Нѣсколько мгновеній онъ стоялъ въ такомъ положеніи, не рѣшаясь дать знать о своемъ присутствіи. Наконецъ Рухиль сама его замѣтила и удивленно посмотрѣла на него.

— Ты опять здѣсь? сердито проговорила она, взявъ въ руки комокъ сырой глины,—что тебѣ еще?

— Я такъ... началъ было растерявшійся Борухъ.—Янкель уже дома?

— Нѣтъ его.

— Нѣтъ? Такъ это правда?

— Что?—И Рухиль тревожно посмотрѣла на него.

Борухъ растерялся и не зналъ, что ему дѣлать.

— Что нибудь случилось съ нимъ, скажи?..

— Нѣтъ, ничего. Мнѣ только Фейгельманъ сказалъ...

— Что же?—Рухиль уже стояла возлѣ него съ выраженіемъ величайшаго ужаса на лицѣ.

— Что будто Янкеля засадили въ полицію...

Рухиль въ отчаяніи всплеснула руками.

— Богъ Израилевъ! Моего Янкеля засадили..., да за что же?

— Не знаю,—сказалъ Борухъ;—мнѣ Фейгельманъ говорилъ, что это онъ его засадилъ.

— Фейгельманъ..., Да я ему всю его косматую бороду выщипаю!.. вскрикнула Рухиль;—пойдемъ къ нему, я ему покажу что значитъ наканунѣ субботы посадить еврея въ полицію!— И наскоро обмывъ руки, она быстро стала одѣваться.

Борухъ не противорѣчилъ ей и послѣдовалъ за нею. Но когда они очутились на улицѣ, Рухиль сама въ раздумьи остановилась.

— Не пойти ли лучше къ Бернппрунгу? Онъ скорѣе подѣйствуетъ на этого безбожника; меня онъ, пожалуй, еще выругаетъ.

— Я думаю, рѣшился вставить и свое слово Борухъ,—что лучше пойти прямо въ полицію и узнать, въ чемъ дѣло.

— Прямо въ полицію?!.. въ ужасѣ воскликнула Рухиль;—а вдругъ и насъ посадятъ... Нѣтъ, лучше пойдемъ къ Бернппрунгу, онъ теперь все равно что нашъ, онъ все сдѣлаетъ.

Борухъ не возражалъ и молча послѣдовалъ за Рухиль, но въ душѣ у него клокотала буря, а въ ушахъ точно удары тяжелаго молота раздавались слова Рухиль: онъ все равно, что нашъ... Неужели это правда? не переставалъ онъ спрашивать себя. И мысли его уносились къ той, которую онъ любилъ болѣе всего въ мірѣ. А что если онъ ее потеряетъ? Зачѣмъ ему тогда работать, трудиться! Занятый этими мыслями, онъ и не замѣтилъ, какъ они подошли къ дому Бернппрунга, какъ Рухиль велѣла ему подождать на улицѣ, а сама вошла въ домъ, какъ она наконецъ вышла. Онъ тогда очнулся, когда Рухиль со слезами на глазахъ объявила ему, что Бернппрунга нѣтъ дома.

— Гдѣ же онъ?

— Онъ отправился въ баню и не скоро вернется, сказала въ отчаяніи Рухиль.

Борухъ нѣсколько мгновеній стоялъ въ раздумьи, наконецъ онъ рѣшительно произнесъ:

— Если мы будемъ медлить, то Янкелю придется субботу провести въ полиціи; хотите идти за мною?

— Но куда же?

— Пойдемъ со мною; только въ полиціи мы что нибудь узнаемъ, а можетъ, намъ удастся увидѣть и самого Янкеля.

— Ты съ ума сошелъ, Борухъ!—воскликнула Рухиль, удивленная необычной смѣлостью спутника.—Кто же насъ пуститъ къ нему?

Но Борухъ, не дожидаясь ея согласія, пошелъ впередъ и Рухиль волею-неволею должна была послѣдовать за нимъ.

Въ небольшой грязной передней полицейскаго дома, куда не безъ сердечнаго трепета вступили Борухъ и его спутница, никого въ этотъ часъ уже не было. Дверь въ канцелярію была закрыта. Борухъ и Рухиль молча постояли, потомъ также молча переглянулись. Атмосфера полицейской передней сильно повліяла не только на трусливую Рухиль, но и на болѣе смѣлаго Боруха. Онъ теперь совсѣмъ растерялся и не зналъ, что дѣлать.

— Никого нѣтъ, сказалъ онъ наконецъ шопотомъ.

— Я это сама вижу, въ досадѣ сказала Рухиль.

Оба замолчали.

— А не пойти ли намъ туда? прервала наконецъ молчаніе Рухиль, указавъ на запертую дверь.

Борухъ испуганно посмотрѣлъ на нее.

— Но вѣдь тамъ канцелярія...

— Ну, такъ что же?

— Тамъ, можетъ быть, самъ квартальный...

Вмѣсто отвѣта Рухиль быстро подошла къ двери и дернула за ручку; какая-то лихорадочная смѣлость вдругъ охватила ее.

Борухъ въ ужасѣ вытаращилъ глаза, въ ожиданіи, что будетъ.

— Кто тамъ? раздался за дверью чей-то грубый голосъ, и вслѣдъ затѣмъ дверь отворилась, и на порогѣ показался полицейскій сторожъ.

Рухиль подалась назадъ.

— Тебѣ что нужно? спросилъ онъ строго.

Смѣлость, овладѣвшая ею за минуту предъ тѣмъ, теперь снова ее оставила, и она въ отчаянiи подняла глаза на Боруха.

Борухъ отлично понималъ свое критическое положенiе и, собравъ все свое присутствiе духа сдѣлалъ шагъ впередъ, порывшись сперва въ своихъ карманахъ.

— Мы пришли съ просьбою... сказалъ онъ наконецъ.

— Нашли время... Теперь никого нѣтъ изъ начальства.

И подумавъ немного, сторожъ глубокомысленно спросилъ:

— А съ какой примѣрно просьбой?

— Мы на счетъ Янкеля, сказалъ Борухъ.

— Какого такого Янкеля?

— Янкеля фактора.

— Моего мужа.

— А, котораго сегодня засадили въ холодную!...

— Того самаго...

— Онъ мой мужъ.

— Ну, онъ у насъ шабашовать будетъ...

Рухиль вдругъ разразилась громкимъ рыданiемъ. Ея Янкель будетъ шабашовать въ холодной...

Зачѣмъ же она такъ убивалась, чуть-ли не со слезами на глазахъ вымолила деньги у ростовщика, приготовила все для встрѣчи субботы...

У Боруха тоже слезы показались на глазахъ.

— А гдѣ онъ сидитъ? рѣшился онъ спросить.

— Вотъ тутъ за этой стѣной, сказалъ сторожъ.

Такъ близко... У Боруха вдругъ блеснула блестящая мысль. Онъ ближе подошелъ къ сторожу и, нагнувшись къ нему, шопотомъ проговорилъ:

— А что, если бы ты повелъ насъ къ нему?

Сторожъ вытаращилъ на него свои оловянные глаза.

— Ты съ ума сошелъ,—крикнулъ онъ,—какже я могу...

Борухъ вынулъ изъ кармана серебряную монету и, сунувъ ее въ руку сторожу, еще тише произнесъ:

— Если ты насъ впустишь, я тебѣ еще столько дамъ...

— Мнѣ нельзя, сказалъ уже болѣе мягкимъ голосомъ сторожъ, опустивъ монету въ карманъ.

— Никто знать не будетъ, увѣщевалъ его Борухъ.

— А вдругъ узнають?

Борухъ вынулъ и показалъ ему другую монету.

— Ну, я пущу,—сказалъ сторожъ,—только на одну минуту, не больше.

— Больше намъ не нужно, радостно воскликнулъ Борухъ.

Сторожъ отперъ двери и. впустилъ Боруха и Рухиль въ холодную.

Это была грязная, сырая, полутемная конура, скорѣе похожая на свиной хлѣвъ, чѣмъ на комнату. Здѣсь на грязномъ полу, скорчившись, лежалъ Янкель въ ожиданіи своего освобожденія, размышляя о мірской суетѣ и человѣческой несправедливости. Положимъ, онъ не совсѣмъ честно поступилъ съ Тейтельманомъ и Фейгельманомъ; но развѣ его можно въ этомъ винить? Развѣ не слѣдуетъ въ этомъ видѣть своего рода Божій промыселъ?... Какъ же бы иначе онъ могъ узнать, что помѣщику Вигурскому нужны деньги... Не будь онъ факторъ, онъ бы конечно такъ не поступилъ... Но виноватъ ли онъ, что его судьба сдѣлала факторомъ... Онъ бы лучше хотѣлъ быть шинкаремъ, лавочникомъ, хлѣбопекомъ... Онъ бы не погнушался даже быть сапожникомъ, лишь бы быть въ состояніи добывать хлѣбъ для семейства... И зачѣмъ ему, Янкелю, Богъ далъ семью... Среди сырого холода и полумрака комнаты, у Янкеля становилось все грустнѣе и грустнѣе на душѣ. Мысли самаго мрачнаго свойства не оставляли его. Его хотя не богатая приключеніями, но тяжелая жизнь предстала въ его воображеніи. Съ дѣтства онъ привыкъ къ лишеніямъ; у его отца тоже ничего никогда не было и для него всегда было загадкой, откуда отецъ достаетъ хлѣбъ для столькихъ ртовъ... Другіе работали, трудились, создавали, а его отецъ только бѣгалъ и суетился... Потомъ, когда онъ самъ выросъ, онъ тоже сталъ бѣгать и суетиться, наравнѣ съ другими; онъ только повторялъ и продолжалъ то, что продѣлывалъ его отецъ, что продѣлывали Тейтельманъ, Фейгельманъ и множество другихъ имъ подобныхъ... Это былъ трудъ, тяжелый, безпрерывный, но въ то же время вовсе не похожій на тотъ, которымъ

былъ занятъ крестьяниномъ, пріѣзжавшимъ въ городъ продавать кукурузу... Отчего бы и ему лучше не быть такимъ... думалъ онъ часто, бѣгая съ утра до вечера, высунувъ языкъ отъ зноя и усталости и отыскивая покупателя на кукурузу для мужика... Въ то время какъ онъ отыскиваетъ покупателя, мужикъ продаетъ кукурузу другому, а онъ, поработавъ цѣлый день, возвращается домой, разбитый, усталый, а главное безъ всего... Что-же онъ сдѣлалъ? Въ чемъ состоитъ его трудъ!... Не разъ въ молодости приходила ему мысль приняться за какой нибудь трудъ, и каждый разъ эта мысль разбивалась о ту прочную стѣну, которая его, *Янкеля*, отдѣляла отъ остальнаго трудящагося міра... Онъ самъ не видѣлъ этой стѣны, но чувствовалъ ее вездѣ и во всемъ—и въ окружающихъ людяхъ, и въ городскомъ спертомъ воздухѣ, и въ собственной семьѣ, и, наконецъ, въ самомъ себѣ, въ своемъ мозгу, въ своемъ тщедушномъ тѣлѣ, въ своихъ дряблыхъ мышцахъ... Кажется, онъ такой человѣкъ, какъ и всѣ живущіе на свѣтѣ, а все-таки не такой... И руки не такія, и ноги не такія, и мозгъ не такой... Съ годами, когда нужда его совсѣмъ одолѣла, онъ пересталъ думать о своемъ ненормальномъ положеніи и, свыкшись съ ролью прислужника для каждаго, кто только въ немъ нуждался, онъ только мечталъ о томъ, какъ бы заработать нѣсколько монетъ для утоленія насущныхъ потребностей... Сегодняшній день былъ въ его распоряженіи и онъ долженъ былъ о немъ думать, а о завтрашнемъ пусть Богъ заботится. Только когда приближалась суббота, онъ становился тревожнѣе... Всю недѣлю можно голодать, это такъ просто и даже не стыдно, потому что кто-же изъ его сосѣдей, за исключеніемъ, можетъ быть, длинноносаго лавочника или толстой шинкарки, бываетъ сытъ всю недѣлю... Но, за то суббота... Онъ вспомнилъ сегодняшнее происшествіе, вспомнилъ Тейтельмана и Фейгельмана. На мгновенье его охватила крайняя злоба; но при мысли, что и Тейтельманъ и Фейгельманъ въ сущности вовсе не желали его гибели, а только хотѣли заработать на субботу, злоба его нѣсколько улеглась, и при дальнѣйшемъ размышленіи объ этомъ предметѣ онъ бы навѣрное простилъ имъ ихъ некрасивый поступокъ. Но въ эту

минуту среди окружавшей его тишины раздался вдругъ чей-то голосъ, довольно хорошо ему знакомый...

Онъ въ испугѣ поднялъ голову.

— Янкель! да гдѣ же ты, Янкель...

— Это ты, Рухиль?..—Онъ вскочилъ на ноги и подбѣжалъ къ женѣ...

— Какъ ты пробралась сюда? Да и ты, Борухъ, здѣсь... какими судьбами?

— Ужъ не спрашивай, торопливо проговорила Рухиль,—а ты лучшее намъ разскажи, какимъ образомъ ты попалъ сюда.

Янкель сталъ разсказывать, какъ было дѣло со всѣми подробностями. Когда дѣло дошло до паспорта, съ Рухиль сдѣлалось дурно, и она чуть не упала въ обморокъ.

Ахъ, — мы несчастные!—вскричала она рыдая,—что станетъ съ нашими дѣтьми...

Янкель былъ тоже близокъ къ обмороку, и въ эту минуту онъ дѣйствительно считалъ себя самымъ несчастнымъ человѣкомъ въ мірѣ.

Одинъ Борухъ не потерялъ присутствія духа и внимательно выслушалъ разсказъ Янкеля. Нѣсколько времени онъ молчалъ, что-то соображая.

— Дѣло не шуточное,—сказалъ онъ наконецъ,—нужно помочь бѣдѣ, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

— Но какимъ образомъ? въ одинъ голосъ спросили мужъ и жена.

— Я думаю—началъ Борухъ,—что единственный человѣкъ, который можетъ васъ спасти—это помѣщикъ Вигурскій; нужно къ нему обратиться съ просьбою, чтобы онъ выручилъ васъ изъ бѣды.

— Самъ Богъ тебѣ внушилъ эту мысль,—радостно проговорилъ Янкель,—онъ навѣрное не откажется, я это предчувствую, но кто же пойдетъ къ нему?

— Пусть пойдетъ Рухиль.

— Я?—въ ужасѣ проговорила Рухиль; — но какже я съ нимъ говорить буду, онъ меня пожалуй на порогъ не пуститъ.

— Въ такомъ случаѣ и я пойду съ вами,—рѣшительно сказалъ Борухъ;—не будемъ же медлить; если Господу будетъ уго-

дно, вы еще сегодня будете встрѣчать субботу въ своемъ домѣ.

— На то Его святая воля,—благоговѣйно произнесъ Янкель, влажными глазами проводивъ жену и Боруха.

Полицейскій сторожъ осторожно выпустилъ ихъ изъ холодной.

— Смотри, если мужу принесешь сегодня рыбу и лапшу, то и меня не забудь, сказалъ онъ и заперъ за ними дверь.

— Его сегодня еще выпустятъ, сказала Рухиль.

— Ну, дай Богъ, а все же рыбу мнѣ пришли.

Изъ полиціи Рухиль и Борухъ прямо отправились въ гостинницу «Лондонъ».

На просьбу Боруха допустить ихъ къ помѣщику Вигурскому, Машка сердито крикнула ему въ лицо:

— Не до васъ ему теперь...

Но Борухъ сталъ настойчиво просить; къ его просьбѣ присоединилась и Рухиль.

— Если уже вамъ такъ хочется,—сказала смягчившись наконецъ, Машка,—то пройдите въ номеръ къ барынѣ Квицинской, онъ тамъ цѣлый день сидитъ. Богъ его знаетъ, что ему тамъ понравилось...—Съ этими словами, произнесенными скорѣе для облегченія собственнаго горя, чѣмъ для слушателей, она подвела Боруха и Рухиль къ дверямъ занимаемаго Квицинской помѣщенія. Борухъ и Рухиль нѣсколько минутъ стояли молча, не рѣшаясь войти. Машка стояла тутъ же, подсмѣиваясь надъ ихъ робостью; наконецъ не выдержавъ, она быстро растворила дверь и смѣясь, сказала:

— Баринъ, къ вамъ жидовка и жидъ пришли — и сама убѣжала.

— Ко мнѣ? раздался чей-то голосъ въ глубинѣ комнаты, и въ ту же минуту въ дверяхъ показался Вигурскій.

Онъ вопросительно посмотрѣлъ сначала на Боруха, потомъ на Рухиль, но видя, что оба молчатъ, спросилъ, что имъ нужно.

— Мы отъ Янкеля... покраснѣвъ и смутившись, едва слышно пролепеталъ Борухъ.

— Я жена Янкеля... въ свою очередь отрекомендовалась Рухиль.

— Какого Янкеля?.. можетъ быть, вы ошиблись и не туда попали, куда вамъ нужно; меня зовутъ Вигурскій.

— Къ вашей милости намъ и нужно, произнесъ, оправившись, Борухъ.

— Въ такомъ случаѣ, зайдите ко мнѣ въ номеръ, тамъ вы мнѣ разскажете, въ чемъ дѣло,—сказалъ Вигурскій, но въ эту минуту къ нему подбѣжала Надинъ.

— Нѣтъ, вы не уходите; пригласите ихъ лучше къ намъ... Вы не смѣйте уходить...

Все это было сказано такъ убѣдительно и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ мило, что Вигурскій не могъ не повиноваться.

Борухъ и Рухиль по приглашенію Вигурскаго вошли въ комнату и стали у дверей. Вигурскій сталъ противъ нихъ, а возлѣ него Надинъ; госпожа Квицинская тоже поднялась съ дивана и тоже подошла къ образовавшейся группѣ.

Всѣ были въ напряженномъ состояніи. Рухиль начала съ того, что громко зарыдала. Еще не зная въ чемъ дѣло, дамы однако были тронуты слезами бѣдной женщины и бросились ее утѣшать, въ особенности Надинъ, у которой было очень нѣжное сердце. Вигурскій тоже былъ тронутъ и обѣщалъ все сдѣлать, что только будетъ въ его власти.

Благодаря этому пассажу, Борухъ пришелъ наконецъ въ себя и началъ свое повѣствованіе, отъ времени до времени прерывавшееся восклицаніями плачущей Рухиль. Когда дѣло дошло до того, какъ Тейтельманъ съ Фейгельманомъ вцѣпились въ бороду Янкеля, а городовой тащилъ ихъ въ полицію, Вигурскій невольно воскликнулъ:—Такъ вотъ кто кричалъ сегодня утромъ! Если бы я тогда зналъ, я бы его сейчасъ освободилъ.

— Вы и теперь это сдѣлаете, неправда-ли? ради меня, — шепнула ему Надинъ.

— Достаточно, что вы это желаете, — тихо отвѣтилъ ей Вигурскій.

Госпожа Квицинская тоже выразила свое сочувствіе бѣдному Янкелю, высказавъ даже готовность съѣздить самолично къ приставу въ случаѣ, если онъ будетъ упорствовать.

— Надѣюсь, онъ для меня это сдѣлаетъ, — сказалъ Вигурскій:—я съ нимъ знакомъ. И обратившись къ Рухиль, велѣлъ

ей отправиться домой, обѣщавъ ей черезъ часъ представить ея Янкеля цѣлымъ и невредимымъ.

— Бѣдный Янкель!—сказала Квицинская, когда Рухиль и Борухъ оставили комнату;—и трудъ его даромъ пропалъ, и еще въ кутузку его засадили... А знаете, хоть мы еще съ вами на счетъ кукурузы дѣла не сдѣлали, а все-же куртажъ ему слѣдуетъ...

— Еще бы,—воскликнулъ Вигурскій;—онъ у меня заслужилъ больше, чѣмъ вы даже предполагаете!...

— Какъ такъ?

— Хотите знать правду?—сказалъ онъ улыбаясь, я столько же зналъ о вашей кукурузѣ, сколько знаю, что́ теперь дѣлается въ кабинетѣ Бисмарка.

— Какъ! — воскликнула Квицинская, — неужели Янкель вамъ ничего не говорилъ?

— Ровно ничего.

— И вы не думали покупать?

— И не думалъ.

— Но какъ же онъ мнѣ говорилъ...

— Хитрость фактора, за которую я ему безконечно благодаренъ...

Надинъ покраснѣла и опустила глаза, а Квицинская весело улыбнулась.

— Въ такомъ случаѣ, онъ тѣмъ болѣе заслуживаетъ участія; теперь ваша очередь оказать ему услугу.

Вигурскій схватилъ руку Квицинской и прижалъ къ своимъ губамъ и, бросивъ затѣмъ взглядъ, полный безконечной любви, на все еще смущенную Надинъ, онъ выбѣжалъ вонъ изъ комнаты.

Надинъ бросилась къ матери и обняла ее.

— Какъ я его люблю, мама, сказала она, цѣлуя ее.

— Ну, ну, это уже слишкомъ,—назидательно проговорила госпожа Квицинская;—развѣ можно такъ... Онъ еще тебѣ предложенія не сдѣлалъ...

— Сдѣлаетъ...

— Ну, тогда дѣло другого рода...—поднявшись съ дивана, она медленно стала прохаживаться по комнатѣ, думая о томъ,

какъ она отвѣтитъ Вигурскому, когда тотъ попроситъ у нея руку дочери...

VIII.

Между тѣмъ, Рухиль и Борухъ, оставивъ гостинницу, побѣжали опять въ полицію, чтобы обрадовать Янкеля хорошими извѣстіями. Но на бѣду сторожа не оказалось, и имъ пришлось ждать въ передней; такъ какъ ждать приходилось долго, а на дворѣ стало смеркаться, то Борухъ предложилъ Рухиль отправиться домой, тѣмъ болѣе, что уже было время произносить установленную молитву надъ зажиганіемъ субботнихъ свѣчей...

Какъ ни хотѣлось ей дождаться освобожденія мужа, но напоминаніе Боруха заставило ее поторопиться, тѣмъ болѣе, что она очень чтила этотъ обрядъ, считая его однимъ изъ болѣе важныхъ, самимъ Богомъ установленныхъ для женщинъ.

Уже было почти совсѣмъ темно, когда она прибѣжала домой. Сарра тревожно ожидала ее, не зная, чѣмъ объяснить такое долгое отсутствіе.

— Послѣ, послѣ, торопила она.

Сарра зажгла приготовленныя на столѣ свѣчи и сама отошла въ сторону. Тогда Рухиль подошла къ столу, и приподнявъ руки надъ пламенемъ, закрыла глаза и стала читать установленную молитву.

— Ну, теперь можно и столъ приготовить, сказала она, окончивъ молитву.

Сарра принесла два бѣлыхъ хлѣба чрезвычайно затѣйливой формы и, положивъ ихъ на столъ, покрыла салфеткой, потомъ она принесла небольшой графинъ съ водкой и рюмку и поставила тутъ же.

— Ну, теперь тебѣ расскажу, гдѣ я была, сказала Рухиль, когда комната, освѣщенная цѣлымъ рядомъ сальныхъ свѣчей, приняла наконецъ тотъ торжественно-праздничный видъ, который былъ необходимъ для встрѣчи субботы.

Но не успѣла она довести до конца свой далеко не картинный разсказъ, не успѣла Сарра выразить свой ужасъ по

поводу всего случившагося, какъ въ комнату вбѣжалъ Борухъ, а вслѣдъ за нимъ и Янкель.

— Съ субботою васъ поздравляю,—радостно воскликнулъ онъ;—смотрите, кто со мною...

— Съ субботою васъ поздравляю,—въ свою очередь и не менѣе радостно произнесъ Янкель;—миръ и счастье нашей семьѣ и всему Израилю.

— И тому молодому пану, который оказалъ вамъ такую услугу, сказалъ Борухъ.

— У него душа праведнаго еврея—воскликнула Рухиль;—для него откроются двери рая также легко, какъ и для всѣхъ праведныхъ.

— Онъ это заслужилъ, сказалъ Борухъ.

Когда первый радостный порывъ прошелъ, Рухиль напомнила мужчинамъ, что пора прочитать установленныя молитвы.

Борухъ хотѣлъ удалиться, но Рухиль его удержала.

— Ты встрѣтишь субботу съ нами,—сказала она,—ты это заслужилъ; не бойся, хватитъ и для тебя.

— Оставайся!.. шепнула ему и Сарра, и счастливый Борухъ согласился.—Женщины вышли на кухню, а мужчины стали тихо молиться. Когда послѣдняя молитва, произнесенная въ честь субботы, была прочтена, Янкель съ подобающею торжественностью громко пропѣлъ гимнъ въ честь добродѣтельной женщины. Никогда онъ еще не пѣлъ съ такимъ чувствомъ, какъ сегодня, и въ тоже время онъ никогда еще такъ не сознавалъ глубокаго и истиннаго смысла этого гимна, какъ теперь.

Развѣ имѣть хорошую, добродѣтельную жену не есть величайшее счастье; развѣ это не выше богатства, роскоши, славы... А Рухиль, слушая сладкій напѣвъ, болѣе чѣмъ когда либо чувствовала, что она заслуживаетъ похвалы; пѣлъ и Борухъ, но онъ пѣлъ тихо, едва слышно и, произнося пѣвучіе стихи, думалъ о томъ, какъ блѣдны и слабы эти пѣвучія рифмы въ сравненіи съ тѣмъ чувствомъ, которое живетъ въ его сердцѣ и рвется къ той, которую онъ безконечно любитъ. Когда послѣдній стихъ звучнаго гимна замолкъ, Сарра принесла воды для омовенія рукъ, а вслѣдъ за тѣмъ вошла и Рухиль съ остальными дѣтьми, чтобы прослушать благословеніе надъ виномъ,

которое съ наполненной рюмкой въ рукахъ пропѣлъ сначала Янкель, потомъ Борухъ. Когда всѣ домочадцы выпили по глотку вина, всѣ усѣлись за столъ, и Янкель, прочитавъ установленную молитву, разрѣзалъ одинъ изъ лежавшихъ предъ нимъ хлѣбовъ, передавъ другой Боруху, который сдѣлалъ тоже. Въ это время Сарра поставила на столъ блюдо съ благоухающею рыбою, а Рухиль положила каждому на тарелку его порцію.

Чинно и торжественно шла вечерняя субботняя трапеза; всѣ были веселы и ѣли съ такимъ апетитомъ вкусныя блюда, что самый ярый скептикъ пересталъ бы сомнѣваться въ существованіи запасной души, являющейся еврею только по субботамъ и требующей своей доли пищи...

Бѣдный Израиль! даже небо несправедливо къ тебѣ, посылая тебѣ на прокормленіе лишнюю душу.

Развѣ ему не извѣстно, чѣмъ ты пользуешься на землѣ и какъ мало другіе братья удѣлили тебѣ для прокормленія твоей субботней души...

Еще веселѣе, еще оживленнѣе стали всѣ, когда къ концу ужина Янкель запѣлъ застольную субботнюю пѣсню. Хотя онъ и не отличался особеннымъ голосомъ, но за то онъ пѣлъ съ чувствомъ, и, поддерживаемый молодымъ звучнымъ баритономъ Боруха, могъ вполнѣ разсчитывать на симпатію слушателей.

И кто, глядя на эту небольшую группу довольныхъ людей, повѣрилъ бы, что еще за часъ предъ тѣмъ тутъ проливались слезы, что почти всѣ, здѣсь сидящіе, проголодали всю недѣлю, что всѣ эти яства куплены на деньги, взятыя у ростовщика... Кто наконецъ повѣрилъ бы, что и забытое горе, и явившіяся ему на смѣну бодрость и веселье, и вкусныя яства, замѣнившія черствый хлѣбъ, и пѣнье, смѣнившее слезы, что весь этотъ переродившійся человѣкъ, все это сдѣлано во имя не низменныхъ инстинктовъ, не желудка, а чего-то возвышеннаго, недосягаемаго, чего-то такого, что поднимаетъ человѣка на степень идеальной высоты...

Когда ужинъ кончился, Рухиль занялась укладываніемъ уснувшихъ дѣтей, а Сарра стала убирать со стола. Борухъ посидѣлъ еще минуты двѣ ради приличія, потомъ сталъ прощаться.

— Смотри же приходи завтра,—крикнула ему вслѣдъ Рухиль.

Дойдя до воротъ, Борухъ остановился; сердце у него сильно билось, а въ головѣ, точно гвоздь, сидѣлъ одинъ вопросъ: зачѣмъ Сарра велѣла ему подождать, что она ему скажетъ? Что она не можетъ быть его женою?.. Но пусть бы она лучше ему этого не говорила...

За его спиною послышались торопливые шаги.

— Борухъ, это ты? раздался шопотъ Сарры.

— Это я, Сарра.

Нѣсколько мгновеній они оба молча стояли другъ противъ друга; у обоихъ сильно билось сердце, у обоихъ кровь кипѣла въ жилахъ, и руки складывались для объятій, но они оба стояли въ нѣмомъ напряженіи, прислушиваясь къ окружающей тишинѣ темной звѣздной ночи.

— Знаешь, Борухъ, что Бернштрунгъ сегодня говорилъ матери? прервала наконецъ молчаніе Сарра.

— Что онъ хочетъ жениться на тебѣ...

— Ты же откуда знаешь?

— Что я, мальчикъ, чтобы не понимать?.. И Борухъ грустно вздохнулъ.

— Борухъ, я не выйду за него,—сказала послѣ минутнаго раздумья Сарра;—онъ мнѣ противенъ.

— Но онъ богатъ,—серьезно сказалъ Борухъ—и твои родители тебя заставятъ.

— Они не могутъ меня заставить, если я не захочу.

— Но если они тебя спросятъ причину? спросилъ Борухъ.

— Я имъ скажу, что хочу за тебя выйти.

— Они никогда на это не согласятся,—грустно произнесъ Борухъ;—я бѣдный ремесленникъ, они тебя за ремесленника не отдадутъ.

— Но если я этого хочу... — Сарра приблизилась къ нему настолько, что онъ чувствовалъ ея горячее дыханіе; у него голова закружилась, а сердце забилось еще сильнѣе.

— Ты мой женихъ предъ Богомъ,—прошептала она, коснувшись его руки,—и я только за тебя выйду...

— Пусть Богъ будетъ свидѣтелемъ, что я только на тебѣ

женюсь, задыхаясь произнесъ Борухъ. Рука Сарры еще ближе коснулась его руки, и точно огнемъ обожгло его. Голова закружилась, мысли спутались... Съ лихорадочной дрожью протянулъ онъ свои руки... Возлѣ него никого не было. Только мягкій нѣжный воздухъ густой темной пеленой окружалъ его... Сарра! прошептали его горѣвшія уста... Сарра!.. пронесся его шопотъ въ воздухѣ и исчезъ. Онъ взглянулъ на бѣдный дряхлый домикъ. Тамъ уже всѣ спали; онъ оглянулся кругомъ; кругомъ было темно и тихо, только наверху въ темномъ сводѣ горѣли и искрились звѣзды, но и тамъ было тихо, и тамъ не слышно было ни звука...

С. Я.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ПРЕКРАСНАЯ ЕВРЕЙКА.

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ОСАДЫ ІЕРУСАЛИМА.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ *.

(*Продолженіе*).

XIII.

Осада. — Нападеніе. — Храмъ.

Неудача, которую потерпѣлъ Іосифъ Флавій въ своей попыткѣ, ускорила ходъ событій. Титъ ясно понялъ, что ему нечего разсчитывать на сдачу Іерусалима. Произведены были новыя и значительныя осадныя работы, подъ руководствомъ Галла, имѣвшаго особыя причины добиваться скорѣйшей развязки. Въ увлеченіи своею страстью, позволявшемъ ему видѣть одну только сторону, и притомъ наименѣе мрачную, души Ревекки, онъ надѣялся, что съ паденіемъ Іерусалима наступитъ начало его счастія. Онъ велѣлъ разрушить всѣ ходы, соединявшіе цитадель Антонія съ первой оградой храма, съ тѣмъ, чтобъ оттѣснить осажденныхъ въ послѣднее ихъ убѣжище и раздавить ихъ тамъ массою выбрасываемыхъ на нихъ огней или же сжечь ихъ, подожгши самый храмъ. Такимъ образомъ, теперь храмъ превратился въ цитадель, къ великому неудовольствію фарисеевъ и саддукеевъ, которые, придерживаясь болѣе буквы, чѣмъ смысла закона, утверждали, что храмъ Іеговы, что бы ни случилось,

---

* См. „Восходъ" кн. VIII.

долженъ былъ оставаться неприкосновеннымъ, но безъ малѣйшаго колебанія со стороны патріотовъ, для которыхъ самое священное зданіе было ничто иное, какъ агломераціей камней, независимо отъ положенной въ основу его идеи, и полагавшихъ, что какъ бы великолѣпно ни было зданіе, нѣтъ никакого основанія приносить для него въ жертву идею.

Храмъ, которому суждено было вскорѣ пасть подъ соединенными усиліями всѣхъ средствъ, доставляемыхъ древнимъ и новымъ военнымъ искусствомъ, — какъ говорилъ Титъ въ своемъ донесеніи, — представлялъ собою одно изъ чудесъ древняго зодчества, одно изъ удивительнѣйшихъ созданій первыхъ вѣковъ человѣческой культуры, и, въ этомъ отношеніи, онъ заслуживалъ удивленія и сожалѣнія. Это была громадная, но гармоничная груда, сложенная цѣлымъ рядомъ поколѣній, начиная съ Соломона и кончая Иродомъ Великимъ, гигантское изліяніе души цѣлаго народа, колоссальное созданіе могучаго племени, вѣрившаго въ свое существованіе, благозвучная симфонія, сложенная изъ камней и навѣянная голосомъ пустыни, въ которой сливались тысячи мелодическихъ голосовъ, грандіозное воплощеніе слова Божьяго, въ которомъ каждый камень изображалъ собою букву, возвышенный, и въ то же время наивный голосъ совѣсти, отражавшій, казалось, своей могучей массой вѣчную неподвижность человѣческой природы. Соломонъ первый положилъ начало созданію этого обиталища Іеговы въ такое время, „когда золото и серебро были въ Іерусалимѣ дѣломъ столь же обычнымъ, какъ камни“,—какъ сказано въ Писаніи,—„и когда кедры Ливанскіе росли въ такомъ же множествѣ, какъ и самыя обыкновенныя лѣсныя деревья“. Онъ выслалъ въ Ливанскія горы до 70,000 человѣкъ, чтобы таскать тяжести, и до 80,000 для того, чтобы добывать камень изъ горъ, приставивъ къ этимъ полутораста тысячъ человѣкъ до 3,600 надсмотрщиковъ и руководителей работами.

Храмъ возвышался на холмѣ Морія. На постройку его употреблено было семь съ половиною лѣтъ. Онъ состоялъ

изъ цѣлой сѣти стѣнъ, частью увѣнчанныхъ крышами, частью открытыхъ, изображавшихъ собою міръ, состоящій изъ свѣта и мрака, символъ Іеговы, въ одно и то же время видимаго и невидимаго. Двѣ большія стѣны, неравной высоты, широкія галлереи, поддерживаемыя могучими и блестящими колоннами, обширныя паперти, громадный жертвенный алтарь, состоявшій изъ одной глыбы гранита, возвышались надъ цѣлой сѣтью ступеней и наклонныхъ плоскостей; далѣе громадный мѣдный чанъ, содержавшій въ себѣ не менѣе трехъ тысячъ кувшиновъ, поддерживаемый двѣнадцатью мѣдными боками и окруженный двѣнадцатью мѣдными же чанами меньшихъ размѣровъ, но все же весьма большихъ, въ которыхъ обмывали мясо жертвенныхъ животныхъ; затѣмъ цѣлый длинный рядъ комнатъ и складовъ, предназначавшихся для священниковъ и для храненія всѣхъ принадлежностей, необходимыхъ для богослуженія и для продажи мяса отъ жертвенныхъ животныхъ и пожертвованныхъ въ пользу храма вещей. И, наконецъ, позади жертвеннаго алтаря, Святая святыхъ храма, безъ дверей, нѣчто закрытое, какъ неизвѣстность, непроницаемое, какъ тайна, посвященное всемогущему и грозному Іеговѣ.

И все это громадное зданіе представляло собою, однако, ничто иное, какъ набросокъ, какъ могучій и плодовитый зародышъ, который еще долженъ былъ развиться подъ могучими крыльями надежды и вѣры. Вершина холма показалась малою: народъ притащилъ сюда земли, чтобъ увеличить ее. Затѣмъ онъ снесъ стѣну, ограждавшую храмъ съ сѣвера, и увеличилъ вдвое мѣсто, занимаемое храмомъ. — „Наконецъ“,—говоритъ Флавій,—„вся гора была обведена тройной стѣной. Но для того, чтобы докончить подобное колоссальное предпріятіе, понадобились цѣлые вѣка, и на это употреблены были всѣ сокровища, пожертвованныя вѣрующими и поступавшими со всѣхъ концовъ свѣта*.

Но храмъ былъ не только громаденъ, а и великолѣпенъ, какъ и та пустыня, въ которой создалась іудейская религія.

---

* Флавій, книга V, гл. 14.

Всюду, куда только могъ проникнуть глазъ, все блистало свѣтомъ, все было лучезарно. Галлереи поддерживались колоннами изъ цѣльнаго, бѣлаго мрамора, въ 25 футовъ вышины, съ обшивкой изъ кедроваго дерева, блестящаго и чернаго, причемъ игра свѣта мѣнялась въ нихъ съ каждымъ часомъ дня и тѣмъ замѣняла въ значительной степени отсутствіе живописи и ваянія. Далѣе площадки, выложенныя разноцвѣтными камнями, громадныя лѣстницы, перила изъ бѣлаго мрамора, залитыя яркими лучами солнца, колонны, покрытыя письменами, въ числѣ которыхъ особенно рѣзко выдѣлялись, точно огненные языки, заповѣди Торы, воспрещавшія непосвященнымъ входъ въ эту святыню.

По мѣрѣ углубленія въ священную ограду, великолѣпіе все болѣе и болѣе росло. Всѣ десять входныхъ дверей, имѣвшихъ по тридцати футовъ въ вышину и по пятнадцати въ ширину, были обиты золотыми и серебряными полосами, за исключеніемъ одной, украшенной полосами изъ коринеской стали, такъ славившейся въ древности. Первый портикъ, имѣвшій не менѣе 70 футовъ вышины и 25 ширины, представлялъ собою обширную золотую поверхность; а когда взоръ проникалъ черезъ него во внутренность храма, онъ былъ весь ослѣпленъ цѣлымъ моремъ золотистаго цвѣта.

Внутренній храмъ раздѣлялся на двѣ части, впрочемъ одинаково блестящія. Дверь первой изъ нихъ, равно какъ и стѣны ея, представляли собою верхъ великолѣпія. „Надъ головою зрителя“—говоритъ очевидецъ,— „виднѣлись виноградныя вѣтви въ ростъ человѣческій, на которыхъ висѣли гроздья,—и все это изъ чистаго золота. Изъ обѣихъ половинъ внутренняго храма та, которая находилась ближе къ святилищу, была ниже другой. Двери, вышиною въ 50 футовъ и шириною въ 16, были сдѣланы изъ золота. Онѣ были завѣшены вавилонскимъ ковромъ такихъ же размѣровъ, въ которыхъ лазурь, пурпуръ, багряница и янтарь были перемѣшаны съ такимъ искусствомъ, что невозможно было смотрѣть на него безъ восхищенія. Они изображали собою

четыре элемента, какъ своими красками, такъ и происхожденіемъ своимъ: багряница изображала огонь, янтарь — землю, лазурь—воздухъ, и пурпуръ—море. Въ нижней части храма, передъ святилищемъ, стоялъ подсвѣчникъ, столъ для жертвоприношеній и алтарь. Подсвѣчникъ о семи концахъ изображалъ собою семь планетъ. Двѣнадцать хлѣбовъ, положенныхъ на столъ, изображали собою двѣнадцать знаковъ Зодіака и двѣнадцать мѣсяцевъ въ году; тринадцать сортовъ благовоній, которыя клали въ кадило и изъ которыхъ иные получались изъ дальняго Востока, изображали собою, что все происходитъ отъ Бога, все зависитъ отъ него, все принадлежитъ ему. Словомъ, все было такъ великолѣпно",— говоритъ Флавій,— „что глазъ не уставалъ любоваться всѣмъ этимъ".—И все это великолѣпіе природы было сосредоточено у порога обиталища Невидимаго, гдѣ все это разомъ меркло, какъ бы для того, чтобы лучше оттѣнить этимъ контрастомъ глубину тьмы, въ которую пожелало укутаться величіе Непостижимаго.

Святилище, или Святая святыхъ, представлявшее собою средоточіе храма, было земнымъ обиталищемъ «Невидимаго», символомъ страшной неизвѣстности, лежащей надъ происхожденіемъ всего существующаго въ мірѣ, подобно тому, какъ у древнихъ египтянъ голова Изиды была покрыта чернымъ покрываломъ. Здѣсь было молчаніе, была пустота, была тайна. Эта часть храма была отдѣлена отъ остальной длиннымъ покрываломъ, легкимъ, но тѣмъ не менѣе непроницаемымъ, покрываломъ, за которое не могъ проникнуть ни единый взоръ.

Да и вообще весь храмъ представлялъ собою ничто иное, какъ гигантскій символъ. Въ первобытномъ сознаніи блескъ и тайна рѣзко сталкивались между собою. Чѣмъ болѣе ослѣпленія, тѣмъ болѣе и страха. Контрастъ между блескомъ жизни, составляющей всеобщее достояніе, и между темной тучей, затмѣвающей ея начало, нигдѣ не былъ прочувствованъ такъ сильно, какъ семитическимъ племенемъ. Этимъ глубокимъ сознаніемъ, такъ сказать, дышетъ этотъ гигантскій символъ. Источникъ, изъ котораго

исходитъ свѣтъ, скрытъ отъ нашихъ взоровъ, и мы видимъ только самый свѣтъ. Но онъ съ такою силою вытекаетъ изъ своего невидимаго источника, что взоръ человѣческій не можетъ выносить блеска его. Вообще, во всемъ наружномъ фасадѣ храма не было ничего, чтó не восхищало бы взора и не поражало бы умъ человѣческій удивленіемъ. Онъ былъ покрытъ золотыми полосами въ такомъ изобиліи, что какъ только на небосклонѣ показывалось солнце, блескъ этихъ золотыхъ полосъ ослѣплялъ глазъ не менѣе блеска самого солнца. Что касается другихъ сторонъ, гдѣ не было золота, то здѣсь мраморъ былъ такъ бѣлъ, что это великолѣпное зданіе казалось издали горою, покрытой снѣгомъ.

И такъ, Святая святыхъ представляло собою черную точку, а все, чтò окружало это святилище, ярко блестѣло. „Іегова разбилъ свой шатеръ на солнцѣ, и свѣтило поднимается по небу точно новобрачный, выходящій изъ брачной комнаты; онъ весело и гордо совершаетъ бѣгъ свой, точно герой, совершающій свое тріумфальное шествіе“. Но Іегова остался въ шатрѣ своемъ и никто не можетъ приблизиться къ нему. Вотъ та великая идея, которую еврейскій геній вписалъ въ эту, сдѣланную изъ камня и изъ золота, книгу.

Ревекка любила читать въ этой книгѣ, глубокій смыслъ которой объяснила ей ея мать. Разъ попавъ въ Іерусалимъ, она не могла достаточно налюбоваться храмомъ. Вообще въ сердцѣ ея преобладали два чувства: любовь къ Іерусалиму, или, вѣрнѣе сказать, любовь къ храму его, и любовь къ Симону, столь внезапно превратившаяся въ ненависть, и она колебалась между этими двумя чувствами, какъ между геніями добра и зла. Посѣщеніе храма дѣйствовало на нее успокоительнымъ образомъ, и въ душѣ ея торжествовалъ геній добра, установлялось нѣкотораго рода перемиріе. Когда она молилась вмѣстѣ съ другими женщинами, образъ опечаленнаго Іерусалима, возникая постоянно въ ея воображеніи, застилалъ собою всѣ прочіе. Порою даже она примѣшивала свои слезы къ тѣмъ, которыя проливала вокругъ нея природа. Видъ всеобщаго горя заставлялъ ее забывать свое собственное горе и она даже упрекала себя

за то, что, среди всеобщаго несчастія, она такъ много занимается своимъ личнымъ несчастіемъ.

Дѣйствительно, нельзя было представить себѣ болѣе печальнаго и жалкаго зрѣлища, какъ ежедневно представлявшееся ей зрѣлище женской молельни. Она представляла собою громадное сборище призраковъ, еще болѣе ужасныхъ чѣмъ тѣ, которые проходили по улицамъ. Тутъ сидѣли, скорчившись на камняхъ, матери и дочери, прижавшись другъ къ другу точно мертвецы въ слишкомъ тѣсномъ кладбищѣ, облеченныя въ траурныя платья, въ лохмотья или въ мѣшки съ золой, мрачныя, блѣдныя, съ блуждающими взорами, прислушиваясь къ пѣнію священниковъ, раздававшемуся изъ невидимой для нихъ глубины храма, приподнимаясь на колѣна, чтобы лучше разслышать послѣдніе звуки слова Божьяго, и затѣмъ снова тяжело опускаясь на землю, подавленныя горемъ, нѣмыя отъ отчаянія, еле сдерживая рыданія. Иногда всеобщее молчаніе прерывалось стономъ или пронзительнымъ крикомъ, поражавшимъ и трогавшимъ толпу, какъ будто нанесенный невидимой рукой ударъ кинжаломъ одновременно пронзилъ всѣ сердца: оказывалось, что то или падала бездыханною какая-нибудь старуха, испускавшая въ этомъ стонѣ послѣднее дыханіе свое, или умирающій отъ голода ребенокъ жалобнымъ голосомъ просилъ хлѣба. Затѣмъ вдругъ опять раздавалось громкое, раздирающее душу, всеобщее рыданіе, и отчаяніе вырывалось прерывистыми нотами изъ груди всѣхъ присутствующихъ. Замѣчателлно, однако, то, что какъ ни невыносимы были страданія, въ этомъ собраніи не замѣчалось никакихъ призчаковъ малодушія. Бóльшая часть трусливыхъ женщинъ искала спасенія въ римскомъ лагерѣ: тѣ же, которыя остались, были одушевлены тою же энергіей отчаянія, которая заставляла мужей, отцовъ и сыновей ихъ идти на встрѣчу смерти.

Иногда случалось, что среди всеобщей скорби по молчаливой и блѣдной толпѣ пробѣгалъ какой-то трепетъ. Изъ святилища раздавались величественные, торжественные звуки и надежда, точно роса небесная, освѣжала сердца: это священнослужитель громко пѣлъ славные псалмы Израиля:

„Господь крѣпость жизни моей; кого мнѣ страшиться? Если будутъ наступать на меня злодѣи, чтобы пожрать плоть мою; если будутъ наступать противники и враги мои, то они преткнутся и падутъ. Онъ укроетъ меня въ кущѣ своей въ день бѣдствія; Онъ прикроетъ меня покровомъ скиніи своей; Онъ вознесетъ меня на каменную гору. Тогда поднялъ бы я голову передъ врагами, окружащими меня, принесъ бы въ Его скиніи жертвы славословія, сталъ бы бряцать и пѣть передъ Господомъ“ *

Пѣніе священныхъ гимновъ неоднократно прерывалось трубными звуками, возвѣщавшими о кипѣвшемъ боѣ, или свистомъ камней, выбрасываемыхъ метательными машинами, или же трескомъ разрушивающихся зданій. Тогда прекращались и пѣніе, и молитвы, и плачъ; женщины поднимались съ колѣнъ, охваченныя святымъ и патріотическимъ энтузіазмомъ, и выбѣгали изъ храма, чтобы вмѣстѣ съ мужчинами принять участіе въ оборонѣ **.

Однажды вечеромъ, два дня спустя послѣ неудачной попытки Іосифа, Ревекка, которую Іерусалимъ точно приковывалъ къ себѣ, не смотря на данное ею Галлу обѣщаніе оставаться тамъ недолго, находилась вмѣстѣ съ другими женщинами въ храмѣ. Изъ глубины святилища раздавалось священное пѣніе. Какой-то громкій, могучій и задушевный голосъ, являвшійся какъ бы отголоскомъ изъ заоблачныхъ сферъ, пропѣлъ слѣдующія вдохновенныя строфы:

„Возгремѣлъ на небесахъ Господь и Всевышній далъ гласъ Свой; пустилъ стрѣлы Свои и разсѣялъ ихъ; множество молній—и разсыпалъ ихъ. И явились источники водъ, и обнаружились основанія вселенныя отъ грознаго гласа Твоего, Господи, отъ дуновенія духа гнѣва Твоего. Тогда простеръ онъ съ высоты руку, взялъ меня, извлекъ изъ водъ великихъ“ ***.

* Псалмы Давидовы, XXVI, 1—7.

** Мужество женщинъ ни въ чемъ не уступало мужеству мужчинъ. Тацитъ, кн. V.

*** Псалмы Давидовы, XVII, 15—17.

Пѣніе это доносилось до женской молельни сквозь отдѣлявшую ее отъ святилища стѣну. Ревекка была погружена въ глубокій религіозный экстазъ. Мысль ея унеслась далеко изъ тѣсной ограды, она носилась на просторѣ и, въ какой-то галлюцинаціи, видѣла осуществленіе божественнаго дѣла, возвѣщеннаго псалмопѣвцемъ. Вдругъ раздались громкіе возгласы и на порогѣ молельни показался пророкъ Іохананъ, укутанный въ бѣлый плащъ свой, серьезный, торжественный, съ оттѣнкомъ мрачнаго величія на челѣ.

— Внѣшней оградѣ храма,—воскликнулъ онъ громкимъ голосомъ, — угрожаетъ опасность; бой можетъ перейти и сюда. Пусть женщины удалятся и возвратятся въ дома свои. Онѣ не должны подвергать себя опасности, ибо онѣ должны дать міру мстителей за Божье дѣло!

Толпа разсѣялась; но далеко не всѣ послѣдовали совѣту пророка, а, напротивъ, многіе изъ нихъ отправились въ ряды защитниковъ храма.

Ревекка была героиня въ душѣ; опасность не только не пугала ее, а скорѣе привлекала ее. Пробужденная изъ глубокой задумчивости своей голосомъ пророка, возвращавшимъ ее къ дѣйствительности, но въ то же время казавшимся ей отголоскомъ божественнаго гласа, она поднялась съ своего мѣста и ею овладѣло непреодолимое влеченіе сдѣлать что нибудь для общаго дѣла.

— Почему же,—говорила она сама себѣ,—одни только мужчины должны рисковать своей жизнью, чтобы спасти великую идею Израиля? Я обѣщала вернуться къ Береникѣ, но я не обѣщала не умереть.

Она остановилась, дала толпѣ пройти мимо нея, и, оставшись одна, скрылась за одну изъ колоннъ, откуда она пробралась на возвышенную террасу втораго храма.

Былъ девятый часъ вечера. Солнце только что скрылось за Гильонскими горами, и городъ начиналъ окутываться тьмою. Но Ревекка могла еще ясно отличить и ворота храма, и цитадель Антонія, и стоявшихъ въ боевомъ порядкѣ римскихъ солдатъ. Титъ нѣсколько часовъ тому назадъ овладѣлъ цитаделью и сталъ въ ней твердой ногой. Она узнала

его по блеску его чеканенныхъ латъ и по окружавшей его блестящей свитѣ. Она различила также стоявшаго невдалекѣ отъ него Максима Галла, отдававшаго какія-то приказанія. Затѣмъ она замѣтила какое-то всеобщее движеніе, римскіе легіоны зашевелились, а осадные снаряды сдвинулись съ своего мѣста. Вся земля задрожала.

По сю сторону внѣшней ограды ворота и галлереи были заняты евреями; они ждали аттаки, безмолвные, мрачные и неподвижные. Здѣсь собрались всѣ мужчины, способные еще носить оружіе. Дѣти стояли возлѣ отцовъ своихъ, жены — возлѣ своихъ мужей; и тѣ, и другія, были охвачены тѣмъ же мрачнымъ энтузіазмомъ. Идумеяне, полунагіе или облеченные въ звѣриныя шкуры, особенно выдѣлялись среди всѣхъ. Они лежали или сидѣли на корточкахъ позади колоннъ портиковъ и галлерей, держа свои луки наготовѣ и внимательно всматриваясь вдаль, какъ они имѣли обыкновеніе дѣлать это въ пустынѣ, подстерегая барса или льва. Среди нихъ царило глубокое молчаніе.

Ревекка стала глазами искать Симона и замѣтила его стоявшимъ неподвижно въ одной группѣ, состоявшей изъ іудеевъ и идумеянъ, рядомъ съ Іоанномъ Гишалой. Онъ, повидимому, о чемъ-то совѣщался съ послѣднимъ и съ другими предводителями. Въ этой же группѣ стоялъ и пророкъ Іохананъ, длинная бѣлая мантія котораго отдѣлялась во тьмѣ, точно звѣзда на темномъ небосклонѣ.

При видѣ Симона, въ сердцѣ Ревекки проснулась уснувшая было страсть ея; но видъ старика, этого Божьяго человѣка, принесшаго на помощь священному городу, въ эту критическую минуту, свое слово и свою руку, заставилъ ее снова прійти въ себя, и въ сердцѣ ея снова не осталось мѣста ни для чего инаго, кромѣ для Іерусалима и его опасностей. Взоры ея перешли отъ группы, на которой они остановились было на минуту, къ завязывавшейся въ отдаленіи послѣдней, отчаянной борьбѣ, и она твердо рѣшилась, внимательно слѣдя за всѣми ея перипетіями, принять въ ней дѣятельное участіе, какъ скоро къ тому представится случай. Она стояла здѣсь вся взволнованная, дрожа отъ нетер-

пѣнія, выжидая удобнаго случая, подобно хищной птицѣ, носящейся по поднебесью и пронизывающей взоромъ пространство въ ожиданіи добычи.

Мѣсто, въ которомъ происходилъ рукопашный бой, занимало не особенно обширное пространство и потому Ревекка могла не только разглядѣть обоюдное положеніе сражающихся, но даже довольно ясно различать знакомыхъ ей предводителей и воиновъ. Но мало по малу совершенно стемнѣло и ночь опустилась надъ городомъ, окутавъ густымъ мракомъ улицы, дома и обѣ враждебныя арміи. Съ высокой террасы, на которой стояла Ревекка, можно было различить лишь неопредѣленные, смутные, двигавшіеся образы, напоминавшіе собою призраки, сталкивающіеся въ пустомъ пространствѣ, тѣни, двигавшіяся во тьмѣ; то опять римляне казались ей ужасной толпой безобразныхъ демоновъ, неосязаемыхъ, скользившихъ по черному фону пропасти и напоминавшихъ собою таинственную рощу какихъ-то фантастическихъ деревьевъ, качаемыхъ бурею среди густаго, чернаго тумана.

Максимъ Галлъ поставилъ метательные снаряды противъ цитадели Антонія, откуда они свободно могли поражать открытыя передъ ударами ихъ стѣны храма; и дѣйствительно, они не замедлили сосредоточить на немъ свои удары. Громадный метательный снарядъ сталъ забрасывать кордегардію евреевъ, устроенную передъ главными воротами храма, громадными камнями, заставившими удалиться оттуда занимавшій эту кордегардію еврейскій караулъ. Снарядъ этотъ точно размахивалъ въ потемкахъ своими гигантскими крыльями. Ревекка ясно могла различить съ своего мѣста свистъ летавшихъ въ воздухѣ большихъ камней и трескъ разрушивающихся зданій. Вдругъ шумъ сразу замолкъ и громадныя руки чудовища опустились: оказалось, что два молодыхъ еврея, прикрываясь поднятыми на полѣ сраженія римскими щитами, ползкомъ добрались до этихъ чудовищъ и перерѣзали приводившія ихъ въ движеніе веревки. Тогда началась рукопашная схватка, и въ глазахъ молодой дѣвушки все слилось въ какую-то чудовищную, фантастическую, дикую пляску,

среди которой она могла отличать друзей своихъ отъ врагов только по ихъ воинственнымъ кликамъ, различавшимся и звуками своими и интонаціей и напоминавшимъ собою глухой гулъ, производимый прибоемъ разъяренныхъ морскихъ волнъ въ бурную осеннюю ночь.

Одно время факелы, зажженные на вершинѣ стѣнъ цитадели Антонія, освѣтили эту арену какимъ-то кровавымъ, мигающимъ свѣтомъ, и это дало Ревеккѣ возможность хоть мелькомъ разглядѣть относительное положеніе борцовъ. Все пространство между цитаделью и храмомъ было покрыто трупами и покинуто, до самыхъ краевъ его, бойцами. Очевидно было, что утомленіе обѣихъ сторонъ вызвало со стороны борющихся нѣчто въ родѣ вынужденнаго перемирія. Впрочемъ, перемиріе это было непродолжительно. Среди римскихъ легіоновъ вдругъ обнаружилось опять какое-то движеніе, знамена развернулись, раздались слова команды, и ряды опять сплотились. Римлянамъ принесли значительныя количества сѣкиръ, двузубыхъ мотыкъ, косъ и лѣстницъ. Затѣмъ надъ головами ихъ поднялись щиты, образуя собою нѣчто въ родѣ черепа черепахи, и къ храму медленно направилась темная, нѣмая, сплоченная, страшная масса. Евреи устроили баррикады передъ внѣшней оградой храма, гдѣ они собрали значительныя груды большихъ камней. Давъ непріятелю приблизиться, они стали скатывать эти камни на его головы; затѣмъ они начали вонзать свои копья въ отверстія, образованныя этими камнями въ черепѣ черепахи, и ступени храма стали покрываться ранеными, окровавленными легіонерами. Первый приступъ римлянъ былъ отбитъ.

Въ это самое время факелы потухли и все погрузилось въ глубокій мракъ. Глубокая тишина царила надъ всѣмъ полемъ сраженія, нарушаемая только стонами умирающихъ и воплями раненыхъ. Эта тишина стала безпокоить Ревекку; она предвидѣла новый взрывъ бури.

Луна только что взошла изъ-за Масличной горы, освѣщая тусклыми лучами своими башни цитадели Антонія, но оставляя въ совершенной темнотѣ громадную, неподвижную массу храма. Для римлянъ это было довольно невыгодно.

Но тѣмъ не менѣе они снова начинаютъ аттаку, поощряемые словами Тита, обѣщающаго имъ богатую добычу и конецъ борьбы. Слова его были встрѣчены громкими возгласами и римляне снова ринулись на приступъ. Они снова подступаютъ къ оградѣ, влѣзаютъ другъ къ другу на плечи, снова строятся черепахой, вступаютъ въ рукопашный бой съ осажденными.

Зрѣлище было величественное и страшное. Раненые и не раненые, мертвые и полумертвые римскіе легіонеры, отбитые евреями, скатываются со стѣны и образуютъ собою одну большую груду. Коса смерти продолжаетъ свирѣпствовать, борьба становится все болѣе и болѣе ожесточенною. Максимъ Галлъ появляется въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ съ отборными войсками своими. Онъ велѣлъ придвинуть метательные снаряды на самое близкое разстояніе, и часть стѣны уже обрушилась подъ тяжеловѣсными ударами. Тогда римляне бросились въ открывшуюся брешь, повергая на землю все, что имъ попадается на пути, ударами топоровъ и мечей.

Галлъ считалъ уже успѣхъ обезпеченнымъ; геройство евреевъ не могло устоять противъ численнаго превосходства. Внѣшняя ограда была занята, и римляне принялись уже ломать первыя ворота его, какъ вдругъ позади нихъ раздался страшный шумъ, напоминавшій собою грохотъ грома или находящагося въ дѣйствіи вулкана.

Вотъ что̀ случилось.

Въ той части храма, которая выходила на западъ, къ цитадели Антонія, собрано было, между потолкомъ и крышей, громадное количество балокъ, досокъ, смолы и сѣры, накопленныхъ здѣсь, съ самаго начала осады, въ видахъ обороны. Теперь-то и насталъ удобный моментъ воспользоваться всѣмъ этимъ матеріаломъ, но въ пылу боя о немъ совершенно забыли. Ревеккѣ пришлось проходить мимо этого склада какъ разъ наканунѣ, вмѣстѣ съ Елисаветой, отъ которой она и узнала о существованіи его. Видя, что римляне перешагнули уже черезъ первую ограду и что они приближались къ главнымъ дверямъ, у нея въ головѣ вдругъ

блеснула смѣлая мысль. Ревекка уже успѣла хорошо ознакомиться со всѣми ходами и переходами въ громадномъ зданіи. Она живо спустилась съ галлереи, схватила первую попавшуюся ей подъ руки горящую свѣчу, подожгла горючій матеріалъ, сложенный надъ главнымъ входомъ, и затѣмъ снова возвратилась на свой наблюдательный постъ, чтобы взглянуть оттуда на дальнѣйшіе результаты своего смѣлаго шага.

Сначала раздался глухой трескъ, а затѣмъ страшный грохотъ и шумъ. Громадная, обгорѣвшая балка упала на передовые ряды штурмующихъ, и, раздавивъ ихъ, покатилась по мраморной лѣстницѣ, увлекая за собою и переламывая руки и ноги послѣдующимъ рядамъ. Самъ Галлъ едва не сдѣлался жертвой этой горящей лавины; однако, онъ успѣлъ отскочить и сталъ оглядываться, чтобы узнать, откуда идетъ опасность и что ему предпринять въ виду ея. Сначала ему показалось, что еще нѣтъ достаточнаго основанія предписать отступленіе; онъ, напротивъ, приказалъ воинамъ своимъ двинуться впередъ, овладѣть воротами и потушить пожаръ. На все это потребовалось не болѣе минуты. Приказаніе Галла было исполнено; но въ то же время на римлянъ обрушились новыя балки, вмѣстѣ съ тѣмъ на нихъ стали падать тяжелые каменья и полился цѣлый огненный дождь. Вопли ужаса раздались среди рядовъ римлянъ.

Галлъ снова отступилъ, но не отъ страха, а изъ благоразумія, въ качествѣ предводителя, желающаго наблюдать за ходомъ дѣла. Онъ взглянулъ наверхъ: надъ главною дверью показались длинные огненные языки и повалилъ густой дымъ, а на его солдатъ лились цѣлые потоки горящей смолы. Римскіе солдаты падали цѣлыми массами, испуская дикіе вопли. Шлемы ихъ были пробиты и кипящая смола жгла имъ волоса и черепа. Галлъ, не смотря на присущую ему храбрость, обомлѣлъ; все, что не было еще затронуто грознымъ потокомъ, пустилось бѣжать и папертъ въ одну минуту опустѣла.

Евреи, укрывшіеся отъ превосходныхъ силъ непріятеля на верхнихъ галлереяхъ, смотрѣли на это зрѣлище съ са-

мыми разнообразными ощущеніями. Сначала они какъ будто обомлѣли и испугались. Услышавъ страшный трескъ, увидѣвъ надъ главнымъ входомъ огромное полымя, изъ котораго по всѣмъ направленіямъ разлетались миріады искръ и валились обломки бревенъ и куски желѣза, увидѣвъ эти огненные языки, вылетавшіе изъ клубовъ чернаго, густаго дыма, они сперва подумали было, что римляне подожгли ихъ святилище, и ими овладѣло чувство смутнаго ужаса и мрачнаго отчаянія. Но затѣмъ, когда они вдругъ увидѣли, какъ изъ-подъ пламени потекли горючіе потоки и какъ на головы воиновъ Галла, бѣжавшихъ въ безпорядкѣ, полился цѣлый огненный дождь, они вообразили, что къ нимъ на помощь пришли сами невидимыя силы небесныя.

Молва объ этомъ чудѣ съ быстротой молніи распространилась по всему еврейскому войску. Пророкъ Іохананъ сразу рѣшилъ, что ему слѣдуетъ воспользоваться этимъ настроеніемъ, и онъ воскликнулъ:

— Самъ Всевышній за насъ! Онъ поражаетъ враговъ нашихъ огнемъ небеснымъ! Онъ вызвалъ изъ-подъ земли тотъ самый огонь, который сокрушилъ Содомъ и Гоморру!

И онъ сталъ расхаживать по рядамъ еврейскихъ воиновъ, повторяя эти слова и воодушевляя борцовъ.

Симонъ и Іоаннъ Гишала, въ свою очередь, обращали вниманіе своихъ воиновъ на то, что галлерея, съ которой ниспадалъ огненный дождь, была изолирована отъ остальной части храма и что пожаръ ограничивался только этимъ пространствомъ. Въ этомъ они усматривали явное доказательство чуда. Это поразительное явленіе придало бодрости и храбрости всѣмъ защитникамъ храма. Разстроившіеся было ряды ихъ снова сплотились, опущенныя было копья снова поднялись для наступательнаго движенія и подъ сводами галлереи раздался громкій голосъ Симона.

— Нужно воспользоваться ихъ паникой,—кричалъ онъ,— нужно выбить ихъ изъ-за ограды!

Ревекка, стоя на своей высокой террасѣ, точно на отвѣсномъ мысу, присутствовала при страшной бурѣ, бушевавшей у ногъ ея. Она не могла разглядѣть въ подробности

всѣ движенія этого взбаломученнаго моря, но его гулъ и ревъ отчетливо раздавались не только въ ушахъ, но и въ сердцѣ ея.

Тысячи самыхъ разнообразныхъ чувствъ волновали ее съ самаго начала борьбы. Сначала она испытывала лишь нѣчто въ родѣ безпокойнаго любопытства, смутнаго желанія пожертвовать собою для дорогаго ей дѣла, послужить ему иначе, какъ одними только безплодными пожеланіями, какого-то безотчетнаго стремленія къ опасности, часто появляющагося въ молодыхъ, героическихъ сердцахъ. Затѣмъ клики сражающихся, громко раздававшіяся слова команды, заглушавшія порою трубные звуки, бряцаніе оружія, блескъ и сверканіе котораго она могла разглядѣть въ потемкахъ, грохотъ метательныхъ снарядовъ, трескъ обваливающихся каменьевъ, приливы и отливы этого моря человѣческихъ головъ среди окружавшаго ее полумрака,—все это преисполнило ее таинственнаго ужаса, въ родѣ того, который овладѣваетъ человѣкомъ при видѣ большихъ переворотовъ природы. Наконецъ стоны раненыхъ, хрипѣніе умирающихъ, отчаянныя восклицанія евреевъ, ужасный смыслъ которыхъ былъ вполнѣ понятенъ для нея, переполнили ея сердце жалостью. На глазахъ ея выступили слезы, зубы ея стучали отъ ярости, она въ отчаяніи ломала себѣ руки и проклинала свое безсиліе.

— Ахъ, зачѣмъ я лишь слабая женщина! — восклицала она.—Какъ счастливы мужчины! Они могутъ жить съ пользой и умирать со славой!

По временамъ, когда ей удавалось, при свѣтѣ луны или при мерцаніи факеловъ, ясно различить ходъ борьбы, движенія аттакующихъ и обороняющихся, энергическіе и героическіе порывы, придающіе человѣку моральное величіе среди ужасныхъ компликацій, вызванныхъ его слабостью, восторгъ ея не зналъ предѣловъ и она восклицала съ энтузіазмомъ: «О, какъ мужчины бываютъ прекрасны!»

И тогда, съ блестящими взорами, съ наморщенными бровями, съ дрожащими губами, она наклонялась надъ кро-

вавой бездной, впивалась въ нее жадными взорами, и ею овладѣвало какое-то головокруженіе, какое-то изступленіе.

Подъ вліяніемъ этого-то изступленія ей пришло на умъ воспоминаніе о складѣ горючаго матеріала, указанномъ ей Елисаветой, и она изъ зрительницы превратилась въ дѣйствующее лицо.

И, увидѣвъ римлянъ, раздавленныхъ свергаемыми ею балками, тонувшихъ въ разлитомъ ею потокѣ огня, она почувствовала неописуемую радость. Ей пришлось сдѣлать надъ собою величайшее усиліе, чтобы не покинуть своего наблюдательнаго пункта, чтобы не смѣшаться съ рядами сражающихся и чтобы не сказать своимъ друзьямъ, которымъ она только что оказала такую неожиданную помощь: «Это я вамъ помогла! Всемогущій воспользовался моей рукой, чтобы сотворить это чудо!» Но она удержалась. Душа ея была столь же сильна, какъ и восторженна. Она удовольствовалась тѣмъ, что насладилась зрѣлищемъ своего дѣла, видомъ римскихъ солдатъ, раздавленныхъ ею и бѣжавшихъ передъ нею.

Ревекка, въ продолженіи борьбы, до того была поглощена зрѣлищемъ и различными, вызванными имъ въ ней ощущеніями, что всякія личныя соображенія совершенно исчезли изъ души ея и что изъ нея почти совершенно исчезъ образъ Симона. Она во все время борьбы едва остановила на немъ свой взоръ, несмотря на то, что онъ своею красной мантіей рѣзко выдѣлялся среди сражающихся. Но новый оборотъ, который вскорѣ послѣ того приняла борьба, почти противъ ея воли привлекла на него вниманіе ея.

Предводители евреевъ воспользовались смятеніемъ, произведеннымъ въ рядахъ римлянъ вышеописаннымъ нами эпизодомъ, явившимся результатомъ неожиданнаго вмѣшательства Ревекки. Они сомкнули свои ряды и дружно ринулись сплоченной массой на непріятеля, отступавшаго въ безпорядкѣ. Римскіе солдаты были оттѣснены до самой цитадели Антонія, преслѣдуемые ободренными своимъ успѣхомъ евреями. Но здѣсь паника прекратилась, тѣмъ болѣе, что на помощь къ штурмующимъ подоспѣли свѣжія войска. Съ нѣ-

котораго разстоянія и Галлъ могъ вѣрнѣе обсудить размѣры опасности и сообразить, что эпизодъ этотъ можетъ оказаться болѣе гибельнымъ для евреевъ, чѣмъ для римлянъ. Онъ привелъ въ порядокъ свои ряды и снова повелъ ихъ въ аттаку противъ евреевъ.

Сильное пламя, вырывавшееся изъ подожженнаго портика храма, еще не погасло и освѣщало яркимъ свѣтомъ все поле сраженія. Нѣсколько зданій, окружавшихъ храмъ и уцѣлѣвшихъ отъ разрушенія, образовали собою какіе-то острова, какія-то темныя пятна, казавшіяся еще темнѣе вслѣдствіе пылавшаго навдалекѣ отъ нихъ яркаго пламени. Это ввело евреевъ въ гибельное для нихъ заблужденіе. Въ углубленіи, образованномъ угломъ второй ограды и одною изъ галлерей Понтія Пилата, отрядъ галлилеянъ встрѣтился съ отрядомъ идумейцевъ, и, принявъ другъ друга за непріятелей, вступили въ рукопашную схватку. Произошло страшное кровопролитіе, затѣмъ еще болѣе страшное смятеніе и наконецъ и тѣ, и другіе должны были отступить.

Симонъ замѣтилъ эту гибельную ошибку и бросился къ тому мѣсту, чтобы, по возможности, поправить зло. И дѣйствительно ему удалось разсѣять недоразумѣніе, соединить оба, схватившіеся было между собою, отряда и направить ихъ противъ общаго непріятеля. Но дисциплина взяла верхъ надъ одушевленіемъ, военное искусство надъ героизмомъ: римляне продолжали одолѣвать евреевъ и войско Симона вскорѣ снова было оттѣснено до самаго храма.

Къ этому времени луна уже довольно высоко взошла на горизонтѣ и освѣщала почти все пространство между храмомъ и цитаделью Антонія. Ревекка тревожно слѣдила за всѣми перипетіями борьбы. Крики, раздававшіеся еще недавно въ сторонѣ дворца Понтія Пилата, служили для нея указаніемъ того мѣста, гдѣ происходила самая ожесточенная борьба; она устремила туда свои взоры, которымъ обуревавшая ее страсть придавала особую проницательность, и не замедлила вскорѣ узнать Симона. Тогда сердце ея забилось сильнѣе, самая чувствительная струна ея была задѣта за живое. Она немедленно обратила все свое вниманіе на че-

ловѣка, о которомъ она въ послѣднее время почти забыла, и она съ тѣхъ поръ уже не отрывала отъ него глазъ.

Симонъ употреблялъ величайшія усилія на то, чтобы прикрыть отступленіе своихъ воиновъ, котораго онъ не въ состояніи былъ остановить. Онъ всталъ впереди рядовъ идумеянъ, оспаривая каждый шагъ у тѣснившихъ его римскихъ легіонеровъ. Онъ размахивалъ мощной рукой своей, въ которой онъ держалъ большой мечъ, устремивъ въ нападающихъ свои сверкающіе взоры, взоры льва, не желающаго выпустить свою добычу, защищая своихъ даже во время отступленія ихъ, слѣдуя за ними задомъ, медленными, размѣренными шагами, то сгибаясь, то опять выпрямляясь, дѣлая скачки то вправо, то влѣво, страшный, грозный, удерживая однимъ своимъ взоромъ, однимъ движеніемъ, однимъ взмахомъ своего громаднаго меча насѣдавшаго на него непріятеля.

Ревекка не могла видѣть всѣхъ движеній Симона, но тѣмъ не менѣе она впилась въ него глазами и отъ ея взоровъ не укрылась его мощная фигура, напоминавшая собою льва, у котораго грива поднялась дыбомъ, а изъ пасти выступаетъ пѣна бѣшенства. Въ порывѣ героическаго восторга она совершенно забыла всякіе личные счеты и побужденія. Она уже не чувствовала болѣе ни любви, ни ненависти къ этому человѣку, къ которому она еще наканунѣ пылала жаждой мщенія. Въ ея глазахъ даже совершенно исчезъ человѣкъ; она видѣла передъ собою только героя. Была даже минута, когда, не помня себя, восхищенная и какъ бы опьяненная представившимся взорамъ ея зрѣлищемъ, она воскликнула въ невольномъ восторгѣ:—«Чтò за человѣкъ! Какой герой!»

Возгласъ этотъ потерялся среди шума, доносившагося съ поля битвы, и не разнесся далѣе той тѣсной ограды, которая окружала Ревекку. Но и здѣсь онъ достигъ до жаднаго слуха одного свидѣтеля, присутствія котораго Ревекка и не подозрѣвала. Уже въ теченіи нѣсколькихъ минутъ Ревекка была здѣсь не одна: подлѣ нея стоялъ нѣмой и невидимый свидѣтель, который смотрѣлъ и слушалъ.

Свидѣтель этотъ былъ жертвой самой бурной страсти. Восклицаніе Ревекки поразило его въ самое сердце, точно остріе меча. Еслибы молодая дѣвушка не отдалась всецѣло приводившему ее въ восторгъ зрѣлищу, она могла бы разслышать сдержанный крикъ, который, быть можетъ, не смотря на всю твердость ея души, заставилъ бы ее вздрогнуть.

XIV.

Горе Іерусалиму.

Бенъ-Адиръ, какъ мы говорили уже въ самомъ началѣ нашего разсказа, почувствовалъ къ Ревеккѣ, съ того самаго дня, какъ онъ вступилъ въ ея домъ, глубокую и сильную страсть, тѣмъ болѣе сильную, что она была безмолвна и сосредоточена сама въ себѣ и не питалась никакими надеждами и иллюзіями, какъ вслѣдствіе его темнаго происхожденія, такъ и вслѣдствіе ужасной операціи, произведенной надъ нимъ еще въ дѣтствѣ. Страсть эта съ перваго же раза достигла такихъ сильныхъ размѣровъ, что уже не могла болѣе рости. Но за послѣднее время, съ тѣхъ поръ, какъ передъ нимъ обнаружились любовь Ревекки къ Симону и любовь Галла къ Ревеккѣ, она приняла какой-то особый характеръ горечи и озлобленности и не переставала терзать душу молодаго дикаря. Все, что онъ видѣлъ и слышалъ со времени высадки своей въ Цезареѣ, какъ въ Іерусалимѣ, такъ и въ виллѣ Береники, было столькими же каплями яда, пролитыми въ его сердце, столькими же случаями и поводами для ужаленій тою змѣею, которую онъ носилъ внутри себя.

Чтобы дать понятіе о силѣ этой страсти и о тѣхъ послѣдствіяхъ, къ которымъ она должна была привести, достаточно сказать, что она составлена была изъ двухъ элементовъ: изъ неизвѣданныхъ имъ доселѣ влеченій и изъ постоянно возроставшей, постоянно возбуждаемой и ничѣмъ не сдерживаемой ревности. Онъ въ этомъ отношеніи походилъ на ростущую въ пустынѣ молодую пальму, которую поочe-

-редно палитъ солнце и колеблетъ буря. Въ особенности два обстоятельства довели до пароксизма молодую и безсильную страсть Бенъ-Адира: во-первыхъ, любовная сцена, въ которой выступила Ревекка во время празднества, устроеннаго Береникой для Тита, и во-вторыхъ, отчаяніе Ревекки при полученіи ею извѣстія объ измѣнѣ Симона, давшее ему возможность оцѣнить силу любви ея къ послѣднему. Эти два впечатлѣнія походили на два порыва вѣтра, дующіе одновременно на пламень и придающіе ему новую силу. Сердце юноши — ибо Бенъ-Адиръ едва вышелъ изъ отроческаго возраста,—было, такъ сказать, затоплено, а умъ его опьяненъ вдвойнѣ—безъисходною любовью и безграничною ненавистью.

Вся натура Ревекки, вся ея прелесть, какъ любящей женщины, обнаружились вполнѣ при исполненіи ею роли Суламитъ. Она, такъ сказать, выказала при этомъ, въ какомъ-то припадкѣ галлюцинаціи, всѣ сокровища своей огненной души, всѣ богатства своей роскошной красоты. Какъ Максимъ Галлъ, такъ и Бенъ-Адиръ, были очарованы и опьянены ими. Начиная съ этого вечера, въ который онъ былъ охваченъ точно какимъ-то заколдованнымъ кругомъ, онъ уже не зналъ ни минуты покоя. Образъ Ревекки, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ предсталъ ему, со всѣми его чарами и прелестями, преслѣдовалъ его и днемъ, и ночью, причемъ она представлялась ему въ самыхъ соблазнительныхъ позахъ и положеніяхъ. Онъ мысленно слѣдовалъ за нею въ залу пиршествъ, въ общество ея подругъ, онъ бродилъ вмѣстѣ съ ней по горамъ, полямъ и виноградникамъ. Сила его страсти и бредъ его воображенія дѣлали его женихомъ Суламитъ.

Бенъ-Адиръ догадался, еще ранѣе своего возвращенія изъ Іерусалима, что Ревекка любила Симона, и открытіе это немедленно преисполнило его сердце чувствомъ ненависти къ тому, чье счастіе казалось ему безпредѣльнымъ. Все, что случилось послѣ того, лишь развило и укрѣпило это чувство, сильное уже съ перваго дня, какъ вообще всякое чувство, зарождавшееся въ этой огненной душѣ. Сила страсти Ревекки къ Симону, обнаружившаяся передъ нимъ въ сценѣ изъ Пѣсни Пѣсней, еще болѣе увеличила его ненависть. Чѣмъ

болѣе онъ убѣждался въ томъ, какъ страстно она можетъ любить, и чѣмъ болѣе онъ измѣрялъ глубину бездны, отдѣлявшей его отъ нея, тѣмъ болѣе усиливалась его ненависть къ тому, кого она полюбила. Вскорѣ самая любовь его превратилась въ ненависть, или, по крайней мѣрѣ, это послѣднее чувство одержало верхъ надъ первымъ. Казалось бы, будто, разъ убѣдившись въ томъ, что любовь Ревекки не раздѣляется, нерасположеніе его къ Симону должно было ослабѣть и послѣдній исчезнуть изъ драмы, въ которой онъ не игралъ никакой дѣятельной роли. Но случилось иначе: душа раба слишкомъ отождествилась съ душой госпожи его и даже совершенно подчинилась ей. При видѣ того, какъ она страдаетъ отъ того, что любовь ея не раздѣляется, онъ страдалъ вмѣстѣ съ нею; при видѣ того, что душою ея овладѣла жажда мести, онъ былъ охваченъ тѣмъ же пламенемъ. До сихъ поръ границей для его ненависти служила нѣкоторымъ образомъ любовь, которую Ревекка питала къ Симону; разъ пала эта преграда, онъ всецѣло отдался своей страсти и пламя еще сильнѣе забушевало въ душѣ его.

Мы уже видѣли, какъ эта жажда мести проявилась въ немъ въ тотъ день, когда Ревекка, во время прогулки своей на берегу Мертваго моря, позволила ему заглянуть въ ея душу и какую дикую радость испыталъ при этомъ Бенъ-Адиръ, и эта радость съ тѣхъ поръ постоянно усиливалась до тѣхъ поръ, пока онъ не замѣтилъ нѣкотораго колебанія въ Ревеккѣ послѣ бесѣды ея съ Іохананомъ. Тогда онъ сталъ бояться, какъ бы его жертва не ускользнула отъ него, ибо онъ желалъ нанести ударъ не иначе, какъ съ согласія своей госпожи. Но даже самыя препятствія, которыя онъ встрѣчалъ въ патріотическомъ чувствѣ Ревекки, только раздражали его и усиливали въ немъ жажду мести.

Ревекка проводила большую часть своего времени въ храмѣ, въ галлереѣ, отведенной для женщинъ. Однако Бенъ-Адиръ не терялъ ее изъ виду; онъ, насколько было возможно, слѣдилъ за нею издали, и отъ его взора не укрывалось ни одно изъ ея дѣйствій. Въ тотъ самый день, въ который передъ нимъ предстало препятствіе для осуществленія его

мести, онъ, съ тѣмъ искусствомъ, которое придаетъ ненависть, возбудилъ самъ въ себѣ усыпленную было ярость; но при этомъ онъ опасался, какъ бы въ душѣ, не охваченной, подобно его душѣ, одною только страстью, не проявились новые признаки слабости и колебанія.

Въ день боя, нѣсколько сценъ котораго мы изобразили въ предъидущей главѣ, Бенъ-Адиръ стоялъ недалеко отъ дверей храма, въ то время какъ изъ него выходили женщины. Онъ искалъ глазами Ревекку, но не нашелъ ея, и онъ тотчасъ же сталъ безпокоиться о томъ, что же такое съ нею сталось. Наконецъ онъ встрѣтилъ Елисавету, но та не могла сообщить ему ничего положительнаго: онъ узналъ отъ нея только то, что Ревекка была въ храмѣ и что, по всей вѣроятности, она затерялась въ толпѣ. Въ это время со всѣхъ сторонъ дѣлались приготовленія къ возобновленію боя. Отовсюду спѣшили вооруженные люди и онъ вскорѣ увидѣлъ себя какъ бы охваченнымъ желѣзнымъ кольцомъ.

— А ты развѣ не будешь сражаться съ нами, Бенъ-Адиръ?—обратилась къ нему Елисавета.

Смерть нимало не пугала его, и поэтому онъ послѣдовалъ за Елисаветой, сталъ рядомъ съ сыномъ ея и принялъ участіе въ боѣ, до самаго взрыва въ храмѣ и до обрушенія портика, который такъ неожиданно измѣнилъ характеръ боя. Въ эту самую минуту онъ получилъ ударъ мечомъ по головѣ и отошелъ немного въ сторону, чтобы вытереть кровь, текшую по лицу его.

Съ того мѣста, на которомъ онъ усѣлся, можно было разглядѣть все мѣсто побоища, озаренное яркимъ заревомъ пожара. Римляне обратились въ бѣгство; многіе евреи съ восторгомъ смотрѣли на храмъ, радуясь неожиданной помощи, точно свалившейся къ нимъ съ неба. Бенъ-Адиръ тоже смотрѣлъ, не вѣря, однако, въ чудо, о которомъ Іохананъ твердилъ толпѣ. Онъ былъ увѣренъ въ томъ, что огонь этотъ былъ зажженъ рукою простаго смертнаго, и только спрашивалъ себя, кто бы могъ быть этотъ смертный. Онъ осматривалъ внимательнымъ окомъ храмъ, и при яркомъ свѣтѣ пламени, заливавшемъ почти все громадное зданіе, ему по-

казалось, будто какая-то тѣнь движется на одной изъ самыхъ возвышенныхъ террасъ; онъ замѣтилъ также, что по временамъ эта тѣнь какъ будто скрывалась и затѣмъ вновь показывалась, какъ будто что-то высматривая, и въ то же время не желая быть замѣченной. Это еще болѣе усилило его любопытство, и вскорѣ онъ могъ довольно явственно различить человѣческую фигуру, на половину спрятанную за одною изъ колоннъ, старавшуюся разглядѣть, что происходитъ внизу.

Что это было за таинственное существо, такъ тщательно старавшееся прятаться? Онъ захотѣлъ во что бы то ни стало узнать это. Бенъ-Адиръ обладалъ, какъ почти всѣ дикари и пастухи, отличнымъ зрѣніемъ, и притомъ онъ почти одинаково хорошо могъ видѣть въ потьмахъ, какъ и при свѣтѣ. Поэтому онъ сосредоточилъ все свое вниманіе на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ замѣтилъ таинственную личность и, вскорѣ онъ пришелъ къ убѣжденію, что то была женщина, одѣтая въ черное платье, съ бѣлымъ покрываломъ на головѣ. До сихъ поръ въ умѣ его не возникало мысли о Ревеккѣ; но какъ только онъ узналъ въ этой фигурѣ женщину, образъ ея тотчасъ же представился ему, и онъ уже не сомнѣвался въ томъ, что пожаръ былъ зажженъ ея рукою.

Онъ тотчасъ же забылъ о своей ранѣ и всецѣло отдался одной мысли: войти въ храмъ и пробраться на галлерею. Осуществленіе этой мысли не замедлило послѣдовать за возникновеніемъ ея. Но при этомъ ему представился вопросъ: — что ему дѣлать затѣмъ? остаться-ли возлѣ Ревекки, чтобы принять участіе въ боѣ, или же увлечь ее съ того мѣста, гдѣ ей могли угрожать величайшія опасности?

Онъ взошелъ потихоньку на террасу, не будучи ни замѣченъ, ни услышанъ, спрятался за одною изъ колоннъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ госпожи своей, и принялся наблюдать за нею. Ревекка находилась въ эту минуту въ такой обстановкѣ, какъ бы въ такой рамкѣ, которыя какъ нельзя лучше соотвѣтствовали ея гордой и мощной красѣ.

Бой возобновился, и арена его освѣщалась двойнымъ свѣтомъ пожара и луны. Терраса на половину была освѣ-

щена, на половину находилась въ тѣни; смотря по выступамъ и углубленіямъ зданія, на ней чередовались то лунные лучи, то отблескъ пламени. Ревекка старалась укрыться отъ свѣта и прятаться въ тѣни; но все же по временамъ лицо ея озарялась алымъ или золотистымъ свѣтомъ, который придавалъ ему какое-то особое выраженіе. При этомъ каждый жестъ, каждое движеніе, каждая поза ея являлись особенно рельефными и выразительными. Ея героическая натура цѣликомъ отпечатлѣвалась на лицѣ ея, всѣ превратности боя отражались въ взволнованной душѣ ея, а всѣ волненія души ея отражались на чертахъ ея лица.

Она, какъ мы уже сказали, одѣта была вся въ черномъ, но сняла бѣлое покрывало, скрывавшее лицо ея; мантія ея была приподнята и обмотана вокругъ таліи. По временамъ, для того, чтобы лучше разсмотрѣть, что происходитъ внизу, она припадала къ полу, и, сдерживая дыханіе, внимательно всматривалась въ группы людей, двигавшихся, точно привидѣнія, у ногъ ея. При этомъ она часто вздрагивала и изъ ея груди вырвался то крикъ радости, то глухой вопль. Можно было подумать, что она носитъ въ душѣ своей душу всей ея родины. Когда она порою поднималась, лицо ея казалось озареннымъ какимъ-то неземнымъ блескомъ.

Бенъ-Адиръ любовался ею, спрятавшись въ темное углубленіе, куда не проникалъ ни одинъ лучъ свѣта; онъ готовъ былъ пасть предъ нею ницъ, какъ передъ божествомъ. Онъ забылъ все остальное—и сраженіе, и свою рану; даже образъ Симона и мысль о мести исчезли въ душѣ его; онъ весь отдался открывшемуся передъ нимъ зрѣлищу и чувству восторга, которымъ оно преисполняло его. Но крикъ восторга, который вырвало у Ревекки героическое сопротивленіе Симона, вдругъ заставилъ его вспомнить дѣйствительность и снова пробудилъ въ немъ уснувшую было на минуту страсть. Въ немъ снова проснулись любовь дикаря, ненависть и жажда мести.

— Она все еще любитъ его,—сказалъ онъ про себя,—а я, я!... что я такое для нея? Она врядъ-ли даже и догадывается о любви моей; если она и догадывается о ней,

то она относится къ ней съ состраданіемъ, а можетъ быть, даже и съ презрѣніемъ. Что я такое? Евнухъ, жалкій, искалѣченный рабъ!

Онъ привсталъ на-половину и нагнулся впередъ, чтобы лучше разсмотрѣть Ревекку. Тотъ, кто могъ бы увидѣть его въ эту минуту, испугался бы блеска его взора и судорожнаго выраженія его лица. Имъ овладѣло страшное искушеніе.

Пусть читатель представитъ себѣ, для того, чтобы понять состояніе, въ которомъ находился въ эту минуту Бенъ-Адиръ, молодаго дикаря, обуреваемаго сильною, неудержимою, безъисходною страстью, воображавшаго было, что онъ найдетъ для нея удовлетвореніе въ мести, и видящаго себя вдругъ жестоко обманутымъ въ этой надеждѣ. Перипетіи боя еще болѣе взволновали его, а красота Ревекки опьянили его. Всего этого было болѣе чѣмъ достаточно, для того, чтобы окончательно смутить его умъ.

— Она умретъ въ Іерусалимѣ, — сказалъ онъ про себя;—я избавлю ее отъ страданій, и вмѣстѣ съ тѣмъ доставлю себѣ единственное счастье, которымъ я могу насладиться вмѣстѣ съ нею.

Бенъ-Адиръ хотѣлъ кинуться на Ревекку, обнять ее, свергнуть ее съ высоты храма на паперть и вмѣстѣ съ нею броситься внизъ. Тѣмъ временемъ до него продолжалъ доноситься шумъ битвы, глухой, но ужасный, свидѣтельствовавшій о томъ, что все еще кипѣлъ ожесточенный бой. Бенъ-Адиръ окинулъ взоромъ мѣсто побоища. Евреи отступали, а римляне энергически преслѣдовали ихъ, угрожая ежеминутно ворваться въ храмъ. Бенъ-Адиру представилось, что Ревекка будетъ захвачена ими живьемъ и сдѣлается жертвой похоти необузданной солдатской вольницы. Эта мысль окончательно вывела его изъ себя, голова его закружилась и онъ собирался ринуться на свою добычу.

До сихъ поръ онъ, не смотря на свое волненіе, хранилъ безусловное молчаніе и старался даже сдерживать свое дыханіе и ни малѣйшимъ звукомъ не обнаруживать своего присутствія. Но въ эту минуту изъ сдавленной груди его

вырвался какой-то сдержанный крикъ, нѣчто въ родѣ глухаго рычанія, поразившее слухъ Ревекки. Она вздрогнула и обернулась. Глаза ея, не смотря на темноту, остановились на томъ углубленіи, въ которомъ стоялъ Бенъ-Адиръ, въ ту самую минуту, какъ онъ собирался ринуться на нее: она сначала съ удивленіемъ всмотрѣлась въ него, а затѣмъ, узнавъ его, произнесла кроткимъ и взволнованнымъ голосомъ:

— Ахъ, это ты, Бенъ-Адиръ! Какъ я рада, мой другъ, что ты пришелъ! Я думала уже, что умру отъ волненія. Я еле держусь на ногахъ. Я не знаю даже, хватило-ли бы у меня силъ спуститься внизъ.

Взоръ и звукъ голоса Ревекки заставили вдругъ Бенъ-Адира остановиться, точно его приковала къ мѣсту какая-то невидимая сила. Холодный потъ выступилъ по всему его тѣлу и рѣшимость его исчезла. Ревекка сдѣлала шагъ по направленію къ нему и замѣтила, что лицо его было покрыто кровью.

— Ты раненъ, — сказала она встревоженнымъ голосомъ; — ты, значитъ, принималъ участіе въ сраженіи? Но какимъ же это образомъ я не замѣтила тебя въ свалкѣ?

Съ этими словами она приблизилась къ нему и стала осматривать его рану и прикасаться къ ней, вытирая рукою струившуюся изъ нея кровь. Взоръ ея выражалъ сострадание.

Ярость Бенъ-Адира мигомъ улеглась; онъ былъ укрощенъ, какъ змѣя, подъ взоромъ очаровательницы, или какъ тигръ, при мановеніи палочки своего господина и укротителя. Онъ стоялъ, опустивъ голову, съ покорностью въ позѣ и во взглядѣ. Пылъ его сразу погасъ, силы его, напряженныя въ моментъ кризиса, ослабли; онъ зашатался и упалъ.

Ревекка подумала, что слабость эта является слѣдствіемъ утомленія и потери крови. Она наклонилась къ нему, чтобы поднять его.

— Ты сильно страдаешь, — сказала она; — это-то, вѣроятно, и заставило тебя покинуть поле сраженія.

Онъ попытался было встать; слова Ревекки были для него какъ бы бальзамомъ, пролитымъ на его душу. — Нѣтъ — отвѣтилъ онъ — рана моя ничего не значитъ. Я получалъ и не такія, защищая стада мои противъ шакаловъ. Я покинулъ поле битвы только потому, что снизу увидѣлъ тебя, при свѣтѣ пожара, на этой галереѣ. Я побоялся, чтобы ты не подверглась какой-нибудь опасности и я подумалъ, что, быть можетъ, я могу быть тебѣ полезенъ. Теперь я отдаю себя всего въ твое распоряженіе; силы мои возвратились ко мнѣ.

И дѣйствительно, душа молодаго раба, точно по какому-то чуду, снова сдѣлалась сильной и энергичной. Вмѣстѣ съ силами къ нему возвратилось и хладнокровіе его.

— Дѣло идетъ не обо мнѣ, — продолжалъ онъ, — а о тебѣ, Ревекка. Храму угрожаетъ серьезная опасность и онъ ежеминутно можетъ очутиться во власти непріятеля. Тебя могутъ замѣтить и взобраться сюда; можетъ быть даже тебя заподозрятъ въ томъ, что ты подожгла портикъ, причемъ погибло столько римлянъ. Я, по крайней мѣрѣ, вполнѣ убѣжденъ въ томъ, что ты сдѣлала это. Тогда ты погибла! Поэтому спустимся скорѣй внизъ. Слышишь, какъ шумъ къ намъ приближается? Кровавая волна залила уже ограду; она можетъ поглотить и тебя. Пойдемъ! Я не желаю, чтобы эти варвары, убивающіе отечество твое, пролили и твою кровь.

Бой тѣмъ временемъ продолжался. Въ воздухѣ стоялъ глухой, зловѣщій гулъ, правда, менѣе громкій, подобно раскатамъ удаляющейся грозы, но за то еще болѣе ужасный, такъ какъ къ нему примѣшивались клики отчаянія, хрипъ и стоны умирающихъ. Вдругъ среди этого глухаго шума раздался громкій голосъ, покрывшій всѣ остальные голоса и раздавшійся въ ушахъ Ревекки точно трубный звукъ страшнаго судилища.

— Горе Іерусалиму! Горе храму! — кричалъ этотъ голосъ.

— Это Зеведей!—воскликнула она;—это зловѣщій пророкъ!

Действительно то былъ Зеведой, котораго привлекъ сюда шумъ битвы и который испускалъ свой зловѣщій крикъ. Этотъ крикъ, раздавшійся именно въ эту минуту, произвелъ на Ревекку потрясающее впечатлѣніе, и точно преисполнилъ ее какимъ-то предчувствіемъ. Она была вся разбита, какъ бы подавлена всѣми впечатлѣніями этой длинной и ужасной ночи, и присѣла возлѣ балюстрады.

— Гибель храму! Гибель всему народу! Гибель Іерусалиму!—снова раздался тотъ-же голосъ.

—Взгляни-ка, Бенъ-Адиръ, гдѣ этотъ ужасный пророкъ! Бьюсь объ закладъ, что онъ въ рядахъ римлянъ. Проклятый! Да разразится надъ нимъ гнѣвъ Господень!

Зеведей продолжалъ повторять свои возгласы и вдругъ прибавилъ:—Смерть мнѣ самому!

— Такъ пускай-же онъ умираетъ! — воскликнула Ревекка.

Это восклицаніе вырвалось изъ устъ Ревекки не изъ одного только чувства патріотизма: съ образомъ Зеведея въ воображеніи ея постоянно соединялся образъ его племянницы, а образъ Эсеири проводилъ ее въ ярость и въ изступленіе.

Бенъ-Адиръ, слушая ее, отлично понималъ все, что происходило въ душѣ ея.

— Твое желаніе исполнилось, Ревекка,—сказалъ онъ.— Вотъ я вижу Зеведея падающимъ. Я вижу, какъ онъ поднимаетъ руки къ небу; онъ обратился лицомъ къ храму, а спиною къ римлянамъ. Вотъ онъ повернулся на своей оси, какъ камень въ пращѣ. Вотъ онъ лежитъ распростертый на землѣ! Вотъ судорожно подымаются его ноги и руки... Онъ умеръ!

Ревекка съ жадностью прислушивалась къ этимъ, произнесеннымъ съ разстановкой, словамъ. Смерть лже-пророка какъ будто облегчила ея душу.

Не смотря на утомленіе, которое чувствовала Ревекка, и на волненіе ея, мысль ея все-же оставалась прикованной къ одному предмету. Она все видѣла передъ собою Симона, въ ужасной борьбѣ его противъ римлянъ, не опускающимъ

своего меча, прикрывающимъ отступлéніе своихъ, и ею овладѣло мучительное безпокойство. Нò она не осмѣлилась произносить передъ Бенъ-Адиромъ имени Симона: ее удерживали отъ этого какой-то стыдъ, какое-то опасеніе, какъ-бы онъ не подумалъ, будто въ ней ослабѣла жажда мести. Она рѣшилась достигнуть своей цѣли обходнымъ путемъ.

— Ну чтò же ты еще видишь, Бенъ-Адиръ? Продолжаютъ-ли отступать друвья наши?

— Нѣтъ, евреи подаются впередъ,—сказалъ Бенъ-Адиръ, пристально всматриваясь въ то, чтò происходило у ногъ его.—Мнѣ кажется, будто непріятель оттѣсненъ до дворца Понтія Пилата. Вотъ сейчасъ зажглось нѣсколько факеловъ, и я явственно различаю возлѣ Іоанна Гишалы Глифея и Алексаса, а въ рядахъ идумеянъ — Іакова-бенъ-Созы и Симона-бенъ-Катласа. Они бойко работаютъ мечами своими; они похожи на тигровъ, кидающихся на свои жертвы и терзающихъ ихъ когтями своими.

— И больше ты ничего не видишь?

— Нѣтъ, я вижу еще красный плащъ Бенъ-Гіоры, собирающаго свой отрядъ, а возлѣ него Іуду-бенъ-Гортона, Симона-бенъ-Іосію и Симона-бенъ-Заира. Но вотъ факелы потухли и все снова покрылось тьмою.

— Посмотри-ка еще, Бенъ-Адиръ, не увидишь ли ты бѣлаго плаща? Мнѣ послышался въ толпѣ голосъ Боэнерга. Если я не ошибаюсь, голосъ этотъ раздался гдѣ-то вблизи отъ насъ, изъ внутренней ограды храма.

Бенъ-Адиръ устремилъ взоры на мѣсто, указанное ему Ревеккой, и сталъ прислушиваться.

— Да, — сказалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія,—я вижу Боэнерга; онъ стоитъ на ступеняхъ нижней галереи, и луна ударяетъ ему прямо въ лицо. Бѣлая мантія его блеститъ, онъ обнажилъ голову, поднялъ руку и какъ будто указываетъ сражающимся на храмъ.

Онъ помолчалъ еще нѣсколько минутъ, и затѣмъ вдругъ продолжалъ:

— Я явственно слышу его голосъ. Онъ только что произнесъ имя Зеведея.

Ревекка тоже стала прислушиваться.

— Лжепророка уже нѣтъ болѣе въ живыхъ, друзья мои,— говорилъ Іохананъ. — Всевышній поразилъ его своимъ гнѣвомъ. Радуйтесь его смерти, но радуйтесь и вашей. Роса вашей крови дастъ обильные всходы. Вы сражаетесь за Бога и за свободу вашу, защищая ихъ противъ варваровъ. Останетесь-ли вы побѣдителями или побѣжденными на полѣ битвы, торжество ваше въ мірѣ обезпечено. Будущность принадлежитъ божественной идеѣ, скрытой въ глубинѣ храма. Если послѣдній будетъ даже разрушенъ огнемъ и мечомъ, идея эта переживетъ его развалины, выйдетъ невредимой изъ пламени, и даже сдѣлается болѣе яркою и чистою...

Наступило молчаніе.—Бенъ-Адиръ вздрогнулъ.

— Чтò такое случилось?—спросила Ревекка дрожащимъ голосомъ.

— Увы! — отвѣтилъ Бенъ-Адиръ со вздохомъ, ибо онъ самъ питалъ глубокое уваженіе къ Божьему человѣку,—пророкъ только что палъ, пораженный стрѣлою, которая, повидимому, была пущена изъ цитадели Антонія. Я вижу Іосифа Флавія возлѣ Тита, передъ первымъ портикомъ.

— Я увѣрена, что стрѣлу пустилъ этотъ негодяй,—сказала Ревекка.—Гордость его была уязвлена; теперь онъ отмстилъ и, безъ сомнѣнія, счастливъ.

И съ этими словами она вздохнула, а на глазахъ ея выступили слезы.

— Значитъ все конечно! — продолжала она.—Неужели для Іерусалима и для храма его наступилъ послѣдній часъ?.. Нѣтъ, нѣтъ! Слово Всевышняго должно сбыться. Его народъ не погибнетъ; у него еще остались лучшіе бойцы его.

Начинало свѣтать. Луна медленно скрывалась за Гильонскими горами. Сильное пламя, такъ долго озарявшее храмъ, погасло. Лучи восходящаго солнца озарили башню цитадели Антонія, на которой ясно можно было различить Тита и его свиту. Онъ стоялъ подъ первымъ портикомъ и смотрѣлъ

оттуда на то, что происходило у ногъ его. Онъ все оживлялъ своимъ присутствіемъ: онъ ободрялъ, порицалъ, разсылалъ въ разныя стороны свои приказанія и распоряженія. Евреямъ въ концѣ концовъ удалось таки снова сплотиться въ сомкнутую массу. Съ разсвѣтомъ рвеніе сражающихся удвоилось. Видъ поля сраженія, покрытаго трупами, ни на кого не подѣйствовалъ деморализующимъ образомъ, и вскорѣ новый слой крови покрылъ пыльную арену.

Безпокойное любопытство Ревекки усиливалось съ каждой минутой. Смерть Іоханана наполняла ея душу страхомъ и тревогой. Бенъ-Адиръ уговаривалъ ее сойти внизъ, какъ вдругъ въ рядахъ евреевъ раздались громкіе клики, возвѣщавшіе, повидимому, новую катастрофу.

— Взгляни-ка еще, Бенъ-Адиръ, — воскликнула она, охваченная ужасомъ,—въ какомъ положеніи находится бой? Что̀ дѣлается съ друзьями нашими? Съ тѣхъ поръ, какъ палъ пророкъ, передъ глазами моими постоянно носится мечъ ангела-истребителя, и мнѣ кажется, будто удары его обрушаются на насъ. Меня тревожатъ самыя мрачныя предчувствія.

Не было, впрочемъ, ни малѣйшей надобности подстрекать любопытство Бенъ-Адира: онъ и безъ того ни на одну секунду не отрывалъ взоровъ отъ того небольшаго пространства, на которомъ происходилъ бой, и, при дневномъ свѣтѣ, ничто не укрывалось отъ его проницательнаго взора.

Симонъ только что палъ.

Графиня Марія Ратацци.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

ЕВРЕИ И ИХЪ ЗНАЧЕНІЕ ВЪ ДѢЛѢ МУЗЫКАЛЬНАГО ИСКУССТВА.

А. Музыка Евреевъ древнихъ временъ до Рождества Христова.

(*Продолженіе*) *.

IV.

Отъ эпохи Судей до воцаренія Саула.

Послѣ смерти Моисея и Іисуса Навина, во времена Судей, сосѣднія племена: моавитяне, мидіанитяне, филистимляне, аммонитяне и др. постоянно безпокоили своими войнами еврейскій народъ. Сами евреи попеременно были то господствующей націей, то подчиненной; при такомъ положеніи дѣлъ почти 400 лѣтъ нечего было и думать о какихъ нибудь проявленіяхъ успѣховъ въ развитіи музыки, кромѣ развѣ побѣдной пѣсни. Таковую мы и находимъ въ книгѣ Судей,—это побѣдный гимнъ Деборры и Варака. Хананейскій царь Іавинъ, покорившій израильтянъ, впродолженіи слишкомъ 20 лѣтъ имѣлъ ихъ своими данниками. Пророчица Деборра рѣшилась сдѣлаться освободительницею своего народа; она послалаа Врака, одного изъ израильскихъ полководцевъ изъ колѣна Нефѳалимова, противъ хананейскаго начальника Сиссеры, и когда Варакъ одержалъ побѣду надъ непріятелемъ, Деборра вмѣстѣ съ побѣдителемъ воспѣли благодарственный гимнъ Господу (кн. Судей, гл. V).—Въ высшей степени замѣчательно то обстоятельство, что въ этомъ гимнѣ находятся такія повторенія и перемѣщенія, которыя заставляютъ предполагать, что въ то время пѣли уже не силлабически, а знали какой нибудь родъ протяжной мелодіи и под-

---

* См. „Восходъ“, кн. 8.

чиняли ее какимъ нибудь правиламъ. Гердеръ (Vom Geist der hebräischen Poesie. B. II. S. 270) считаетъ времена Судей эпохою сліянія воедино пѣнія съ поэзіей; дѣйствительно, эти оба искусства въ то время соединялись между собою такъ тѣсно, что отдѣльно каждое почти не употреблялось, а оба взаимно пополняли собою одно другое. Гимнъ Деборры Гердеръ беретъ за образецъ такого соединенія поэзіи и музыки; онъ раздѣляетъ это произведеніе на три главныя части, ясно обозначающіяся и рѣзко обрисованныя; отъ 1 до 11 стиха продолжается вступленіе, которое, по всей вѣроятности, во многихъ мѣстахъ прерывалось народомъ, какъ хоромъ; отъ стиха 12—27 идетъ картина битвы, тутъ же есть поименованіе съ похвалою или съ порицаніемъ отдѣльныхъ родовъ и колѣнъ, участвовавшихъ въ сраженіи; слѣдующіе стихи 28 — 30, заключающіе въ себѣ насмѣшки надъ Сиссерой, оканчиваются, въ видѣ заключенія, главнымъ хоромъ.

Спустя почти 100 лѣтъ послѣ этого случая мы замѣчаемъ явленіе, которое можетъ служить новымъ доказательствомъ того, что еврейскія женщины часто занимались музыкой и нерѣдко дѣлали изъ нея открытое употребленіе. Судья Іефѳай далъ обѣтъ, что если Богъ поможетъ ему одержать побѣду надъ аммонитянами, онъ принесетъ въ жертву первое, встрѣтившееся ему на возвратномъ пути, живое существо. По несчастью, дочь его Сеила, узнавъ о побѣдѣ отца, но не зная о данномъ имъ обѣщаніи, вышла ему на встрѣчу во главѣ собранія молодыхъ дѣвушекъ, чтобы съ бубнами и тимпанами устроить ему, какъ побѣдителю, торжественный пріемъ при въѣздѣ въ городъ (Книга Судей, гл. XI, ст. 34).

Отъ этого случая, вплоть до помазанія Саула на царство (1095 до Р. Х.), въ библіи ничего не говорится о музыкѣ и музыкальныхъ инструментахъ, за исключеніемъ трубы, о которой упоминается при военныхъ дѣйствіяхъ народа. До помазанія Саула народомъ управлялъ Самуилъ, пророкъ и послѣдній судья израильскій. Онъ занималъ свой высокій постъ впродолженіи 20 лѣтъ и правилъ такъ мудро, что время его правленія можно назвать самымъ мирнымъ и счастливымъ, и евреямъ жилось такъ хорошо, какъ еще никогда со времени выхода ихъ изъ Египта. Это благосостояніе и спокойствіе народа Самуилъ съумѣлъ обратить въ пользу знаній и искусствъ и началъ съ того, что основалъ свои пророческія школы, въ которыхъ, подъ его личнымъ руководствомъ, преподавалась еврейская словесность, состоявшая въ то время преимущественно изъ стиховъ, положенныхъ на музыку, и все то, что считалось относя-

щимися къ народной мудрости. Что въ этихъ школахъ особенное вниманіе обращалось на изученіе музыки, утверждаетъ положительно Patricius Delany (Untersuchung des Lebens und der Regierung Davids. Band I, Seite 45). Того же самаго мнѣнія держатся: Германъ Витзіусъ (Miscella sacra, томъ I, гл. X, стр. 77), Антонъ фонъ Даленъ (Dissert. de vera et falsa Prophetia), Стиллингфлетъ (Origin. sacra p. 306) и Іоаннъ Смитъ (Dissert. de propheta et prophetis).

О пророкахъ еврейскихъ и пророческихъ школахъ существуютъ всевозможныя мнѣнія и разнообразныя представленія. Пророчество, въ тѣсномъ смыслѣ слова, есть даръ заглядывать въ будущее; во имя всего священнаго, пророки обращали къ народу и царямъ рѣзкія замѣчанія и поученія, высказывали имъ непріятныя истины, говорили имъ слова «гнѣвныя, наставительныя и утѣшительныя». Естественно, что такое умѣніе пророчествовать не могло быть преподаваемо въ школахъ, здѣсь учили только формѣ, давался сосудъ, въ которомъ должно было помѣститься высшее содержаніе, какъ небесный даръ; въ школахъ только указывались самые употребительные виды поэзіи и музыки. Даръ поэзіи считался не только у евреевъ, но и у многихъ другихъ народовъ древнихъ временъ, чѣмъ-то сверхъестественнымъ, божественнаго происхожденія. Египтянинъ Ата, поэтъ, почитается пророкомъ; Пиѳія говоритъ свои предсказанія въ стихотворной поэтической формѣ; израильскіе пророки поютъ пѣсни, весьма искусно составленныя, напр. пророкъ Іеремія. У евреевъ понятія о поэтѣ и пророкѣ тѣмъ легче могли слиться въ одно, что вся ихъ поэзія почти не имѣетъ другаго содержанія, кромѣ божественнаго, и все ихъ вдохновеніе шло въ одномъ направленіи—хвалить и благодарить Бога. Въ тѣсной связи съ поэзіею стояла музыка; она способствовала вдохновляться и была пріятнымъ аккомпаниментомъ къ словамъ и хорошею иллюстраціею къ выраженію сильныхъ ощущеній.

Однако не вездѣ пророковъ считали людьми, одаренными свыше поэтическимъ талантомъ; на нихъ смотрѣли съ разныхъ точекъ зрѣнія. Иногда ихъ принимали за особенно умныхъ и знающихъ людей, выдѣлявшихся изъ общей массы, мудрецами, мудрость которыхъ пріятно выражалась стихами и созвучіями; иногда же ихъ причисляли къ странствующимъ музыкантамъ и бродячимъ пѣвцамъ, иногда же, наконецъ, просто считали сумасшедшими.

Вѣрнѣе всего, говоря о пророкахъ, считать ихъ людьми, надѣленными выдающимся умомъ, который, въ соединеніи съ обширнымъ образованіемъ,

доставлялъ имъ громадное вліяніе на массу; такіе мудрецы дѣйствительно весьма часто были поэтами и музыкантами народа, но обладаніе этими талантами для нихъ отнюдь не было обязательнымъ.

Такъ какъ, въ большинствѣ случаевъ, судьи были въ одно и то же время и пророками, то существуетъ предположеніе, что древнееврейскіе судьи были барды, народные поэты и музыканты. Англичанинъ Браунъ (Brown, Разсужденіе о поэзіи и музыкѣ, стр. 286) утверждаетъ это какъ истину, но мнѣніе его отчасти опровергнуто Эшебургомъ, въ замѣткахъ къ переводу его сочиненія. Еще болѣе сомнительнымъ дѣлаетъ это предположеніе Пфейферъ (О муз. древн. евр., стр. 6—7) и ясно доказываетъ, что судьи совершенно не были ни бардами, ни настоящими начальниками, а просто совѣтчиками своего народа. Вотъ одно изъ доказательствъ справедливости его мнѣнія:—въ гимнѣ Деборры есть мѣсто «Хвалите Господа, что Израиль освободился и народъ былъ благосклоненъ къ этому», т. е. народъ былъ воленъ слѣдовать совѣтамъ судей или нѣтъ, значитъ онъ поступалъ по своей волѣ, но придерживался указаній умнѣйшихъ людей и соображалъ свои желанія съ ихъ совѣтами.

Какъ вообще на всѣхъ восточныхъ народовъ, такъ и на евреевъ, музыка имѣла громадное вліяніе; всѣ они легко, по своимъ наклонностямъ, подчинялись звукамъ, дѣйствовавшимъ на ихъ нервы и воображеніе; всѣ они, весьма пылкаго темперамента, были постоянно обуреваемы страстями, подчасъ скоро преходящими, но всегда очень сильными; переходя быстро и опрометчиво отъ самой страстной радости къ безмѣрно глубокой печали, они рѣдко находились въ спокойномъ состояніи духа, а поэтому имѣли необходимость въ средствѣ, которое могло бы имъ доставить успокоеніе, столь необходимое имъ для жизни и счастія. Этимъ средствомъ древніе мудрецы считали музыку.

Весьма замѣчателенъ тотъ фактъ, что чудесное дѣйствіе музыки, про которое намъ разсказываютъ миѳы и саги древнихъ народовъ, у евреевъ принимаютъ теософическій характеръ. Музыка Іевея, Магеды и Орфея укрощаетъ дикихъ звѣрей, а музыка Давида укрощаетъ демоновъ сердца человѣческаго; звуки лиры Амфіона заставляютъ очарованные камни самихъ собою становиться на мѣсто и воздвигать стѣны Ѳивъ, пѣніе Аріона манитъ за собой спасающаго Дельфина, но музыка еврейскаго арфиста имѣетъ своимъ послѣдствіемъ снисхожденіе на пророковъ. божественнаго дара прорицанія.

Исключительное направленіе еврейской музыки зависитъ вполнѣ отъ

ихъ культа, который разнился отъ культовъ всѣхъ сосѣднихъ народовъ своею возвышенностью, благородствомъ и близостью къ истинѣ. Музыка ихъ дѣлается „Musica sacra“, становится соединительнымъ звеномъ между человѣкомъ и духовнымъ міромъ. Она дѣлается у евреевъ носильщицей молитвы, посредствомъ нея они просятъ у Господа о всемъ необходимомъ, посредствомъ нея они благодарятъ Бога за его щедрость и милость, и посредствомъ нея они прославляютъ Его, хвалятъ и славословятъ. У евреевъ музыка есть богослуженіе, а не искусство, а поэтому не эстетика, а законъ Божій долженъ цѣнить ея достоинства.

Употребляя музыку, какъ средство придать болѣе вѣскости своему ученію въ глазахъ толпы, а также чтобы себя приготовить и воодушевить къ разумнымъ дѣйствіямъ, израильскіе мудрецы и пророки поступали такимъ образомъ согласно обыкновенію всѣхъ народовъ востока. Желая воспѣть Господу гимнъ, они посредствомъ музыки доводили себя до нѣкотораго рода религіознаго экстаза *; желая пророчествовать, они въ музыкѣ же предварительно искали вдохновенія. Но, почерпая вдохновеніе изъ музыкальныхъ созвучій, пророки нисколько не старались уничтожить существовавшее мнѣніе, что даръ пророчества есть сверхъестественная сила, данная имъ Богомъ; вѣроятно, такая увѣренность народа въ этомъ высшемъ наитіи была имъ нужна для бо́льшаго почтенія и уваженія со стороны массы. Когда Елисей долженъ былъ пророчествовать передъ царями израильскимъ, іудейскимъ и эдомскимъ, онъ сказалъ имъ: «Теперь позовите мнѣ гусляра». И когда гусляръ игралъ на гусляхъ, то рука Господня коснулась Елисея. И онъ сказалъ: такъ говоритъ Господь: дѣлайте на сей долинѣ рвы за рвами; ибо такъ говоритъ Господь: не увидите вѣтра и не увидите дождя».. и т. д. (IV кн. Царствъ. Гл. III, ст. 15, 16 и 17). Такъ какъ Елисей былъ разсерженъ на израильскаго царя за то, что тотъ первый попросилъ его пророчества, то музыка должна была раньше успокоить его гнѣвъ, чтобы рука Господня сошла на него, т. е. чтобы онъ могъ дать обдуманный и хорошій совѣтъ.

---

* Итальянскіе improvisatori еще и теперь, подробно древнимъ пророкамъ, аккомпанируютъ себѣ на какомъ нибудь инструментѣ, а итальянскіе поэты имѣютъ привычку постоянно пѣть при писаніи стиховъ. Относительно этого послѣдняго обстоятельства существовали сомнѣнія, для разрѣшенія ихъ обратились къ аббату Метастазіо съ вопросомъ, дѣйствительно ли это такъ, что поэты его страны постоянно поютъ, когда пишутъ свои стихи? Отвѣтъ его былъ—Sicuro! см. Burney. Hist. of. Mus. Vol. I, pag. 222.

Примѣровъ соединенія пророчествъ съ музыкой библія даетъ множество. Пророчествуютъ не только подъ акомпаниментъ музыки, но даже посредствомъ самой музыки. Вотъ что говорится въ кн. Паралипоменонъ въ гл. XXV, въ которой заключается перечисленіе и опредѣляется порядокъ пѣвцовъ и музыкантовъ для служенія при ковчегѣ Завѣта: «И отдѣлилъ Давидъ и начальники войска на службу сыновей Асафа, Эмана и Идиѳуна, чтобы они провѣщевали на цитрахъ, псалтыряхъ и кимвалахъ; и были отчислены они на дѣло служенія своего». Изъ сыновей Асафа четверо должны были пророчествовать передъ царемъ. Шестеро сыновей Идиѳуна были выбраны пророчествовать на арфахъ подъ руководствомъ отца ихъ. Сыновей Эмана, «прозорливца» царскаго, было 14; они должны были играть на трубахъ. Обѣ первыя группы подъ начальствомъ Асафа и Идиѳуна пророчествовали только на струнахъ, т. е. они декламировали стихами въ видѣ пѣсенъ святыя и величественныя изреченія, или, какъ сами они выражались, рѣшали загадки мудрости при звукахъ струнъ (Herder, vom Geist der hebr. Poesie. B. II, S. 68).

Введеніемъ пророческихъ школъ Самуилъ хотѣлъ облагородить свой народъ, сдѣлать его болѣе мыслящимъ, разумнымъ и счастливымъ; такъ какъ въ то время науки всякаго рода познанія были единственно въ рукахъ левитовъ, Самуилъ хотѣлъ этимъ средствомъ расширить кругъ образованныхъ людей и дать знанія тѣмъ, кто не были левитами; но сильная испорченность израильскаго народа не позволила оправдаться ожиданіямъ Самуила.

Такія музыкальныя пророческія школы были устроены въ нѣсколькихъ мѣстахъ, а именно: при Наіоттѣ въ Рамѣ (I кн. Царствъ, гл. XIX, ст. 19, 20), въ Гилгалѣ (I кн. Царствъ, гл. X, ст. 8 и 10; IV. кн. Царствъ, гл. IV, ст. 38), въ Іерусалимѣ (IV кн. Цар., гл. XXII, ст. 14), въ Іерихонѣ (IV кн. Цар., гл. II, ст. 5, 7 и 15) и въ Веѳилѣ (IV. кн. Цар., гл. II, ст. 3). Школы эти были самыя безъискусственныя; по большей части онѣ находились въ пастушьихъ домикахъ и избушкахъ, въ которыхъ очень просто и бѣдно жили пророки; такія школы древнихъ евреевъ не имѣли ровно никакого сходства съ нашими учебными заведеніями. Вотъ именно благодаря полнѣйшему отсутствію характера общественныхъ училищъ, эти маленькія частныя школы, гдѣ преподаваніе шло самымъ семейнымъ образомъ, скоро опустѣли, а во времена Давида, когда музыка и поэзія получили болѣе высокое развитіе, онѣ совершенно упразднились; большинства изъ нихъ не осталось даже и слѣдовъ.

V.

Время царствованія Саула и Давида.

Въ царствованіе Саула о музыкѣ рѣчь идетъ довольно часто; она здѣсь упоминается: 1) какъ средство къ пробужденію въ немъ пророческихъ способностей и 2) какъ лекарство во время его меланхоліи.

Когда Самуилъ помазалъ на царство Саула, онъ предсказалъ молодому царю слѣдующее: «И когда пойдешь тамъ въ городъ, то встрѣтишь сонмъ пророковъ, сходящихъ съ высоты, и предъ ними псалтырь и тимпанъ, и свирѣль и гусли, и они пророчествуютъ. И найдетъ на тебя духъ Господень, и ты будешь пророчествовать съ ними и сдѣлаешься инымъ человѣкомъ» (I кн. Царствъ, гл. X, ст. 5 и 6). Слѣдующіе стихи этой же главы разсказываютъ, что дѣйствительно такъ и случилось, какъ предсказалъ Самуилъ: — Саулъ вмѣшался въ число пророковъ и пророчествовалъ съ ними вмѣстѣ.

Очень возможно, что Самуилъ предупредилъ пророковъ и сказалъ имъ, чтобы они пѣли Саулу пѣсни, содержащія наставленія и указанія обязанностей его новаго положенія; Саулъ, охваченный истиною, лежащею въ этихъ пѣсняхъ, увлекся ею и, подъ вліяніемъ этого увлеченія, сталъ выражать чувства и мысли, которыхъ раньше не имѣлъ, т. е. онъ сдѣлался какъ бы другимъ человѣкомъ, настолько его внутренній міръ измѣнился къ лучшему.

I книга Царствъ, гл. XVI, ст. 14 — 23, говоритъ, что когда Саулъ былъ недоволенъ собою и исполненіемъ своихъ обязанностей, онъ впадалъ въ меланхолію, и тогда только музыка могла его развлечь и успокоить. — Евреи вообще приписываютъ музыкѣ силу, не только развеселять или опечаливать человѣка, но и излечивать его отъ физическихъ болѣзней, т. е. они ее считали за медицинское пособіе, которое одно могло быть предлагаемо душевно-больнымъ и нравственно-страждущимъ. Поэтому, какъ говоритъ Іосифъ Флавій *, ни одинъ врачъ не могъ придумать противъ недуга Саула другого лекарства, кромѣ пѣнія и арфы.

* Саула преслѣдовали какое-то разстройство и нечестивые духи, которые возбуждали у него удушье и мучили его. Такъ что врачи не считали возможнымъ примѣнить къ нему какое нибудь леченіе; они лишь приказали, чтобы былъ отысканъ кто либо, знающій пѣніе и игру на китарѣ, и чтобъ онъ, ставъ у изголовья Саула, игралъ на китарѣ и пѣлъ гимны коль скоро приступятъ къ Саулу злые духи и будутъ его безпокоить и мучить. Antiquit. Judaic. Lib. IV, cap. VIII.

Не смотря на многія попытки и старанія, до сихъ поръ еще люди не пришли къ окончательному рѣшенію вопроса — дѣйствительно-ли музыка можетъ приносить пользу съ медицинской точки зрѣнія. Выражая по этому поводу свое мнѣніе, Гердеръ ясно указалъ настоящую причину полной возможности существованія цѣлебнаго свойства въ музыкѣ; онъ находитъ эту причину не въ совершенствѣ развитаго искусства, но въ примѣненіи простыхъ, общепонятныхъ, излюбленныхъ мотивовъ, которые всегда найдутъ себѣ откликъ въ человѣческомъ сердцѣ, напомнивъ что нибудь особенно дорогое, пріятное, что̀ еще съ дѣтства мы привыкли связывать съ этимъ мотивомъ. (Herder, Geist der hedr. Poes. II, 266.).

Во всякомъ случаѣ, если намъ покажется сомнительнымъ, чтобы музыка могла служить медицинскимъ средствомъ противъ болѣзней тѣла, то что касается ея благодѣтельнаго вліянія на душевные недуги, это отвергать невозможно. На сколько она способна возбуждать страсти и бурныя ощущенія, на столько же она въ состояніи ихъ усмирять, смягчать и сглаживать. Если есть на свѣтѣ люди, которые мало поддаются дѣйствію музыки, то наврядъ-ли кто либо изъ нихъ хоть разъ въ жизни не испыталъ на себѣ ея силу. Очень нервные и страдающіе физическимъ недугомъ субъекты всегда оказываютъ наибольшую воспріимчивость къ впечатлѣніямъ, производимымъ музыкою.

Невозможно предположить, чтобы игра Давида на арфѣ была искусною и высокохудожественною, не смотря на то громадное впечатлѣніе, которая она производила на душу Саула; дѣло объясняется тѣмъ, что Саулу просто нужны были звуки, красивые музыкальные тоны, созвучія и гармонія, которые, проникая въ душу, исцѣляли бы ее отъ недуговъ и приводили въ нормальное состояніе.

Какъ ни спасительно однако вліяла музыка Давида на Саула, онъ наслаждался ею недолго, именно пока не сталъ во всемъ завидовать Давиду. Неукротимая зависть возникла въ сердцѣ Саула особенно съ тѣхъ поръ, когда Давидъ побѣдилъ филистимлянина Голіафа и когда имъ сдѣлали послѣ битвы торжественную встрѣчи при возвращеніи ихъ въ городъ. 1 кн. Царствъ, гл. XVIII, ст. 6 и 7.: «Когда они шли, при возвращеніи Давида съ побѣды надъ филистимляниномъ, то женщины изъ всѣхъ городовъ израильскихъ выходили на встрѣчу Саулу царю съ пѣніемъ и плясками, съ торжественными тимпанами и съ кимвалами. И женщины пѣли

одна противъ другой *, играли и говорили: Саулъ побѣдилъ тысячи, а Давидъ — десятки тысячъ». Вслѣдствіе этой удесятеренной чести, выпавшей на долю Давида, Саулъ его страстно возненавидѣлъ, но продолжая дозволять себя лечить музыкою ненавистному человѣку, Саулъ успокоивался только на время продолженія музыки, сейчасъ же по ея прекращеніи злоба и зависть опять овладѣвали имъ.

Еще при жизни Саула, который не оправдалъ надеждъ пророка Самуила, а съ нимъ и всего народа еврейскаго, Давидъ былъ помазанъ на царство. Израиль, который раньше едва былъ въ состояніи обороняться отъ враговъ, получилъ подъ управленіемъ Давида (1060—1020 до Р. X.), политическій вѣсъ и значеніе, давшіе народу возможность къ дальнѣйшему самообразованію. Дворъ Давида, своею внѣшнею роскошью и красотою, составлялъ поразительный контрастъ съ дворомъ его предшественника Саула въ Гильгалѣ. Самъ Давидъ обладалъ весьма большимъ поэтическимъ талантомъ, который выражался въ поэзіи и музыкѣ; благодаря своей дѣятельности и энергіи, онъ разомъ двинулъ впередъ оба эти искусства и далъ имъ полную свободу развитія.

Образъ Давида, до того какъ онъ сдѣлался царемъ, проникнутъ поэзіей и въ высшей степени симпатиченъ. Молодой пастухъ, красивый, кроткій юноша, пасетъ ночью свое стадо на поляхъ Виѳлеема; въ душѣ его возникаютъ поэтическія картины, пробуждается вдохновеніе, и вотъ онъ научается звуками арфы и голоса передавать свои чувства. Его призываютъ ко двору Саула, чтобы онъ, во всеоружіи своего искусства, освободилъ отъ меланхоліи и разсѣялъ мрачныя, гнетущія мысли, время отъ времени овладѣвавшія царемъ. Талантъ молодаго пастуха далъ ему возможность быть при дворѣ, далъ ему почести и славу, но, съ другой стороны, заставилъ его много страдать и даже не разъ трепетать за свою жизнь. Но въ концѣ концовъ, послѣ смерти Саула, израильтяне собрались въ Хевронъ къ Давиду и единодушно выбрали его своимъ вождемъ. Сейчасъ же по вступленіи своемъ на престолъ, Давидъ завоевалъ Іерусалимъ, т. е. Іевусъ, выстроилъ себѣ тамъ дворецъ и пожелалъ перенести туда ковчегъ завѣта, который до тѣхъ поръ стоялъ въ Каріафъ-Іаримѣ. Этотъ фактъ средоточія въ Іерусалимѣ святыни, которую чтили и которой поклонялись,

* Изъ выраженія о женщинахъ: „пѣли одна противъ другой", видно, что въ то раннее время уже были извѣстны двойные хоры; изъ этихъ, чередующихся въ исполненіи, хоровъ, возникли тѣ способы пѣнія, по которымъ въ церквахъ поются псалмы и молитвы.

сдѣлалъ этотъ городъ религіознымъ центромъ еврейскаго народа. При первомъ перенесеніи ковчега завѣта Давидъ, а съ нимъ и весь народъ «играли передъ Господомъ изъ всей силы, съ пѣніемъ, на цитрахъ и псалтиряхъ, и тимпанахъ, и цимвалахъ, и трубахъ» * (I кн. Паралипоменонъ, гл. XIII, ст. 8).—Но такъ какъ первое перенесеніе было устроено не съ настоящими пышностью и великолѣпіемъ, то ковчегъ завѣта былъ оставленъ на три мѣсяца въ домѣ Аведдара Геѳянина, пока Давидъ не устроилъ прекраснаго шатра, чтобы достаточно прилично принять у себя такую священную вещь. Одержавъ побѣды надъ филистимлянами, царь приказалъ соорудить драгоцѣнную скинію и приготовился торжественно перенести ковчегъ завѣта. Предполагая, что допустить къ несенію святыни можно только левитовъ и сыновей Аароновыхъ, онъ собралъ всѣхъ священниковъ и распредѣлилъ ихъ для участія въ шествіи. Медленно подвигаясь, черезъ каждые шесть шаговъ процессія должна была останавливаться для того, чтобы приносить жертвы въ эти промежутки времени и чтобы дать народу возможность слѣдить за всѣмъ совершающимся.

Вся музыкальная сторона этого величественнаго религіознаго празднества довольно подробно описывается въ I кн. Паралипоменонъ, главы XV, XVI и XXIII. Эманъ, Асафъ и Идиѳунъ ритмическими ударами кимвалъ удерживали массу въ стройности и порядкѣ и опредѣляли тактъ марша. Запѣвалою былъ Хенанья; онъ давалъ мелодіи и руководилъ пѣніемъ, арфисты подхватывали мотивъ, а играющіе на псалтиряхъ вмѣшивались сюда и повторяли канонически опять ту же мелодію. Трубачи, о которыхъ вспоминается отдѣльно, образуютъ собою совершенно особенный, гораздо болѣе уважаемый, хоръ; это не левиты, но избранные жрецы-священники, трубящіе предъ ковчегомъ завѣта; они не смѣшивались съ хорами левитовъ, но играли во время паузъ этихъ послѣднихъ. Впереди всѣхъ шелъ самъ царь, который вдохновенно изливалъ свои чувства, импровизируя рапсодообразные гимны. Онъ аккомпанировалъ себѣ на арфѣ, между тѣмъ какъ хоры пѣвцовъ и трубачей чередовались съ нимъ поперемѣн-

---

* Халдейскій переводчикъ этого мѣста упоминаетъ инструментъ, котораго мы ни въ основномъ текстѣ, ни въ другихъ переводахъ нигдѣ не находимъ: „in chinarsa n nablis, in tympanis. et in *quadruplicibus*, et cymbalis“. Въ аравійскомъ переводѣ: „Fidibus, nablis, *tympanis quadratis*, et cymbalis“. При такомъ разнообразіи названій инструментовъ, находящихся въ текстѣ, рѣшительно трудно знать, о какомъ именно инструментѣ тутъ идетъ рѣчь.

но *. Сама по себѣ музыка, исполнявшаяся при этомъ шествіи, была очень обыкновенная, но торжественная, величественная обстановка всей процессіи дала ей оттѣнокъ празднично-радостный и вмѣстѣ съ тѣмъ священно-грандіозный.

Имя Хенаньи, начальника левитовъ и директора пѣнія, преподававшаго другимъ это искусство, упоминается только разъ, между тѣмъ какъ Ассафъ, Эманъ и Идиѳунъ являются всегда заправилами дѣла музыки и капельмейстерами Давидова хора. Каждый изъ этихъ трехъ шефовъ музыки имѣлъ подъ своимъ руководствомъ нѣсколько своихъ сыновей, которые, отправляя должность, одинаковую по сущности съ занятіями ихъ отцовъ, были, такъ сказать, второстепенными капельмейстерами, числомъ 24; вообще же, количество всѣхъ пѣвцовъ и музыкантовъ вмѣстѣ простиралось до 4,000 человѣкъ (I кн. Паралипоменонъ, гл. XXIII, ст. 5). Изъ всего этого числа, по I кн. Паралипоменонъ, гл. XXV, ст. 7, 288 человѣкъ были учеными музыкантами и обладали большими познаніями въ этомъ искусствѣ. Вотъ подробный перечень чиновъ музыкальной іерархіи того времени: во главѣ всего музыкальнаго отдѣла стояли три шефа, великіе руководители и капельмейстеры Ассафъ, Эманъ и Идиѳунъ; ближайшими помощниками ихъ и распорядителями второй важности были сыновья ихъ— Ассафа 4, Эмана 14 и Идиѳуна 6, итого 24. Эти второразрядные распорядители имѣли каждый подъ своимъ управленіемъ группу по 11 человѣкъ болѣе мелкихъ начальниковъ и учителей; вотъ эти-то 24 группы по 11 человѣкъ, т. е. 264, а вмѣстѣ съ своими руководителями 288 человѣкъ и составляли контингентъ ученыхъ музыкантовъ, которые имѣли своею обязанностью управлять хорами пѣвцовъ и инструменталистовъ, а также и обучать желающихъ музыкальному искусству.

Давно уже обращено вниманіе на тотъ фактъ, что всѣ народы Европы очень мало различаются между собою въ устройствѣ общественной жизни, обычаяхъ, дѣлѣ наукъ и художествъ; разница проявляется только въ частностяхъ, въ общемъ же цивилизація всѣхъ народовъ одного материка имѣютъ много схожаго. То же самое замѣчалось и въ Азіи. Такъ какъ евреи большинство своихъ познаній пріобрѣли отъ египтянъ, а египтяне, какъ видно изъ указаній древнихъ писателей, во многомъ проявляли большое сходство съ китайцами, то нѣтъ ничего удивительнаго, что китайскіе порядки имѣли нѣкоторое вліяніе на устройство подраздѣленія музыкальныхъ

* Эпиникіи Пиндара декламировались точно такимъ же образомъ.

чиновъ у этихъ двухъ вышеназванныхъ народовъ. Алліотъ, французскій миссіонеръ въ Пекинѣ, перевелъ старинную китайскую книгу соч. Ли-Роангъ-Ты, о древней китайской музыкѣ, на французскій языкъ и прислалъ переводъ во Францію. Вотъ что тамъ говорится по этому поводу:

Чиновники музыки были: 1) два великіе мандарина средняго разряда; 2) четыре учителя музыки, мандарины разряда, подначальнаго этому первому; 3) восемь докторовъ музыки высшаго разряда; 4) шестнадцать докторовъ музыки низшей степени; 5) восемь мандариновъ подчиненныхъ отдѣленія смотрителей музыки; 6) восемь музыкографовъ, писателей о музыкѣ; 7) восемь сверхкомплектныхъ и 8) восемьдесятъ учениковъ.

Что касается предположенія, что только одни левиты образовывали хоръ и оркестръ, то это подлежитъ сильному сомнѣнію, особенно имѣя въ виду численность пѣвцовъ и музыкантовъ. Въ большинствѣ случаевъ историки держатся одного общаго мнѣнія и утверждаютъ, что въ музыкально-религіозномъ торжествѣ при перенесеніи ковчега завѣта могли принимать участіе не только левиты, но и потомки другихъ родовъ, если они имѣли для этого необходимыя данныя, какъ, напримѣръ: голосъ, способности, большую охоту и такъ далѣе. Солононъ фанъ Тилль (Dicht-Sing-und Spielkunst der alten Hebräer. Seite 341) находитъ, что, съ извѣстными условіями сюда допускались всѣ спеціалисты и не спеціалисты; напримѣръ, распоряженія: не стоять на переднемъ дворѣ, не проникать на мѣста священниковъ, — могли касаться только постороннихъ, но никакъ не самихъ левитовъ. Во II книгѣ Царствъ, глава VI, стихъ 5, сказано: «всѣ сыны Израилевы играли передъ лицомъ Господа»; слѣдовательно, не только левиты играли, но и весь народъ израильскій. Не смотря на такія доказательства, талмудисты относятся къ этому предмету иначе, они утверждаютъ и увѣряютъ, что пѣніе было исключительно въ рукахъ левитовъ, про инструментальную же музыку они говорятъ различно: по свидѣтельству однихъ, музыканты были слугами священниковъ, другіе же увѣряютъ, что это были родственники ихъ *.

* Были также между храмовыми пѣвчими прислужники жрецовъ, какъ говоритъ Р. Мейръ. Р. Іосе говоритъ: семейства изъ родовъ Пегарія, Зиппарія и Эмаусъ были родственны посредствомъ браковъ съ жрецами изъ числа музыкантовъ. Маймонидъ въ Арухинъ (гл. II-я) говоритъ сначала противно этому предположенію, именно: Всѣ признаютъ, что тѣ, которые не принадлежатъ къ колѣну Левіину, не поютъ пѣсенъ, только левиты. Въ другомъ же мѣстѣ этотъ самый Маймонидъ говоритъ, что храмовыми пѣвцами сначала были левиты, но послѣ къ нимъ присоединились другіе знатные евреи, которые были въ родствѣ съ

Тоже весьма различно думаютъ о томъ, принимали-ли женщины участіе въ этой богослужебной музыкѣ. О пѣвицахъ израильскихъ въ библіи упоминается не разъ. Еще во времена Моисея народными пѣвицами были Миріамъ и Деборра. Женщины публично пѣли, встрѣчая Давида, побѣдителя Голіафа. Кн. I, Паралипоменонъ, гл. XXV, ст. 5 и 6, гдѣ упоминаются музыкальныя учрежденія Давида, говоритъ между прочимъ такъ: «Господь далъ Эману 14 сыновей и 3 дочери. Всѣ они подъ руководствомъ отца своего пѣли въ домѣ Господнемъ, съ кимвалами, псалтырями и арфами»; это выраженіе о дѣтяхъ Эмана даетъ возможность думать, что женщины, хотя бы это были только дочери и жены левитовъ, допускались къ исполненію музыки въ храмахъ, по крайней мѣрѣ извѣстно навѣрно, что это практиковалось до сооруженія храма. Кромѣ Миріамъ и Деборры, были еще Юдиѳь и Анна, мать Самуила, которыя считались не только пѣвицами, но вмѣстѣ съ тѣмъ и вдохновенными пророчицами, открыто благодарившими и хвалившими Господа въ гимнахъ и пѣсняхъ.

Обычай, допускавшій женщинъ къ принятію участія въ публичныхъ музыкальныхъ торжествахъ, остался и послѣ царей, какъ видно изъ разсказовъ евреевъ, возвращавшихся изъ Вавилона. Въ книгѣ Эздры, гл. II, ст. 65, говорится, что во время возвращенія было 200 пѣвцовъ и пѣвицъ. Книга Нееміи, гл. VII, ст. 67, говоря объ этомъ же, приводитъ еще большее число: «и они имѣли 245 пѣвцовъ и пѣвицъ». Нужно предполагать, что въ это число входятъ сосчитанные вмѣстѣ тѣ 128 пѣвцовъ изъ семейства Ассафа, которые въ кн. Эздры упоминаются въ гл. II, ст. 41. Когда Іосія (II кн. Паралипоменонъ, гл. XXXV, ст. 25) палъ въ сраженіи, тогда: «оплакивалъ Іеремія Іосію въ пѣсни плачевной; и говорили всѣ пѣвцы и пѣвицы объ Іосіи въ плачевныхъ пѣсняхъ своихъ, извѣстныхъ до сего дня, и передали ихъ въ употребленіе у Израиля; и вотъ онѣ вписаны въ книгу плачевныхъ пѣсней». Даже Сирахъ, долгое время спустя, за нѣсколько столѣтій до Р. Х. доказываетъ, что изученіе музыки, а въ особенности пѣнія, было между израильскими женщинами вещью весьма обыкновенною и что уже въ то время обаяніе хорошаго женскаго голоса считалось опасностью, отъ которой Сирахъ, даетъ такого рода предостереженіе: «Берегись пѣвицы, чтобы она тебя не поймала своими прелестями» (Гл. IX, ст. 4). Давидъ въ LXVII псалмѣ, ст. 25 и 26

священниками: „ибо никто не стремился подъ навѣсъ, предназначенный для поющихъ, не будучи знатнымъ мужемъ“. См.: Bernhard Lamy dissey de Levitis et Cantoribus, въ Thesaurus Ugolini, vo XXXV, p. 630.

тоже говоритъ о женщинахъ музыкантках: «Видѣли шествіе Твое, Боже, шествіе Бога моего, царя моего во святынѣ. Впереди шли поющіе, позади играющіе на орудіяхъ, въ серединѣ дѣвы съ тимпанами».

Іоганнъ Іаковъ Шудтъ, авторъ диссертаціи de cantricibus templi, вполнѣ добросовѣстно собравшій свѣдѣнія и замѣтки, разсыпанныя по всей библіи, положительно утверждаетъ, что между храмовыми пѣвцами израильтянъ находились также женщины. Бартенора, еврейскій писатель, говоритъ, что при древне-еврейской богослужебной музыкѣ часто употреблялись и дѣтскіе голоса: по всей вѣроятности, эти мальчики-пѣвчіе были сыновья левитовъ. Эти дѣти могли проникать въ мѣста, занимаемыя левитами при богослуженіи, исключительно только во время пѣнія, во всякое же другое время входъ къ левитамъ былъ для нихъ воспрещенъ. Играть на инструментахъ они не имѣли права, но пѣть могли, для того, чтобы своими высокими свѣжими голосками разнообразить пѣніе взрослыхъ мужчинъ. Мальчики эти не входили въ составъ числа пѣвцовъ; кромѣ нихъ передъ алтаремъ всегда должно было быть не менѣе 12 настоящихъ пѣвцовъ. Дѣти, участвовавшія въ хорѣ, не могли стоять тамъ же, гдѣ настоящіе пѣвчіе, у нихъ были свои особыя мѣста, которыя помѣщались на столько ниже, что головы мальчиковъ приходились въ уровень съ ногами левитовъ *. Вообще мѣста для музыкантовъ и пѣвцовъ были, вѣроятно, похожи на наши эстрады, съ тою только разницею, что на самые подмостки вели большія ступени, которыя тоже были заняты участвующими, такъ что вся ихъ группа представляла собою лѣстницу. Горхіусъ (прим. 14), совершенно согласно съ Бартенорой, говоритъ, что мѣсто это было похоже на большую каѳедру, которая, для удобства участвующихъ пѣвцовъ и музыкантовъ, имѣла скамейки, расположенныя ступене-образно. Эта каѳедра помѣщалась по возможности ближе къ алтарю, на которомъ приносились жертвы, для того, чтобы пѣвцы могли какъ голосъ, такъ и лицо обращать къ жертвеннику Господа. На этихъ подмосткахъ, или, какъ это

* Къ левитамъ-отцамъ присоединяли младшихъ сыновей, для достиженія въ музыкѣ разнообразія и большей пріятности. «Никто изъ младенцевъ не входитъ для богослуженія въ святилище никогда, кромѣ тѣхъ часовъ, когда левиты стоятъ и поютъ. И они не играли на арфѣ или цитрѣ, но пѣли, ради вящшей пріятности, ибо голоса мальчиковъ были тонки и чисты и отличны отъ голосовъ взрослыхъ людей. Другой раввинъ, Эліазаръ бенъ Якобъ, говоритъ: Мальчиковъ брали не въ счетъ, т. е., кромѣ мальчиковъ должны были пѣть по меньшей мѣрѣ 12 левитовъ, и они (мальчики) стояли не на возвышеніи, а на землѣ, головами у ногъ левитовъ; ихъ называли маленькими левитами. См. Henr. Horchiidiss.vol.XXXII, pag.118.

называетъ фанъ-Тилль, на этой пѣвческой эстрадѣ, дѣти Эмана стояли по серединѣ, дѣти Идиеуна съ лѣвой, а дѣти Асафа съ правой стороны.

Что касается до подробностей относительно правилъ музыкальнаго отдѣла богослуженія, какъ напр.: количество пѣвцовъ и музыкантовъ, обязательное число музыкальныхъ инструментовъ, порядокъ исполненія, платье, употребляемое левитами во время исполненія ихъ обязанностей при богослуженіи, и т. д.—все это можно найти въ спеціальныхъ сочиненіяхъ по этому предмету, здѣсь-же придется ограничиться нѣсколькими короткими свѣдѣніями. Меньше 12 левитовъ при богослуженіи не допускалось, при особенно торжественныхъ случаяхъ это число могло быть увеличиваемо произвольно. Точно также и съ инструментами. Горхіусъ заимствовалъ у нѣсколькихъ еврейскихъ писателей слѣдующія цифры: количество небелей (nabliorum) имѣло своими предѣлами числа 2 и 6; флейтъ (tibiarum) обязательныхъ было 2, но ихъ могло быть до 12; трубъ (tubarum) не меньше 2-хъ, больше—сколько угодно, цитръ (citharum) minimum 9—болѣе сколько угодно; но на сколько бы ни было увеличено число названныхъ инструментовъ, количество кимвалъ было самое ограниченное и не должно было превосходить одинъ единственный экземпляръ. Пропорціонально важности празднуемаго торжества увеличивалось число пѣвцовъ и инструментовъ. Остальныя частности, какъ-то: особенное платье пѣвцовъ, жилища ихъ, мѣста хранилища для инструментовъ и нотныхъ книгъ, разное время, опредѣленное для овершенія обрядовъ—все это можно найти у Соломона фанъ Тилля.

Необходимо упомянуть еще одно обстоятельство, особенно заслуживающее вниманія, относящееся къ исторіи музыки времени царствованія Давида. Между Птоломеями въ Александріи, когда они приняли греческіе нравы, обычаи и ученость, были уже нѣкоторые, которые содержали собственную придворную музыку, въ родѣ нашихъ капеллъ, но раньше этого времени ни у египетскихъ Фараононъ, ни у другихъ сосѣднихъ царей, нигдѣ не было ничего подобнаго; только Самуилъ оставилъ извѣстіе, которое даетъ поводъ предполагать, что у Давида дѣйствительно была такая капелла. Когда Варзилай Галаадитянинъ перевелъ Давида черезъ Іорданъ, Давидъ, въ благодарность за оказанную ему услугу, предложилъ Варзилаю остаться при царскомъ дворѣ и поселиться въ Іерусалимѣ: но тотъ отвѣтилъ: «долго-ли мнѣ осталось жить, чтобы идти съ царемъ въ Іерусалимъ? мнѣ теперь восемьдесятъ лѣтъ, различу-ли хорошее отъ худаго? узнаетъ-ли рабъ твой вкусъ въ томъ, что буду ѣсть, и въ томъ, что

буду пить? и буду-ли я въ состояніи слышать пѣвцовъ и пѣвицъ? зачѣмъ же рабу твоему быть въ тягость господину моему, царю?» (II кн. Царствъ, гл. XIX, ст. 33, 34 и 35). Весь отвѣтъ Варзилая наводитъ на мысль, что здѣсь рѣчь идетъ не о храмовыхъ пѣвцахъ и пѣвицахъ, о нихъ онъ не отнесся бы въ такомъ тонѣ, но просто объ обыкновенной придворной и трапезной музыкѣ. Онъ какъ будто боится, чтобы Давидъ не спрашивалъ его сужденій на счетъ музыки, такъ какъ для того, чтобы дѣлать замѣчанія, онъ слишкомъ мало понимаетъ въ музыкѣ; неловкимъ отвѣтомъ онъ бы могъ не понравиться Давиду и возстановить его противъ себя, чего, конечно, онъ бы совсѣмъ не желалъ.

Какъ бы то ни было, но вообще извѣстно, что Давидъ на столько любилъ музыку, что вполнѣ могъ, во время покоя и мира, заниматься ею внѣ храма и посвящать ей свои досуги; поэтому-то очень достовѣрно, хотя положительно ничѣмъ не доказано, что Варзилай, говоря о пѣвцахъ и пѣвицахъ, подразумѣвалъ настоящую придворную капеллу, членами которой могли быть и левиты. Слѣдующее мѣсто изъ первой книги Паралипоменонъ, глава XXV, стихъ 2: «Изъ сыновей Ассафа Заккуръ, Іосифъ, Неѳанія и Амарема, сыновья Ассафа, подъ руководствомъ Ассафа, игравшаго по настоянію царя», по всей вѣроятности, указываетъ на то, что Давидъ при устройствѣ музыкальнаго богослуженія отдѣлилъ извѣстное число исполнителей для своего частнаго удовольствія и отдалъ ихъ подъ управленіе Ассафа, или, такъ сказать, сдѣлалъ Ассафа главнымъ капельмейстеромъ своей придворной капеллы. Наконецъ возможность такихъ капеллъ тѣмъ менѣе удивительна, что Давидъ самъ былъ въ нѣкоторомъ родѣ придворнымъ солистомъ, такъ какъ Саулъ призвалъ его для пѣнія и игры на арфѣ; если предъидущій царь имѣлъ своего придворнаго солиста-музыканта, то почему-бы послѣдующему не имѣть при своемъ дворѣ цѣлой пѣвческой капеллы? Повторяемъ, существованіе капеллы царя Давида очень возможно и вѣроятно, хотя утверждать этого нельзя, за неимѣніемъ какой нибудь опоры въ фактическихъ доказательствахъ *.

М. Лабунская.

(Продолженіе будетъ).

---

* Во времена нюренбергскихъ мейстерзингеровъ, такъ называемый *Давидъ* была школьная драгоцѣнность. Это былъ серебряный снурокъ, на которомъ висѣли три серебрянныя, вызолоченныя медали; на средней изъ нихъ, самой большой и красивой, было изображеніе царя Давида съ арфой. Снурокъ этотъ надѣвалъ на шею тотъ, кто получалъ первую награду за пѣніе, и это было особенно почетнымъ знакомъ.

ЖАЛКІЙ БАЛАГУРЪ.

КАРТИНА СЪ НАТУРЫ.

Мнѣ такъ и кажется, что я вижу его передъ собою—этого долговязаго, худощаваго Янкеля Грюншпана, съ его черными, глубоко-печальными глазами, которые такъ грустно смотрѣли на міръ Божій, съ его блѣднымъ, болѣзненнымъ лицомъ и несоразмѣрно-большою головою, которая постоянно опускалась на впалую грудь, напоминая собою большой, перезрѣлый плодъ, готовый оторваться отъ вѣтки. По профессіи Янкель былъ собственно сторожемъ при винномъ складѣ, но помимо того у него было еще довольно странное постороннее занятіе: онъ былъ балагуромъ, или, какъ ихъ называютъ на Литвѣ и въ Галиціи, „маршалокъ". При всякой свадьбѣ, праздновавшейся среди еврейскаго населенія городка Ф., Янкель былъ непремѣннымъ дѣйствующимъ лицомъ, на обязанности котораго лежало забавлять молодыхъ и свадебныхъ гостей.

Причина, заставившая меланхолическаго по натурѣ Грюншпана избрать именно занятіе присяжнаго балагура, была, быть можетъ, та же самая, которая заставила моего прежняго школьнаго товарища Аарона Ниренфельда, выказывавшаго еще ребенкомъ недюжинный талантъ къ рисованію, посвятить себя въ болѣе зрѣломъ возрастѣ портняжному ремеслу, или которая принудила другого моего товарища, Мордухая Дрекусса, проявлявшаго еще въ дѣтствѣ необыкновенныя способности къ математикѣ, занять впослѣдствіи мѣсто синагогальнаго служителя. Дѣло въ томъ, что всѣ они оказались жертвами неудачнаго

воспитанія. Бѣдные, невѣжественные родители ихъ не имѣли ни малѣйшаго понятія объ истинномъ призваніи дѣтей своихъ. Приданое, которымъ природа снабдила дѣтей, было безцеремонно брошено въ сторону, и когда этимъ послѣднимъ угрожала опасность захлебнуться въ волнахъ житейскаго моря, они въ отчаяніи своемъ хватались за всякую соломенку, надѣясь вынырнуть изъ морской пучины. И такимъ-то образомъ живописецъ превратился въ портнягу, математикъ—въ служителя синагоги, и такимъ же образомъ случилось и то, что меланхоликъ-Грюншпанъ сдѣлался балагуромъ по профессіи.

Впрочемъ, нужно отдать справедливость бѣдному Янкелю Грюншпану — изъ него вышелъ весьма мрачный балагуръ. Я по меньшей мѣрѣ разъ сто видѣлъ его на разныхъ свадьбахъ, но никогда ни въ какой другой роли, кромѣ призрака или мертвеца. Въ качествѣ призрака онъ появлялся сидящимъ на столѣ, окруженный множествомъ свѣчей, одѣтый въ красную куртку, съ сдѣланной изъ бумаги высокой цилиндрической шляпой на головѣ, съ длиннымъ чубукомъ въ зубахъ, изъ котораго онъ испускалъ густые клубы табачнаго дыма, причемъ по временамъ испускалъ также весьма непріятное для слуха рычаніе. Изображая же собою мертвеца, онъ появлялся въ широкомъ, со складками, балахонѣ, подъ которымъ въ видѣ савана была надѣта длинная бѣлая рубашка. Въ такомъ видѣ онъ появлялся среди гостей, хваталъ бутылку водки, восклицая словами священнаго писанія: „Дайте вина несчастному, опьяняющаго зелья ожесточенной душѣ", и, сдѣлавъ съ бутылкой въ рукѣ нѣсколько козлиныхъ прыжковъ, осушалъ ее до дна. Затѣмъ онъ какъ бы нечаянно ронялъ изъ рукъ бутылку, которая разбивалась въ дребезги, проводилъ руками, вымазанными бѣлой пудрой, по лицу своему, которое вслѣдствіе этого вдругъ точно покрывалось смертельною блѣдностью, и, спуская съ плечъ своихъ черную мантію грохался на полъ, на которомъ въ своемъ бѣломъ кителѣ лежалъ неподвижно, точно мертвецъ. По его объясненію, эта роль должна была представлять собою смерть, которая очень часто поражаетъ человѣка среди величайшихъ радостей жизни.

Гости начинали затѣмъ кружиться вокругъ мнимаго мертвеца въ дикой пляскѣ, что̀ составляло вторую часть этой пантомимы, изображая собою круговоротъ жизни, въ которой и веселіе, и смерть, постоянно смѣняются безпощадной чередою. Третій и послѣдній актъ начинался протяжнымъ звукомъ, извлекавшимся изъ какого-нибудь инструмента, долженствовавшимъ изображать собою трубу архангела въ день страшнаго суда, послѣ чего изъ сосѣдней комнаты выходилъ человѣкъ, съ подвязанной длинной пеньковой бородою, укутанный въ просторный, бѣлый плащъ, и изображавшій собою пророка Илію; онъ направлялся къ мнимо-умершему, наклонялся надъ нимъ и трижды дулъ ему въ ротъ. При третьемъ дуновеніи мертвецъ приподнимался, потягивался, какъ бы проснувшись отъ долгаго сна, и рукавомъ стиралъ пудру съ своего лица, которое вслѣдствіе того вновь получало свой естественный цвѣтъ. Веселіе достигало въ эту минуту своего апогея, такъ какъ музыканты начинали играть плясовую пѣснь, и всѣ владѣвшіе ногами принимались прыгать по-козлиному.

Обѣими этими ролями исчерпывался, такъ сказать, весь репертуаръ нашего балагура, такъ что каждый разъ, когда онъ появлялся на какой-нибудь свадьбѣ, можно было быть увѣреннымъ заранѣе, что Янкель сейчасъ явится или въ красной куртке, въ роли призрака, или въ бѣломъ кителѣ, въ роли мертвеца.

Неоднократно видѣвши Янкеля въ этихъ роляхъ, я поэтому, будучи ребенкомъ, никакъ не могъ представить себѣ призрака иначе, какъ въ видѣ какого-то ревущаго существа, въ ярко-красной фуфайкѣ, съ аршинной шляпой на головѣ и съ длиннымъ чубукомъ въ зубахъ. Мертвеца же я опять-таки представлялъ себѣ не иначе, какъ одѣтымъ еще при жизни въ полотняный саванъ и тянущимъ за минуту до своей смерти изъ горшка бутылки водку, пляшущимъ по-козлиному и затѣмъ снопомъ валящимся на полъ. И лишь много позднѣе Берель-Басъ далъ мнѣ болѣе обстоятельное понятіе о призракахъ и о мертвецахъ.

Берель назывался Басомъ не потому, чтобы такова была его фа-

милія, а потому, что онъ, по ремеслу своему, былъ контръ-басистомъ въ мѣстномъ оркестрѣ, да и наружностью своею, большой, косматой головой, атлетическимъ тѣлосложеніемъ, широкой, въ косую сажень, грудью онъ напоминалъ громадный, неуклюжій контръбасъ. Къ тому же, его грубый голосъ, басъ самаго низкаго регистра, поразительно напоминалъ собою звуки, извлекавшіеся имъ изъ своего инструмента, даже тогда, когда онъ старался придать ему мягкое и сладкое выраженіе. Берель самъ себя считалъ великимъ знатокомъ искусства, и не совсѣмъ безосновательно, такъ какъ онъ когда-то прожилъ цѣлыхъ два года въ Берлинѣ и видѣлъ тамъ на театральныхъ подмосткахъ великаго актера Дависона, котораго онъ съ тѣхъ поръ, въ сознаніи собственнаго своего достоинства, никогда не называлъ иначе, какъ „нашъ Давидсонъ“.

Само собою понятно, что весьма примитивныя представленія балагура Янкеля ни въ какомъ случаѣ не могли удовлетворить такого знатока искусства, какъ Берель-Басъ, который видѣлъ на сценѣ „нашего Давидсона“. „Развѣ это призракъ?“ — пренебрежительно и съ миной великаго художественнаго критика говаривалъ онъ. — „Какой же призракъ появляется при свѣтѣ, куритъ трубку и реветъ какъ теленокъ, котораго рѣжутъ? Вотъ въ „Гамлетѣ“ — тамъ настоящій призракъ! Тамъ среди полной темноты, только изрѣдка освѣщаемой на минуту яркимъ блескомъ молніи, вдругъ появляется привидѣніе, какъ будто вышедшее изъ-подъ земли, молчаливо и мрачно бродитъ въ темнотѣ, такъ что по кожѣ забѣгаютъ мурашки. Вотъ это такъ привидѣніе! А что касается умѣнія умирать, то на это способенъ только „нашъ Давидсонъ“. Тотъ, ни дать, ни взять, умираетъ, какъ живой человѣкъ!“

Въ разговорѣ съ Грюншпаномъ Берель также нимало не стѣснялся и откровенно высказывалъ ему свое мнѣніе: „И какъ это вы могли рѣшиться“, — говорилъ онъ присяжному увеселителю,—„какъ вы могли рѣшиться выступать въ роли мертвеца, если вы даже не видѣли „нашего Давидсона“? Вѣдь ваше представленіе положительно никуда

не годится. Такъ быстро люди не умираютъ, любезный другъ! Смерти всегда предшествуютъ сначала дрожаніе, потомъ шатаніе на ногахъ». И желая показать ему на дѣлѣ, какъ слѣдуетъ умирать, онъ принимался шататься на ногахъ изъ стороны въ сторону, а затѣмъ спотыкаться, и притомъ такъ сильно, что въ комнатѣ происходило легкое землетрясеніе и посуда едва не падала со стола. „Затѣмъ", — продолжалъ онъ, — „нужно умѣть придавать глазамъ неподвижное, какъ бы стекляное выраженіе, да не слѣдуетъ также забывать и хрипѣнія". И затѣмъ, подъ предлогомъ хрипѣнія, онъ принимался мычать такъ сильно, что всѣ присутствовавшіе, громко расхохотавшись, затыкали себѣ уши. „Да, видите-ли, мой милѣйшій",—говорилъ онъ въ заключеніе,—„умирать—вовсе не такъ легко, какъ оно кажется. Для того, чтобы хорошенько изучить это искусство, потребна цѣлая жизнь. Это умѣлъ дѣлать только „нашъ Давидсонъ".

Янкель Грюншпанъ, хотя каждый разъ и благоговѣйно выслушивалъ лекцію эстетики, прочитываемую ему Берелемъ, но, казалось, долгое время нимало не заботился о томъ, чтобы примѣнить поученія его на практикѣ. Только однажды онъ представилъ мертвеца совершенно во вкусѣ Береля Баса, такъ что даже самъ учитель вынужденъ былъ сознаться, что въ тѣлѣ Грюншпана живетъ душа великаго художника и что даже самъ „нашъ Давидсонъ" не могъ-бы пойти дальше въ этомъ отношеніи. Дѣло въ томъ, что однажды Грюншпану случилось на свадьбѣ одного изъ своихъ земляковъ поглубже заглянуть въ бутылку съ водкой, неизвѣстно—съ тѣмъ-ли намѣреніемъ, чтобы съиграть предстоявшую ему роль съ бòльшимъ воодушевленіемъ и жаромъ, или потому, что онъ на этотъ разъ болѣе, чѣмъ когда-либо принялъ къ сердцу слова св. писанія: — „Дайте вина несчастному, опьяняющаго зелья ожесточенной душѣ"? Около полуночи онъ, по обыкновенію, удалился въ сосѣднюю комнату, для того, чтобы закостюмироваться для своей роли. Немного погодя, онъ снова появился въ залѣ въ своемъ черномъ, широкомъ балахонѣ. Онъ сдѣлалъ нѣсколько ша-

говъ по комнатѣ, но не твердыми, вѣрными шагами, какъ всегда, а шатаясь и волоча ноги.

— На этотъ разъ онъ начинаетъ недурно, — замѣтилъ Берель съ глубокомысленной миной знатока.

„Маршалекъ“ еще сильнѣе покачнулся. — Отлично! снисходительно улыбаясь замѣтилъ Берель, — въ этомъ уже видно нѣкоторое искусство.

— Да, если выпить столько, сколько сегодня выпилъ „маршалекъ“,—скептически замѣтилъ стоявшій подлѣ Береля гость, — то искусство по-неволѣ бросится въ ноги.

Походка Грюншпана становилась все болѣе и болѣе нетвердою.

— Браво, браво!— кричалъ Берель, повидимому вполнѣ довольный своимъ ученикомъ.

Грюншпанъ, шатаясь, подошелъ къ креслу и грузно опустился въ него.

— Никогда я не счелъ бы его способнымъ на такое художественное исполненіе!—кричалъ Берель Басъ.

Балагуръ все болѣе и болѣе входилъ въ свою роль и провелъ рукою по лицу своему, которое вдругъ покрылось смертельной блѣдностью, причемъ также замѣтно было, что на немъ выступилъ потъ.

— Превосходно!—неистовствовалъ Берель Басъ. — Вотъ это такъ игра! Это въ родѣ „нашего Давидсона“!

Грюншпанъ все болѣе и болѣе одушевлялся и ревѣлъ какимъ - то дикимъ, отчаяннымъ голосомъ:

— Глотокъ воды! Ради Бога, глотокъ воды!

Одушевленіе актера охватило всѣхъ присутствующихъ, раздались оглушительныя рукоплесканія.

Тѣмъ временемъ Янкель, продолжая представленіе, сталъ корчиться и свиваться клубкомъ, испускалъ какіе-то не - членораздѣльные звуки, судорожно сжималъ кулаки и билъ себя ими въ грудь. Берель Басъ просто захлебывался отъ наслажденія и оралъ: — Браво, браво! Превосходно!

Тутъ маршалекъ, къ вящшему восторгу публики, показалъ ей пару закатившихся, точно стеклянныхъ, глазъ. Рукоплесканія еще болѣе усилились.

Наконецъ Грюншпанъ дошелъ до апогея искусства, громко вскрикнувъ и покатившись на полъ, между тѣмъ какъ черный плащъ его свалился съ его плечъ, и онъ, послѣ нѣкотораго дрыганія ногами и руками, вытянулся на полу во весь ростъ въ своемъ бѣломъ кителѣ, дѣйствительно напоминавшимъ саванъ.

— Ни дать, ни взять, — „нашъ Давидсонъ!" — воскликнулъ Берель Басъ въ восторгѣ, и принялся настраивать свой контръ-басъ, между тѣмъ какъ остальные духовые и струнные инструменты заиграли какой-то шумный маршъ.

Ликованіе гостей становилось все болѣе и болѣе шумнымъ. Всѣ стали приплясывать и притопывать вокругъ мнимаго трупа, какъ того и требовала мораль пьесы.

Наконецъ раздался и протяжный звукъ трубы, долженствовавшій изображать собою звукъ трубы архангела въ день страшнаго суда,— и все смолкло, наступила торжественная тишина. Изъ сосѣдней комнаты, дверь въ которую широко распахнулась, выступила облаченная въ бѣлое одѣяніе фигура, съ длинной подвязанной пеньковой бородою, долженствовавшая изображать собою пророка Илію. Пророкъ наклонился надъ мертвецомъ и трижды дунулъ ему въ ротъ; но тотъ на этотъ разъ не вскочилъ, по обыкновенію, быстрымъ движеніемъ на ноги, а оставался лежать тихо и неподвижно.

— Сегодня все исполняется по всѣмъ правиламъ искусства, — шепталъ Берель, сіяя отъ радости, своему сосѣду;—вѣдь понятно же, что оживаніе трупа можетъ происходить лишь постепенно, а не вдругъ.

Пророкъ Илія дулъ изо всей мочи, разъ восемь или десять; но видя, что все это ни къ чему не ведетъ, онъ началъ восклицать тор-

жественнымъ голосомъ:—„Янкель, Янкель, проснись! Судный день наступилъ!“

Но Янкель не послушался и этого торжественнаго приглашенія, а продолжалъ лежать съ стиснутыми зубами и посоловѣлыми глазами. Пророкъ Илія попробовалъ прибѣгнуть къ отчаяннымъ средствамъ и сталъ довольно грубо расталкивать мертвеца, не переставая кричать:—„Янкель, Янкель, проснись, судный день наступилъ!“

Грюншпанъ, однако, не шевелился и безпрекословно позволялъ поворачивать себя во всѣ стороны, точно куклу.

— Однако серьезно же принялся онъ сегодня за свою роль, — замѣтилъ одинъ изъ близь-стоявшихъ, состроивъ обезпокоенную мину.—Это какъ будто-бы даже не совсѣмъ подходитъ къ свадебному пиршеству.

— Э-эхъ, о чемъ вы тамъ толкуете? — съ досадой перебилъ его Берель Басъ. — Развѣ вы имѣете хотя бы какое-нибудь понятіе объ искусствѣ? „Нашъ Давидсонъ“, будучи на его мѣстѣ, съигралъ бы точно такъ же.

* * *

Однако почтенный Берель ошибался: совершенно точно такъ же „нашъ Давидсонъ“ все-таки не съигралъ бы своей роли, ибо онъ въ концѣ концовъ все же поднялся бы съ пола, чтобы раскланяться съ благосклонной публикой; между тѣмъ какъ бѣдный нашъ балагуръ продолжалъ оставаться совершенно безчувственнымъ къ происходившей вокругъ него сутолокѣ и суматохѣ и часъ спустя былъ вынесенъ, при громкихъ вопляхъ и рыданіяхъ своей вдовы и пяти осиротѣлыхъ дѣтей, въ видѣ „настоящаго, всамдѣлѣшняго“ трупа, изъ свадебнаго зала. Да и что изъ этого? Вѣдь онъ же былъ только „жалкій балагуръ“, уступившій свое мѣсто другому. Онъ умеръ, а мораль разъигранной имъ пьесы осталась: „хлѣба и зрѣлищъ!“ Число свадебъ ни мало не уменьшилось, не смотря на то, что бѣдный Янкель уже болѣе двѣнадцати лѣтъ спитъ долгимъ сномъ праведнаго въ скромномъ уголку

еврейскаго кладбища. Солнце по прежнему продолжаетъ восходить и заходить, цвѣты и снѣгъ, правильно чередуясь, продолжаютъ по прежнему покрывать могилы, радость и горе по-прежнему продолжаютъ ходить рука объ руку по землѣ, сутолока людская не прекращается, и жизнь продолжаетъ съ шумомъ катить свои высоко-вздымающіяся волны надъ легкою зыбью смерти.

Н. Самуэли.

ГЛАВА ИЗЪ ИСТОРІИ ЕВРЕЕВЪ ВО ФРАНЦІИ ВЪ XIV И XV СТОЛѢТІЯХЪ.

(Les Juifs en Dauphiné aux XIV et XV siècles, par A. Prudhomme, archiviste de l'Isère. Grenoble, imprimerie Gabriel Dupont, 1883).

Книга, съ содержаніемъ которой я намѣренъ познакомить читателя, представляетъ почти библіографическую рѣдкость, не смотря на то, что появилась въ печати всего мѣсяца три-четыре тому назадъ. Дѣло въ томъ, что, въ виду своего спеціальнаго характера и спеціальнаго интереса, она была напечатана всего въ количествѣ ста экземпляровъ, имѣя въ виду одинъ только весьма ограниченный кругъ любителей и ученыхъ. Она составлена ученымъ архивистомъ на основаніи найденныхъ имъ въ Изерскомъ архивѣ документовъ, до сихъ поръ еще ни разу не изданныхъ и не утилизированныхъ. Факты, содержащіеся въ этой книгѣ, отличаются, такимъ образомъ, строжайшей правдивостью и достовѣрностью, и изложены съ абсолютнымъ безпристрастіемъ, что̀ составляетъ теперь рѣдкое и неоцѣнимое достоинство. Авторъ не задается впрочемъ цѣлью знакомить съ подробною исторіей евреевъ за означенный періодъ, такъ какъ для этого у него не имѣется достаточно документовъ, безъ твердой опоры которыхъ онъ ничего не предпринимаетъ и не утверждаетъ. Онъ только знакомитъ съ формою отношеній правителей Дофинэ къ евреямъ, а эти отношенія въ высшей степени интересны и поучительны. Они намъ въ сто-тысячный разъ показываютъ, что даже въ самыя мрачныя эпохи фанатизма, когда съ перваго взгляда казалось бы, что во всемъ преобладаетъ религіозный элементъ, направляющій всѣ дѣйствія лю-

дей,—что даже въ эту эпоху правителями, въ особенности въ ихъ отношеніяхъ къ евреямъ, руководили самые низменные, самые подлые, хищническіе инстинкты; что тамъ, гдѣ ихъ ненасытному корыстолюбію чуялась нажива, они не, задумываясь, жертвовали всѣми интересами, интересами религіи, церкви и своихъ народовъ. И, при этомъ, всегда было достаточно безстыдства, чтобы обвинять евреевъ въ жадности къ деньгамъ!

Но перейдемъ къ фактамъ, причемъ я познакомлю читателя съ самыми интересными изъ нихъ.

Переселеніе евреевъ въ Дофинэ * относится къ первымъ вѣкамъ христіанства. Ясные же слѣды ихъ пребыванія въ этой мѣстности можно найти только въ началѣ VI-го вѣка. Эти слѣды, само собою разумѣется, отмѣчаются какимъ нибудь запрещеніемъ. Въ данномъ случаѣ дѣло идетъ объ изданномъ Эпаонскимъ соборомъ запрещеніи христіанамъ принимать пищу вмѣстѣ съ евреями.

Ревностные охранители христіанской чистоты доходятъ до того, что запрещаютъ духовнымъ лицамъ принимать пищу вмѣстѣ съ міряными, осквернившими себя присутствіемъ за еврейскимъ столомъ: «*a judaeorum vero conviviis etiam constitutio nostra prohibuit nec cum ullo clerico nostro panem comedat quisquis judeorum fuerit convivio inquinatus*».

Передавая послѣдній фактъ, авторъ высказываетъ мысль, что въ то время ненависть къ евреямъ со стороны массы совсѣмъ почти уже улеглась, что̀ доказывается интимными ея сношеніями съ ними, сношеніями, дошедшими до того, что они

---

* Напомню читателю, что эта провинція Франціи, два раза входившая въ составъ Бургундскаго королевства, до 1349 г. составляла самостоятельное графство, владѣтели котораго назывались дофинами, какъ полагаютъ, потому, что они на своихъ шлемахъ имѣли изображеніе дельфина (по французски dauphin). Она была окружена Савойей, графствомъ Ліоне, отъ котораго её отдѣляла Рона, Провансомъ и др. Всѣ эти пограничныя провинціи тоже были населены евреями. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, именно, въ Савойѣ, жизнь ихъ была болѣе или менѣе сносна. Въ 1349 году, Гумбертъ II, послѣдній наслѣдникъ изъ такъ называемаго дома La Tour-du-Pin, вслѣдствіе своего бездѣтства и своего полнаго раззоренія уступилъ свои владѣнія Іоанну, сыну Филиппа Валуа, за извѣстную сумму денегъ съ условіемъ, чтобы наслѣдники французскаго престола назывались дофинами. Это—одна изъ прекраснѣйшихъ и живописнѣйшихъ областей Франціи.

вызвали неудовольствіе духовенства. Но скорѣе слѣдуетъ согласиться съ Гретцомъ и Дармстетеромъ *, что ненависть эта вовсе еще тогда не существовала, и что она позднѣе была искусственно создана духовенствомъ, которое тѣсно связывало идею христіанства съ непримиримой ненавистью къ всякому другому исповѣданію и, особенно, къ іудейскому.

Всѣмъ извѣстно, что древній языческій міръ не зналъ никакой религіозной ненависти. Это вытекало, впрочемъ, не изъ возвышенности воззрѣній, а изъ того взгляда, что каждый народъ долженъ имѣть своихъ собственныхъ боговъ. Религіозная замкнутость грековъ и римлянъ, гдѣ культъ былъ даже не національный, а фамильный, куда не допускался ни одинъ посторонній человѣкъ, мирилась отлично съ религіозной терпимостью въ указанномъ выше смыслѣ **. Эти древніе народы считали до того естественнымъ, чтобы всякая страна имѣла своихъ мѣстныхъ боговъ, что при завоеваніи какой нибудь новой земли старались переманить къ себѣ ея боговъ, обѣщая имъ богатыя жертвоприношенія и почетное пребываніе. Этимъ и объясняется хваленная терпимость Александра Македонскаго. Не удивительно, что многіе историки, совершенно не понимая этого явленія, оспаривали фактъ, абсолютно ничтожный при данномъ освѣщеніи, фактъ приношенія Александромъ богатыхъ жертвъ въ Іерусалимскомъ храмѣ и, вообще, обнаруженнаго имъ уваженія къ религіи Іеговы.

Только католическое духовенство, горя желаніемъ обратить весь міръ къ однимъ только своимъ вѣрованіямъ, внесло въ міръ религіозную нетерпимость. Съ одной стороны, его рѣшительно нельзя обвинять, ибо никакая идея не можетъ быть проведена въ жизнь безъ страстности, безъ фанатизма ***. Но съ другой

* См. его этюдъ „*Взглядъ на исторію еврейскаго народа*“, Восходъ 1883 кн. VIII—IX.

** См. объ этомъ превосходный трудъ Фюстель-де-Куланжа, *La Cité antique*.

*** *Кюпенъ*, извѣстный голландскій ученый гебраистъ, видитъ въ этомъ фанатизмѣ новое доказательство тождества христіанства съ іудаизмомъ, а также непремѣнное условіе его успѣшной пропаганды. На вопросъ, почему христіанство распространялось помощью насилія, онъ отвѣчаетъ: „Потому что Богъ христіанъ былъ Іегова Израиля, сострадательный, преисполненный милосердія, долготерпѣливый и великій въ своей милости... но также Богъ ревнивый, не терпящій другихъ боговъ передъ своимъ лицемъ. *Religion nationale et religion universelle*, p. 23.

стороны, должны признать, что, начиная съ IV — V и вплоть до XVII вѣка, идея почти совершенно исчезаетъ и уступаетъ мѣсто порожденному ею фанатизму.

Этотъ фанатизмъ, понятно, долженъ былъ быть прежде всего достояніемъ проповѣдниковъ, и потомъ уже сообщиться наэкзальтированной ими массѣ, которая однако довольно медленно воспринимала пламенныя проповѣди своихъ учителей. Теперь намъ станетъ совершенно понятнымъ, почему народныя массы входили въ тѣсныя сношенія съ евреями, въ то время, какъ духовенство сильно возмущалось такою близостью съ невѣрующими и издавало одно за другимъ строгія постановленія противъ этой терпимости или, лучше сказать, индифферентности народа. Нужно было около десяти столѣтій, чтобы фанатизмъ, проповѣдывавшійся духовенствомъ, окончательно вошелъ въ плоть и кровь народовъ. И дѣйствительно, только съ X-го вѣка начинается повсемѣстное проявленіе въ Европѣ дикой ненависти народныхъ массъ къ евреямъ.

И примѣръ Дофинэ можетъ насъ утвердить въ вышесказанномъ мнѣніи.

Не смотря на строгія предписанія собора, евреи въ теченіе трехъ вѣковъ все больше утверждаются въ этой странѣ, что вызываетъ новыя неудовольствія все еще, однако, безсильнаго духовенства.

Вьеннскій архіепископъ совмѣстно съ извѣстнымъ ліонскимъ архіепископомъ, Агобардомъ, столь энергичнымъ въ своей ненависти къ евреямъ, подаютъ жалобу на этихъ послѣднихъ Людовику Благочестивому *. Какъ извѣстно, всѣ эти жалобы

---

* Redarride. *Les Juifs en France, en Espagne et en Italie*, pp. 83 — 88. Гретцъ, *Исторія евреевъ*, т. V, стр. 192. Считаю не лишнимъ обратить здѣсь вниманіе читателей на нѣкоторое несогласіе между Бедарридомъ и Гретцемъ касательно одного довольно важнаго пункта. Гретцъ говоритъ (тамъ же, стр. 193), что благопріятному положенію евреевъ въ Франкской монархіи положилъ основаніе Карлъ Великій. Если дѣло идетъ о матеріальномъ положеніи, то это утвержденіе совершенно вѣрно. О немъ говоритъ и Беддарридъ. Что же касается гражданскаго и политическаго положенія евреевъ, то вотъ что говоритъ объ этомъ сей послѣдній: „Если торговые успѣхи евреевъ возрасли при Карлѣ Великомъ, за то ихъ политическое положеніе нисколько не улучшилось. Капитуляріи (законодательные акты Карла Великаго и вообще, Карловинговъ, такъ названные вслѣд-

ни къ чему не привели. Папы, однако, отличаются въ этотъ періодъ своею снисходительностью къ евреямъ, которымъ покровительствуютъ не только въ своихъ владѣніяхъ, но и во владѣніяхъ другихъ. Благодаря этому покровительству, евреи образуютъ особенно богатую и многочисленную колонію въ Вьеннскомъ епископствѣ, гдѣ въ одномъ только приходѣ, Сентъ-Андре-ле-Ба, у нихъ было три синагоги.

Но въ 1253 г., папа Иннокентій IV уступаетъ настояніямъ епископа Іоанна I-го и даетъ ему полномочіе изгнать ихъ. Въ обвиненіяхъ этого послѣдняго нѣтъ еще и помину о ростовщичествѣ и о другихъ, впослѣдствіи сдѣлавшихся столь распространенными, мнимыхъ преступленіяхъ евреевъ. Не смотря на это изгнаніе, мы ихъ опять находимъ въ Вьеннѣ, какъ и во всемъ епископствѣ, спустя тридцать пять лѣтъ, что видно изъ статутовъ собора, имѣвшаго мѣсто въ 1289 году. Этими статутами евреямъ предписывается пришивать на верхней одеждѣ кусокъ матеріи, круглой формы, для отличія ихъ отъ христіанъ; имъ запрещается держать христіанскую прислугу и

ствіе своего дѣленія на главы—capita, capitula по латынѣ) этого короля занимаются ихъ судьбою, только для того, чтобы возобновить исключительные законы и ограниченія, которыми ихъ отягощали въ предшествующія царствованія. Такъ, когда идетъ вопросъ о лицахъ; имѣющихъ право принести публичное обвиненіе или жалобу, Карлъ отказываетъ въ этомъ правѣ евреямъ. „*Мы желаемъ, говоритъ онъ, чтобы рабы, чтобы всѣ тѣ, которые отмѣчены безславіемъ или подвержены презрѣнію, а также еретики, были лишены права приносить жалобу*“. Въ эту рубрику входятъ и евреи, и, подъ именемъ *людей подлыхъ*, которыхъ ставятъ рядомъ съ осужденными преступниками и людьми, отмѣченными безчестіемъ, ихъ лишаютъ самаго священнаго права требовать суда за понесенныя обиды...

Въ своихъ законахъ о бракахъ, Карлъ Великій заепрещатъ евреямъ вмѣстѣ съ христіанами заключать браки между родственниками до седьмой линіи. „Мы, кромѣ того, желаемъ, говорится въ этихъ постановленіяхъ, чтобы всякій христіанинъ и христіанка, еврей и еврейка, желающіе вступить между собою въ бракъ, не иначе могли это сдѣлать, какъ констатировавъ предварительно приданное и *получивъ предварительно благословеніе въ церкви Божіей изъ рукъ священника*. Всякій же христіанинъ или еврей, который женится безъ того благословенія, долженъ заплатить королю сто су или получить сто ударовъ кнутомъ“. Такимъ образомъ евреи формально принуждены были просить благословенія своего брака у христіанской церкви. Къ счастію эта формальность могла быть устранена уплатою штрафа, и нѣтъ сомнѣнія, что евреи предпочитали платить, чѣмъ совершить такое нарушеніе религіи... Но, спрашиваемъ мы, какъ священ-

христіанскихъ кормилицъ *; запрещается продавать мясо убитыхъ ими животныхъ христіанамъ и даже *ѣсть мясо во время поста*. Если они встрѣчаютъ по дорогѣ крестъ или святые дары, то должны или немедленно удалиться или съ благоговѣніемъ предъ ними преклониться. Кромѣ того, они обязаны въ тѣмъ округахъ, гдѣ они живутъ, платить десятину церкви и давать ей *приношенія*. Всѣмъ сеньерамъ запрещается давать евреямъ какія бы то ни было должности. Святые отцы доходятъ до полнаго отождествленія евреевъ съ животными. Такъ, между преступниками, подлежащими суду епископа, фигурируетъ христіанинъ, *«qui cum judea, vel sarracine, vel bruto animali coire præsumpserit.»* Дальше этого, никакое грязное человѣческое воображеніе идти не могло, даже въ то время. Напрасенъ былъ только трудъ ревнителей христіанской чистоты. Даже среди самыхъ низкихъ подонковъ еврейскихъ общинъ того времени, невозможно было найти женщину, которая бы

никъ могъ благословлять бракъ евреевъ? Брачному благословенію должно было такимъ образомъ предшествовать отреченіе евреевъ отъ своей религіи, что, другими словами, значило, что еврей принужденъ былъ принять крещеніе, какъ только хотѣлъ вступить въ бракъ, если бы онъ не уплачивалъ штрафа или не пожелалъ-бъ подвергнуться ударамъ кнута". (Redarride, pp. 76, 78—79). Авторъ видитъ въ этомъ прозелитизмъ и самый утонченный. Я же склоненъ думать, что тутъ имѣлись въ виду еврейскія [illegible], по крайней мѣрѣ, на столько же, какъ и еврейскія души. Какъ бы то ни было, но изъ приведеннаго ясно видно, что Карлъ Великій не уступалъ въ религіозномъ изувѣрствѣ ни одному изъ своихъ предшественниковъ, если не превосходилъ ихъ въ этомъ отношеніи. Да и какой терпимости можно было ожидать отъ этого дикаго истребителя саксонцевъ, которыхъ онъ тысячами рѣзалъ во имя христіанской любви! Кому не извѣстны его варварскіе разбойничьи набѣги на этотъ несчастный народъ, не желавшій принять религію изъ рукъ убійцъ и грабителей! Вотъ къ чему часто сводится дѣятельность этихъ «великихъ» правителей всѣхъ вѣковъ! Великодушный Титъ, «утѣха рода человѣческаго», до сихъ поръ живетъ въ памяти еврейскаго народа, имъ зарѣзаннаго, живетъ, какъ олицетвореніе всего подлаго и гнуснаго, какъ синонимъ безсердечнаго убійцы. Такую же память сохранилъ о себѣ Александръ „Великій" въ сердцѣ парсовъ, до сихъ поръ вспоминающихъ о немъ, какъ о величайшемъ бандитѣ и истребителѣ (См. объ этомъ крайне интересное изслѣдованіе Дж. Дарместетера, „La legende d'Alexandre chez les Parses" въ его: „Essais Orientaux").

* Въ этомъ отношеніи Віеннскій соборъ XIII вѣка сходится съ русскимъ закономъ XIX вѣка.

не согласилась скорѣе трижды умереть мученической смертію, чѣмъ дозволить осквернить себя прикосновеніемъ даже самаго могущественнаго феодала.

Но и эти драконовы постановленія не мѣшали бы евреямъ все больше размножаться въ Віеннѣ. Они отлично поняли важность этого епископства въ торговомъ отношеніи, такъ какъ оно лежало на пути между двумя важнѣйшими коммерческими пунктами, Ліономъ и Марселемъ, а эти коммерческія выгоды и теперь часто заставляютъ евреевъ забывать всѣ дикіе драконовы законы о нихъ. Впрочемъ, въ то время не было выбора. Куда бы они ни направились, они не могли избѣгнуть преслѣдованій и униженія, вездѣ ихъ ожидалъ тотъ же тупой фанатизмъ, таже дикая ярость врага, то же смиреніе—предъ кумиромъ золота и серебра, смиреніе, къ несчастію, временное, минутное, до почуянія новой наживы.

Въ 1306 году Филиппъ Красивый изгоняетъ всѣхъ евреевъ изъ Франціи съ цѣлью ихъ ограбленія. Большее число ихъ направляется тогда въ Бургундію, другіе ищутъ убѣжища въ Дофине. Дофинъ Гумбертъ I принимаетъ ихъ охотно, конечно имѣя въ виду будущіе барыши. Двумъ евреямъ, Аміэлю и Морелю, онъ даетъ важныя привиллегіи, за что тѣ обязываются ему уплачивать ежегодно по 10 ливровъ.

Эти привиллегіи доказываютъ намъ, какъ легко правители продавали своихъ милыхъ подданныхъ первому встрѣчному, даже врагу Христа, лишь бы эта продажа давала хорошіе доходы.

Дофинъ далъ имъ право учреждать банки въ Греноблѣ и во всякомъ другомъ городѣ его государства, гдѣ они могли давать взаймы деньги подъ обязательства или подъ залогъ; они имѣли право принуждать своихъ должниковъ уплачивать долги въ установленный срокъ, *не прибѣгая для этого къ суду*; наконецъ, имѣли право продавать ввѣренные имъ залоги послѣ неуплаты. *Относительно срока платежа, какъ относительно слѣдуемой суммы, не требовалось другаго доказательства, кромѣ клятвы еврея.*

Гумбертъ призывалъ другихъ евреевъ, предлагая имъ всѣ привиллегіи на упомянутыхъ условіяхъ. Евреи кинулись на этотъ зовъ и быстро наполнили города Дофине, гдѣ нѣкоторое

время жили спокойно и свободно какъ подъ властью Гумберта I, такъ и его намѣстника Іоанна II и Гюго VIII (1310—1333). Въ матеріальномъ отношеніи ихъ положеніе тоже было довольно хорошее, не смотря на сильную конкуренцію итальянцевъ, извѣстныхъ тогда подъ именемъ ломбардцевъ.

Въ 1322 году папа Іоаннъ XXII изгоняетъ евреевъ изъ своихъ владѣній, и эти изгнанники тоже направляются въ Дофине.

Епископъ Вьенскій Гильомъ-де-Руссильонъ слѣдуетъ примѣру дофиновъ и тоже принимаетъ евреевъ подъ свое покровительство, причемъ онъ даетъ почти такія же привиллегіи, какія имъ далъ Гумбертъ I. За эти привиллегіи епископъ взымалъ съ нихъ по одному золотому флорину и по нѣсколько фунтовъ воску.

Феодальные сеньеры, вассалы дофина, не меньше своего сюзерена старались привлекать евреевъ въ свои владѣнія, желая также извлекать изъ нихъ денежную выгоду.

При Гумбертѣ II, послѣднемъ дофинѣ, евреи были то изгоняемы, то снова призываемы, то покровительствуемы, то предаваемы народной ярости и, наконецъ, окончательно изгнаны и ограблены (27 іюля 1345 г.). Это изгнаніе Гумбертъ совершилъ въ виду крайней нужды въ деньгахъ для участія въ крестовомъ походѣ.

Я не стану утомлять читателя перечисленіемъ гнусныхъ, вѣроломныхъ поступковъ этого ханжи съ евреями. Его безстыдство доходило до того, что онъ, напримѣръ, самъ строго предписывалъ коммисарамъ строжайше слѣдить за тѣмъ, чтобы должники евреевъ неуклонно платили деньги къ установленному сроку. И когда деньги были уплачены, онъ вдругъ требовалъ съ евреевъ новыхъ налоговъ или новыхъ займовъ. И это онъ дѣлалъ каждый разъ, когда его казна оказывалась пустою.

Архіепископъ ліонскій, Анри-де-Вилларъ, которому было поручено управленіе Дофине во время отсутствія Гумберта, отлично понялъ политику дофина и далъ понять евреямъ, что тысячью флоринами можно умиротворить пламенныя религіозныя чувства ревнителя вѣры. Вообще, этотъ епископъ отличался терпимостью, которую онъ, правда, заставляетъ дорого

оплачивать, и все его управленіе составляетъ цѣлый рядъ привиллегій, данныхъ отдѣльнымъ лицамъ или цѣлымъ еврейскимъ общинамъ. Въ своихъ отношеніяхъ къ евреямъ онъ руководствовался совѣтами папы, какъ онъ писалъ объ этомъ Гумберту. Папа же находилъ, что было бы безполезно изгонять евреевъ и ломбардцевъ, *«когда изъ нихъ можно извлечь пользу»*.

До сихъ поръ евреи въ Дофине страдали отъ жадности правителей, которые давали имъ временами возможность спокойно заниматься торговлей, чтобы при первой надобности лишить ихъ всего, что они пріобрѣтали въ теченіе долгихъ годовъ. Но вотъ страшный бичъ, чума, засвирѣпствовала по всей Европѣ, унося сотни тысячъ людей, и затрепетавшій христіанскій міръ еврейскими жертвами хотѣлъ успокоить яростный гнѣвъ Провидѣнія. Такова всегда логика безсильнаго тирана—въ своемъ жалкомъ безсиліи изливать свою злобу на болѣе слабаго. Такъ оно было всегда, такъ бываетъ теперь и такъ будетъ вѣроятно всегда, пока будутъ существовать сильный и слабый. Все, что можетъ создать напуганное воображеніе, поддерживаемое тупымъ, искалѣченнымъ религіознымъ чувствомъ, было пущено въ ходъ противъ евреевъ: обвиненія въ отравленіи колодцевъ и фонтановъ, въ убіеніи младенцевъ и т. п. И потоками полилась еврейская кровь, и изувѣченные трупы зарѣзанныхъ жертвъ покрыли собою всѣ страны, куда только проникло католическое духовенство. И въ Дофине евреи подверглись той же участи, что и въ другихъ христіанскихъ странахъ. Во многихъ городахъ всѣ рѣшительно евреи были перерѣзаны до послѣдняго человѣка. Возвратившійся изъ крестоваго похода Гумбертъ старался еще болѣе разъярить народную массу и *отправилъ двухъ совѣтниковъ, которые должны были разъяснить народу, какія тяжкія обвиненія лежатъ на евреяхъ*. Можно себѣ легко представить, какъ должно было воспламенить массу такое отвратительное потвержденіе того, что неясно только мерещилось ихъ дикому воображенію.

Въ с. Эфели евреи всѣ были заключены въ замокъ. Народъ бросился туда, разбилъ двери и перерѣзалъ всѣхъ заключенныхъ, послѣ чего кинулся грабить дома умерщвленныхъ

евреевъ. Дофинъ, чтобы показать свое одобреніе, назначилъ убійцамъ награду въ 50 флориновъ каждому.

Это страшное неистовство свирѣпствуетъ съ особой звѣрской силою въ 1348—1349.

Но я обойду эти кровавыя дѣянія направленной противъ евреевъ невѣжественной фанатической массы, тѣмъ болѣе, что мы собственными глазами въ последнее время видѣли много похожаго, и намъ нѣтъ для этого надобности рыться въ далекомъ прошломъ...

Прекраснымъ освѣщеніемъ возвышенныхъ мотивовъ, которыми руководился Гумбертъ II въ своихъ отношеніяхъ къ евреямъ, можетъ служить то обстоятельство, что, уничтоживъ долговыя обязательства евреевъ, онъ этимъ нисколько не думалъ облегчить участь должниковъ; ибо самъ овладѣлъ этими обязательствами и требовалъ по нимъ уплату. Позже мы увидимъ, какъ онъ всѣ права на долги евреямъ уступаетъ новому дофину Карлу *, вступающему въ управленіе Дофине въ 1349 году.

Что касается этого послѣдняго, то въ его царствованіе евреи пользовались сравнительнымъ спокойствіемъ, конечно, хорошо оплаченнымъ. Карлъ начинаетъ свое управленіе рядомъ охранительныхъ писемъ (lettres de sauvegarde) разнымъ еврейскимъ семействамъ, которыя за извѣстную плату, довольно дорогую, онъ беретъ подъ свое личное покровительство.

Между прочимъ, онъ вручаетъ такое письмо нѣкоему еврею Саламину, пользовавшемуся большимъ вліяніемъ при регентѣ Анри-де-Вилларъ. Этого Саламина (по всей вѣроятности, Соломона; вообще еврейскія имена у нашего автора искажены до неузнаваемости, что, вѣроятно, не его вина, а вина документовъ, которыми онъ пользовался) дофинъ не иначе называетъ, какъ *dilectum nostrum*, что, вѣроятно, обошлось не дешево, какъ и

* Герцогу нормандскому, впослѣдствіи Карлу V, названному Мудрымъ. Онъ былъ старшій сынъ короля Іоанна, которому, какъ я сказалъ выше, Гумбертъ уступилъ Дофине, ставшую съ тѣхъ поръ провинціею Франціи, впрочемъ, съ сохраненіемъ своей прежней свободы и своего прежняго строя. Карлъ, такимъ образомъ, является первымъ дофиномъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ это слово стало употребляться впослѣдствіи.

теперь не дешево обходится всѣмъ нашимъ Соломонамъ, лѣзущимъ въ дружбу съ безкорыстными сіятельными особами.

Довольно оригинально то, что взысканіе долговъ, которые, какъ было сказано выше, были ему уступлены прежнимъ дофиномъ, взысканіе долговъ по долговымъ обязательствамъ новый дофинъ поручилъ еврею, нѣкоему Абрааму Каэну изъ Марна, за что ему обѣщана шестая часть вырученнаго съ должниковъ. Надо читать всѣ подробности, съ какимъ упорствомъ и строгостью этотъ дофинъ старается собрать долги, чтобы убѣдиться воочію, сколько ханженства и лжи было во всѣхъ охраненіяхъ правителями народа отъ жадности евреевъ. Это все равно, какъ еслибы, напримѣръ, стая волковъ, вдругъ, взяла бы подъ свое покровительство всѣхъ барановъ и овецъ.

Собираніе долговъ продолжается цѣлыхъ *двадцать пять лѣтъ*, причемъ употребляются всѣ способы, чтобы открыть и такіе долги, которые могли и не очутиться въ обязательствахъ.

Въ 1355 году къ Дофине присоединена часть Савойи, между прочимъ городъ Сенъ-Симфорьенъ д'Озонъ, гдѣ находилась многочисленная и богатая еврейская колонія, процвѣтавшая подъ властью благосклонныхъ къ нимъ графовъ Савойскихъ.

Дофинъ Карлъ понялъ, что было бы не политично лишить эту общину ея прежнихъ привиллегій и, такимъ образомъ, заставить евреевъ покинуть процвѣтавшій, благодаря имъ, городъ. И вотъ, евреямъ какъ названнаго города, такъ и другихъ вновь пріобрѣтенныхъ мѣстностей онъ даетъ почти такія же привиллегіи, какими они пользовались въ своей прежней родинѣ. Эти привиллегіи можно назвать magna charta libertatum евреевъ и, такъ какъ эта хартія сдѣлалась типомъ для другихъ, данныхъ евреямъ въ различныхъ провинціяхъ, то я ее приведу цѣликомъ. Она, впрочемъ, и во многихъ другихъ отношеніяхъ очень интересна:

I. Евреи будутъ изъяты изъ закона о неотчуждаемости имущества *: передъ своею смертью они могутъ по завѣщанію

* Такъ называемый законъ о *Main morte*, тяготѣвшій надъ сервами вплоть до французской революціи; по этому закону серфъ былъ лишенъ права оставлять что бы то ни было въ наслѣдство своимъ дѣтямъ.

распредѣлять свое движимое и недвижимое имущество, какъ и христіанинъ.

II. Если еврей умираетъ безъ завѣщанія, его имущество будетъ отдано его дѣтямъ обоего пола, а если нѣтъ дѣтей, то ближайшимъ родственникамъ до четвертой степени.

III. Въ случаѣ, если умершій безъ завѣщанія еврей не оставляетъ ни дѣтей, ни другихъ извѣстныхъ наслѣдниковъ, имущество его должно быть отдано мѣстнымъ кастеляномъ на охраненіе тремъ выборнымъ изъ евреевъ, которые и должны отдать его наслѣдникамъ, какъ только они представятся.

IV. Евреи могутъ пріобрѣтать въ Дофине, подъ какимъ бы то ни было видомъ, дома, луга, лѣса, службы; право пастбища, рубки лѣса, право на наслѣдство и вообще всякое движимое и недвижимое имущество. Они также все это имѣютъ право продавать, какъ и всякій буржуа тѣхъ мѣстностей, гдѣ они живутъ.

V. Они имѣютъ право торговать разными товарами и деньгами, «*de denariis et deneriatis licite tamen et honeste*».

VI. Они будутъ изъяты изъ обязанности состоять въ стражѣ *, отъ обязанности дѣлать объѣзды и отъ сборовъ, дѣлающихся только для одной коммуны.

VII. Они будутъ платить, какъ и другіе буржуа, сборы, означенные подъ именемъ перевозныхъ и подъ другими наименованіями.

VIII. Въ случаѣ, если еврей, требующій предъ судьею уплаты долга, не съумѣетъ доказать своего требованія, или даже въ томъ случаѣ, когда должникъ докажетъ уплату требуемаго долга, еврей не будетъ подверженъ болѣе строгому наказанію, чѣмъ христіанинъ, виновный въ подобномъ же преступленіи.

---

* Такъ называемый „*service de l'host*“. Эта обязанность состояла въ томъ, что феодалъ долженъ былъ исполнять при дворѣ своего сюзерена должность почетнаго служителя въ теченіе сорока дней (по нѣкоторымъ, въ теченіи шестидесяти). Для этого онъ долженъ былъ являться непремѣнно лично и никѣмъ не могъ себя замѣнять. Родъ вооруженія, въ которомъ онъ долженъ былъ являться и которое дѣлалось на издержки вассала, опредѣлялось въ условіяхъ, регулировавшихъ вообще отношенія и обязанности вассала къ его сюзерену.

IX. Ни одинъ еврей не можетъ быть арестованъ, если онъ представитъ поруку въ томъ, что явится къ судьѣ.

X. *Еврей, совершившій какой либо проступокъ или преступленіе, будетъ одинъ только отвѣтственъ своею личностью и своимъ имуществомъ; его единовѣрцы же не могутъ быть тревожимы изъ-за этого случая.* Въ случаѣ, когда виновный еврей можетъ представить поручительство въ томъ, что явится, его имущество не можетъ быть конфисковано.

XI. Appellum duelli, сдѣланный евреямъ или ихъ семействамъ, не можетъ быть принятъ.

XII. Ни бальи, ни кастеллянъ, ни дофинскій чиновникъ, не можетъ конфисковать ничего въ ихъ домѣ противъ ихъ воли, если они заявляютъ готовность явиться въ судѣ въ назначенный день.

XIII. Еврей, уличенный въ какомъ либо проступкѣ, не можетъ быть подвергнутъ тѣлесному наказанію.

XIV. Запрещается строго дофинальнымъ судьямъ вступать въ какія бы то ни было сдѣлки съ евреями во всемъ, что касается совершенныхъ преступленій. Правильно поведенная процедура съ отвѣтами обвиненнаго должна быть представлена дофину, которому принадлежитъ право контролировать ее.

XV. Еврей не можетъ быть подверженъ допросу безъ распоряженія дофина.

XVI. Еврей, отказывающійся платить гербовый сборъ, будетъ изгнанъ дофинальными чиновниками по требованію трехъ представителей общины или ближайшей мѣстности.

XVII. *Тотъ, кто тайно или открыто будетъ произносить угрозы противъ евреевъ, будетъ принуждаемъ конфискаціей имущества или же другимъ способомъ, уважать ихъ права.*

XVIII. Всѣ тѣ, которые подписали евреямъ долговыя обязательства, укрѣпленныя дофинальною печатью, должны быть принуждаемы къ уплатѣ въ означенный срокъ мѣстными чиновниками безъ вмѣшательства суда, если только не будетъ заявлено о фальшивости документа или о томъ, что уплата уже совершена. Доказательства этихъ заявленій должны быть доставлены въ теченіи пятнадцати дней со дня заявленія требованія долга. Всѣ дофинальные чиновники должны немедленно

приступить къ взысканію долга, какъ только евреи имъ объ этомъ заявятъ.

XIX. Чтобы пользоваться вышеупомянутымъ срокомъ должникъ долженъ клясться на св. евангеліи, что онъ не прибѣгаетъ къ этому средству «animo calumniandi», а дѣйствительно можетъ указать то, что утверждаетъ.

XX. Тотъ, кто, прибѣгнувъ къ вышеозначенному средству, не представитъ никакихъ доказательствъ имъ заявленнаго, долженъ будетъ уплатить своему кредитору всѣ издержки, причиненныя ему этимъ процессомъ; количество этого вознагражденія будетъ установлено кредиторомъ подъ клятвою и должно быть провѣрено бальи, судьею или кастеляномъ.

XXI. Должникъ еврея, который пунктами даннаго имъ сему послѣднему обязательства, укрѣпленнаго дофинальной печатью, подчинитъ себя заключенію, въ случаѣ его неисполненія, можетъ быть арестованъ чиновникомъ, въ инстанціи котораго онъ находится, и удерживаемъ въ заключеніи, пока не удовлетворитъ своего кредитора или не уступитъ ему своего имущества.

XXII. Евреи не могутъ быть принуждаемы къ возвращенію залоговъ, ими полученныхъ, пока имъ не будетъ уплачено.

XXIII. Запрещается всѣмъ дофинальнымъ чиновникамъ оказывать содѣйствіе должникамъ, которые безъ законнаго основанія хотѣли бы уклониться отъ исполненія пунктовъ обязательства, уплаты капитала и т. д.

XXIV. Евреи могутъ продавать ввѣренный имъ залогъ, продержавъ его одинъ годъ и одинъ день, если за это время не послѣдовало возобновленія обязательства; но они должны предупредить должниковъ объ этой продажѣ.

XXV. Если должникъ вручитъ еврею залогъ, не ему принадлежащій, еврей не будетъ подвергнутъ никакому наказанію, когда будетъ доказано, что онъ этого не зналъ въ моментъ врученія ему залога. Кромѣ того, онъ не можетъ быть принужденъ возвратить залогъ, пока обязательство не будетъ вполнѣ исполнено, однако безъ процентовъ.

XXVI. Евреи могутъ разъѣзжать и торговать свободно во всемъ Дофине, уплачивая податм и другіе поборы; но они мо-

гутъ селиться только въ Сен-Симфрьенъ-д'Озонъ и въ другихъ мѣстностяхъ, пріобрѣтенныхъ отъ графовъ Савойскихъ.

Эти привилегіи были даны савойскимъ евреямъ на десять лѣтъ. Однакоже, не дожидаясь истеченія этого срока, они спустя шесть лѣтъ стали добиваться, чтобы онѣ были утверждены на дальнѣйшій срокъ. Въ 1360 году, Гильомъ-де-Верже, правитель этой области, продлилъ эти привиллегіи еще на пять лѣтъ, причемъ прибавилъ еще два пункта, между прочимъ, одинъ очень важный для того времени: этимъ пунктомъ запрещалось тревожить евреевъ изъ-за найденныхъ въ ихъ домахъ предметовъ, если только эти предметы не были заперты въ какомъ либо ящикѣ, ключъ отъ котораго хранился у хозяина или хозяйки. Само собою разумѣется, что какъ за возобновленіе, такъ и за прибавленіе новыхъ двухъ пунктовъ, евреи щедро заплатили.

Если бы всѣ эти привилегіи, въ которыхъ, во многихъ отношеніяхъ, тогдашнимъ евреямъ и теперь могутъ завидовать венгерскіе, германскіе, а особенно румынскіе и русскіе евреи (не говорю уже о евреяхъ другихъ восточныхъ странъ), имѣли дѣйствительную силу, то само собою разумѣется, что получившіе ихъ евреи могли бы считаться полными счастливцами. На дѣлѣ же оказывается, что дофины имѣли только въ виду выжимать всякими способами всѣ соки изъ евреевъ. Всѣ же хартіи и привилегіи оставались мертвой буквою. Дошло до того, что эти привилегіи обратились только въ способъ взиманія налога и тяжкаго налога съ евреевъ. Слово *garde* потеряло совершенно свое значеніе, какъ охрана, и обратилось исключительно въ терминъ для обозначенія извѣстнаго побора.

Жадность дофиновъ и ихъ правителей все больше и больше разгорается *. Не удовлетворяясь ежегодными взносами, они

* Авторъ насчитываетъ двѣнадцать поборовъ, изъ коихъ каждый въ свою очередь составлялъ цѣлую сложную систему возмутительнѣйшаго и нахальнѣйшаго вымогательства. Читая всѣ эти факты систематическаго грабежа, удивляешься просто, какъ даже у этихъ жадныхъ негодяевъ, у этой своры бездѣльниковъ и хищниковъ, хватало безстыдства заикнуться о еврейскомъ корыстолюбіи. Къ сожалѣнію, описываемая нами эпоха показала намъ, что все на свѣтѣ возможно, что изумляться рѣшительно нечему.

требуютъ съ евреевъ единовременныхъ суммъ, часто огромныхъ размѣровъ. Примѣру дофиновъ слѣдуютъ ихъ вассалы, и все, что только обладаетъ какою нибудь силою, живо впивается въ тѣло еврея, чтобы высосать всю его кровь до послѣдней капли. Жизнь евреевъ становится невыносимою отъ этого страшнаго количества вампировъ, и они начинаютъ покидать страну.

Дофинъ Людовикъ (впослѣдствіи Людовикъ XI), видя, какой застой въ торговлѣ и какое общее раззореніе приноситъ удаленіе евреевъ, старается ихъ снова привлекать разными привилегіями. Какой-то, видно очень умный французъ сказалъ: «женщина—словно тѣнь; бѣгите за нею—она отъ васъ бѣжитъ, бѣгите отъ нея—она за вами гонится». То же самое буквально могли сказать евреи относительно христіанскихъ правителей почти всѣхъ временъ.

Что касается умственнаго состоянія евреевъ Дофине за этотъ періодъ, то авторъ сожалѣетъ, что найденные имъ документы даютъ ему мало свѣдѣній объ этомъ предметѣ. Только конфискованныя у одного еврея книги, которыя этотъ послѣдній хотѣлъ провезти безпошлинно, даютъ возможность судить о томъ, какіе духовные интересы были у тогдашнихъ евреевъ. Часть этихъ книгъ въ рукописяхъ до сихъ поръ хранится въ гренобльской библіотекѣ. Авторъ однако сознается, что онъ невѣжественъ въ раввинской литературѣ и потому о большинствѣ этихъ книгъ ничего не можетъ сказать. Онъ только могъ различить между ними разные молитвенники, книги нравственнаго содержанія, комментаріи разныхъ библейскихъ книгъ. «Въ такую эпоху, замѣчаетъ авторъ, когда надо было вносить въ статуты, что *каноникъ долженъ умѣть читать*, для еврейскаго купца было не малою заслугою, что онъ могъ находить удовольствіе въ подобномъ отдохновеніи».

Изъ найденныхъ авторомъ документовъ видно также, что между евреями Дофинэ находилось очень много врачей, пользовавшихся правомъ лечить всѣхъ, безъ различія исповѣданія. Авторъ поражается добросовѣстностью этихъ полезныхъ и честныхъ дѣятелей, доказываемою имъ, впрочемъ, удивительнымъ обстоятельствомъ, что между многочисленными жалобами и обвиненіями противъ евреевъ онъ не находитъ *ни одного даже намека*

на жалобу противъ еврейскихъ врачей. Это фактъ, дѣйствительно достойный удивленія и въ милліонный разъ доказывающій, какимъ великимъ сердцемъ обладалъ нашъ народъ во всѣ времена и что его великія чувства милосердія не могли быть заглушены никакимъ разнузданнымъ звѣрствомъ окружающихъ ихъ враговъ и ненавистниковъ. Надо обладать необычайнымъ величіемъ души, чтобы заботливо ухаживать за больнымъ мучителемъ и усердно лечить раны того, кто погубилъ сотни тысячъ твоихъ братьевъ, стоны которыхъ, быть можетъ, раздавались въ тотъ самый моментъ, когда врачъ-еврей въ мертвой тишинѣ, царствовавшей вокругъ ложа его паціента, готовилъ цѣлительный напитокъ безжалостному убійцѣ и угнетателю. Не смотря на крайнюю нужду въ еврейскихъ врачахъ, они однако должны были покупать себѣ право практиковать. Замѣчателенъ также фактъ, что одинъ крещенный врачъ-еврей получилъ даровое право практиковать; причемъ въ основаніе этой привилегіи ставилось не его крещеніе, а то, что передъ совершеніемъ этого акта, онъ уступилъ свое имущество, неизвѣстно—бѣднымъ или церкви. Изъ этого мы видимъ, что и крещеніе часто не избавляло еврея отъ своего исключительнаго положенія. По какой-то непонятной непослѣдовательности, крещеніе еврея даже сопровождалось потерею имущества, переходившаго всецѣло въ руки сеньеровъ *.

Врачи часто клятвенно обѣщали добросовѣстно относиться къ своей обязанности. Авторъ нашъ разсказываетъ объ одномъ такомъ врачѣ, который клялся «per Sema, Adonay, Elloemi, Adonaï et Edo». Изъ орфографіи этой тарабарской клятвы видно, что какъ авторъ, такъ и составители актовъ, откуда онъ ее почерпнулъ, принимаютъ всѣ слова въ этой формулѣ за собственныя имена. Не трудно узнать, что это—крайне исковерканное торжественное провозглашеніе единобожія: Шема, Исроэль Адонай Элегену—Адонай Эходъ!

Авторъ оканчиваетъ свое интересное изслѣдованіе какъ-то слишкомъ круто, какъ будто на серединѣ, не доведши его до

* Этотъ обычай завладѣть имуществомъ крещеннаго еврея былъ уничтоженъ Карломъ VI. Bedarride, p. 255.

конца *. Онъ только упоминаетъ, что начиная съ XVI-го вѣка, послѣ изгнанія евреевъ изъ всей Франціи, евреи, само собою разумѣется, были изгнаны и изъ Дофинэ, и акты о нихъ почти не говорятъ больше. Но какъ, какимъ образомъ было приведено въ исполненіе это поголовное изгнаніе — объ этомъ авторъ ничего не говоритъ. А между тѣмъ это пунктъ очень интересный. Впрочемъ, признаюсь, что будь у автора всѣ эти подробности о вандальскомъ актѣ изгнанія, я бы ихъ опустилъ. У меня не хватило бы духу представить русскимъ евреямъ удручающую картину дикой травли въ то самое время, когда они сами травимы съ такимъ же безчеловѣчнымъ изувѣрствомъ. Да и на что! Событія прошлаго важны и поучительны для насъ потому, что къ опыту настоящаго они прибавляютъ опытъ прошлаго и такимъ образомъ расширяется безгранично нашъ кругъ познанія человѣческой жизни, пріобрѣтаются уроки, такъ сказать, заученные другими. Но русскіе евреи за послѣдніе годы пережили и переживаютъ такіе опыты, что, пожалуй, для нихъ будетъ совершенно излишне всякое изученіе всего этого кроваваго періода...

Бенъ-Ами.

Женева.

---

* Я забылъ прибавить, что въ концѣ книги, въ видѣ оправдательныхъ документовъ, приложены тексты многихъ актовъ, извлеченныхъ авторомъ изъ Изерскаго архива, частью на латинскомъ, частью на старо-французскомъ языкѣ.

ПОГРОМЫ.

(Отрывокъ изъ дневника русскаго).

Опять вы настали, погромы... И стоны
Опять раздалися, пролилася кровь...
Народъ неразвитый, что звѣрь разъяренный,
Въ разнузданномъ буйствѣ волнуется вновь.

Нѣтъ больше пощады евреямъ... Бушуя,
Дома ихъ разноситъ и рушитъ толпа,
Имущество ихъ истребляя, воруя,
Она завываетъ, дика и слѣпа.

Она убиваетъ. Одна за другою
Въ страданьяхъ кончаются жизни людей,
И старцы, и женщины гибнутъ чредою,
И кровь неповинная льется дѣтей.

О, Боже!.. Ужели еще въ человѣкѣ
Духъ дикой вражды племенной не угасъ?
Иль мы не живемъ въ девятнадцатомъ вѣкѣ?
Иль сонъ, что свершается около насъ?

Нѣтъ, это не сонъ, не кошмаръ безобразный,
Мы видимъ погромовъ позоръ на яву
О, стыдъ!.. Часть печати, буффонствуя грязно,
Ругаясь надъ прахомъ погибшихъ, полу.

Опять на жидовъ-кровопійцъ натравляетъ,
Вновь давнюю распрю начавъ раздувать...
О, какъ за писакъ такихъ сердце страдаетъ,
Какъ стыдно за нихъ, тяжело за печать!...

. . . .

Василій Карповъ.

ИЗЪ ДРЕВНЕ-ЕВРЕЙСКИХЪ ЛЕГЕНДЪ.

На пиршество въ южный дворецъ Вавилона
Пришелъ вдохновенный пророкъ,
И, ставъ величаво у царскаго трона,
Царю онъ торжественно рекъ: . . . . .

„Ласкаютъ твой взоръ померанцы и розы,
„Лѣса тебя манятъ въ объятья свои,
„Въ полуночный часъ мелодичныя грезы
„Съ улыбкою будятъ вдругъ чувства твои;
„Внимая струнѣ, вдохновляющей лиры,
„Ты съ дѣвами дѣлишь шипучій фіалъ...
„Такъ чѣмъ же, скажи, недоволенъ ты въ мірѣ,
„Что точишь кровавый кинжалъ?..

„Подвластны тебѣ эти волны морскія,
„И носитъ земля ежегодную дань,
„И незамѣнимыя силы земныя
„Къ ногамъ твоимъ пали, какъ робкая лань;
„Подвластны тебѣ эти звѣзды въ эфирѣ,
„И въ жилахъ земли драгоцѣнный металлъ...
„Такъ чѣмъ, человѣкъ, недоволенъ ты въ мірѣ,
„Что цѣпи для рабства сковалъ?...

Владиміръ Жуковскій.

ДВА СПАСИТЕЛЯ.

РАЗСКАЗЪ К. Э. ФРАНЦОЗА.

Кому случалось когда либо быть въ Барновѣ, тотъ познакомился конечно съ старою Анной, матерью старшины, и искренно наслаждался тонкостью ея ощущеній, безпредѣльною добротою ея; а кто не бывалъ тамъ, тому едва-ли мы можемъ дать понятіе, до какой степени умна и мила была эта женщина. Всѣ жители городка—не только родные внуки ея — звали ее „бабеле“ (бабушка), и совершенно основательно, потому что она помогала всѣмъ и словомъ, и дѣломъ, помогала неутомимо въ продолженіе всей своей долгой, благословенной жизни, и даже тѣ, которые не нуждались ни въ ея деньгахъ, ни въ ея совѣтахъ, охотно навѣщали ее, чтобы доставлять себѣ удовольствіе послушать въ свободный часъ какую нибудь занимательную исторійку. Какъ разсказщицу, ее любили и цѣнили не меньше какъ помощницу, и проходившіе въ лѣтніе субботніе дни, около трехъ часовъ, мимо старой синагоги, могли собственными глазами видѣть, какъ внимательно многіе слушали ее, и въ то же время собственными ушами убѣждаться, какъ она дѣйствительно этого заслуживала. Старушка сидѣла на ступенькахъ въ тѣни, а вокругъ нея толпилось около полсотни мужчинъ и женщинъ, старавшихся не пропустить ни одного ея слова. *Что* она разсказывала — объяснить нетрудно: исторіи изъ жизни общины, которыя она слышала или сама видѣла; *какъ* разсказывала — описать почти невозможно. Если же я тѣмъ не менѣе рѣшаюсь пересказать вамъ одну изъ этихъ исторій, то ободреньемъ въ этомъ случаѣ служитъ мнѣ только одно обстоятельство:

это та исторія, которую она передавала чаще всѣхъ другихъ, и я самъ слышалъ ее достаточно часто для того, чтобы воспроизвести безъ отступленій и измѣненій — на сколько это возможно въ переводѣ.

— Кто великъ — начала Анна — и кто малъ? Кто силенъ и кто слабъ? Наши бѣдные близорукіе глаза рѣдко могутъ рѣшить этотъ вопросъ правильно! На нашъ взглядъ, человѣкъ богатый и могущественный силенъ, а бѣдный и дряхлый слабъ. На самомъ дѣлѣ выходитъ не такъ; не богатство и не тѣлесная сила побѣждаютъ, а сильная воля и доброе сердце. И иногда, дѣти мои, иногда Господь явно показываетъ намъ это, и мы, барновцы, можемъ поразсказать на этотъ счетъ больше, чѣмъ всякій другой. Два раза приходилось очень круто и жутко нашей общинѣ, смертельная опасность грозила ей — и оба раза являлись у насъ спасители, которые отстранили бѣдствіе и превратили вопли скорби въ молитву благодарности. И кто же были эти спасители? Развѣ самые сильные и самые богатые между нами?.. Послушайте-ка, я разскажу вамъ все точь въ точь какъ оно было.

Когда вы проходите черезъ рыночную площадь, то какъ разъ противъ доминиканскаго монастыря можете видѣть толстую деревянную колоду, выходящую изъ земли. Она уже старая и полусгнившая, и давно бы уже увезли ее отсюда, не служи она воспоминаніемъ о страшно бѣдственномъ времени.

Вамъ ничего не извѣстно объ этой старой порѣ—радуйтесь такому счастью! Я не хочу отнимать его у васъ, и если сегодня разсказываю вамъ о тѣхъ дняхъ, то не для того, чтобы огорчать васъ или наполнять ваше сердце гнѣвомъ и ненавистью. Бѣдствіе прошло, и тѣ, которымъ выпало на долю переносить его, умерли и похоронены. Притомъ у насъ написано, и одинъ изъ нашихъ мудрецовъ сказалъ: „прощайте тѣмъ, которые преступно поступили съ вами, и воздавайте за ихъ злое дѣло дѣломъ добрымъ!“ То, что̀ хочу я вамъ разсказать—прекрасный, благородный поступокъ въ то гадкое, мрачное время. Этотъ поступокъ долженъ радовать васъ, потому что то былъ геройскій подвигъ, такой

свѣтлый, такой гордый, такой великій, какой когда либо совершался на землѣ.

Совершила его простая еврейская женщина; тяжелое время закалило ея мягкое сердце и сдѣлало ее героиней. Звали эту женщину Леей, и была она жена богатаго, набожнаго Самуила; впослѣдствіи, когда водворилась у нась въ землѣ императорская власть и намъ дали нѣмецкія фамиліи, эта семья стала называться Берманъ. А въ ту пору, о которой я разсказываю, такихъ фамилій у нась еще не было; это происходило больше чѣмъ сто лѣтъ назадъ, и мы жили еще подъ владычествомъ польскаго орла.

О, злая, хищная птица былъ этотъ одноголовый бѣлый орелъ! Въ то время, когда его перья были еще совсѣмъ цѣлы, глазъ, ясенъ и когти, тверды и остры, онъ былъ благородное, гордое животное, быстро устремлявшееся на западъ и сѣверъ и великодушно защищавшее все, что укрывалось подъ его крылья. И намъ цѣлыхъ триста лѣтъ жилось свѣтло и свободно. Но когда орелъ сталъ старъ и немощенъ, и остальныя хищныя птицы выщипали у него одно перо за другимъ—тогда онъ сдѣлался трусливымъ, коварнымъ и злымъ, и такъ какъ у него уже не хватало смѣлости точить свой клювъ на сильныхъ, то онъ началъ клевать беззащитныхъ евреевъ. Власть королей сдѣлалась посмѣшищемъ для ребятъ, а съ нею—и тѣ льготы и привиллегіи, которыя мы получили отъ нихъ. Владыками нашими стали паны, и начали они мучить насъ, и давить, и распоряжаться нашимъ имуществомъ и жизнью какъ душѣ угодно. О, то было несказанное рабство!

Нашъ городокъ принадлежалъ уже тогда дворянскому роду Бортынскихъ, которымъ впослѣдствіи добрый императоръ Іосифъ пожаловалъ графскій титулъ. Какъ разъ въ томъ году во владѣніе Барновымъ вступилъ молодой Іосифъ Бортынскій, тихій, набожный, смиренный человѣкъ—онъ былъ воспитанъ въ монастырѣ. Жилъ онъ не такъ, какъ другіе молодые господа—терпѣть не могъ вино, карты и женщинъ, самъ управлялъ хозяйствомъ и молился каждый день по четыре часа. Къ своимъ подданнымъ относился онъ справедливо и любовно.

Намъ, конечно, доставалось мало отъ его любви и справедливости, съ нами обходился онъ грубо и жестоко, потому что, какъ разъ сказалъ онъ старшинѣ Самуилу, „вы распяли моего Бога“. И даже когда зашевелится бывало у него сердце, этому сейчасъ же помѣшаетъ его прежній воспитатель, теперь сдѣлавшійся его домовымъ капланомъ и имѣвшій на него большое вліяніе. Имя его до насъ не дошло, обыкновенно его называли только „чернымъ паномъ“.

Мы, евреи, держали себя въ ту пору очень боязливо въ сторонкѣ, и даже дурные люди между нами остерегались отъ всякаго незаконнаго поступка. Вѣдь графъ сказалъ Самуилу: „вы распяли моего Бога“ и при этомъ гнѣвно прибавилъ: „горе вамъ, если я открою среди васъ какое нибудь преступленіе! Сожгу тогда ваше гнѣздо, какъ нѣкогда вашъ Богъ сжегъ Содомъ и Гоморру!“ Можете себѣ представить послѣ этого, каково было у насъ на душѣ!

Наступила весна 1773 г. Пасха была у дверей, и по нашей землѣ ходилъ слухъ, что императрица въ Вѣнѣ хочетъ отнять у поляковъ всѣ ихъ имѣнія и посадить въ нихъ своихъ чиновниковъ. Но покамѣстъ не видѣли мы никакихъ приготовленій къ тому.

Въ томъ самомъ старомъ домѣ, который еще по сю пору стоитъ на рыночной площади — въ „Желтомъ Домѣ“ — жили въ то время старшина Самуилъ и его жена Лея. Обоихъ ихъ очень уважали въ общинѣ; мужа—за его богатство, умъ и набожность, а молодую красавицу жену его—за кротость и благотворительность. Какъ разъ передъ праздникомъ Пасхи были они въ тяжеломъ горѣ: ихъ единственное дитя, мальчикъ полутора года, внезапно умеръ за нѣсколько дней до праздника, и родители его съ ума сходили отъ печали.

И вотъ сидѣли они однажды въ воскресенье, поздно вечеромъ, въ безмолвной горести. На слѣдующій вечеръ начиналась пасха, цѣлый день въ домѣ мыли и чистили, и жена ужасно устала. Вдругъ раздался стукъ въ ворота. Самуилъ подошелъ къ окну, открылъ его и посмотрѣлъ на улицу. Передъ воротами стояла съ узломъ на спинѣ старая крестьянка; она хныкала, и стонала, и просила впустить ее, говоря, что

она слишкомъ слаба для того, чтобы еще сегодня вернуться въ деревню, и что поэтому ей нуженъ ночлегъ.

— Здѣсь не постоялый дворъ,—коротко отвѣчалъ Самуилъ и захлопнулъ окно.

— Бѣдная женщина!—замѣтила Лея;—неужели мы прогонимъ ее отъ своихъ дверей!

— Теперь скверное время,—возразилъ мужъ; —я не желаю имѣть у себя въ домѣ никакихъ чужихъ!

— Но вѣдь она больна и слаба!—просила Лея, и такъ какъ крестьянка продолжала стонать и молить, то онъ наконецъ согласился и впустилъ ее. Прислуга уже спала, поэтому Лея сама проводила позднюю гостью въ комнату на чердакѣ, принесла туда кушать и пить и удалилась, привѣтливо пожелавъ спокойной ночи.

На слѣдующее утро незнакомка ушла очень рано съ тысячью благодарностей и благословеній. Леѣ пришлось весь этотъ день много работать для праздника, и только передъ вечеромъ нашла она время зайти осмотрѣть комнату на чердакѣ, такъ какъ хозяйка хотѣла произвести ревизію всему дому безъ исключенія, чтобы убѣдиться, что нигдѣ не осталось квашенаго хлѣба. Въ комнатѣ все было въ порядкѣ, только воздухъ былъ полонъ какимъ-то отвратительнымъ запахомъ. Онъ не исчезъ и тогда, когда Лея раскрыла окно. Она не могла доискаться, откуда эта вонь, осматривала всѣ углы и наконецъ заглянула подъ кровать. Тутъ кровь застыла у нея въ жилахъ, волосы отъ ужаса встали дыбомъ. Подъ кроватью лежалъ голый, страшно исхудалый трупъ ребенка, съ широкими ранами на шеѣ и груди. Съ быстротою молніи угадала Лея присутствіе преступленія и призвала на помощь всѣ свои силы, чтобы не упасть въ обморокъ. Незнакомка притащила трупъ въ этотъ домъ для того, чтобы снова сдѣлать правдоподобною старую страшную сказку, что евреи убиваютъ на праздникъ пасхи христіанскихъ дѣтей, и доставить возможность жестоко отомстить за это. Съ быстротою молніи представила она также себѣ ужасныя послѣдствія, вспомнивъ слова, сказанныя графомъ ея мужу. Бѣдная женщина почти

пала подъ бременемъ этихъ страшныхъ мыслей. Ахъ, это она, она сама, только она навлекла бѣдствіе, преслѣдованіе и смерть на свой домъ, на всю общину, потому что вѣдь она одна была причиною, что эта женщина вошла въ домъ! И между тѣмъ какъ она сидѣла тутъ, вздрагивая какъ въ лихорадкѣ, охваченная смертельнымъ ужасомъ — съ улицы стали доноситься къ ней дикіе крики и вопли. Къ нимъ примѣшивалось звяканье оружія. „Они ужъ идутъ", прошептала она, и въ эту минуту въ головѣ ея промелькнула мысль—такая странная и безобразно-ужасная, какой никогда еще не было въ мозгу женщины, и въ то же время, однако, до такой степени благородная и полная самопожертвованія, что только въ женщинѣ можетъ родиться она. „Я виновата,—сказалъ ей внутренній голосъ,—я и должна искупить мою вину". Она поднялась, сжала губы и преодолѣла свой ужасъ. Затѣмъ схватила трупъ ребенка, завернула его въ холстъ и положила къ себѣ на колѣни.

Она прислушивалась... съ страшною медленностью проходили минуты. Потомъ услышала она, какъ на улицѣ молодой графъ рѣзко говорилъ съ ея мужемъ и вторымъ старшиною, услышала, какъ графъ сказалъ: „Женщина совершенно явственно слышала предсмертное хрипѣнье. Камня на камнѣ не оставлю я, если найду трупъ". Она слышала, какъ обыскивали всѣ комнаты въ домѣ. Когда эти люди стали приближаться, она встала и подошла къ открытому окну. Крыша спускалась круто, глубоко внизу разстилался вымощеный дворъ.

Дверь распахнулась, графъ вошелъ съ обоими старшинами, за ними слѣдовали его драбанты. Лея съ пронзительнымъ смѣхомъ кинулась къ нимъ на встрѣчу, указала на трупъ и тутъ же вышвырнула его въ окно съ такою силою, что онъ разбился о камни мостовой...

— Я убійца!—крикнула она графу,—да, убійца! Возьмите меня, свяжите меня, умертвите меня! Я сегодня ночью убила мое собственное дитя! Я не запираюсь въ этомъ. Вы пришли взять меня. Я здѣсь, берите!

Пришедшіе нѣсколько минутъ стояли какъ ошеломленные. Затѣмъ раздались дикіе возгласы и крики, посыпались разспросы. Саму-

илъ, умный, сильный человѣкъ, лишился чувствъ. Остальные евреи сейчасъ же поняли, въ чемъ дѣло, и поддерживали Лею въ ея вынужденной лжи; только этотъ путь доставлялъ имъ спасеніе отъ вѣрной погибели. Лея твердо держалась своихъ показаній. Графъ очень пристально смотрѣлъ на нее, она спокойно вынесла его взглядъ.

— Послушай, женщина,—сказалъ онъ,—если то, что ты говоришь, правда, то тебѣ предстоитъ страшнѣйшая мученическая смерть, какою когда либо умиралъ человѣкъ. Но если дитя убито другими, чтобы въ праздникъ напиться его крови, то тебя и твоего мужа я отпущу невредимыми, и поплатятся только тѣ, другіе. Въ этомъ даю священную клятву. Ну, а теперь — рѣшайся!

Лея не колебалась ни минуты.

— Это было мое дитя! сказала она.

Графъ велѣлъ отвести въ тюрьму ее одну. Онъ хорошо видѣлъ, какъ неправдоподобно ея показаніе. Но онъ не вѣрилъ, что нашъ народъ способенъ на какое бы то ни было величіе души.

— Если бы это было неправда,—думалъ онъ,—какимъ образомъ эта женщина рѣшилась бы пожертвовать собою?

Произведенное слѣдствіе не обнаружило правды. Всѣ еврейскіе свидѣтели обвинили Лею. Одинъ показалъ, что она ненавидѣла своего ребенка, другой — что она неоднократно грозила убить его. Страхъ смерти заставилъ ихъ лгать. Но единственною свидѣтельницею изъ христіанъ была ключница „чернаго господина". Переодѣтая крестьянкой, она въ тотъ вечеръ пришла въ домъ Самуила, чтобы погубить общину. По ея словамъ, она слышала ночью хрипѣнье ребенка. Вотъ все, что могла она показать, не выдавая себя, и это показаніе шло къ разсказу Леи. Самъ „черный господинъ", повидимому, нисколько не интересовался слѣдствіемъ. Онъ, вѣроятно, думалъ, что одной жертвы покамѣсть достаточно, или, быть можетъ, боялся случайнаго открытія своего преступленія.

Судьи графа произнесли приговоръ: Лею колесовать на рыночной

площади, потомъ отрубить ей голову. Та деревянная колода, что по сю пору стоитъ тамъ, для этого и была сдѣлана.

Но Лея не умерла на эшафотѣ, она умерла въ очень преклонныхъ лѣтахъ, сорокъ лѣтъ спустя, въ своемъ домѣ, окруженная дѣтьми и внуками. Въ томъ самомъ году, когда ей предстояла казнь, у насъ водворилось австрійское военное управленіе, одному аудитору поручили пересмотръ всѣхъ уголовныхъ дѣлъ, несчастный Самуилъ разсказалъ ему всѣ подробности, и тотъ освободилъ Лею.

Деревянная колода стоитъ и по сей день. Она напоминаетъ о мрачныхъ временахъ, объ отвратительномъ происшествіи. Но она напоминаетъ также о благородномъ, свѣтломъ, геройскомъ поступкѣ. И совершила его *женщина*! Слабая женщина спасла общину...

И восемьдесятъ лѣтъ спустя, добрые люди, восемьдесятъ лѣтъ спустя очутились мы въ такомъ же бѣдственномъ, ужасномъ положеніи. Кто же спасъ насъ теперь? Не женщина, а маленькій, дряблый человѣчекъ, такой человѣчекъ, который, казалось бы, никогда не могъ бы сдѣлать ничего подобнаго... мнѣ стоитъ только назвать его по имени, чтобы вы расхохотались... Это былъ Клейнъ Менделе... смотрите, смотрите, какъ вы ухмыляетесь! Еще бы! Это дѣйствительно смѣшной человѣчекъ! Оттого что, во первыхъ, онъ биткомъ набитъ веселыми шуточками и анекдотцами и умѣетъ чудесно разсказывать ихъ; а во вторыхъ, самъ по себѣ очень онъ забавенъ со своими сѣдыми волосами и фигурою и манерами ребенка. Цѣлый божій день напѣваетъ онъ и приплясываетъ, и никто еще не видѣлъ, чтобъ онъ хоть минуточку посидѣлъ спокойно. По улицамъ онъ не ходитъ, а припрыгиваетъ; слова свои онъ не говоритъ, а поетъ, и руки у него, повидимому, только для того, чтобы барабанить по столу или выбивать тактъ. Но что жъ такое? Лучше веселый человѣкъ, чѣмъ вѣчная нюня. Менделе Абендштернъ славный и великій пѣвецъ, и мы можемъ гордиться, что онъ нашъ „хазенъ“ (читающій въ храмѣ молитвы). Правда, иногда онъ поетъ трогательную молитву такимъ тономъ, какъ будто это веселый вальсъ, или передъ торой перескакиваетъ съ одной ножки на другую, точно танцоръ на

театрѣ; но это не мѣшаетъ нашей набожности, мы къ своему Клейнъ-Менделе привыкли уже сорокъ лѣтъ, и сердиться на него нельзя. Потому что при этомъ не надо забывать, что Клейнъ-Менделе можетъ быть и серьезнымъ, и что однажды онъ, бѣдный „хазенъ", услужилъ городу своимъ пѣніемъ гораздо больше, чѣмъ могли бы услужить ему всѣ ваши мудрецы и богачи своими совѣтами и деньгами.

Я вамъ разскажу, какъ это случилось.

Вы знаете, что въ настоящее время еврей такой же человѣкъ, какъ и всѣ прочіе. И когда теперь дворянинъ или крестьянинъ ударитъ или станетъ тѣснить еврея, то ему стоитъ только пойти въ домъ, надъ дверями котораго виситъ большой орелъ—и ужъ тамъ императорскій окружный судья, нашъ панъ Негрушъ, не дастъ его въ обиду. Но до того великаго года, когда императоръ сдѣлалъ всѣхъ людей равными, было не такъ: тогда помѣщикъ чинилъ судъ и расправу черезъ своего уполномоченнаго, и по большей части тотъ судъ былъ большое беззаконіе. Ахъ, дѣтушки, страшно тяжелое время переживали мы! Помѣщику принадлежала земля, помѣщику принадлежали люди, помѣщику мозгъ костей нашихъ, даже воздухъ и вода принадлежали помѣщику. И не только въ деревнѣ было такъ, а и въ городѣ, если имъ владѣлъ дворянинъ и если жили въ немъ только евреи.

Такъ, по крайней мѣрѣ, было у насъ въ Барновѣ. Нашъ господинъ, графъ Вортынскій, всегда проживалъ въ Парижѣ и нисколько не интересовался знать, что̀ дѣлается въ его владѣніяхъ. Всѣ полномочія имѣлъ его управляющій, который поэтому и былъ нашъ повелитель и владыка. И такимъ образомъ намъ вѣчно приходилось молиться, чтобы этотъ управляющій былъ добрый человѣкъ, потому что только въ этомъ случаѣ мы могли жить спокойно. На первыхъ порахъ Господь услышалъ нашу молитву, и въ панѣ Стефанѣ Грудза имѣли мы такого управляющаго, лучше котораго евреи и желать не могутъ. Правда, онъ былъ пьянъ съ утра до вечера, но въ пьяномъ видѣ онъ былъ веселъ, а когда онъ былъ веселъ, то не желалъ огорчать и печалить другихъ людей. Но однажды за столомъ онъ ужъ особенно сильно раз-

веселился, и послѣ обѣда его хватилъ ударъ. Похоронили его—и сильно загоревалъ весь округъ, а съ нимъ и наша община. Потому что, во первыхъ, панъ Грудза былъ дѣйствительно добрый человѣкъ, а во вторыхъ, какъ знать—кто будетъ его преемникомъ?

И оказалось, что горевать было изъ-за чего.

Новый управляющій звался Фридрихъ Вольманъ и былъ нѣмецъ. Обыкновенно нѣмцы обращаются съ нами мягче, чѣмъ поляки, но новый управляющій оказался исключеніемъ. Это былъ высокій, тощій человѣкъ съ черными волосами и темными сверкающими глазами. Лицо его было мрачное и печальное... всегда, всегда... онъ никогда не улыбался. Хозяйство и людей онъ понималъ отлично, убійцъ и воровъ умѣлъ заставлять сознаваться, какъ никто, и относительно податей никто, конечно, не обманулъ его ни на копѣйку. Но насъ, евреевъ, онъ страшно ненавидѣлъ и каждый день дѣлалъ съ нами что нибудь жестокое. Подати наши онъ утроилъ, сыновей нашихъ отдавалъ въ рекруты, праздники наши разстраивалъ, а когда случались у насъ тяжбы съ христіанами, то наше слово не имѣло никакой силы, а христіанское значило все. Крестьянъ онъ тоже держалъ строго, безпощадно-строго, и барщину испоконъ вѣка не отбывали въ Варновѣ ни у одного управляющаго такъ, какъ у него; но тутъ онъ дѣйствовалъ все-таки по извѣстному плану и даже съ нѣкоторою справедливостью. Какъ скоро же дѣло доходило до еврея — конецъ всякому благоразумію и всякому праву.

И за что преслѣдовалъ онъ насъ? Мы не знали, но догадывались. Ходилъ у насъ слухъ, что звали его прежде Фроимъ Вольманъ и что онъ крещеный еврей изъ Познани; разсказывали, будто онъ перемѣнилъ вѣру изъ любви къ одной христіанской дѣвушкѣ, но земляки-евреи стали за это такъ преслѣдовать его и клеветать на него, что родители дѣвушки все-таки не отдали ея ему. Кто распустилъ между нами этотъ слухъ—не знаю, но, судя по выраженію его лица и особенно по обращенію съ нами, это было довольно правдоподобно.

Такимъ образомъ жилось намъ въ ту пору очень тяжело, и Воль-

манъ тѣснилъ насъ, не обращая вниманія—виноваты мы или нѣтъ. Если же вина дѣйствительно была, то ужъ тутъ ускользнуть изъ его рукъ не представлялось никакой возможности. И это именно случилось осенью передъ великимъ годомъ.

Быть солдатомъ въ нашей сторонѣ—нѣтъ никакой пріятности; но въ Россіи это хуже смерти, и когда тамъ еврея берутъ въ рекруты, то онъ потерянъ для Бога, своихъ родныхъ и самого себя. Удивительно ли послѣ этого, что евреи въ Россіи дѣлаютъ все возможное, чтобы выкупать своихъ дѣтей, или что юноша, на котораго выпадаетъ несчастный жребій, спасается бѣгствомъ. Такіе случаи бываютъ нерѣдко; многихъ бѣглецовъ ловятъ, и для нихъ послѣ это лучше было бы не родиться; но многимъ и везетъ—они переходятъ черезъ границу, въ Молдавію или къ намъ. Такой случай былъ и въ ту пору: одинъ еврейскій солдатъ—родомъ изъ Бердичева—перешелъ черезъ границу у Гуссинтина, и оттуда его доставили въ Барновъ. Община сдѣлала для него все, что̀ могла, и одинъ богатый и благотворительный человѣкъ, Хаимъ Грюнштейнъ, тесть Моисея Фрейденталя, взялъ его къ себѣ въ услуженіе конюхомъ.

Русское правительство, натурально, искало бѣглеца, и всѣ наши власти получили приказаніе слѣдить за нимъ.

Получилъ такую бумагу и нашъ управляющій. Немедленно потребовалъ онъ къ себѣ старшинъ общины и сталъ ихъ допрашивать. Они сперва сильно перепугались, но потомъ оправились и утверждали, что ничего не знаютъ объ этомъ бѣглецѣ. То было какъ разъ наканунѣ суднаго дня; могли ли бы они въ этотъ вечеръ предстать передъ Богомъ, если бы выдали своего бѣднаго единовѣрца? А поэтому они упорно стояли на своемъ, не смотря на то, что управляющій грозилъ и неистовствовалъ. Когда онъ наконецъ увидѣлъ, что они или ничего не знали, или не хотѣли сказать, то отпустилъ ихъ и только съ мрачнымъ видомъ замѣтилъ: „Горе вамъ, если этотъ парень все-таки окажется въ Барновѣ! Вы еще меня не знаете, но тогда... клянусь Богомъ, узнаете какъ слѣдуетъ!“

Старшины вернулись отъ него, и почти невозможно описать, какое горе, страхъ и уныніе вызвала въ городѣ принесенная ими вѣсть. Юноша, о которомъ шла рѣчь, былъ славный, прилежный малый; да и не будь онъ такимъ—онъ все-таки былъ еврей и кинуть его въ бѣдственномъ положеніи никто не имѣлъ права. Если оставить его въ Барновѣ, то это весьма опасно, потому что Вольманъ рано или поздно нашелъ бы его: отъ этого человѣка ничто не могло остаться скрытымъ. Если же его отправить—безъ паспорта, безъ всякой поддержки и охраны, то его, конечно, поймаютъ за нѣсколько верстъ дальше. Долго совѣщались такимъ образомъ, наконецъ Хаиму Грюнштейну пришла хорошая мысль. У него былъ родственникъ, занимавшійся арендаторствомъ въ Мармаросъ, въ Венгріи. Туда, по мнѣнію Хаима, слѣдовало отправить юношу, при чемъ онъ долженъ былъ ѣхать только по ночамъ. Такимъ способомъ онъ могъ наивѣрнѣе уйти отъ своихъ преслѣдователей.

Всѣ согласились съ этимъ предложеніемъ и затѣмъ сѣли съ облегченнымъ сердцемъ за трапезу, которая должна дать запасъ силы для перенесенія большаго поста въ судный день. Наступили сумерки, въ синагогѣ зажгли много-много восковыхъ свѣчей, и вся община поспѣшила туда, съ робкимъ и растерзаннымъ сердцемъ, полная смиренія и раскаянія. Вѣдь эти часы — тѣ тяжелые часы, когда мы обращаемся къ нашему общему Судьѣ съ мольбою, чтобы Онъ помиловалъ насъ и простилъ намъ всѣ грѣхи наши. Женщины шли въ бѣлыхъ одеждахъ, мужчины—въ бѣлыхъ саванахъ. Отправились въ синагогу и Хаимъ со своими чадами и домочадцами, въ числѣ которыхъ былъ и бѣдный парень, дрожавшій отъ страха всѣмъ тѣломъ.

Всѣ собрались, и богослуженіе должно было начаться; но въ ту минуту, какъ Клейнъ-Менделе приложилъ ладонь къ горлу, чтобы, дрожа и живо поворачиваясь во всѣ стороны, вывести первые тоны „колъ-нидра“ — въ дверяхъ произошло движеніе, графскіе драбанты заняли выходъ, и вдоль скамеекъ медленно прошелъ Вольманъ до самаго кивота завѣта, остановившись почти плечо о плечо съ Клейнъ-Менделе.

Канторъ съ трепетомъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ въ сторону, но старшины общины со смиреннымъ поклономъ выступили впередъ.

— Я знаю, — сказалъ Вольманъ — что бѣглецъ здѣсь между вами. Выдадите вы его теперь?

Старшины молчали.

— Ну,—продолжалъ управляющій,—я вижу, что съ вами добромъ ничего не подѣлаешь. Поэтому я его арестую, когда вы станете выходить изъ синагоги. И не только онъ—всѣ вы будете вѣчно помнить этотъ вечеръ; въ этомъ даю вамъ слово. Ну, а теперь покамѣсть я не мѣшаю вамъ—молитесь. У меня есть время, я послушаю.

Наступила могильная тишина; только вверху, въ женскомъ отдѣленіи, раздался рѣзкій крикъ ужаса и скорби одной женщины. Всѣ точно окаменѣли, но черезъ нѣсколько минутъ оправились и возвели глаза къ небу. Безмолвно вернулись они на свои мѣста.

Клейнъ-Менделе дрожалъ всѣмъ тѣломъ. Затѣмъ, однако, онъ всталъ и запѣлъ „колъ-нидра"—эту старую, простую мелодію, забыть которую не можетъ никто, прослушавшій ее хоть одинъ разъ. Неувѣренно и дрожа звучалъ его голосъ въ первыя минуты, но потомъ сталъ раздаваться все сильнѣе, звучнѣе и полнѣе... Никогда послѣ того не пѣлъ Клейнъ-Менделе такъ, какъ въ этотъ вечеръ. Чудное вдохновеніе сошло свыше на этого человѣка. Исчезъ подпрыгивающій весельчакъ, на его мѣстѣ явился могущественный священнослужитель, возносящій свой голосъ къ Богу за свой народъ. Онъ думалъ въ эти минуты о нашемъ прежнемъ величіи и о многихъ, многихъ столѣтіяхъ позора и гоненій, и въ голосѣ его звучало, какъ травили насъ на землѣ, не давая намъ покоя — намъ, бѣднѣйшимъ между бѣдными, несчастнѣйшимъ между несчастными; и какъ преслѣдованіе все еще не окончилось, и какъ все новые и новые мучители подымаются на насъ, и все новые и новые ножи терзаютъ наше тѣло. Все наше страданіе звучало въ его голосѣ — наши несказанныя муки, наши безчисленныя слезы. Но звучало въ немъ еще нѣчто—наша гордость, наша увѣренность, наше *твердое упованіе на Бога.* О, нѣтъ словъ выразить, какъ Клейнъ-

Менделе пѣлъ въ этотъ тяжкій часъ!.. Плакать, плакать, плакать долженъ былъ каждый, и въ то же время, однако, долженъ былъ снова гордо подымать голову.

Женщины громко плакали, когда онъ кончилъ; мужчины рыдали; самъ же Клейнъ-Менделе закрылъ лицо руками и въ изнеможеніи упалъ на скамью.

Вольманъ все это время стоялъ лицомъ къ кивоту, но потомъ обернулся. Онъ былъ страшно блѣденъ, колѣни его дрожали, сильный человѣкъ едва держался на ногахъ. Глаза его странно блестѣли, точно отъ слезъ. Нетвердыми шагами, опустивъ голову, прошелъ онъ мимо Менделе и по рядамъ молящихся до выхода. Тамъ онъ далъ драбантамъ знакъ слѣдовать за нимъ.

Что съ нимъ совершилось — это всѣ угадывали, но никто не высказывалъ.

На слѣдующій день послѣ праздника онъ позвалъ къ себѣ Хаима Грюнштейна, далъ ему паспортный бланкъ, на которомъ ничего не было написано, и сказалъ только: — Вамъ, можетъ быть, это понадобится.

Съ того дня онъ обращался съ нами кротко. Но это продолжалось не долго. Весною „великаго года“ крестьяне, которыхъ онъ прежде такъ мучилъ, убили его...

Видите, добрые люди, какіе были у насъ спасители. А теперь подумайте еще разъ — кто великъ и кто малъ, кто слабъ и кто могущественъ!..

Перев. **Петръ Вейнбергъ.**

ИСТОРІЯ ОДНОГО СЕМЕЙСТВА.

(Повѣсть).

Часть первая.

I.

По одному изъ сгорбленныхъ и безобразныхъ переулковъ большаго франтовскаго города N торопливо пробиралась женщина съ коврыгой хлѣба подъ мышкой. Морщины на лбу, впалые глаза и исхудалое лицо говорили, что этой женщинѣ по крайней мѣрѣ лѣтъ пятьдесятъ, но въ дѣйствительности ей не было и тридцати. Костюмъ ея состоялъ изъ засаленнаго и разорваннаго ситцеваго платья и такого же платка на плечахъ, голова была повязана не то полотенцемъ, не то тряпкой. Накрапывалъ мелкій дождикъ, одинъ изъ тѣхъ нескончаемыхъ осеннихъ дождиковъ, которые нагоняютъ такую тоску на душу и развинчиваютъ человѣка, особенно бѣднаго, которому жизнь не улыбается даже и тогда, когда природа ликуетъ.

Женщина подошла къ избушкѣ на курьихъ ножкахъ объ одномъ оконцѣ на улицу, вѣрнѣе—на болото, отворила обитую лохмотьями дверь, висѣвшую на одной петлѣ, и, пройдя комнату, гдѣ работалъ сапожникъ, вступила въ боковую каморку.

У одной стѣны стояли кровать и комодъ, дырявый какъ рѣшето, у другой—столикъ и пара треногихъ стульевъ; въ серединѣ висѣла колыбель; длинная скамья дополняла мебель этого тѣснаго жилища. На кровати сидѣло двое дѣтей: одинъ изъ нихъ, лѣтъ девяти, былъ въ разорванныхъ штанишкахъ и арбеканфесѣ, другой, лѣтъ пяти, въ грубой холщевой рубашонкѣ.

— Мама! мама! вотъ мама пришла!—вскричалъ младшій, не

то веселымъ, не то плаксивымъ тономъ, выскочивъ изъ постели.—Мама! я ѣсть хочу, дай мнѣ хлѣба!

— Обжора!—отвѣчала сердито мать.—Смотри пожалуйста, какъ это ему некогда, ужъ и минуты подождать не можетъ. Дай сперва зайти въ домъ; еще день великъ, успѣешь налопаться.

— Ай, иди! я страшно ѣсть хочу! кричалъ, плача и запустивъ пальчики въ волосенки, мальчуганъ.

— Мнѣ надо идти въ хедеръ—отозвался старшій, отстранивъ брата,—дай мнѣ, мама, завтракъ, такъ я пойду.

Мать отрѣзала ломоть хлѣба и, вынувъ изъ столоваго ящика огурецъ, подала ему.

— Славный хедеръ, нечего сказать! Черезъ часъ онъ уже придетъ обѣдать, много онъ тамъ учится! Пускай мои враги знаются съ этой талмудъ-торой, съ этими меламдами и ихъ ученьемъ вмѣстѣ: даромъ только отъ богачей деньги берутъ!

Она махнула рукой.

Мальчикъ, забравъ хлѣбъ и огурецъ, ушелъ.

— А мнѣ, мама? попросилъ маленькій, уставивъ на мать свои глазенки.

— Нà, прорва! Черезъ часъ онъ опять не дастъ покоя: — ѣсть! Ихъ не накормишь, не напасешься на нихъ,—сказала она почти про себя. — Вчера ночью, уже поздно, взяла пол-ковриги хлѣба — такъ ее сожрали за ужиномъ, и сегодня нужна уже другая. Я не Ротшильдъ!... Нынѣшніе заработки: беретъ онъ всего три рубля въ недѣлю—и копаетъ землю цѣлый день. Будь онъ по крайней мѣрѣ здоровъ — бралъ бы со всѣми наравнѣ, 4—5 руб. въ недѣлю,—такъ нѣтъ, онъ еще на бѣду и больной!

Она вошла въ комнату, гдѣ работалъ сапожникъ.

— Который часъ, Фрейда? спросила она у хозяйки, подслѣповатой еврейки, которая вязала чулокъ.

— Будетъ уже послѣ полудня.

— Ой, пора нести Моисею обѣдъ.

Молодая женщина подошла къ печи, выбрала оттуда горшокъ и, завернувъ его въ скатерть и нарѣзавъ хлѣба, намѣревалась выйти, но что-то припомнила.

— Хороша у меня память, нечего сказать! Не видѣла еще

дѣвочки и хочу уже идти. Она тутъ вѣрно плакала. Горе мое! Бѣдняжка съ ранняго утра не сосала. Крошечка моя!

Мать воротилась въ свою коморку и, выбравъ изъ колыбели дитя, грязное, завернутое въ лохмотья, поцѣловала его и прижала къ сердцу. Дѣвочка жадно сосала.

— Голова идетъ кругомъ! Удивительно, какъ она еще сидитъ на плечахъ,—говорила мать, накормивъ дѣвочку и кладя ее обратно въ колыбель.—Въ эти 5 недѣль, что Моисей прохворалъ, мы много разбогатѣли. А теперь, когда онъ уже сталъ снова работать, пускай бы ему Шмерль платилъ эти несчастные 3 рубля хоть во время,—такъ нѣтъ же, все откладываетъ: «сегодня, завтра, завтра, сегодня». Видно они сыты, такъ имъ дѣла нѣтъ до рабочихъ.

Съ минуту простояла она въ раздумьи.

— Прошла теперь улицу и осталась чуть жива. За все время, что Моисей не работалъ, такъ задолжала, что мнѣ просто проходу не даютъ. Со слезами, съ муками выклянчила у Пайки коврыгу хлѣба въ долгъ. Она все не хотѣла давать, и права: вѣдь она не милліонерша. Ей, бѣдной, уже и безъ того слѣдуетъ около 5 р.

— А я ужъ перестала требовать отъ тебя,—сказала Фрейда.— Знаешь, Сореле, мнѣ уже слѣдуетъ болѣе чѣмъ за два мѣсяца квартирныхъ денегъ.

— Ахъ, Фрейдинке!—отвѣчала Сора невеселымъ тономъ,—я думаю объ этомъ болѣе васъ, вѣрьте мнѣ: первый рубль, который Моисей принесетъ, раздѣлю между вами и Пайкой. Теперь онъ работаетъ, благодаря небу.

Сора взяла горшокъ и вышла.

II.

Не одну версту придется Сорѣ, женѣ Моисея-землекопа, пройти, прежде чѣмъ она донесетъ мужу обѣдъ—немного крупнику съ кускомъ хлѣба.

Улица, гдѣ она живетъ, называется Пикеромъ и такъ тѣсна, что два извощика, встрѣчаясь на ней, постоянно сцѣпляются колесами и долго возятся, пока не освободятся, чтобы разъ-

ѣхавшись въ разныя стороны, приняться обличать другъ друга, не совсѣмъ приличнымъ языкомъ, въ неумѣніи ѣздить. Грязь въ этихъ мѣстахъ такъ глубока и липка, что обыватели всю жизнь не въ состояніи вырваться изъ нея.

Пока молодая женщина вылѣзетъ изъ пикерскаго болота и достигнетъ мѣста назначенія, мы познакомимъ читателя съ героиней, ея супругомъ и отчасти съ жизнью пикерской улицы.

Отецъ Соры, Шмуель, былъ «лапотникомъ» (простой портной) и его такъ и звали: Шмуель Лапотникъ. У Шмуеля были четыре дочери, и хозяйкой въ домѣ была наша Сора. Мать ихъ умерла, когда Сорѣ было 15 лѣтъ. До 15 лѣтъ воспитывалась она по той же дѣдовской методѣ, по какой воспитываются милліоны нашихъ дѣтей. Пока Сора была единственнымъ ребенкомъ, мать съ отцомъ или сѣкли ее и колотили, или цѣловали и ласкали. Первое, т. е побои и розги, доставалось ей за все: за то, что она что нибудь невзначай сломаетъ, что бѣгаетъ и шалитъ и наконецъ за то, что родителямъ бываетъ тяжело на душѣ. А цѣловали ее за то, что она все же была «ихъ зѣница ока». И надо сказать правду: въ какой грубой формѣ ни проявлялась ихъ любовь, но они ее глубоко любили. Не разъ, когда Сора была больна, мать восклицала: «Господи! если ей что нибудь суждено дурное, то пускай это исполнится надо мною!» Это говорилось такимъ потрясающимъ тономъ, что никто-бы не сомнѣвался въ ея готовности вынести на себѣ то, что суждено ея дочери.

Когда у Соры родилась сестра Лея, то поцѣлуи совсѣмъ исчезли: «она ужъ теперь у насъ не одна», думали родители; но подзатыльники остались по старому, даже въ большемъ еще количествѣ. Черезъ годъ родилась третья сестра, Хіена—и Сорѣ стало еще хуже, она должна была качать и возиться съ сестренкой. Мало по малу накапливалась въ ней злоба. Пока сестры были еще очень маленькія, она щипала ихъ втихомолку, но когда подросли — стала бить ихъ, уже не стѣсняясь. Правда, драчуньѣ доставалось за это отъ родителей съ лихвой, но нужды нѣтъ: къ побоямъ не привыкать стать, за то по крайней мѣрѣ утѣшаешься мыслью, что расплатилась съ сестрами.

Шмуелю очень хотѣлось имѣть «кадеша» (наслѣдника): разъ

онъ даже отправился пѣшимъ хожденіемъ въ Любавичъ—и возвратился оттуда бодрый духомъ: ребе *обѣщалъ* ему, что родится у нихъ сынъ. Дѣйствительно, мадамъ Лапотникъ забеременила, но, вмѣсто «кадеша», разрѣшилась отъ бремени четвертою дочкой.

Черезъ два года Шмуель овдовѣлъ, и Сора замѣнила дѣтямъ мать. Трудно было старику пріучать ее къ работѣ: сколько ударовъ вынесла спина дѣвушки, прежде чѣмъ привыкла гнуться по цѣлымъ днямъ! Но она привыкла и должна была привыкнуть: ртовъ было шесть, а рабочихъ рукъ только пара, да и эта пара настолько опустилась, владѣлецъ ихъ до такой степени упалъ духомъ вслѣдствіе жениной смерти, что не могъ вырабатывать и половины того, что вырабатывалъ прежде. Онъ рѣшительно нуждался въ помощникѣ.

Въ одинъ годъ Сора совершенно измѣнилась: изъ упрямаго ребенка превратилась въ хозяйку, стала молчалива, серьезна, съ сестрами обращалась по матерински: сѣкла и колотила ихъ такъ, что никто бы не повѣрилъ, что такая дѣвушка, еще сама почти дитя, можетъ колотить съ опытностью матери большаго семейства! Не то, что бы она злилась на сестеръ, нѣтъ, а просто она вѣрила, что «такъ слѣдуетъ», вѣдь «у нихъ, по волѣ Божіей, нѣтъ матери, которая заботилась бы объ ихъ воспитаніи. Если ихъ оставлять безъ надзору, то онѣ совсѣмъ одичаютъ».

Отецъ, съ своей стороны, помогалъ старшей дочери. На Сору самоё онъ теперь смотрѣлъ, какъ на большую, съ нею часто совѣтовался и переставалъ ее воспитывать, т. е. бить.

Когда сестры немного подросли, Сора стала ихъ въ свою очередь пріучать къ работѣ — и въ домѣ Шмуеля были почти постоянно крики: старшая драла всѣхъ сестеръ, Лея — двухъ младшихъ, а Хіена отдавала Муселе, самой младшей, полученные ею удары.

Не смотря на то, что старикъ съ дочерьми работали съ ранняго утра до поздней ночи, а иногда и всю ночь, все-таки случалось, что они сидѣли безъ хлѣба. Да и немудрено. Дочери сшивали по 3 рубашки въ день и выручали 24 к., Шмуель отъ своихъ заплатъ — еще 16 к. Это составило бы по 8 к. въ день на человѣка, но вѣдь въ субботу и въ праздникъ

не работаютъ, а ѣсть все-таки надо, и даже лучше, чѣмъ въ будни; притомъ не всегда есть работа,—вотъ и голодъ со своими страшными когтями.

Можете себѣ представить, какъ прошла жизнь Соры до 20-ти лѣтняго возраста. Она не была никогда пламенно влюблена, никогда не просиживала всю ночь у окна, любуясь луной и мечтая о возлюбленномъ, — нѣтъ, чаще ей приходилось мечтать о хлѣбѣ. Вѣчная нужда, и заботы, и неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ задушили въ молодой дѣвушкѣ все, что отзывается молодостью, жизнью; даже въ субботу—день отдыха— она не считала нужнымъ даже прогуляться: просто не хотѣлось показаться предъ людьми въ наслѣдственныхъ лохмотьяхъ. Правда, разъ въ ней пробудилось нѣчто, говорившее о любви, о чувствѣ, но это чувство было также похоже на любовь, какъ отраженіе солнца, которое пикерскіе обыватели видятъ въ своемъ болотѣ, похоже на настоящее животворящее солнце.

Дѣло было вотъ какъ. Разъ ей какъ то посчастливилось выработать себѣ праздничное платье. Она умылась, одѣлась, причесалась и посмотрѣлась у сосѣдки въ приклеенный къ стѣнѣ осколокъ зеркала.

Сора была не дурна собой.

Въ сердцѣ у нея зазвучала струна жизни. Она принялась напѣвать одну изъ тѣхъ еврейскихъ пѣсенокъ, которыя оканчиваются или смертью или адомъ, потомъ отправилась къ знакомой дѣвушкѣ. Тамъ сидѣли парни-каменщики, не тѣ каменщики, которыхъ читатель видитъ при постройкѣ домовъ мѣсящими глину и известь или таскающими кирпичи высоко-высоко по ужасной лѣстницѣ, не замарашки, одѣтые въ лохмотья,—нѣтъ, теперь они имѣли совсѣмъ другой видъ. Каждый былъ въ чистомъ или даже въ новомъ платьѣ; молодыя мозолистыя руки ничѣмъ не были запачканы, волосы также чисты и причесаны. Каменщики походили теперь на людей.

Сора замѣтила между ними парня лѣтъ восемнадцати, высокаго, широкоплечаго, съ русыми кудрями и очень умными глазами.

— Вотъ, еслибъ онъ посватался ко мнѣ,—подумала она и вздохнула.—Какой красавецъ, молодецъ какой!... Но очень я

ему нужна... будто онъ не достанетъ невѣсты покрасивѣе и побогаче меня...

Весь праздникъ думала она о немъ, была разсѣяна и одинъ разъ даже всплакнула. Но наступили будни, на столѣ снова появились ножницы и рубашки, и по прежнему началась война съ нуждою: некогда было задумываться и мечтать о красавцѣ-каменщикѣ.

Больше уже такихъ сказочныхъ исторій съ нашей героиней не случалось.

Сорѣ стукнулъ 21 годъ: время, когда юношей отдаютъ въ солдаты, а дѣвицъ—замужъ.

Шмуель началъ задумываться и морщить лобъ.

— Пора ужъ позаботиться о партіи для Соры... Пора, пора! Еще недоставало, чтобъ она засидѣлась въ дѣвкахъ... Хотя, если ее выдать, придется остаться безъ хлѣба: вѣдь она, благодаря Богу, единственная хозяйка, единственная труженица въ домѣ. Много я теперь зарабатываю: даже не вижу, какъ нитку вдѣть въ иголку... Ай, Хана, Хана! Зачѣмъ ты оставила меня здѣсь на мученья! Такая жизнь не жизнь, лучше бы мнѣ умереть въ одно время съ тобой!

Но какую партію могла сдѣлать безприданница Сора? Если и для богача четыре дочери чуть ли не банкротство, то о нашемъ бѣдномъ портняшкѣ и говорить нечего. Правда, онъ былъ домовладѣлецъ, но какого дома... на курьихъ ножкахъ!

III.

— Твоей Соры, Шмуель, нельзя выдавать зря, она дѣвушка благородная, сказалъ однажды Шмуелю Вульфъ, пикерскій сватъ. Это былъ подслѣповатый еврей лѣтъ 70, высокій, съ орлинымъ носомъ, толстыми губами, борода заступомъ; говорилъ глухо. Вульфъ весь изработался, прежде чѣмъ сдѣлался сватомъ. Въ молодости онъ былъ канторомъ; на 30 году, простудивъ, въ страшные дни покаянія, горло и грудь, онъ пустилъ въ дѣло руки и глаза и сталъ портняжничать; на 50 году руки тоже отказались служить и тряслись при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, но Вульфъ не унывалъ, у него

еще оказывались шансы на заработки—онъ сѣлъ меламедствовать. «Меламедствовать и умереть—говоритъ еврейская пословица,—всегда успѣешь». Десять лѣтъ исполнялъ онъ добросовѣстно, по своему, должность наставника, десять лѣтъ колотилъ своими дрожащими руками питомцевъ, но на одинадцатомъ году пріобрѣлъ дурную славу. «Дѣти вовсе не слушаются его», говорили матери учениковъ, видя, что ихъ дѣтей мало колотятъ. Вульфъ не падаетъ духомъ: ноги могутъ еще служить. Онъ взялъ должность сторожа и пробылъ въ ней девять лѣтъ; но въ одну темную ночь, когда, окоченѣвши отъ холода, нашъ сторожъ немного вздремнулъ, почти на его глазахъ обокрали лавку—и на завтра прощай долголѣтняя служба.

Плохо пришлось Вульфу: за что приняться ему, 70-ти-лѣтнему старцу! онъ уже изработался всѣми своими членами: и горло, и грудь, и голова и глаза, и руки, и ноги—все перебывало въ дѣлѣ.

— Э, ничего!—сказалъ эксъ-сторожъ Вульфъ,—ничего, какъ нибудь пробьемся! Прожилъ-же я 70 лѣтъ, никому не льстилъ, ничьихъ пороговъ не обивалъ. Жилъ-ли я, или только не умеръ съ голоду—объ этомъ никому не пойду разсказывать сказки. И теперь съ голоду не помру и милостыни ни за какія блага не возьму: въ этомъ я присягнулъ еще въ утробѣ матери. Сдѣлаюсь шадхеномъ и буду еще въ состояніи сводить стѣну со стѣною, не хуже любаго свата. Лгать и обманывать, пожалуй, и я съумѣю.

И онъ дѣйствительно началъ сводить «стѣну со стѣною» и зарабатывать отъ такихъ фокусовъ. Съ Шмуелемъ онъ былъ знакомъ съ дѣтства.

— Нѣтъ, Шмуель,—говорилъ Вульфъ,—твоей Соркѣ я худа не желаю, ей дамъ я жениха—чудо. Зайдемъ тутъ въ кабакъ, возьмемъ немного шнапсу. Я знаю, какого тебѣ жениха нужно для Соры,—началъ Вульфъ, подноси рюмку къ губамъ—лхаимъ! Тебѣ, я знаю, не нужны эти пустоголовые франтики, приглаживающіе волосики по пански, съ шапочкой на бекрень.

— Да, да! на кой чортъ они мнѣ! Ich darf sei af 10000 Capores. Дай мнѣ жениха тихаго, который зналъ бы немножко и Тору. Понимаешь, я не какой нибудь, не съ улицы, слава

Богу. Правда, я набросилъ тѣнь на нашу фамилію, сдѣлавшись лапотникомъ, но мой покойный батюшка, дай Богъ ему царство небесное, былъ, слава Богу, не сапожникъ. Онъ былъ цеховой портной изъ первыхъ, отъ него были безъ ума всѣ богачи города, понимаете? Такъ вотъ, хочу парня порядочнаго, чтобы все было какъ слѣдуетъ.

— Ужъ я тебѣ добуду, не горюй. Постой, у меня уже зародилось кое-что въ головѣ. Я считаю Сору чуть ли не родной дочерью и не желаю ей худаго. Ну пей! Дай Богъ и на Соркиной свадьбѣ!..

— Дай-то Богъ!

— Ша! нашелъ! Превосходная мысль! Отличное дѣло! Говорю тебѣ Шмуель, просто пальчики оближешь! Въ аккуратъ такой, какъ ты желаешь. Похоже, какъ двѣ капли воды. Ай да Вульфъ! онъ все еще не изъ послѣднихъ!.

И въ знакъ торжества Вульфъ щелкнулъ большимъ и среднимъ пальцами.

У Шмуеля въ глазахъ засвѣтилась радость.

— Съ кѣмъ же это?

— Постой, не торопись! Сначала разскажу, что это за партія: женихъ ученый, мудрецъ... мудрецъ, говорю тебѣ! и тихій, не тронетъ и мухи на стѣнѣ. Притомъ, они не изъ простыхъ: дѣдъ былъ раввиномъ, а отецъ жениха первѣйшій меламедъ въ городѣ. Въ третьяхъ... въ третьихъ, они все же довольно зажиточны. Ну что, нравится тебѣ?

— Но,—заикнулся Шмуль съ льстивой улыбкой,—захотятъ ли они со мною породниться? Будь еще мой покойный батюшка въ живыхъ, тогда другое дѣло. Но вы сами знаете, я лапотникъ, за что они тутъ ухватятся? Кромѣ того, у меня нѣтъ и приданаго, понимаете?

— О нихъ тебѣ ничего заботиться. Я на своемъ вѣку соединилъ не одну парочку и уповаю на Бога, что и эту партію тоже устрою. И здѣсь я приложу больше старанія: вѣдь Сора мнѣ не чужая. Не даромъ она мнѣ сшила на прошлой недѣлѣ «арбеканфесъ». Я обѣщалъ ей за то хорошаго жениха и долженъ сдержать слово.

— Я знаю его отца?

— Какъ свои пять пальцевъ. Знаешь Элце-меламеда? Ну, такъ это съ его парнишкой Мейшеле.

— Что вы говорите! Да захотятъ ли они?

— Не безпокойся, это ужь мое дѣло.

Черезъ нѣсколько дней Вульфъ пришелъ съ извѣстіемъ, что Элце согласенъ и обѣщаетъ 30 р. и содержаніе въ продолженіи трехъ лѣтъ. Шмуель былъ на седьмомъ небѣ отъ блаженства. Нравится ли женихъ Сорѣ, объ этомъ никто и не думалъ,—и къ чему? Вѣдь Шмуелю меламедъ Элце нравится, вѣдь богобоязненность жениха не подлежитъ сомнѣнію, и въ концѣ концовъ надо радоваться, что Сора не засидится въ дѣвкахъ. А Вульфъ такъ прямо и сказалъ, что Сора можетъ полагаться на него и на отца: безъ сомнѣнія, они не желаютъ ей зла. Сама невѣста разсуждала такъ:

— Надо же когда нибудь выйти замужъ, такъ не все ли равно тотъ или другой? Пойду еще разбирать, какъ будто я какая нибудь важная особа, съ большимъ приданымъ! Нечего спѣсивиться, мнѣ уже, благодаря Богу, 20 лѣтъ.

Только Лея была печальна. Во время заключенія брачнаго договора, она сказала Хіенѣ:

— Мнѣ не нравится женихъ Соры. Онъ болѣе похожъ на теленка, чѣмъ на человѣка.

— Отчего же ты не скажешь объ этомъ отцу? спросила испуганно Хіена.

— Оттого, что насъ съ тобой не послушаютъ, отвѣтила Лея.

IV.

Ребъ Элце былъ уважаемый въ околодкѣ меламедъ и ярый хассидъ. Онъ былъ не особенно уменъ, но «съ меламеда больше не требуется». Пословица «меламедствовать и умереть никогда не поздно»—показываетъ, что тому, кто берется быть наставникомъ и воспитателемъ нашихъ дѣтей, нужно ровно столько знаній, сколько нужно знаній больному для того, чтобы умереть. И такъ ребъ Элце считался хорошимъ меламедомъ и хорошимъ хассидомъ. Для однихъ это двойной чинъ, для другихъ двойное горе. Вдобавокъ онъ въ праздники еще занимался

сватовствомъ, разумѣется, подобно другимъ, сводя стѣну со стѣною. Онъ былъ чахоточный, харкалъ кровью и, подобно другимъ больнымъ, отличался упрямствомъ и злобой. Жена его, Малка, низенькая, съ толстымъ носомъ и плутоватыми глазками баба, разносила для продажи яйца и куръ. Промерзнувъ цѣлый день, или испекшись на солнцѣ, или же промокнувъ до костей подъ дождемъ, она, по приходѣ домой, не могла не ругаться и не кричать—изливать по своему накипѣвшее на душѣ. Моисей былъ у ребъ Элце четвертый, и кромѣ него было еще человѣкъ 8 дѣтей. Худенькій, черненькій, носъ—горошинка прилѣпленная къ лицу, глаза мутные, испуганные. Тѣмъ не менѣе, при болѣе близкомъ знакомствѣ, онъ казался далеко не гадкимъ. Моисей учился у отца. Ребъ Элце былъ порядочный дуракъ: дабы не думали, что чужое дитя онъ бьетъ, а собственное жалѣетъ, онъ истязалъ сына больше другихъ учениковъ, на немъ вымещалъ свою злобу на все, даже на то, что его, Элце, цѣлый часъ душилъ кашель и недавалъ ему передохнуть. Моисей уже привыкъ переносить удары. Подставивъ спину, онъ тупо смотрѣлъ на отца, когда тотъ билъ его. Мать подбавляла и свою долю въ чашу сыновней горечи. Издѣвательства собственныхъ товарищей, которые не боялись травить его какъ зайца, зная, что Элце не заступится за сына, обиды братьевъ и сестеръ поселили въ несчастномъ юношѣ убѣжденіе, что онъ ниже другихъ, что каждый имѣетъ право топтать его въ грязь, а онъ не имѣетъ права защищаться. Будучи на правахъ дурака, онъ считалъ всѣхъ умнѣе себя и боялся кому либо противорѣчить хотя единымъ словомъ. Къ довершенію всего, колотушки сдѣлали его больнымъ; лицо у него было «моченое», какъ говорятъ бабы; онъ часто чувствовалъ удушье, грудную боль и колотье въ боку. Но Элце достигъ своей цѣли: занимаясь съ сыномъ цѣлый день въ хедерѣ, потомъ еще до поздней ночи особенно, онъ вбилъ ему въ голову тору. Моисей зналъ хедерную науку.

Вотъ съ такимъ-то человѣкомъ Сора должна была прожить лучшіе молодые годы, отъ такого-то человѣка должна была ждать, какъ всѣ дѣвицы ждутъ, счастья!..

Ну и, конечно, дождалась!..

V.

На обрученіи присутствовало нѣсколько человѣкъ приглашенныхъ, Вульфъ и родители жениха и невѣсты. Взяли двѣ бутылки водки и пряникъ. По прочтеніи брачнаго договора, разбили старый горшокъ. Вездѣ что нибудь разбивается, вездѣ при трескѣ посуды у невѣсты дрогнетъ сердце, но, подумаешь, какія различныя чувства волнуютъ тогда будущихъ женъ и матерей! У дочери банкира обрученіе съ сыномъ извѣстнаго подрядчика. Разбили изящную японскую вазу. У невѣсты дрогнуло сердце: «Ахъ! я иду теперь по блестящей дорогѣ къ счастью! Скоро я сдѣлаюсь властительницей міра; вездѣ буду блистать и возбуждать зависть»... Тррахъ! раздается въ домѣ разбогатѣвшаго хассида, который купилъ своей дочери, за нѣсколько десятковъ тысячъ, доктора. У невѣсты дрогнуло сердце: «скоро я буду докторшей, женой образованнаго, великаго человѣка»...

Въ домишкѣ Шмуля Лапотника разбили надтреснувшій горшокъ. Дочь Лапотника выходитъ за больнаго, забитаго, бѣднаго парнишку. У невѣсты дрогнуло сердце: «будетъ ли чтò ѣсть послѣ свадьбы, или по прежнему прійдется жить впроголодь, въ постоянной борьбѣ съ нуждою, напастями и лишеніями?»...

Даже въ самомъ сладкомъ разцвѣтѣ жизни, въ самые счастливые для каждой дѣвушки дни—между обрученіемъ и свадьбой—Сора была далеко не въ праздничномъ настроеніи. Правда, она ничего не говорила отцу противъ этой партіи и по всей вѣроятности и не знала бы что говорить, но все же молодую дѣвушку давилъ какой-то кошмаръ: она часто плакала и, не смотря на то, что работала больше, чѣмъ когда либо, до глубокой ночи не могла уснуть.

Черезъ три мѣсяца у Соры была свадьба: три дня проливала она горькія слезы, три самыхъ торжественныхъ дня. Почему? Развѣ ее разлучили съ милымъ? Развѣ ее насильно вели подъ вѣнецъ? Развѣ ей жаль было свѣтлаго дѣвичества? Но кто можетъ знать, что творится въ душѣ дѣвушки и отчего глаза у нея наполняются слезами!

Первое время послѣ свадьбы—медовые мѣсяцы!—Сора смотрѣла на Моисея, какъ на чужаго, не могла привыкнуть къ мысли, что этотъ худенькій, униженный паренекъ—ея супругъ. Сначала ее задѣвало за живое обхожденіе съ нимъ въ домѣ, гдѣ каждый распоряжался имъ, какъ рабомъ, и обижалъ совсѣмъ напрасно. Она сердилась на Моисея, отчего онъ не возмущается, пыталась сама за него заступаться, но имѣла мало успѣха. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ и она успѣла прислушаться къ ругательствамъ, которыя сыпались на ея муженька, и привыкла къ этой жизни. Ей уже не такъ рѣзко бросалось въ глаза, какъ помыкаютъ мужемъ, она сама ужъ стала его понемногу точить и ругать, научившись этому искуству у тещи, рѣчь которой наполовину состояла изъ брани.

Вскорѣ послѣ свадьбы ребъ Элце набралъ для сына учениковъ рублей на 50 въ семестръ, а Сора открыла лавчонку. Первые два семестра прожили они не дурно на готовыхъ хлѣбахъ, на третій ихъ обстоятельства круто измѣнились: ребъ Элце, бывшій уже при свадьбѣ сына въ безнадежномъ состояніи, оставилъ преподаваніе и не сходилъ болѣе съ постели. Моисей, безъ отцовской помощи, потерялъ почти всѣхъ учениковъ. Въ домъ ребъ Элце заглянула, скрыпя зубами, нужда и немедленно поселилась туда совсѣмъ на жительство. По ея наущенію стали на молодыхъ смотрѣть другими глазами. Проходятъ мѣсяцы, время, когда Элце обыкновенно получаетъ жалованье, наступаетъ, а жалованья нѣтъ какъ нѣтъ: Малка стала дышать злобой и ворчать на лишнюю пару. Она успѣла уже пожаловаться всѣмъ сосѣдкамъ, что Моисей съ Сорой насѣли на ея шею, что у нея самой есть малыя дѣти, которыхъ надо кормить; наконецъ она дала молодымъ очень ясно понять, что не можетъ и не хочетъ ихъ кормить.

— При такой дороговизнѣ все я одна, да я одна должна напасать на столько ртовъ,—чтобъ имъ изсохнуть раньше времени!—хлѣба и еще что нибудь къ хлѣбу. По ихъ милости я должна биться, какъ рыба объ ледъ, должна добывать, должна всѣмъ давать, а они—подавиться бы имъ моимъ добромъ!—только и дѣлаютъ, что объѣдаютъ и обжираютъ меня въ конецъ!..

Моисей отдавалъ матери свои меламедскіе заработки, Сора

выдавала 2 р. въ мѣсяцъ изъ лавчонки, но Малка не переставала накидываться на «обжоръ».. Къ концу семестра дошло до того, что каждый кусокъ, который они съѣдали, былъ приправляемъ ругательствами и проклятіями.

Мойсей оставался при своей обычной невозмутимости, по привычкѣ, въ немъ не оставалось и слѣда собственнаго *я!* Но Сору страшно тяготило ея положеніе. Хотя и подъ отеческой кровлей ей жилось не Богъ знаетъ какъ хорошо, но тамъ по крайней мѣрѣ никто не попрекалъ ее каждымъ кускомъ. Ахъ, будь хоть тѣнь надежды, что, отдѣлившись, она будетъ въ состояніи кое-какъ прокормиться—ни минуты бы она здѣсь не пробыла на нищенскихъ хлѣбахъ... въ сто разъ хуже нищенскихъ! И при такихъ-то обстоятельствахъ приходится сдѣлаться матерью! Просить развѣ помощи у отца? Боже мой! какія глупости могутъ западать въ голову подъ давленіемъ нужды!.. Нѣтъ, надо переждать «хорошее время» родовъ, а тамъ—пускай даже не хватаетъ на первый обѣдъ!—перебраться отъ разбойницы тещи.

Разъ, когда обстоятельства пришлись уже Малкѣ не въ моготу, стала она придираться къ Сорѣ:

— Барынька моя! Хвора ты была сварить обѣдъ, который вы же сами и сожрете?

— Кто же варилъ, какъ не я? спросила Сора.

— Славно сварили, нечего сказать! Пускай на свадьбѣ твоихъ сестрицъ будутъ такіе обѣды!.. Гм! вѣдь это чистая насмѣшка! Выкипѣло до дна, хоть бы слѣдъ остался! Но имъ какое дѣло, что мнѣ нечего будетъ обѣдать, они ужъ вѣрно хорошенько нажрались. Для нихъ хватило! Какъ будто заработали его!

— Какъ же не заработали? Что выручаю изъ лавки—вамъ отдаю, Моисей свои два рубля въ мѣсяцъ тоже отдаетъ.

— Ха, ха, ха! Такъ могу-ли я теперь быть на нее въ претензіи! Она оплачиваетъ свое содержаніе: 4 карбованца въ мѣсяцъ! Чего же еще? Мало этого? мало за то, чтобы накормить такихъ двухъ вампировъ?.. У! вѣдьма!

Сора начала сердиться.

— Но вы же мнѣ дали вашего сына въ мужья, вашъ же сынъ не умѣетъ зарабатывать!

— Слышите! ее, бѣдняжку, обманули—шутка сказать! Не могли бы достать этого клада, этой красавицы! Добились чести породниться съ дочерью Шмуеля Лапуте, принесшей столько приданаго!.. Но пускай будетъ, какъ ты говоришь: тебя обманули, дали тебѣ мужа-дрянь, — такъ чего же вы теперь отъ меня хотите? чего вы сидите у меня на шеѣ! Да не могу же, не могу! Довольно двухъ лѣтъ содержанія! довольно съ меня! У меня на шеѣ и другія дѣти, Моисей не единственный! У васъ глаза не лопнули, чтобы не видѣть, что я бьюсь, какъ передъ смертью, что я съ своими малыми дѣтьми сами не имѣемъ чего ѣсть, что Эле, мало того, что не зарабатываетъ, еще нуждается въ кой-какихъ удобствахъ! Вамъ хочется, чтобы я оставила его умереть и кормила васъ! Ступайте себѣ, ступайте!..

— Куда мнѣ идти? съ кѣмъ мнѣ...

Долго сдерживаемыя слезы вырвались наружу, полились ручьями, сперли у молодой женщины дыханіе.

— Прошу тебя, не оплакивай меня живую. Ѣшь, ѣшь, если тебѣ охота ѣсть этотъ хлѣбъ!

— Ой, какъ онъ мнѣ сладокъ! произнесла Сора надорваннымъ голосомъ и ушла.

Малка съ минуту стояла въ раздумьи.

— И ей хорошо!.. сказала она, утёревъ глаза кулакомъ.

Псевдонимъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ПѢСНИ ДНЯ.

III *.

Девятое Аба.

О, если-бы холодъ продажныхъ друзей,
Негаснущій недруговъ жаръ,
Безсильные стоны собратій моихъ—
Все было-бы только кошмаръ!
О, если-бъ меня въ этотъ мигъ разбудилъ
Звукъ трубъ, возвѣщающихъ бой,
Въ Бетарѣ, гдѣ войско въ послѣднюю брань
Готовитъ Баръ-Кахба герой!
Друзьямъ я о снѣ бы повѣдалъ моемъ,
Я вторилъ бы рѣчью трубѣ:
„Умремъ, какъ одинъ, чтобъ не сбылся мой сонъ,
Не быть намъ игрою судьбы,
Чтобъ помнилъ весь міръ, какъ послѣдній еврей
Палъ жертвою славной борьбы!“...

***

---

* См. „Восходъ“ кн. VIII.

О, счастливъ, кто честно въ бою побѣдитъ,
И тотъ, кто со славой падетъ!
Но горе тому, кто паденье свое
Въ плѣну у врага доживетъ,
Кто волю утратитъ, чья доблесть умретъ,
Чей робкій, надломленный духъ
При зовѣ на бой не воспрянетъ въ груди,
Къ обидѣ останется глухъ!..
Что жизнь, если славу скосили враги,
И память о предкахъ въ молвѣ
Укоромъ звучитъ для безсильныхъ дѣтей,
Игралищемъ ставшихъ судьбы!..
О, Боже, зачѣмъ-же послѣдній еврей
Героемъ не палъ средь борьбы!..

***

Въ день Аба девятый, день горя и слезъ,
Душа не прошедшимъ полна:
Пусть храмъ былъ разрушенъ и сломанъ Бетаръ,
Но слава была спасена.
Скорблю о потомкахъ героевъ былыхъ,
Дрожащихъ средь стана враговъ,
Молящихъ пощады вотще, какъ рабы,
Согбенныхъ подъ гнетомъ оковъ.
Въ девятый день Аба, о, Господи силъ!—
Внемли моей жаркой мольбѣ!

Спаси свой народъ!.. Если-жъ гибель пошлешь —
То въ честной и славной борьбѣ,
Чтобъ помнилъ весь міръ, что послѣдній еврей
Палъ съ вызовомъ гордымъ судьбѣ.!...

М. Абрамовичъ.

(*Продолженіе будетъ*).

НАШЕ ЕВРЕЙСКОЕ МІРОѢДСТВО И ЕГО ГЛАВНАЯ ПРИЧИНА.

(*Окончаніе*).

Сдѣлавъ это необходимое отступленіе, возвращаюсь опять къ главному, занимающему насъ предмету. Я думаю, что читатель теперь ясно видитъ, что тотъ интеллигентный элементъ, который обыкновенно противопоставляютъ элементу ортодоксальному и который часто рекомендуютъ послѣднему, какъ образецъ въ дѣлѣ міроѣдства, въ сферѣ эксплуатаціи труда еврейской массы, обнаруживаетъ самыя гибельныя стремленія, дающія въ своемъ осуществленіи самые ужасающіе результаты. Если даже среди этого преобладающаго элемента находятся люди добросовѣстные, честные, сами неспособные жить трудами бѣдняка (и такихъ людей безспорно можно найти вездѣ), то, какъ люди, зависящіе отъ окружающей среды и больше всего отъ среды эксплуататорской, они безсильны для активнаго проявленія своей честности.

Перейдемъ теперь къ болѣе интеллигентному и болѣе независимому элементу, тоже не малочисленному среди евреевъ. Я говорю объ адвокатахъ, врачахъ и имъ подобныхъ людяхъ свободныхъ профессій. Но тутъ-то прежде всего приходится сказать, что этотъ элементъ, за весьма ничтожными исключеніями, которыхъ, правда, за послѣднее время стало замѣчаться все больше, вовсе нельзя назвать еврейскимъ. Огромное большинство нашихъ еврейскихъ врачей, адвокатовъ, литераторовъ—сторонятся всего еврейскаго, совершенно удаляются отъ еврейской среды, къ которой

* См. „Восходъ“, кн. 7.

относятся часто еще болѣе надменно и высокомѣрно, чѣмъ наши Деруновы, которые все же таки, волею-неволею, иногда участвуютъ въ общественныхъ интересахъ. Деруновъ еще кое-когда завернетъ въ еврейскую синагогу, что̀ уже связываетъ его съ еврейскимъ обществомъ. Врачъ же или адвокатъ—никогда почти. Между тѣмъ, эти господа большею частью живутъ именно еврейскими деньгами, такъ какъ вездѣ главными кліентами адвокатовъ и паціентами врачей являются именно евреи. Еврей всегда и вездѣ является дѣловымъ человѣкомъ, слѣдовательно, имѣетъ постоянно и жалобы. Еврей—чадолюбивъ и лучшій семьянинъ, и при малѣйшемъ нездоровьи жены или дѣтей немедленно прибѣгаетъ къ медицинской помощи, въ которую уже даже слишкомъ вѣритъ. Эта слабость евреевъ къ медицинѣ до того общеизвѣстна, что ее часто эксплуатируютъ высокоученые профессора, особенно города Кіева, этой матери всѣхъ русскихъ добродѣтелей, экстраординарныхъ кулаковъ, нѣмецкихъ опричниковъ и татарскихъ баскаковъ. Эти ученые мужи, видимо, глубоко тронутые страданіями Израиля, часто дѣлаютъ набѣги на ближайшіе города, густо населенные евреями, чтобы лечить тяжелыя раны этихъ послѣднихъ и хоть сколько нибудь облегчать ихъ карманы. Не смотря на все это, врачи и юристы именно провинціальныхъ городковъ и мѣстечекъ, особенно до послѣдняго времени, сторонились отъ еврейскаго общества, словно отъ чумы, а если и сходились съ нѣкоторыми его членами, то только съ богатыми, т. е., съ Деруновыми. О какомъ нибудь сближеніи съ еврейскою массою, о принятіи участія въ ея жизненныхъ интересахъ—никому изъ этихъ господъ и въ голову не приходило. И странное, крайне уродливое и безнравственное явленіе поражало и теперь еще поражаетъ всякаго, наблюдавшаго за еврейскою жизнью въ послѣдніе годы. Въ то время, какъ вездѣ, во всемъ мірѣ и даже у насъ подъ носомъ развитіе просвѣщенія сопровождалось развитіемъ демократическихъ идей, приводило къ сближенію прогрессивныхъ просвѣщенныхъ элементовъ съ народною массою, выдвигало нужды и бѣдствія послѣдней—среди нашего русскаго еврейства то же движеніе развило какъ разъ противоположное направленіе и дало совершенно противоположные результаты: возмутительный и крайне отвратительный аристократизмъ, гадкую надменность по отношенію къ забитой,

затоптанной еврейской массѣ, совершенное удаленіе отъ нея и абсолютное забвеніе ея бѣдствій и нуждъ. Такимъ образомъ, въ то время, какъ всякій народъ долженъ выигрывать отъ возрастанія числа просвѣщенныхъ людей, нашъ народъ, напротивъ того, отъ этого только терялъ, ибо его ряды пустѣли; вышедшіе изъ его среды люди, взлелѣянные его нѣжными заботами, взрощенные его тяжкимъ трудомъ, часто цѣною всевозможныхъ лишеній и униженій, постыдно его покидали и переходили въ чужой лагерь, часто ему враждебный. И какое сердце не обольется кровью, чья душа не будетъ охвачена самымъ ѣдкимъ негодованіемъ при видѣ той постыдной неблагодарности, какою «молодое», «просвѣщенное», «передовое» поколѣніе отплатило своимъ отцамъ за всѣ ихъ тяжелыя жертвы, не только матеріальныя, но и нравственныя, духовныя, которыя тяжелѣе всего дѣлать еврею, конечно массовому, а не просвѣщенному. Это просвѣщенное поколѣніе словно сдѣлало своимъ девизомъ: «все—помощью еврейской массы и ничего для еврейской массы». И учась на послѣдніе кровные гроши этой несчастной массы, оно проливало горькія слезы о бѣдномъ мужичкѣ.

Меня слишкомъ увлекло бы въ сторону объясненіе причины этого, скажу безъ обиняковъ—крайне безнравственнаго явленія. Скажу только, что и тутъ много дѣйствовали тѣ же причины, которыя способствовали образованію типа нашихъ европейцевъ, что и тутъ основа лежитъ въ крайне ненормальномъ направленіи, какое приняло съ самаго начала наше просвѣтительное движеніе, явившееся какъ бы отрицаніемъ всего еврейскаго и даже враждебнымъ еврейской религіи и національности. Не надо забывать, что все это новое «просвѣщенное» поколѣніе было воспитано именно прототипами этихъ «европейцевъ», или же самими же этими европейцами, и что оно должно было такимъ образомъ унаслѣдовать отъ своихъ отцовъ тѣ отвратительныя черты, то низкопоклонство передъ всѣмъ не-еврейскимъ, тѣ понятія о томъ, что «все можно», о которыхъ я говорилъ выше.

Какъ бы то ни было, но мы видимъ, что и отъ высшаго интеллигентнаго элемента еврейской массѣ нечего особенно ждать спасенія. Мы видимъ, что даже люди съ университетскимъ образованіемъ или совершенно удалялись отъ еврейства, не смотря на

ю, что жили добываемыми среди него средствами, или же братались съ тѣми элементами, которыхъ эксплоататорская дѣятельность такъ тяжко отозвалась на еврейской массѣ.

Но, какъ я уже замѣтилъ выше, есть безспорно среди всѣхъ описанныхъ мною элементовъ и благородные, честные люди, ясно видящіе всѣ страшныя бѣдствія нашей еврейской массы, чувствующіе ея страданія, готовые на дѣятельную борьбу. Но такихъ людей пока еще—ограниченное число, и къ тому же они безсильны, или потому именно и безсильны. Сознаніе же этого безсилія дѣлаетъ ихъ еще болѣе слабыми и заставляетъ въ отчаяніи махнуть рукою на все. Но одно бодрое слово, одна мысль о томъ, что движеніе начинается, что борьба завязывается, что и другіе стали видѣть и даже говорить громко о томъ, что они до сихъ поръ молча, хотя и съ болью въ сердцѣ наблюдали, не смѣя шевельнуться—все это придастъ имъ новыя силы, и они дѣятельно примутся за дѣло.

Но какого же рода должно быть это дѣло? Въ этомъ само собою вся суть вопроса, или, лучше сказать отвѣтъ. Хотя въ планъ этой статьи нисколько не входило разсмотрѣніе этого вопроса или отвѣта, который рѣшить, да еще цѣликомъ, я вовсе и не берусь, однако, заговоривъ разъ о существующемъ злѣ, я считаю нужнымъ указать хоть на какой нибудь способъ борьбы противъ него, и притомъ на такой именно, который былъ бы доступенъ и ограниченному количеству честныхъ людей. Мы видѣли выше, что главной причиной ужасной эксплоатаціи, которой отдана въ полную жертву почти вся наша масса, является торговля, составляющая главный предметъ занятія этой массы, что вслѣдствіе занятія торговлей она вполнѣ зависитъ прямо отъ денегъ и, такимъ образомъ, должна попадать въ кабалу къ ростовщикамъ и богатымъ торговцамъ; что эта прямая кабала влечетъ за собою много косвенныхъ; что именно вслѣдствіе своей денежной зависимости отъ эксплоататорскаго люда, она молча должна переносить ихъ эксплоататорскую дѣятельность и на всѣхъ другихъ поприщахъ жизни, частномъ и общественномъ.

Такимъ образомъ, мы ясно видимъ, что одна борьба съ общественными представителями является не только второстепенной, но и почти безплодной. Освободите массу отъ главной зависи-

мости, и всѣ послѣдствія этой послѣдней, само собою, рушатся Если же это не будетъ сдѣлано, если масса будетъ продолжать оставаться въ лапахъ ростовщиковъ, то эти ростовщики будутъ продолжать безпрепятственно свою разорительную работу, какъ общественные представители, и никакая борьба противъ нихъ, никакія разоблаченія ни къ чему не поведутъ.

Суть дѣла, такимъ образомъ, сводится къ тому, чтобы, съ одной стороны, дать возможность бѣдному люду вести свое дѣло независимо отъ ростовщиковъ; съ другой стороны, и главнымъ образомъ—уменьшать по возможности число людей, занимающихся торговлей. Противъ необходимости этой двойной освободительной дѣятельности въ пользу нашей массы рѣшительно никто не станетъ спорить; она уже давно признана всѣми,разсматривавшими вопросъ съ различныхъ, часто противоположныхъ точекъ зрѣнія.

Относительно того, какимъ путемъ должно совершить это освобожденіе, тоже ничего новаго нельзя сказать. Для достиженія первой цѣли, т. е. того, чтобы освободить бѣдный людъ отъ необходимости прибѣгать для займа денегъ къ разнымъ кулакамъ, надо очень просто устроить ссудныя кассы во всѣхъ пунктахъ еврейской осѣдлости на подобіе тѣхъ, какія существуютъ въ Швейцаріи, во Франціи и другихъ цивилизованныхъ странахъ. Кассы эти должны быть учреждены на строгихъ, твердыхъ началахъ, имѣть уставъ, строгій контроль, и главнымъ образомъ онѣ не имѣть благотворительнаго характера, который, помимо своихъ моральныхъ неудобствъ, всегда лишаетъ прочности подобныя учрежденія. Этого благотворительнаго характера кассы эти тѣмъ болѣе могутъ не имѣть, что ихъ можно и должно даже устроить на такихъ началахъ, чтобы устроители извлекали изъ него нѣкоторую пользу. Процентъ въ 1 или $1^1/_2$ въ мѣсяцъ явится спасительнымъ благодѣяніемъ для нуждающагося класса и, вмѣстѣ съ тѣмъ, можетъ удовлетворить и вкладчиковъ, особенно если они будутъ при этомъ чувствовать и нравственное удовлетвореніе, что почти не подлежитъ сомнѣнію, ибо, особенно на первыхъ порахъ, только такіе люди и явятся вкладчиками.

Въ самомъ незначительномъ городкѣ не трудно было бы составить сумму въ три тысячи рублей, напр., помощью вкладовъ состоятельныхъ лицъ, если у этихъ послѣднихъ явится увѣрен-

ность, что ихъ вклады совершенно обезпечены, и еще къ тому приносятъ имъ небольшой процентъ. Такою суммою въ теченіе года могутъ пользоваться отъ пятидесяти до восьмидесяти и даже болѣе лицъ.

Если мы даже допустимъ, что этотъ людъ платитъ не сто и больше процентовъ въ годъ, какъ это бываетъ въ дѣйствительности, а только семьдесятъ, то эти три тысячи рублей, отданные по 18%, заставятъ его заплатить въ одинъ только годъ на 1,560 рублей меньше процентовъ, которые такимъ образомъ присоединятся къ средствамъ бѣдняковъ, вмѣсто того, чтобы перейти въ карманы разныхъ хищниковъ. Въ десять же лѣтъ это составитъ сумму въ 15,600 рублей! Представимъ себѣ такія кассы устроенными хоть въ ста провинціальныхъ еврейскихъ городахъ. Онѣ бы такимъ образомъ сняли съ массы, въ теченіе десяти лѣтъ, страшный кровавый налогъ въ 1,560,000 рублей! Эти цифры убѣдительнѣйшимъ образомъ говорятъ за огромную пользу и облегченіе, какія эти ссудныя кассы могутъ принести нашей еврейской массѣ; онѣ же вмѣстѣ съ тѣмъ даютъ хотя слабое представленіе о томъ, какія страшныя суммы денегъ переваливаютъ изъ тощихъ кармановъ этой послѣдней въ широкія мошны нашихъ міропожирателей.

Не надо при этомъ никогда забывать и косвенной пользы, которую неизмѣнно принесетъ освобожденіе бѣднаго люда изъ-подъ прямой зависимости кулаковъ, и о которой я говорилъ выше: бѣдняки не станутъ больше позволять кулакамъ эксплоатировать себя въ разныхъ сферахъ общественной дѣятельности, къ которой онъ ихъ больше не будетъ допускать.

Я однако ничуть не считаю эти ссудныя кассы самымъ радикальнымъ средствомъ противъ всѣхъ золъ. Я ихъ признаю только *однимъ* изъ средствъ для борьбы съ еврейскимъ кулачествомъ и для защиты массы отъ хищничества ея благодѣтелей. Я на него указалъ особенно потому еще, что оно мнѣ кажется наименѣе мечтательнымъ и наиболѣе удобно осуществимымъ при существованіи хотя какой либо иниціативы среди еврейства. Въ этомъ дѣлѣ энергично могутъ дѣйствовать и тѣ благородные, честные люди, которые по своей слабости или же по своей зависимости не могутъ вступить въ прямую борьбу съ эксплоататорскими элементами. Эта

же косвенная борьба гораздо болѣе по силамъ всякому и также непосредственно плодотворнѣе.

Что же касается самаго плана устройства ссудныхъ кассъ, то онъ долженъ сдѣлаться предметомъ особаго обсужденія, и я нисколько не подумалъ начертить его въ подробностяхъ. Я хотѣлъ только намѣтить его общій характеръ и не могу не настаивать на томъ, что характеръ этихъ ссудныхъ кассъ долженъ быть скорѣе коммерческій, чѣмъ благотворительный; иначе мы не достигнемъ одной, самой существенной цѣли—освобожденія массы изъ-подъ моральной зависимости, ведущей въ свою очередь опять же къ зависимости матеріальной. Однако, вмѣстѣ съ тѣмъ, необходимо, чтобы эти кассы *непремѣнно являлись общественными еврейскими* учрежденіями и отнюдь не довѣрялись бы частнымъ лицамъ, которыя бы пожелали всецѣло взять на себя ихъ устройство. Деньги должны быть отпускаемы подъ залогъ, и только мелкимъ торговцамъ и ремесленникамъ и вообще—для пусканія въ оборотъ, а не для частныхъ потребностей, особенно, конечно, на первыхъ порахъ, когда капиталы кассъ будутъ невелики *.

Перехожу теперь къ другой цѣли, къ которой должны стремиться друзья еврейской массы,—къ возможному уменьшенію среди нея числа торговцевъ. Хотя уже давно признано, что развитіе земледѣльческаго и ремесленнаго труда среди евреевъ больше всего способствовало бы къ отвлеченію ихъ отъ торговли, но въ послѣднее время стали появляться мнѣнія противъ земледѣльческаго

* Было бы крайне полезно при этихъ ссудныхъ кассахъ открыть и сберегательныя кассы, которыя, съ одной стороны, дали бы бѣдному люду возможность сохранять свои скудныя сбереженія; съ другой стороны — могли бы увеличить капиталы ссудныхъ кассъ и расширить ихъ дѣятельность. При той бережливости, которою отличается наша еврейская масса, взаимныя услуги этихъ двухъ кассъ не подлежатъ никакому сомнѣнію. Не могу тутъ не замѣтить, что у насъ еще до сихъ поръ сохранилось какое-то предубѣжденіе противъ этой очень похвальной черты евреевъ. Надо сказать, что въ Европѣ, преимущественно же въ Швейцаріи и во Франціи, склонность къ сбереженію гораздо сильнѣе, и тамъ caisses d'epargne буквально завалены людьми въ тѣ дни, когда онѣ открыты. Кромѣ того, во Франціи, напр., очень распространенъ обычай—раздавать ученикамъ въ видѣ награды книжечки сберегательныхъ кассъ на пять, десять франковъ и т. д. и это нисколько не считается предосудительнымъ. Надо только умѣть отличать отвратительную, безсмысленную скаредность отъ желанія и стремленія выйти изъ вѣчной кабалы и обезпечить себѣ грошъ на черный день.

труда въ особенности. Вотъ почему я считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ по этому поводу.

Это мнѣніе противъ земледѣльческаго труда заключается въ томъ, что евреи по своему умственному развитію переросли уже тотъ періодъ, когда народъ можетъ предаваться земледѣлію, а поэтому-де возвращеніе его къ этому занятію было бы регрессомъ, т. е., шагомъ назадъ цѣлаго народа, что невозможно и никогда не имѣло мѣста въ исторіи. Кѣмъ это мнѣніе впервые было высказано, я не знаю, но мнѣ его часто приводилось выслушивать, особенно въ Вѣнѣ и Парижѣ, гдѣ его приводили, какъ самый сильный доводъ противъ стремленій еврейскихъ эмигрантовъ въ Америкѣ и Палестинѣ. Съ перваго взгляда можетъ казаться, что доводъ этотъ дѣйствительно заключаетъ въ себѣ культурно-историческую истину. Дѣйствительно, всякій знаетъ, что народы въ первобытномъ своемъ развитіи переживаютъ три періода: охотничій, пастушескій и земледѣльческій, послѣ которыхъ переходятъ къ періоду, который можно назвать торгово-промышленнымъ. Но каждое изъ этихъ занятій только тогда можетъ считаться выраженіемъ извѣстной ступени культуры, когда народъ находится на первой ступени развитія и когда это занятіе является для него исключительнымъ для *всего народа*, при чемъ онъ другихъ занятій вовсе или почти не знаетъ. Но развѣ въ новѣйшее время, у самыхъ цивилизованныхъ народовъ, земледѣліе во всѣхъ видахъ не развивается и не совершенствуется вмѣстѣ съ другими промыслами? Развѣ Франція, Англія, Бельгія, Швейцарія, Голландія оставили совсѣмъ земледѣліе? Правда, оно уже не играетъ первенствующей роли, но все-таки ему еще предаются милліоны людей. Было бы дѣйствительно регрессомъ возвратить евреевъ всѣхъ безъ исключенія къ первобытному со всѣми его формами, земледѣлію, хотя врядъ-ли они отъ этого что либо потеряли бы въ нравственномъ, матеріальномъ и физическомъ отношеніяхъ. Но сказать, что стремиться образовать среди евреевъ классъ земледѣльцевъ— значитъ отодвинуть их на нѣсколько столѣтій въ умственномъ развитіи—будетъ то же самое, какъ если бы, напр., считать людей, любящихъ заниматься охотою, на такой же степени умственнаго развитія, какъ и тѣхъ, которые жили во время охотничьяго періода доисторической эпохи. Достаточно только видѣть француз-

скаго или швейцарскаго крестьянина, идущаго за плугомъ съ газетой въ рукахъ, или крестьянку, ѣдущую на базаръ съ овощами и погруженную въ чтеніе «Lyon Républicain» *, какъ я это видѣлъ и вижу сотни разъ; стоитъ только поговорить съ этими крестьянами, самымъ отчетливымъ образомъ разъясняющими вамъ необходимость уничтожить французскій сенатъ или разсуждающими вамъ о *пользѣ знанія исторіи всѣхъ народовъ*,—чтобы убѣдиться во всей нелѣпости этого аргумента. Онъ могъ бы, пожалуй, имѣть силу еще у насъ въ Россіи, гдѣ, какъ земледѣліе, такъ и земледѣльцы дѣйствительно напоминаютъ доисторическую эпоху. Но всякій знаетъ, что если бы евреи серьезно наконецъ взялись за земледѣліе, то они повели бы его на новыхъ, раціональныхъ началахъ; что вовсе не обязательно стать на ту же степень умственнаго развитія, на какой находятся тѣ, къ занятіямъ которыхъ переходишь. Что само же это занятіе вовсе не влечетъ за собою пониженія умственнаго уровня—читатель ясно видѣлъ изъ приведенныхъ выше примѣровъ. Но понятно, что при устройствѣ земледѣльческихъ колоній надо имѣть въ виду не одно идейное стремленіе «образовать земледѣльцевъ», а больше всего—практическую цѣль: давать здоровое и обезпечивающее занятіе физически, матеріально и нравственно изнеможенному еврейскому бѣдному люду. Я однако вовсе не имѣю въ виду предлагать здѣсь какой либо планъ устройства колоній, ибо не считаю себя нисколько компетентнымъ въ этомъ важномъ вопросѣ, много разъ уже обсуждавшемся, правда, безъ всякаго практическаго результата. Я тутъ именно хочу указать на то, что всѣ прежніе опыты показали, что всѣ болѣе или менѣе крупныя предпріятія въ этомъ направленіи до сихъ поръ рушились. Поэтому всѣ тѣ, которые искренно желаютъ сдѣлать что нибудь въ этомъ направленіи, должны во имя своей великой идеи ограничиться возможно малымъ, для того чтобы самому имѣть возможность непосредственно осуществить свои стремленія. Я знаю, что стремленіе къ земледѣлію стало все болѣе и болѣе развиваться среди нашей массы, даже до начала погромовъ. И вездѣ, во всѣхъ центрахъ еврейскаго жительства,

* Выходящая въ Ліонѣ газета, очень распространенная въ сосѣднихъ департаментахъ.

можно найти нѣсколько, правда, единичныхъ, но честныхъ людей, сочувствующихъ и готовыхъ содѣйствовать этому стремленію. Къ сожалѣнію, эти люди всегда ждутъ иниціативы со стороны, ждутъ общей дѣятельности многихъ. Никому даже въ голову не приходитъ, что лучше сдѣлать что нибудь въ малыхъ размѣрахъ, чѣмъ ничего въ размѣрахъ огромныхъ. Между тѣмъ, изъ малой дѣятельности отдѣльныхъ людей могли бы получиться почтенные результаты. Если бы, напр., всякій по мѣрѣ своихъ силъ способствовалъ занятію земледѣліемъ даже одного или двухъ человѣкъ, то это уже было бы прекраснымъ и въ высшей степени полезнымъ шагомъ. Но не трудно составить во многихъ населенныхъ евреями городахъ небольшіе кружки (и чѣмъ меньше они будутъ, тѣмъ больше согласія обнаружится въ ихъ дѣятельности), которые бы задались цѣлью содѣйствовать людямъ, стремящимся къ земледѣльческому труду. Тутъ будетъ еще та важная выгода, что промаховъ въ выборѣ людей будетъ совершаемо значительно меньше. Въ такихъ кружкахъ будетъ также меньше партійнаго духа, который, у насъ въ особенности, такъ часто убиваетъ всякое дѣло въ самомъ зародышѣ. Впослѣдствіи, малые кружки, при полномъ ихъ согласіи между собою, могутъ сливаться и образовывать болѣе или менѣе крупныя общества, которыя однако, по моему мнѣнію, должны всегда оставаться мѣстными. Тутъ главное—не слишкомъ лукаво мудрствовать, не заниматься теоретическимъ пустословіемъ, составленіемъ уставовъ, составленіемъ комитета, избираніемъ президента и тому подобными дѣтскими игрушками, которыми такъ любятъ забавляться наши «дѣятели», соблазняющіеся большею частью самимъ процессомъ, самою обстановкою, а не сущностью дѣла. Эта игра въ комитеты, коммисіи и т. д. какою-то чумою свирѣпствуетъ у насъ и тормозитъ очень много хорошихъ начинаній, преимущественно среди интелигенціи. Чѣмъ меньше будетъ параду, чѣмъ скромнѣе обстановка, тѣмъ рельефнѣе будетъ выступать сама сущность. Сочувствующіе идеѣ и готовые перевести свои чувства на дѣло должны очень просто сговориться между собою о средствахъ, купить или арендовать, смотря по обстоятельствамъ, въ ближайшей мѣстности участокъ земли и поручить ея обработку намѣченному или намѣченнымъ семействамъ. Мнѣ кажется, что такой способъ дѣйствія, какъ самый простой, не-

сложный, не требующій никакихъ разрѣшеній, никакихъ головоломныхъ плановъ, имѣетъ уже то преимущество, что доступенъ всѣмъ и каждому и избавляетъ отъ необходимости какого либо сплоченія, всегда неудающагося среди отъученнаго отъ всякаго единства и солидарности еврейства.

Притомъ, предпріятіе въ большихъ размѣрахъ всегда пугаетъ и внушаетъ недовѣріе слишкомъ уже практичнымъ евреямъ, практичнымъ, конечно, въ самомъ узкомъ смыслѣ, ибо на самомъ дѣлѣ они меньше всего способны предвидѣть даже завтрашній день и всегда бываютъ захвачены несчастіемъ врасплохъ. Пока наши мудрецы и патриціи додумаются оффиціально устроить что-нибудь — въ разныхъ небольшихъ мѣстечкахъ, дѣятельностью простыхъ честныхъ людей, могутъ возникнуть сотни маленькихъ земледѣльческихъ колоній, которыя несомнѣнно все больше и больше будутъ разростаться. Эта посильная дѣятельность, кромѣ того, пробудитъ много спящихъ силъ, расшевелитъ дремлющіе умы и ободритъ тѣхъ малочисленныхъ, но истинныхъ друзей еврейскаго народа, которые въ отчаяніи совсѣмъ опустили руки. А въ отчаяніе есть отчего прійти. Уже масса еврейская доходитъ до того, что въ такомъ даже крупномъ центрѣ, какъ Вильно, не имѣетъ средствъ, чтобы учить своихъ дѣтей *еврейской даже грамотѣ*! * До этого еврейство еще никогда не доходило, даже въ самыя бѣдственныя времена.

И не одно только матеріальное положеніе русскихъ евреевъ представляетъ такую гнетущую картину. Но о нашихъ нравственныхъ язвахъ, все больше и больше насъ разъѣдающихъ, я теперь умолчу, такъ какъ и безъ того моя статья слишкомъ растянулась. Я еще напомню, что какихъ бы взглядовъ на еврейство ни держались различные его друзья, какихъ бы идеаловъ они ни питали относительно его будущаго, созданіе земледѣльческаго класса и вмѣстѣ съ тѣмъ — людей физически развитыхъ, здоровыхъ, способныхъ къ упорному, тяжелому труду, будетъ всегда прочнымъ, незыблемымъ фундаментомъ для *всякаго* будущаго.

Что же касается ремесленнаго труда, въ обширномъ его смыслѣ,

---

* См. корреспонденцію изъ Вильно въ 8 № «Нед. Хроники», 1884 г. Да и какія корреспонденціи не говорятъ о страшныхъ бѣдствіяхъ массъ!

то какъ бы ни было велико число нашихъ ремесленниковъ, не знающихъ, на что употреблять свои рабочія силы, нельзя однако сказать, что заботу о развитіи этого труда слѣдуетъ оставить. Не надо забывать, что многіе изъ нашихъ провинціальныхъ ремесленниковъ очень плохо знаютъ свое ремесло, во первыхъ потому, что учились они у такихъ же плохихъ мастеровъ, а во вторыхъ, еще потому, что работа, требующаяся для ихъ заказчиковъ, весьма несложна, и они, такимъ образомъ, не имѣютъ ни надобности, ни случая усовершенствовать ее. Я собственными глазами убѣдился, какъ такіе доморощенные ремесленники вездѣ чувствовали свое ничтожество и нигдѣ не находили работы; между тѣмъ, какъ ученики, даже не окончившіе одесскаго ремесленнаго училища «Трудъ», въ Парижѣ даже съ перваго дня получали по 3—4 франка въ день, а потомъ и по 5—6. Созданіе хорошихъ, образованныхъ ремесленниковъ имѣло бы у насъ и большое нравственное значеніе, такъ какъ оно несомнѣнно возвысило бы уваженіе въ массѣ къ этого рода труду. Ибо, собственно говоря, не самъ трудъ внушаетъ презрѣніе евреямъ, весьма часто исполняющимъ гораздо болѣе тяжелыя работы, чѣмъ ремесленныя; ужасаетъ ихъ больше всего обученіе этому ремесленному труду, при томъ способѣ, при какомъ оно совершалось и совершается до сихъ поръ. И кто знаетъ этотъ способъ обученія, тотъ не только не станетъ осуждать евреевъ за это чувство отвращенія къ нему, а, напротивъ того, станетъ его въ нихъ уважать. Ибо надо, на самомъ дѣлѣ, заглушить въ себѣ всѣ не только родительскія, но и вообще человѣческія чувства, чтобы отдать своего ребенка большею частью грубому ремесленнику, у котораго онъ находится въ положеніи совершеннаго раба. Имъ помыкаютъ не только самъ хозяинъ, но и его жена, дѣти, родственники, мастеровые, помыкаютъ жестоко, безчеловѣчно. Часто поступившій въ ученіе мальчикъ, въ теченіе двухъ, трехъ, иногда даже четырехъ лѣтъ, не заглядываетъ въ мастерскую, а все это время буквально состоитъ нянькой, носитъ на рукахъ или укачиваетъ хозяйскихъ дѣтей и, кромѣ того, исполняетъ еще и другія—самыя тяжелыя, самыя грязныя и унизительныя работы въ домѣ. А сколько грубой брани, сколько щинковъ и пощечинъ сыплется ежедневно со всѣхъ сторонъ на несчастную голову безотвѣтнаго горемыки! Я поэтому рѣшительно

не понимаю, какъ это люди сколько нибудь интеллигентные могутъ, да еще въ видѣ благодѣянія, отдавать дѣтей въ домашнее обученіе ремесленникамъ. Положимъ, что среди послѣднихъ есть много гуманныхъ людей, но ихъ не такъ легко найти, особенно же «благодѣтелямъ». Нельзя также поэтому нисколько одобрить планъ отдачи еврейскихъ мальчиковъ еврейскимъ или нееврейскимъ * земледѣльцамъ въ ученіе. Это можно было бы сдѣлать только тогда, еслибы наша задача состояла въ томъ, чтобы внушить евреямъ по возможности больше отвращенія даже къ мысли о земледѣліи.

Отдавать къ ремесленнику въ ученіе можно только тогда, когда это, уже рѣшительно неизбѣжно и притомъ, при дѣйствительно строгомъ выборѣ и еще болѣе строгихъ и точныхъ условіяхъ. Лучше всего было бы, чтобы тѣ мѣстечки и городки, которые не имѣютъ достаточныхъ средствъ для устройства ремесленныхъ училищъ, отправляли на свой счетъ одного ученика въ такіе города, гдѣ таковыя существуютъ. Этотъ ученикъ по окончаніи своего ученія долженъ возвратиться въ мѣстечко или горо-

* Особенно планъ отдаванія еврейскихъ мальчиковъ нееврейскимъ земледѣльцамъ могъ прійти въ голову или очень наивному человѣку, или же злому врагу распространенія среди евреевъ земледѣлія. Гдѣ еще на самомъ дѣлѣ найти въ Россіи земледѣльца или, проще говоря, крестьянина, который бы смотрѣлъ на еврея, какъ на человѣческое существо? Я напротивъ того, знаю случаи, когда даже на большихъ фабрикахъ, и въ такомъ уже сравнительно европейскомъ городѣ какъ Одесса, еврейскіе юноши, хорошо говорившіе по русски и вообще ничѣмъ не отличавшіеся по внѣшности и по образу жизни отъ другихъ, должны были бросить эти фабрики—до того ихъ тамъ преслѣдовали и истязали русскіе товарищи, какъ «жидковъ». Бѣдняки дѣлали все возможное для «слiянія», т. е. ходили въ кабакъ съ товарищами, подчивали ихъ водкой (а водка вѣдь что ни на есть самая слiятельная сила). Но ничего не помогало. Преслѣдованіе съ каждымъ днемъ дѣлалось все упорнѣе и назойливѣе. Доходило до такого варварства, что юные всѣчеловѣки ломали и портили работы «поганыхъ жидовъ». Каково же послѣ этого будетъ положеніе еврейскаго мальчика, который очутится одинокимъ среди грубаго деревенскаго люда, отличающагося часто жестокостью даже къ своимъ! Сколько насмѣшекъ, злыхъ, грубыхъ и грязныхъ шутокъ, сколько жестокихъ побоевъ будетъ сыпаться на несчастнаго! И вмѣсто того, чтобы пріучиться къ земледѣлію и полюбить его, онъ получитъ къ нему самое глубокое отвращеніе.

домъ, на счетъ которыхъ онъ учился, чтобы обучать ремеслу другихъ. Отданныя такому человѣку, уже болѣе или менѣе развитому и образованному и, къ тому, хорошо знающему свое дѣло, еврейскія дѣти правильно будутъ обучаться ремеслу въ теченіе опредѣленнаго срока, не тратя по нѣсколько лѣтъ на исполненіе должности няньки или домашняго раба. Еще лучше, еслибы такому ремесленнику открыть рабочую мастерскую при еврейскихъ училищахъ. По моему, такая дѣятельность для самой еврейской массы во многихъ отношеніяхъ, будетъ гораздо полезнѣе чѣмъ поддерживаніе гимназистовъ и даже студентовъ, которые рѣдко чѣмъ нибудь отплачиваютъ за принесенныя для нихъ жертвы. А что однимъ еврейскимъ адвокатомъ или докторомъ будетъ больше—отъ этого, право, никому изъ еврейскихъ бѣдняковъ не сдѣлается теплѣе.

Повторяю, не надо забывать нравственнаго значенія, какое можетъ оказать появленіе въ провинціи хорошаго образованнаго ремесленника, гуманно обращающагося съ учениками и дѣйствительно обучающаго ихъ ремеслу, а не работающаго съ ними, какъ съ вьючными животными. Такимъ образомъ дѣйствія можно скорѣе и вѣрнѣе одолѣть, къ несчастію, слишкомъ справедливыя предубѣжденія еврейской массы противъ ремесленниковъ и ремеслъ, чѣмъ всякими проповѣдями. И дѣйствуя энергично въ этомъ направленіи, посвятивъ всѣ свои силы и средства на развитіе среди нашей массы преимущественно физическаго труда, конечно, въ извѣстныхъ размѣрахъ, мы достигнемъ слѣдующихъ результатовъ:

Первое. Мы извлечемъ значительное число людей изъ занятія торговлей, которая, съ одной стороны, дѣйствуетъ самымъ деморализирующимъ образомъ на нравственность, особенно при большомъ числѣ конкуррентовъ, съ другой—ставитъ въ прямую зависимость этотъ неимущій торгующій людъ отъ ростовщиковъ и въ косвенную, хотя и менѣе тяжелую —отъ общественныхъ кровопійцъ.

Второе. Мы создадимъ здоровыхъ физически людей, въ которыхъ такъ сильно нуждается физически расшатанное еврейство.

Третье. Мы создадимъ классъ людей, трудъ котораго *вездѣ* и *всегда* можетъ имѣть приложеніе и который *всегда* можетъ послужить самымъ прочнымъ основаніемъ для созданія прочнаго бу-

дущаго, какого бы характера оно ни было. Правда, все это было уже много разъ высказано, но ни на волосъ еще не примѣнено. Наше несчастье состоитъ въ томъ, что на словахъ, въ теоріи, мы безъ затрудненій разрѣшаемъ сложнѣйшіе вопросы и считаемъ ихъ поконченными, когда много о нихъ поговорили; и если кому вздумается о нихъ снова заговорить, намъ это кажется повтореніемъ стараго, очень стараго.

Указанныя мною средства я однако нисколько не считаю единоспасающими *. Какъ я уже сказалъ выше, главною моею цѣлью было—представить страшную дѣйствительность во всей ея безобразной наготѣ, не прикрывая ея никакими листьями софизмовъ, а также уяснить основную причину существованія этой страшной дѣйствительности. Вмѣстѣ же съ этимъ я хотѣлъ указать такой путь борьбы, который былъ бы доступенъ всѣмъ друзьямъ еврейской массы, начертить такую дѣятельность, за которую могъ бы взяться всякій честный человѣкъ среди еврейства, не нуждаясь для этого въ ободрительныхъ кивкахъ петербургскихъ Зевсовъ и провинціальныхъ Меркуріевъ. А дѣлать такъ или иначе, надо наконецъ что нибудь, ибо даже этой многотерпѣливой, многострадальной еврейской массѣ не въ моготу стало терпѣть, и она буквально падаетъ подъ подавляющею ее тяжестью ужасной нищеты. Изъ ея столь великаго въ своей непоколебимой вѣрѣ сердца начинаетъ исчезать ея главная опора во всѣхъ страданіяхъ—надежда. И, окидывая все кругомъ безнадежнымъ взоромъ, она говоритъ словами пророка: «Прошло лѣто, миновала зима, а помощи намъ нѣтъ ни откуда». Доколѣ же это будетъ продолжаться!

«Или нѣтъ Бога на Сіонѣ», воскликну и я вмѣстѣ съ Іереміею: «Или нѣтъ уже больше бальзама въ Гилеадѣ, или врача тамъ нѣтъ! Отчего же раны моего народа остаются незалеченными!»

* Я здѣсь не касаюсь одного изъ радикальнѣйшихъ средствъ развитія земледѣлія и облегченія участи нашей бѣдствующей массы, именно—эмиграціи. Но, во первыхъ, объ этомъ предметѣ уже много говорили, и ничего не остается сказать въ принципѣ. Во вторыхъ, вопросъ объ эмиграціи непремѣнно влечетъ за собою другой роковой вопросъ: куда?—вопросъ слишкомъ важный, чтобы о немъ трактовать мимоходомъ. Въ третьихъ, такъ какъ я вопросъ объ эмиграціи не считаю только вопросомъ экономическимъ, то и не считалъ нужнымъ разсматривать его здѣсь.

Пробудитесь же, наконецъ, спящіе, пріободритесь, павшіе духомъ, и поспѣшите на помощь, кто чѣмъ можетъ, къ истекающимъ кровью братьямъ вашимъ! Не отступайте передъ громадностью работы, не устрашайтесь этого, сплошь покрытаго язвами, народнаго тѣла, въ которомъ «отъ ступни до макушки нѣтъ цѣльнаго члена». Вспомните нашихъ мудрецовъ: «Не всей работы долженъ ты завершить, но не свободенъ ты отдѣлаться отъ нея». Но спѣшите, если бьется еще ваше сердце за нашего вѣковаго мученика, за этого истинно міроваго искупителя всемірной подлости, спѣшите, ибо малѣйшее промедленіе можетъ быть роковымъ.

Бенъ-Ами.

Женева, мартъ 1884 г.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Volksreligion und Weltreligon, fünf Hibbert-Vorlesungen, von A. *Kuenen*, Professor in Leiden. Berlin, 1884.

Книга извѣстнаго голландскаго богослова Кюнена о «Народныхъ и мiровыхъ религiяхъ» обратила на себя недавно вниманiе серьезной европейской печати. Обстоятельство это объясняется, можетъ быть, не одними внутренними достоинствами самой книги и важностью трактуемаго ею предмета, но также международнымъ и, такъ сказать, публичнымъ ея характеромъ. Слѣдящимъ за современной научно-философской литературой Европы не безъизвѣстно, что въ послѣднiе годы въ Англiи перiодически происходятъ такъ называемыя «Гиббертовы чтенiя» (Hibbert lectures). Одинъ англичанинъ, Гиббертъ, умершiй въ 1849 году, завѣщалъ значительный капиталъ на дѣло «поощренiя самостоятельныхъ изысканiй въ области теорiи и исторiи религiй»,—изысканiй строгонаучныхъ, свободныхъ отъ всякихъ предвзятыхъ вѣроисповѣдныхъ понятiй. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, это духовное завѣщанiе вступило въ законную силу; образовался особый комитетъ, распоряжающiйся выдачею стипендiй и пособiй изъ означеннаго капитала и состоящiй изъ извѣстныхъ англiйскихъ ученыхъ. По приглашенiю этого комитета, въ послѣднiя пять лѣтъ читались въ Лондонѣ и Оксфордѣ публичныя лекцiи слѣдующими выдающимися учеными: Максомъ-Мюллеромъ, Пэджъ-Ринефомъ, Эрнестомъ Ренаномъ, Рейсъ-Дэвидсомъ и Кюненомъ. Лекцiи первыхъ трактуютъ о происхожденiи и развитiи религiознаго чувства, о религiи древнихъ египтянъ, о буддизмѣ и. т. п. въ лекцiяхъ же Кюнена, читанныхъ въ 1882 году и изданныхъ недавно отдѣльной книгой, раз-

сматривается вопросъ о сравнительномъ значенiи главнѣйшихъ монотеистическихъ религiй, нынѣ господствующихъ.

Мѣриломъ сравненiя различныхъ религiй Кюненъ беретъ степень ихъ *универсальности*. Онъ дѣлитъ религiи на два разряда: на народныя и мiровыя, или *нацiональныя* и *универсальныя*. Религiи нацiональныя могутъ имѣть успѣхъ лишь въ средѣ той нацiи или группы нацiй, условiямъ жизни которыхъ онѣ наиболѣе удовлетворяютъ; универсальныя же религiи, по своему характеру, стоятъ выше индивидуальныхъ условiй въ жизни народовъ и могутъ имѣть распространенiе всемiрное. Но въ чемъ же состоитъ различiе между этими двумя разрядами религiй? По какимъ существеннымъ признакамъ можно ихъ отличить другъ отъ друга?— Справедливость требуетъ сказать, что въ этомъ важнѣйшемъ пунктѣ—въ опредѣленiи своей исходной точки—авторъ оказался далеко ниже своей задачи, допустивъ въ своемъ «questionis definitiò» неопредѣленность и двусмысленность, безусловно вредныя въ научныхъ изслѣдованiяхъ. Неясность въ опредѣленiи исходной точки порождаетъ неясность во всемъ произведенiи, претендующемъ на научность, подобно тому какъ архитектурная ошибка въ строенiи фундамента портитъ цѣлое, иногда великолѣпное зданiе. Въ своемъ относительно краткомъ введенiи (стр. 1—10), авторъ констатируетъ самое дѣленiе религiй на народныя и мiровыя, но не объясняетъ причины и основанiя этого дѣленiя, что̀ важнѣе всего; онъ ограничивается частнымъ опредѣленiемъ темы своихъ лекцiй, выраженнымъ также далеко не съ подобающею ясностью, а именно: «зависимость между универсальными и нацiональными религiями, какъ поясненiе и мѣра ихъ универсальности» (der Zusammenhang zwischen den universalen und den nationalen Religionen, als Erklärung und Mass ihres Universalismus). Только по внимательномъ прочтенiи всего сочиненiя Кюнена, можно, по ансамблю его, *догадаться* о томъ, какiя существенные признаки авторъ приписываетъ религiямъ нацiональнымъ и универсальнымъ и на чемъ онъ основываетъ это свое дѣленiи. Постараемся сгруппировать воедино эти признаки и формулировать яснѣе то, что̀ авторъ, во вредъ научному методу и удобочитаемости, не счелъ возможнымъ или нужнымъ выяснить, или же выяснилъ лишь наполовину.

Всякая монотеистическая религія распадается по своему содержанію на два крупныхъ отдѣла: на *мораль* и на *культъ*; можно сказать, что всякая изъ существующихъ религій лишь постольку представляетъ нѣчто цѣльное, по скольку она является суммою этихъ двухъ слагаемыхъ. Религія, во первыхъ, въ силу высшаго авторитета (который для разныхъ исповѣданій болѣе или менѣе различенъ) дѣлаетъ обязательными для своихъ адептовъ основныя начала междучеловѣческой нравственности; и во-вторыхъ, каждая изъ религій предписываетъ своимъ адептамъ извѣстное количество обязательныхъ обрядовъ, имѣющихъ символическое значеніе, а иногда и совершенно лишенныхъ разумнаго значенія. Наблюденія надъ религіями выяснили, что первое изъ этихъ слагаемыхъ религіи, мораль, почти тождественно въ сущности для всѣхъ различныхъ религіозныхъ формъ; культъ же во всякой изъ религій сильно различествуетъ. Объясненіе этому явленію не трудно найти. Понятія о нравственности у народовъ, усвоившихъ монотеистическое міросозерцаніе, почти однообразны и въ главнѣйшихъ своихъ чертахъ постоянны и неизмѣнны, будучи большею частью независимы отъ условій мѣста и времени; обрядовая же сторона религій всегда складывается подъ вліяніемъ мѣстныхъ и временныхъ условій и соотвѣтствуетъ характеру того народа или группы народовъ, среди которыхъ зараждается, будучи поэтому нерѣдко подвержена измѣненіямъ и преобразованіямъ согласно духу времени. Словомъ, *мораль*—это постоянная, неподвижная часть всякой религіи; *культъ* же—часть подвижная и непостоянная; первая, сверхъ того, болѣе или менѣе *однообразна* въ различныхъ религіозныхъ системахъ и *обща* имъ всѣмъ, послѣдній всегда *разнообразенъ* и различенъ для каждой религіи. Еще короче: мораль имѣетъ характеръ *универсальный*; культъ же — характеръ *національный*, объясняемый потребностями и свойствами данной націи или группы націй. А такъ какъ въ различныхъ религіяхъ элементы нравственный и обрядовый не вездѣ играютъ равную роль, такъ что въ одной религіи *преобладаетъ* одинъ, а въ другой—другой изъ этихъ элементовъ,—то понятно, что религіи, въ коихъ нравственность есть преобладающій элементъ, а культъ—второстепенный, можно характеризовать именемъ *универсальныхъ*; въ обратномъ же случаѣ, религія является

національной. Въ универсальныхъ религіяхъ, слѣдовательно, мораль есть существенная часть религіи, дающая ей тонъ и санкцію; въ національныхъ же религіяхъ культъ есть элементъ существенный, безъ коего религія немыслима. — Въ этомъ состоитъ главное основаніе дѣленія религій, принятаго Кюненомъ. Посмотримъ, какъ авторъ примѣняетъ это мѣрило къ существующимъ религіямъ.

Объектами сравненія авторъ беретъ три монотеистическія религіи: буддизмъ, магометанство и христіанство, причемъ послѣднее разсматривается, какъ однородное съ іудаизмомъ и какъ нѣсколько видоизмѣненная отрасль его. Такъ какъ авторъ—спеціалистъ по теологіи еврейской и христіанской, то онъ дѣлаетъ «изслѣдованіе зависимости между христіанствомъ и іудаизмомъ» главнымъ предметомъ; характеристика же буддизма и ислама имѣетъ для него значеніе лишь постольку, поскольку они доставляютъ матеріалъ для сравненія и оттѣняютъ значеніе христіанства, его происхожденіе и отношеніе къ іудаизму. Такая, если можно такъ выразиться, локализація задачи объясняется еще тѣмъ, что авторъ весьма благоразумно, въ интересахъ строгой научности, ограничиваетъ свое изслѣдованіе лишь прошлымъ и настоящимъ разсматриваемыхъ религій, нисколько не касаясь ихъ будущаго. Прилагая къ каждой изъ упомянутыхъ религій свое мѣрило универсальности, авторъ дѣлаетъ выводы, на основаніи историческихъ фактовъ, только относительно того, что̀, въ томъ или другомъ смыслѣ, уже достигнуто религіями, а не относительно того, насколько вѣроятенъ успѣхъ той или другой изъ нихъ въ будущемъ. Въ историческомъ же отношеніи, іудаизмъ и христіанство такъ тѣсно связаны между собою, что только разъясненіемъ ихъ взаимной зависимости можно выяснить характеръ тѣхъ началъ, которыя вложены въ христіанство его главными творцами. А послѣднее вѣдь и есть то, что̀ требуется выяснить, согласно задачѣ автора.

Обозрѣвая въ двухъ главахъ историческое развитіе и характеръ магометанства и буддизма, авторъ приходитъ къ заключенію, что обѣ эти религіи не могутъ считаться универсальными. Исламъ со своею узкою моралью, со своимъ сложнымъ кодексомъ правовыхъ отношеній, со своей строгой, формальной «законностью»

(Gesetzlichkeit), долженъ по необходимости достигнуть такого пункта, когда онъ станетъ прямымъ тормазомъ цивилизаціи среди своихъ адептовъ. Онъ возникъ въ пустыняхъ Аравіи, среди народа полудикаго, необузданнаго,—и онъ носитъ на себѣ слѣды этой первобытной культуры. Магометъ въ своей проповѣди имѣлъ главнымъ образомъ въ виду свое племя—арабовъ, и не могъ не соображать своего ученія съ основными чертами ихъ національнаго характера и ихъ прежней національной религіи. Авторитетъ, законность, безусловный культъ и слишкомъ матеріализированная догматика—вотъ главныя черты ислама; въ этой формѣ онъ остылъ вотъ уже много вѣковъ и, при извѣстной степени цивилизаціи, неизбѣжно долженъ вступить съ послѣднею въ рѣшительную борьбу, за исходъ которой для него трудно ручаться.—Буддизмъ, съ другой стороны, также не можетъ претендовать на универсальность. Онъ имѣетъ недостатки прямо противоположные недостаткамъ ислама. Въ своей теоретической части, буддизмъ есть плодъ наиболѣе отвлеченнаго умозрѣнія; не жизнь, а уединенное созерцаніе породило его. Въ этомъ отношеніи, буддизмъ — наиболѣе философская изъ существующихъ религій, но вмѣстѣ съ тѣмъ наименѣе жизненная, такъ какъ средній человѣкъ никогда не постигнетъ смысла буддистскаго пантеизма, и, слѣдовательно, большинству человѣчества эта религія останется совершенно чуждою. Что же касается практической стороны буддизма, то она не менѣе свидѣтельствуетъ о его народномъ, мѣстномъ характерѣ: практическій квіетизмъ и религіозная экзальтація, наклонность къ уединенно-созерцательной жизни, умерщвленіе плоти, нирвана,—всѣ эти идеалы буддизма мало соотвѣтствуютъ духовнымъ и жизненнымъ потребностямъ большинства человѣчества. *Жизненной морали* весьма мало въ буддизмѣ; «нравственная жизнь служитъ для него не цѣлью, а средствомъ» (стр. 282). Весьма основательно новѣйшія изслѣдованія выяснили тѣсную, преемственную связь между буддизмомъ и браманизмомъ, религіей національно-индійскою; и тотъ, и другой могли произрости лишь на индійской почвѣ. Буддизмъ, такимъ образомъ, представляется въ существѣ своемъ религіею національною. Ни онъ, ни исламъ не изъявляютъ притязанія на универсальность, на всемірное распространеніе, да

и не имѣютъ нужныхъ для этого задатковъ. Гдѣ же универсальная религія?

Въ задачу нашего обзора не входитъ разборъ высказанныхъ Кюненомъ мнѣній о буддизмѣ и исламѣ и оцѣнка ихъ основательности. Мы довольствуемся простымъ констатированіемъ ихъ. Главная же задача нашей рецензіи совпадаетъ съ главною задачей разбираемаго сочиненія: это «изслѣдованіе зависимости между христіанствомъ и іудаизмомъ», которымъ авторъ съ особенной любовью занимается. Этому предмету посвящена большая часть сочиненія Кюнена, состоящая изъ трехъ лекцій: 1) «Народная религія Израиля; жрецы и пророки Іеговы»; 2) Универсализмъ пророковъ; основаніе іудаизма»; 3) «Іудаизмъ и христіанство». Ниже для насъ выяснится, почему авторъ придаетъ такую огромную важность изслѣдованію связи между іудаизмомъ и христіанствомъ. А пока разсмотримъ послѣдовательно выводы его.

Въ исторіи развитія іудаизма, отъ перваго поселенія евреевъ въ Палестинѣ до окончательнаго паденія іудейскаго царства, можно различить три фазиса: первый обнимаетъ собою эпоху отъ перваго поселенія въ Ханаанѣ до раздѣленія еврейскаго царства, совпадающаго приблизительно со временемъ перваго появленія пророковъ (въ IX вѣкѣ до Р. Х.); второй фазисъ простирается отъ перваго появленія пророковъ до Эздры, т. е. до возвращенія изъ вавилонскаго плѣненія; третій простирается отъ Эздры до возникновенія христіанства и разрушенія втораго храма. Въ первую изъ этихъ эпохъ еврейская религія была строго-національною. Кюненъ характеризуетъ ее словомъ «іеговизмъ». *Іегова* былъ для израильскаго племени тѣмъ же, чѣмъ былъ *Камошъ* для моавитянъ, *Белъ* и *Нево* для вавилонянъ, т. е. національнымъ Богомъ, хранителемъ и защитникомъ еврейской націи, ея верховнымъ властелиномъ. Древніе израильтяне имѣли въ это время понятіе о Богѣ не космическое, а только историческое. Съ именемъ Іеговы для нихъ были связаны само возникновеніе еврейскаго племени въ лицѣ патріарховъ, исходъ изъ Египта, синайское откровеніе и завоеваніе Ханаана. Обширный внѣшній культъ связывалъ евреевъ съ Іеговою: храмъ, жертвоприношенія, жреческіе дары съ произведеній земли, субботніе годы (седьмицы), историческіе праздники и т. п.—словомъ, все, что составляетъ содержаніе законоучительной

части пятикнижія и что тогда сохранялось, если не въ письменныхъ памятникахъ, то въ устныхъ преданіяхъ, поддерживаемыхъ жрецами. Даже имена евреевъ носили на себѣ отпечатокъ іеговизма: около 190 именъ лицъ, упоминаемыхъ въ библіи, заключаютъ въ себѣ приставку «іегова» (такъ называемыя «теофорическія» имена, какъ Іешаіогу, Іегаіокимъ etc); этотъ обычай существовалъ и у другихъ современныхъ народовъ, которые имена своихъ царей и знаменитыхъ представителей украшали приставкою, состоящею изъ имени ихъ національнаго бога или боговъ (какъ, напримѣръ, Невохадносаръ, Бельшацаръ и т. п.). Кюненъ, пользуясь данными новѣйшей библейской критики, оспариваетъ преувеличенное мнѣніе о распространенности среди тогдашнихъ евреевъ поклоненія языческимъ богамъ; онъ признаетъ самый фактъ нерѣдкаго отступленія евреевъ отъ законовъ Іеговы и увлеченія ихъ чужими культами, но полагаетъ, что отзывы объ этомъ въ историческихъ книгахъ библіи сильно преувеличены, чему приводитъ весьма основательныя фактическія доказательства (стр. 69—77).

Такимъ образомъ, въ первую эпоху еврейская религія или «іеговизмъ» имѣлъ строго-племенный характеръ. Жрецы (Коганиды и Левиты) играли главную роль въ религіозной жизни народа; въ ихъ рукахъ находилась также судебная власть, согласно указаніямъ пятикнижія (Второзаконіе, XXI, 5 и др.). Вообще, это былъ «періодъ пятикнижія» въ тѣснѣйшемъ смыслѣ; рѣзко-національные идеалы пятикнижія господствовали въ этотъ періодъ исключительно, абсолютно.

Но вотъ мало по малу возникаетъ какъ бы реакція противъ этихъ національныхъ идеаловъ и противъ господства жреческаго культа. Появляются въ то время въ землѣ израильской люди, одушевленные пламенною вѣрою, грандіозными идеалами и обладающіе чарующимъ краснорѣчіемъ. Отъ нихъ Израиль услышалъ новое слово. Эти люди вѣщали про новое, всемірное царство Божіе; они говорили что «въ концѣ дней, гора дома Божія будетъ возвышаться надъ всѣми горами... и притекутъ туда *всѣ народы*; и много людей пойдетъ туда, и скажутъ: шествуемъ къ горѣ Божіей, въ домъ Бога Якова, дабы Онъ училъ насъ путямъ своимъ, и мы пойдемъ по стезямъ Его», ибо «изъ Сіона исходитъ ученіе, и слово Божіе изъ Іерусалима»... (*Исаія*, II, 2 и сл.; *Миха*, IV,

1 и сл.). Эти люди именемъ Бога говорили народу, для котораго жертвоприношенія и внѣшній культъ были верхомъ религіозности, такія рѣчи: *«Къ чему Мнѣ множество вашихъ жертвоприношеній*—речетъ Господь. — Я пресыщенъ всесожженіемъ барановъ и жиромъ откормленныхъ скотовъ; когда вы приходите показаться предъ лицомъ Моимъ, кто проситъ васъ топтать мой дворъ?... И когда вы простираете руки свои, Я вѣдь отвращаю отъ васъ очи, и даже когда вы разсыпетесь въ молитвахъ, Я не услышу васъ, ибо руки ваши полны кровью. Умойтесь, очиститесь, *бросьте ваши дурныя дѣла*, *учитесь добру*, *ищите правосудія*, *поощряйте угнетеннаго*, правдиво судите сироту, стойте за дѣло вдовы!» (*Исаія*, I, 11—17). Эти люди назывались *пророками*; ихъ проповѣдь открываетъ новую эпоху въ исторіи развитіи іудаизма.

Если мы вдумаемся въ смыслъ пророческихъ проповѣдей, то можемъ легко найти общія тенденція, общіе идеалы, воодушевлявшіе ихъ. Эти тенденціи сводятся къ двумъ основнымъ: а) вѣра во всемірную миссію еврейской религіи, надежда, что въ концѣ концовъ всѣ народы признаютъ божественность Іеговы, который вовсе не есть Богъ національно-еврейскій, а Богъ всемірный, рѣшающій судьбы всѣхъ народовъ; b) стремленіе сдѣлать *нравственность* главнымъ, а внѣшній культъ—второстепеннымъ элементомъ религіи, желаніе сдѣлать іудаизмъ религіею преимущественно *этическою*. Эти тенденціи, за рѣдкими исключеніями (какія, напримѣръ, встрѣчаются въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Іезекіиля и Іереміи, отличавшихся нѣкоторымъ консерватизмомъ), проходятъ красною нитью чрезъ всю проповѣдь пророковъ. Пророки были менѣе всего узкими націоналистами, такъ что иной разъ можно ихъ даже подозрѣвать въ отсутствіи патріотизма. Но это объясняется только ихъ универсальными стремленіями, ихъ всечеловѣческимъ ученіемъ. Они часто игнорировали временные интересы народа, пренебрегая ими ради интересовъ высшихъ; предрекая Израилю изгнаніе и бѣдствія въ случаѣ непокаянія, они вмѣстѣ съ тѣмъ утѣшали его и рисовали ему грандіозное будущее въ духовномъ единеніи со всѣми народами, въ исполненіи великой, міровой миссіи и проч. Религія пророковъ была, такимъ образомъ, религіею универсальною, какъ по своему этическому характеру, такъ и по своимъ притязаніямъ на всемірное господство. Стала-ли

и религія еврейскаго народа, подъ этимъ вліяніемъ, универсальною?

Факты даютъ отрицательный отвѣтъ. Еврейскій народъ въ то время еще не доросъ до пониманія такой идеальной, всемірно-этической религіи, какую проповѣдывали ему пророки. Культъ для него былъ нагляднѣе морали; величественный образъ первосвященника, творящаго всесожженіе на алтарѣ храма, былъ для него внушительнѣе скромной фигуры пророка, призывающаго къ любви и братскому единенію. Изгнаніе въ Вавилонъ еще усилило любовь евреевъ къ ихъ родной почвѣ, къ родному культу; идеи пророковъ становятся еще болѣе непопулярными.

Появляется Эздра.

Начинается третья эпоха въ ходѣ развитія іудаизма. Евреи опять поселяются на родной землѣ, храмъ возстановленъ, культъ вступаетъ въ полную силу. Дѣятельность Эздры и его школы произвела революцію въ религіозной жизни евреевъ: съ этихъ поръ пятикнижіе не есть уже только собраніе устныхъ узаконеній и обычаевъ, хранимыхъ и толкуемыхъ жрецами; это уже—письменный памятникъ, ставшій предметомъ обязательнаго *изученія* для всего народа. Весь народъ сталъ *книжнымъ*; наиболѣе свѣдущіе въ религіозныхъ дѣлахъ не иначе назывались какъ «книжниками» (Soferim). Идеальная проповѣдь пророковъ отступила на задній планъ; строгая формальная законность (въ лицѣ синедріона) и національный культъ (въ лицѣ жрецовъ) объединили, сплотили еврейскую народность. Гелленизмъ и другія ереси, ворвавшіяся въ эту эпоху извнѣ въ Іудею, заставили духовныхъ вождей народа усилить религіозное объединеніе евреевъ, усложнить отличительный культъ и строгую библейскую законность. Впослѣдствіи, многія другія обстоятельства содѣйствовали этому направленію,—и къ началу христіанской эры іудаизмъ достигъ апогея въ развитіи тѣхъ чертъ, которыя знаменуютъ «національную» религію. Іудаизмъ опять сдѣлался, какъ въ первую изъ описываемыхъ эпохъ, національною религіею, съ тѣмъ, однако различіемъ, что теперь отношенія народа къ своей религіи были гораздо сознательнѣе. Послѣднее обстоятельство еще болѣе, конечно, упрочило новыя тенденціи религіозной жизни евреевъ.

Осталась-ли трехвѣковая пропаганда пророковъ совершенно

безплодном?—Нѣтъ, отвѣчаетъ Кюненъ. Пророческая дѣятельность заронила свои сѣмена кое-гдѣ въ почву еврейства, сѣмена произвели зародыши. Неблагопріятныя обстоятельства не могли совершенно уничтожить эти зародыши; они тихо, незримо зрѣли и, наконецъ, дали о себѣ знать. Они произвели то могучее броженіе въ умахъ, которое, къ концу существованія Іудеи, произвело величайшій фактъ всемірной исторіи. Христіанство—говоритъ Кюненъ—было непосредственнымъ дѣтищемъ пророческаго іудаизма. Оно возродило, призвало къ жизни тѣ универсальные идеалы, которые воодушевляли древнихъ пророковъ; оно отказалось отъ всего національнаго въ религіи. Оно—продолжаетъ далѣе авторъ—создало евангеліе, которое не есть ни правовой, ни обрядовой кодексъ, а только простая проповѣдь нравственности, той междучеловѣческой нравственности, чуждой всякаго племеннаго характера, о которой вѣщалъ еще Исаія. Такимъ образомъ, христіанство, въ своемъ основномъ кодексѣ (евангеліи), есть религія преимущественно этическая и eo ipso универсальная. Въ существенныхъ своихъ чертахъ оно тождественно съ пророческимъ іудаизмомъ—заключаетъ Кюненъ.

Quod erat demonstrandum.

Авторъ съ особеннымъ рвеніемъ оспариваетъ мнѣнія о внѣ-еврейскомъ произведеніи христіанства. Онъ совершенно разбиваетъ теорію Бруно Батэра о происхожденіи христіанства изъ римскаго эллинизма (Сенека, Филонъ etc.); онъ считаетъ также ложными предположенія о связи между еврейскою сектой «геллениcтовъ» и возникновеніемъ христіанства. Равнымъ образомъ считаетъ авторъ преувеличеннымъ мнѣніе о вліяніи на появленіе христіанства секты *эссеевъ*, съ которою, какъ извѣстно, многіе историки отождествляютъ первыхъ христіанъ. (См. стр. 197—206). Мимоходомъ, онъ даетъ весьма лестную характеристику *фарисеевъ*, сильно оклеветанныхъ, по его мнѣнію; онъ считаетъ фарисеевъ, этихъ наслѣдниковъ бывшихъ «книжниковъ», самыми передовыми людьми тогдашней эпохи, самыми разумными патріотами и наиболѣе политичными представителями еврейства (стр. 209 и сл.). Это возстановленіе репутаціи фарисеевъ, поколебленной нѣкоторыми выраженіями Новаго Завѣта, не лишено основанія, да сверхъ того и не ново. Но ужъ одно то обстоятельство, что ученіе фарисеевъ

болѣе всего противилось распространенію пророческихъ идей, не говоритъ безусловно въ пользу фарисеизма. Кто знаетъ, не принялъ-ли бы расколъ, совершенный въ духовной жизни Іудеи 18 вѣковъ тому назадъ, совершенно другую форму, не будь фарисеевъ? Кто знаетъ, считалось-ли бы тогда движеніе въ пользу возрожденія пророческаго ученія—расколомъ, отъ котораго евреи считали обязательнымъ всячески отрекаться? Кто знаетъ, можетъ быть, при меньшей націонализаціи іудаизма, послѣдній дѣйствительно сталъ бы религіею міра, новымъ словомъ для народовъ, и не ограничился бы скромною ролью историческаго антецедента всемірной религіи...

Въ общемъ, выводы Кюнена касательно различныхъ фазисовъ развитія іудаизма и связи послѣдняго съ христіанствомъ—едва-ли могутъ быть оспариваемы безпристрастной критикой. Выводы эти покоятся на такой огромной массѣ фактическихъ данныхъ, сгруппированныхъ авторомъ, что въ прочности ихъ нельзя сомнѣваться. Единственный недостатокъ сочиненія Кюнена, какъ намъ кажется, заключается скорѣе въ методѣ, въ формѣ, чѣмъ въ содержаніи. Дѣйствительно, не смотря на кажущееся правильное распредѣленіе матеріала въ этой книгѣ, она отличается крайнею безсистемностью, совершенно неидущею къ произведенію синтетическому, какимъ по существу является разбираемая книга. Мы уже указали на недостаточное опредѣленіе авторомъ своей исходной точки въ началѣ книги; такою же неясностью и, если можно такъ выразиться, недосказанностью отличаются всѣ выводы автора. Поставивъ себѣ цѣлью извѣстное обобщеніе, авторъ не соображаетъ своихъ доводовъ съ этой цѣлью, не ставитъ ихъ въ опредѣленномъ стройномъ порядкѣ такъ, чтобы въ концѣ аргументаціи необходимо встрѣтиться съ даннымъ синтезомъ, но постоянно уклоняется въ сторону, теряется въ массѣ подробностей и совершенно забываетъ объ обобщеніи, которое читателю приходится съ величайшимъ трудомъ выудить изъ безпорядочной груды частичныхъ фактовъ и соображеній. Послѣднее обстоятельство дѣлаетъ крайне неудобнымъ выборъ *характерныхъ* цитатъ, которыхъ въ собственномъ смыслѣ почти и нѣтъ въ разбираемой книгѣ; намъ приходилось, поэтому, излагать только общіе выводы, систематизируя ихъ самостоятельно. Такая слабость композиціи

можетъ показаться чрезвычайно странной въ сочиненіи научно-обобщительномъ, принадлежащимъ не безъизвѣстному ученому. Поневолѣ вспомнишь изреченіе: овому единъ талантъ, овому два.

Почти одновременно съ выходомъ въ свѣтъ книги Кюнена, произнесена была въ Парижскомъ «Société des ètudes juives» извѣстная рѣчь Ренана, перепечатанная въ «Ежегодникѣ» этого «Общества». Сюжетъ этой коротенькой рѣчи совершенно совпадаетъ съ главнымъ сюжетомъ книги Кюнена. Объ этомъ свидѣтельствуетъ уже одно заглавіе рѣчи: «О первоначальной тождественности и постепенномъ разъединеніи іудаизма и христіанства». Это — блестящая, сдѣланная á vol d'oiseau картина отношеній между іудаизмомъ и христіанствомъ. Подобно Кюнену, но гораздо категоричнѣе его, Ренанъ утверждаетъ, что «зарожденіе христіанства слѣдуетъ на самомъ дѣлѣ считать съ 750 года до Р. Х., съ эпохи, когда появились великіе пророки, творцы совершенно новаго понятія о религіи». Ренанъ, характеризуя идеальную религію пророковъ, объясняетъ универсальное значеніе послѣдней слѣдующимъ образомъ: «Поелику религіозный культъ состоитъ изъ внѣшнихъ обычаевъ, нельзя требовать отъ всѣхъ народовъ, чтобы они его приняли: каждый народъ имѣетъ свои обычаи, и ему незачѣмъ мѣнять ихъ. Но когда культъ заключается въ идеалѣ нравственности и добра, тогда онъ является годнымъ для всѣхъ». Это вполнѣ то же, что понималъ Кюненъ подъ «универсальными и національными религіями», хотя онъ и не съумѣлъ высказать это такъ ясно и просто, какъ знаменитый авторъ «Origines du christianisme».—Въ своей рѣчи, Ренанъ дѣлаетъ бѣглый обзоръ отношеній между христіанствомъ и его родителемъ—іудаизмомъ, и приходитъ къ заключенію, что въ первые два—три вѣка христіанской эры отношенія между послѣдователями этихъ двухъ религій были самыя дружелюбныя и братскія. Болѣе того—первые христіане тѣмъ лишь и гордились, что себя признавали истинными іудеями, хранителями истиннаго іудаизма, и считали евреевъ лишь нѣсколько консервативными. Апостолы и первые отцы церкви по большей части считали евреевъ братьями по вѣрѣ, хотя и не вполнѣ сходными. Словомъ, пока христіанство было религіею нравственно-индивидуальною, послѣдователи его прекрасно уживались съ евреями. Антагонизмъ начался только съ

тѣхъ поръ какъ при Константинѣ христіанство сдѣлалось религіею государственною, оффиціальною. Не само христіанство, а совершенно побочные элементы виновны въ томъ потрясающемъ явленіи, которое останется вѣчнымъ позоромъ средневѣковаго человѣчества; не истинному христіанству, а грубому его пониманію мы обязаны ужасающимъ средневѣковымъ зрѣлищемъ — зрѣлищемъ дочери, поднимающей руки на мать...

Такимъ образомъ, рѣчь Ренана въ извѣстномъ смыслѣ дополняетъ лекціи Кюнена и выясняетъ кое-что, послѣднимъ не досказанное. Рѣчь Ренана, сверхъ того, напоминаетъ намъ о томъ печальномъ, но поучительномъ фактѣ, котораго никогда не слѣдуетъ забывать, а именно: что религія самая чистая можетъ временно терять свою чистоту и свой истинный духъ, когда она дается людямъ, не умѣющимъ достаточно цѣнить и правильно понимать ее...

Критикусъ.

ПИСЬМА ИЗЪ ГАЛИЦІИ *.

Письмо второе.

СОЦІАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНІЕ ГАЛИЦІЙСКИХЪ ЕВРЕЕВЪ.

Въ одномъ небольшомъ городкѣ Галиціи, Дрогобичѣ, и до сихъ поръ существуетъ еще странный обычай, состоящій въ томъ, что черезъ каждый часъ городской стражъ появляется на площадкѣ городской башни и выкрикиваетъ оттуда громкимъ, далеко разносящимся голосомъ: — «Господа, въ городѣ нѣтъ пожара!»

Слѣдуетъ-ли видѣть въ этомъ странномъ возгласѣ проявленіе заботливости городскихъ заправителей, которые, введя и поддерживая этотъ обычай, имѣютъ въ виду давать ежечасно трудящемуся въ потѣ лица своего городскому населенію успокоительную пилюлю, или же въ немъ заключается скрытое напоминаніе: «будьте осторожны съ огнемъ», ибо и въ этомъ городкѣ съ незапамятныхъ временъ существуетъ обычай, что ежедневно, въ томъ или другомъ кварталѣ его, сгораютъ до тла одинъ или нѣсколько домовъ, — это до сихъ поръ еще не выяснено и можетъ современемъ составить любопытную тему для трудовъ какого нибудь изслѣдователя старины. Я же, упомянувъ объ этомъ фактѣ, желалъ лишь указать на то, что и здѣсь, въ Львовѣ, въ главномъ городѣ Галиціи, мнящемъ о себѣ, будто онъ уже переросъ такіе заплесневѣлые, средневѣковые нравы, въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ снова введенъ этотъ прекрасный обычай. Правда, этотъ возгласъ раздается здѣсь не съ площадки городской башни, но за то онъ тѣмъ упорнѣе раздается съ каланчи публицистики.

Дѣло въ томъ, что въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ г. Добржинскій не перестаетъ оповѣщать въ своемъ органѣ «Gazeta Na-

---

* См. «Восходъ» 1884, кн. 5.

rodowa» съ особеннымъ подчеркиваніемъ:—«Въ Галиціи не бьютъ евреевъ».—Въ этомъ ежедневномъ, повторяющемся до тошноты, сообщеніи очевидно кроется: следующее приглашеніе къ единомышленникамъ:—«Господа, вѣдь вездѣ болѣе или менѣе трепаютъ и убиваютъ жидовъ; пора бы и вамъ приняться за дѣло!» —Доказательствомъ тому, что въ вышеприведенномъ возвѣщеніи отнюдь не слѣдуетъ искать гуманной цѣли, можетъ служить та премія, о которой возвѣстилъ г. Добржинскій въ своей газетѣ, за удачное разрѣшеніе поставленной имъ задачи. Задача эта заключается въ слѣдующемъ: Пусть какая нибудь геніальная голова найдетъ полезную для всей страны цѣль, за которую польское сельское населеніе съ удовольствіемъ заплатитъ пять милліоновъ гульденовъ, и даже больше. Тому, кто отъищетъ эту цѣль, редакторъ обѣщаетъ благодарность всего польскаго народа, и кромѣ того еще въ придачу значительную долю безсмертія.—И что же?—уже два дня спустя къ г. Добржинскому явилось то лицо, для котораго въ контору редакціи внесена была облигація народной благодарности, да еще съ купономъ безсмертія.—«Эврика!» — въ экстазѣ кричитъ г. Добржинскій на весь міръ, и затѣмъ слѣдуетъ разрѣшеніе великой задачи, выраженное въ слѣдующихъ словахъ:—«За выселеніе изъ Галиціи всѣхъ евреевъ, въ Палестину-ли, или въ Америку—все равно, польскій народъ съ радостью заплатилъ бы сумму въ пять милліоновъ гульденовъ». — Вслѣдствіе избытка скромности этотъ геніальный изобрѣтатель отказался отъ опубликованія своего имени, но тѣмъ не менѣе его очень не трудно узнать: дѣло въ томъ, что и вопрошающій, и отвѣчающій, несомнѣнно одно и то же лицо, и что имя этого лица—Добржинскій Хотя г. Добржинскій и никогда не пользовался репутаціей особаго іудофила, однако въ настоящемъ случаѣ онъ послѣдовалъ примѣру евреевъ-старовѣровъ, разбрасывавшихъ вечеромъ передъ праздникомъ Пасхи въ различныхъ углахъ своей квартиры крошки хлѣба, и затѣмъ въ вѣрующей наивности, со свѣчею въ рукѣ, снова собиравшихъ ихъ и ожидавшихъ отъ этой находки вѣчнаго для себя спасенія.

Пусть вышесказанное послужитъ характеристикой благородныхъ стремленій нашихъ публицистовъ, умѣющихъ впрочемъ, при всякомъ случаѣ, гдѣ дѣло коснется полученія поддержки со сто-

рони здѣшнихъ евреевъ, какъ, напр., при выборахъ въ сеймъ и въ рейхсратъ, громко выкрикивать на всѣ лады: «Наши братья, наши братья! Давайте любить другъ друга!», и тому подобныя фразы. Къ счастію, впрочемъ, не всѣ органы печати одушевлены тѣми же чувствами, и мы не безъ удовольствія констатируемъ тотъ фактъ, что среди черныхъ вороновъ оказался и бѣлый, каковымъ я считаю польскую газету «Dziennik Polski», которая неоднократно горячо и сильно заступалась за евреевъ. Замѣчательно при этомъ то, что редакторъ послѣдней, какъ по рожденію, такъ и по убѣжденіямъ своимъ — истый полякъ, между тѣмъ какъ редакторъ «Газеты Народовой» — ничто иное, какъ отступникъ, русинъ по рожденію и воспитанію, сдѣлавшійся полякомъ только изъ практическихъ соображеній и изъ кожи лѣзущій для того, чтобы явиться непризванными выразителемъ мнѣній всей націи.

Къ сожалѣнію, нельзя не признать того прискорбнаго факта, что ненависть къ евреямъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе распространяется у насъ въ Галиціи, и что она овладѣла не только низшими классами населенія, но и высшими, и даже оффиціозными сферами, тѣми сферами, которыя по настоящему должны бы были относиться совершенно объективно къ законнымъ установленіямъ.

Новый намѣстникъ Галиціи, г. Залѣсскій, съ каждымъ днемъ высказываетъ все яснѣе и яснѣе, что и онъ подверженъ теперешней модной болѣзни, имя которой—антисемитизмъ, не смотря на то, что въ началѣ онъ тщательно старался скрывать это. Онъ привѣтствовалъ слѣдующими словами представлявшихся ему по вступленіи его въ должность членовъ сейма, въ числѣ которыхъ было и нѣсколько евреевъ: «Какъ человѣкъ, я—христіанинъ; но, какъ намѣстникъ, я не буду принадлежать ни къ какому исповѣданію, я буду охранять интересы всѣхъ гражданъ, безъ различія вѣроисповѣданій».—И не смотря на это публичное заявленіе его, два дня спустя всѣ евреи, состоявшіе на службѣ при канцеляріи намѣстничества, были уволены отъ должностей. Другой фактъ служитъ еще болѣе яркой иллюстраціей тому, насколько серьезно слѣдовало относиться къ его заявленію. Дѣло въ томъ, что воспитательница-монахиня успѣла уговорить воспитанницу свою, 13-лѣтнюю дочь львовскаго гражданина, еврея Филиппа,

перейти въ христіанскую вѣру. Монахиня умѣла такъ прекрасно росписать дѣвочкѣ прелести новой религіи, что ребенокъ изъ простаго любопытства изъявилъ готовность перейти въ христіанство. Этого было достаточно, и дѣвочку тотчасъ же упрятали въ католическій женскій монастырь. Встревоженные родители умоляли, чтобы имъ по крайней мѣрѣ позволили еще разъ переговорить съ своимъ ребенкомъ, но всѣ ихъ усилія остались тщетны, и ихъ такъ и не впустили въ монастырь. Здѣшній раввинъ Левенштейнъ, человѣкъ, пользующійся всеобщимъ уваженіемъ и вліяніемъ, тоже тщетно добивался возможности переговорить съ похищенной дѣвочкой. Тогда раввинъ, вмѣстѣ съ убитыми горемъ родителями, отправился къ намѣстнику, которому онъ въ самыхъ краснорѣчивыхъ словахъ описалъ этотъ актъ насилія.—«Успокойтесь, — уговаривалъ его тотъ весьма ласково, — дѣвочка будетъ возвращена родителямъ, тѣмъ болѣе, что она даже еще не достигла того возраста, когда сама можетъ располагать собою».— И не смотря на это обѣщаніе, въ католической церкви происходило съ большою торжественностью крещеніе дѣвочки, причемъ воспріемниками ея были самъ г. намѣстникъ и жена его. Правда, впослѣдствіи ребенокъ былъ возвращенъ родителямъ, но послѣдніе были обязаны этимъ не намѣстнику, а личному вмѣшательству императора, къ милосердію котораго обратились опечаленные родители и который, въ справедливой заботливости своей о всѣхъ своихъ подданныхъ, повелѣлъ немедленно возвратить родителямъ похищенную у нихъ дочь, которая вслѣдъ затѣмъ и не замедлила снова возвратиться къ прежней своей религіи.

Этотъ случай, впрочемъ, далеко не обезкуражилъ здѣшнихъ благочестивыхъ піетистовъ, продолжающихъ ревностно заниматься обращеніемъ евреевъ въ католицизмъ, причемъ съ ними иногда случаются довольно забавные казусы. Такъ напр., мѣсяца два тому назадъ одной графинѣ, помѣщицѣ подольской губерніи, удалось уговорить младшую дочь своего арендатора-еврея креститься; но съ другой стороны, ей никакъ не удалось убѣдить ее *поѣхать* съ нею для этой цѣли въ городъ, такъ какъ былъ какъ разъ субботній день; пойти же въ городъ пѣшкомъ дѣвочка соглашалась. Это не вымыселъ, а фактъ, который можетъ дать чи-

тателю ясное понятіе о томъ, за какими неопытными птенцами охотятся здѣшніе благочестивые католики-прозелиты.

Впрочемъ, въ концѣ концовъ нельзя не признать, что за исключеніемъ подобныхъ единичныхъ случаевъ, мы здѣсь, въ Галиціи, по сравненію съ другими странами, пользуемся относительною равноправностью и защитою законовъ. Этому способствуютъ, кромѣ общихъ политическихъ условій, также раздоры и несогласія между поляками и русинами. Евреи составляютъ въ здѣшней провинціи сильное большинство, съ которымъ нужно считаться. такъ какъ оно можетъ склонить чашку вѣсовъ въ ту или другую сторону при всякихъ выборахъ, какъ въ сеймъ, такъ и въ рейхсратъ.

Гораздо хуже, къ сожалѣнію, обстоятъ дѣла въ сосѣднихъ государствахъ. Въ свѣже-испеченномъ румынскомъ королевствѣ у евреевъ отнимается всякая возможность къ существованію, такъ что они находятся вынужденными ежедневно выселяться оттуда массами. Но куда? Да развѣ травленый звѣрь знаетъ, куда принесутъ его быстрыя ноги? Онъ просто бѣжитъ, куда глаза глядятъ. Не далѣе, какъ на прошлой недѣлѣ, сюда прибылъ транспортъ, состоявшій не менѣе, чѣмъ изъ четырехсотъ евреевъ — и что́ это были за жалкія фигуры! Еле держащіеся на ногахъ, сгорбленные старики, молодые люди съ лицами, искаженными отъ голода, матери, съ едва-дышащими младенцами у высохшихъ грудей. Мнѣ такъ и кажется, будто я вижу передъ собою эти несчастныя существа, бросающіяся съ жадностью проголодавшихся животныхъ на предложенную имъ пищу. А о нихъ еще говорятъ, что ихъ потому изгоняютъ изъ родины, что они сосали кровь изъ «туземнаго» населенія! Если они и сосали кровь, то во всякомъ случаѣ—кровь холодную, ибо существа съ теплою кровью не могли бы быть такъ безсердечны относительно этихъ несчастныхъ. Положительно звучитъ ироніей, когда этихъ жалкихъ людей упрекаютъ въ томъ, что они все забрали въ свои загребистыя лапы. Я, по крайней мѣрѣ, не видѣлъ среди тысячъ эмигрантовъ, проѣхавшихъ черезъ нашъ городъ съ тѣхъ поръ, какъ въ сосѣднихъ съ нами странахъ вошли въ моду еврейскіе погромы, ни одного человѣка, сколько нибудь зажиточнаго. Іудофобы нашли удобнымъ накинуть на себя обшитый блестками соціальный плащъ,

такъ какъ они отлично поняли, что въ нашъ просвѣщенный вѣкъ не совсѣмъ удобно преслѣдовать цѣлый народъ изъ-за религіи; а между тѣмъ красивая фраза: «въ соціальной и экономической неурядицѣ страны виноватъ жидъ»—дѣйствуетъ на неразборчивый слухъ и къ тому же носитъ на себѣ отпечатокъ современности. Въ сущности, увѣреніе, будто еврей является представителемъ капитала, — ничто иное, какъ ложь, такъ какъ большинство еврейскаго населенія — олицетворенная бѣдность, которая сегодня сама не знаетъ, чѣмъ она завтра будетъ сыта.

Быть можетъ, впрочемъ, — вѣдь на свѣтѣ ничто не бываетъ безцѣльно,—и эти преслѣдованія евреевъ не останутся совершенно безплодными, ибо уже и теперь братья наши начинаютъ повнимательнѣе всматриваться сами въ себя и стараются отдѣлаться отъ разныхъ закоренѣлыхъ недостатковъ своихъ. — «Въ чемъ же корень зла?»—этотъ вопросъ занимаетъ теперь всѣ еврейскіе умы, и отвѣты на него разростаются уже до размѣровъ цѣлой гигантской литературы.

Слѣдуетъ ожидать, что братья наши современемъ придутъ къ тому сознанію, къ которому приходитъ морякъ, когда судну его угрожаетъ гибель отъ бури—что судно необходимо облегчить отъ излишняго балласта и что только съ помощью этого средства можно спасти его отъ гибели. И намъ не мѣшаетъ выбросить за бортъ излишній балластъ, затрудняющій существованіе еврейства, не мѣшаетъ очистить нашу религію отъ образовавшейся на ней въ теченіи многихъ столѣтій накипи, не мѣшаетъ попытаться отдѣлить здоровое ядро отъ все болѣе и болѣе портящейся скорлупы, словомъ, намъ не мѣшаетъ произвести у самихъ себя серьезную, основательную реформу.

Не могу не коснуться при этомъ случаѣ одного вопроса, поднявшаго за послѣднее время цѣлую бурю, а именно вопроса о томъ, какъ бы защитить талмудъ противъ взведенныхъ на него недавно Ролингомъ обвиненій? Были пущены въ ходъ всѣ пружины риторики и истолкованія для того, чтобы защитить талмудъ, такъ что иной могъ подумать, будто все еврейство вполнѣ отожествляется съ талмудомъ. Но я рѣшительно не могу понять, что́ заставляетъ этихъ господъ прикрывать талмудъ своимъ тѣломъ, или, вѣрнѣе сказать, тѣломъ всего еврейства. Развѣ мы мо-

жемъ и должны отвѣчать за тѣ, возбуждающія нареканія, части талмуда, которыя, быть можетъ, и оправдывались временемъ или тѣми обстоятельствами, при которыхъ они были писаны, но которымъ теперь, во всякомъ случаѣ, мѣсто только въ складѣ археологическихъ курьезовъ? Развѣ талмудъ назначался для всѣхъ временъ и вѣковъ? Нисколько. Доказательствомъ тому можетъ служить то, что Маймонидъ и другіе мудрецы нашего народа всячески старались очистить его, дѣлали изъ него извлеченія, такъ какъ они считали въ немъ многое излишнимъ и совершенно безполезнымъ для своего времени. Къ чему же, слѣдовательно, тратить столько усилій, столько учености на то, чтобъ отстаивать каждую фразу, каждое слово талмуда?

Болѣе, чѣмъ кто либо, впалъ въ эту ошибку д-ръ Блохъ, теперешній представитель въ рейхсратѣ отъ Коломеи, Бучашеха и Снятина. Въ отвѣтѣ своемъ на нападки Ролинга на талмудъ, онъ защищаетъ не только послѣдній, но и «Schulchen-aruch», и всю послѣдующую, послѣ-талмудическую литературу, и, нужно отдать ему справедливость, дѣлаетъ это съ необыкновеннымъ остроуміемъ и находчивостью. Но оказалъ-ли онъ этимъ услугу еврейству? Ужъ конечно—нѣтъ. Стараясь, напримѣръ, доказать, что подъ встрѣчающимися въ талмудѣ и у его послѣдователей словами «гой» или «акимъ» слѣдуетъ разумѣть не «христіанина», а «язычника», онъ не замѣчаетъ того, что этимъ путемъ онъ отнюдь не снимаетъ съ талмуда упрека въ нетерпимости, ибо вѣдь и язычникъ человѣкъ и относительно его тоже нельзя позволять себѣ несправедливость. Своимъ отвѣтомъ онъ подалъ только Ролингу поводъ написать еще нѣсколько сочиненій, преисполненныхъ самыхъ рѣзкихъ нападокъ противъ еврейства, и обрушиться уже не наодинъ талмудъ, а на все еврейство, такъ какъ изъ означеннаго отвѣта Блока, въ которомъ отстаивается каждая буква талмуда, можно-де заключить, что талмудъ является въ глазахъ *всѣхъ* евреевъ неприкосновеннымъ и служитъ для нихъ и понынѣ закономъ и житейскимъ правиломъ, за которые они готовы постоять головою. Брошюры Ролинга распространялись въ массахъ десятками тысячъ экземпляровъ, а кому неизвѣстно, какія поученія извлекаетъ чернь изъ подобныхъ брошюръ? Не полезнѣе-ли было бы, еслибы г. Блохъ сказалъ бы Ролингу: — Мы также мало мо-

жемъ отвѣчать за всякую строку талмуда, какъ и христіане — за всякую строку послѣдовавшей за распространеніемъ христіанства церковной литературы, напр., за сочиненіе одного епископа, трактующаго въ двадцати томахъ о томъ, какъ слѣдуетъ жечь и жарить еретиковъ, или за сочиненіе другаго епископа, трактующаго въ двѣнадцати томахъ о томъ, сколько архангеловъ можетъ помѣститься на остріѣ иголки? Не лучше-ли и не полезнѣе-ли было бы, еслибы докторъ Блохъ далѣе заявилъ, что талмудъ представляетъ собою ничто иное, какъ большой мѣшокъ, въ который, во время вавилонскаго изгнанія, торопливо бросалось, безъ всякаго разбора, всякое литературное добро, и что поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что здѣсь можно найти, рядомъ съ драгоцѣнными каменьями, и никуда негодные черепки? Не было-ли бы правильнѣе, еслибы г. Блохъ отвѣтилъ, что нѣкоторыя изъ встрѣчающихся въ талмудѣ рѣзкихъ выходокъ противъ иновѣрцевъ были написаны подъ впечатлѣніемъ причинявшихся въ то время иновѣрцами евреямъ страданій и что страдающему нельзя ставить въ вину, если у него порою вырвется рѣзкое слово по адресу его мучителей? Вотъ что могъ бы отвѣтить г. Блохъ, прибавивъ къ этому еще многое другое. Въ этомъ отношеніи гораздо разумнѣе, по нашему мнѣнію, поступилъ собравшійся въ началѣ іюня текущаго года въ Берлинѣ съѣздъ еврейскихъ раввиновъ, имѣвшій цѣлью опредѣленіе отношеній евреевъ къ неевреямъ въ связи съ касающимися этого предмета законами іудейской религіи. Съѣздъ этотъ принялъ слѣдующую резолюцію, которая и была опубликована во всѣхъ газетахъ: «Всякій человѣкъ поступающій справедливо, творящій добро и исполняющій заповѣди Господни, считается евреями заслуживающимъ вѣчнаго блаженства, хотя бы онъ и исповѣдывалъ другую религію. Этотъ принципъ является руководящимъ при опредѣленіи международнаго положенія евреевъ. Если же, не смотря на то, въ еврейской литературѣ *встрѣчаются изреченія, не возвышающіяся до этой идеальной высоты, то на нихъ слѣдуетъ смотрѣть, какъ на проявленія отдѣльныхъ мнѣній, вызванныя временными обстоятельствами и не имѣющія для насъ никакого значенія*».

Но къ сожалѣнію, этотъ самый съѣздъ раввиновъ, отъ котораго еврейство ожидало столь многаго, доказалъ, что столь пре-

прославленная еврейская солидарность—ничто иное, какъ иллюзія, ибо многіе изъ такъ называемыхъ «консервативныхъ раввиновъ», ради самыхъ низкихъ партійныхъ цѣлей, не пожелали присоединиться къ этому съѣзду. Куда же дѣвалась, спрашивается, извѣстная еврейская солидарность въ годину бѣдствій? Объ этотъ внутренній раздоръ приходится разбиваться многимъ спасательнымъ лодкамъ, и въ томъ числѣ и сдѣланному профессоромъ Лазарусомъ предложенію—составить этику еврейской религіи—предложенію, которое было бы осуществимо лишь тогда, еслибы всѣ еврейскіе раввины, безъ различія оттѣнковъ, отказались въ данномъ случаѣ отъ своихъ точекъ зрѣнія.

Но осуществится-ли это когда нибудь?

Теперь не только въ Германіи,—этомъ гнѣздѣ антисемитизма,—но и въ другихъ странахъ начинаютъ серьезно помышлять о томъ, какъ бы положить конецъ этому, столь неожиданному и столь глубоко пустившему корни злу. Даже въ Галиціи, гдѣ эта жатва еле-еле начинаетъ колоситься, уже стали подумывать объ этомъ Въ этомъ отношеніи особенной благодарности заслуживаетъ вѣнскій «Еврейскій Союзъ», взявшій это дѣло въ свои руки. Въ теченіе нѣсколькихъ дней пребывалъ здѣсь секретарь означеннаго союза, д-ръ Фридлендеръ, который, такъ сказать, въ качествѣ духовнаго врача-эксперта присутствуетъ во всѣхъ засѣданіяхъ здѣшняго общиннаго совѣта и подаетъ свои заключенія о томъ, при помощи какихъ средствъ можно бы было остановить распространеніе ужасной эпидеміи, имя которой — антисемитизмъ. Однимъ изъ такихъ средствъ является, между прочимъ, и особенная забота объ учрежденіи еврейскихъ общеобразовательныхъ заведеній, которыя «Еврейскій Союзъ» обязался поддерживать значительными ежегодными взносами, ибо подобныя заведенія являются въ сущности единственными предохранительными средствами противъ этой ужасной болѣзни. Поэтому рѣшено было назначить ежегодную субсидію въ тысячу гульденовъ учрежденной раввиномъ Левенштейномъ въ Львовѣ еврейской учительской семинаріи «Ohel-Mosche», въ которой преподаются спеціально-еврейскія науки, и кромѣ того открыть учительскій институтъ, предназначенный спеціально для подготовленія еврейскихъ законоучителей. А въ таковыхъ дѣйствительно чувствуется недостатокъ, ибо отъ того, какъ

преподается еврейское законоученіе, зависитъ въ значительной мѣрѣ все будущее еврейскаго племени. По этому поводу, пожалуй, можно бы высказать многое, въ особенности если принять въ соображеніе, что въ составленномъ относительно этого предмета проектѣ предположено соединить вышеупомянутую семинарію съ обще-образовательнымъ заведеніемъ, въ тѣхъ видахъ, чтобы воспитанникамъ этой семинаріи былъ открытъ доступъ и къ другимъ поприщамъ дѣятельности. Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ здѣсь замѣчается особенно сильный наплывъ врачей и юристовъ; и тѣхъ, и другихъ теперь уже такъ много, что первымъ некого лечить, а послѣднимъ приходится писать жалобы развѣ только на собственное положеніе свое. А кто въ этомъ виноватъ? Національный шовинизмъ, доведшій до того, что нѣмецкій языкъ мало по малу былъ совершенно вытѣсненъ изъ здѣшнихъ университетовъ и что поэтому выходящіе изъ нихъ врачи и юристы, совершенно незнакомые съ нѣмецкимъ языкомъ, нигдѣ не находятъ себѣ поприща дѣятельности, кромѣ родины, въ которой для массы ихъ, однако, слишкомъ мало дѣла. Избытокъ патріотизма дѣлаетъ съ здѣшнею молодежью то, что иная черезчуръ нѣжная мать со своимъ ребенкомъ, когда, желая оградить его отъ простуды, укутываетъ его въ платки и шали и не выпускаетъ на свѣжій воздухъ, и доводитъ до того, что онъ задыхается въ душной, спертой комнатной атмосферѣ, но, съ другой стороны, не можетъ и показать носа изъ дому, не схвативъ кашля или насморка. И нашимъ избалованнымъ маменькинымъ сынкамъ становится все болѣе и болѣе душно на родинѣ, а выйти изъ нея они не рѣшаются, боясь схватить насморкъ.—Рѣшеніе ввести во вновь учреждаемой семинаріи преподаваніе на польскомъ языкѣ могло бы повести къ совершенно аналогичнымъ результатамъ, и послѣдствіемъ того было бы созданіе умственнаго пролетаріата.

«Союзъ», мнѣ кажется, дѣлаетъ ошибку и тѣмъ, что старается перемѣстить центръ своей дѣятельности въ Львовъ. Здѣсь и безъ того достаточно всякихъ учебныхъ заведеній. Кромѣ двухъ главныхъ школъ, содержимыхъ на средства еврейской общины, здѣсь существуетъ такъ называемая «школа Чачки», равнымъ образомъ еврейская, содержимая на счетъ областнаго земства—не считая массы общихъ для всѣхъ вѣроисповѣданій учебныхъ заведеній,

въ которыя открытъ доступъ и евреямъ. Слѣдовательно, учрежденіе здѣсь новыхъ, спеціально-еврейскихъ школъ было бы совершенно излишнею роскошью. Гораздо лучше было бы позаботиться объ учрежденіи школъ въ деревняхъ, ибо въ этомъ отношеніи ощущается замѣтный недостатокъ. Господствующая здѣсь система хедеровъ и цадикизмъ охватили желѣзными руками своими бѣдное сельское населеніе и заставляютъ его корпѣть въ глубокомъ невѣжествѣ. Тому, кому довелось попасть въ глухой городокъ Галиціи, кажется, будто онъ вдругъ перенесенъ изъ цивилизованной страны въ землю готтентотовъ. Не далѣе, какъ на прошлой недѣлѣ, мнѣ, по семейнымъ дѣламъ, пришлось побывать въ такомъ городкѣ, и при этомъ я видѣлъ сцену самаго дикаго суевѣрія, которую и хочу въ точности воспроизвести здѣсь для иллюстраціи вышесказаннаго.

Городокъ, который мнѣ довелось посѣтить, называется Зидачевъ и служитъ резиденціей цадику, пользующемуся во всей окрестности репутаціей великаго чудотворца. Какъ разъ въ то время чествовалась въ этомъ городкѣ годовщина смерти отца цадика, бывшаго тоже раввиномъ, и по этому случаю въ городокъ тысячами собрались изъ окрестностей благочестивые евреи, очевидно проводившіе, однако, время не въ одной молитвѣ, ибо нѣкоторые изъ нихъ были въ такомъ состояніи, что еле могли держаться на ногахъ. Около полудня я увидѣлъ собравшуюся передъ домомъ раввина,—мрачномъ, одноэтажномъ зданіи, съ чугуннымъ балкономъ,—толпу человѣкъ въ тысячу, которая, судя по выраженію лицъ и по вытаращеннымъ глазамъ, очевидно ожидала чего-то важнаго.— «Чего здѣсь ждутъ?»—спросилъ я кого-то изъ толпы.—«Цадикъ и сегодня, какъ ежегодно въ этотъ день, хочетъ сдѣлать намъ подарокъ»,—отвѣтилъ тотъ, и сталъ съ помощью локтей протискивать впередъ. Меня заинтересовало узнать, что̀ случится, и я остановился, чтобы посмотрѣть. По прошествіи нѣсколькихъ минутъ на балконѣ появился худощавый человѣчекъ, въ бѣломъ полотняномъ балахонѣ.—«Раби! раби!»—пронеслось по толпѣ и она, словно бушующее море, хлынула къ балкону. Раби вынулъ изъ кармана грязный, изодранный носовой платокъ, и шумъ въ толпѣ еще болѣе усилился. Раби помахалъ нѣкоторое время платкомъ своимъ

по воздуху, и при этомъ къ верху поднялись по крайней мѣрѣ три тысячи рукъ, а воздухъ огласился криками. Въ эту минуту раби выпустилъ изъ рукъ платокъ, тотъ закружился по воздуху и сталъ опускаться въ толпу. По истинѣ удивленія достойно, какимъ образомъ въ происшедшей при этомъ давкѣ нѣсколько человѣкъ не были задавлены до смерти. Счастливцемъ, поймавшимъ платокъ, оказался еврей изъ Мункача, въ Венгріи. Но этимъ дѣло не кончилось: носовой платокъ святаго мужа былъ пущенъ въ продажу съ аукціона, и нашелся такой богачъ, который пріобрѣлъ эту драгоцѣнность ни болѣе, ни менѣе, какъ за шестьсотъ гульденовъ.

Можно ли представить себѣ болѣе печальную картину самаго дикаго фанатизма? Не представляется ли настоятельной необходимостью освободить этихъ ослѣпленныхъ отъ ига ихъ раби? Вотъ въ этомъ-то и ему подобныхъ городкахъ и открывается широкое поприще для плодотворной дѣятельности вѣнскаго «Союза», при помощи учрежденія школъ; а если ослѣпленное населеніе ихъ не пожелало бы этого, то ему нужно бы открыть замазанные клеемъ глаза насильно, т. е. съ помощью введенія обязательнаго школьныго обученія.

Въ Краковѣ, гдѣ въ настоящее время, какъ я уже писалъ въ послѣднемъ моемъ письмѣ, одержала верхъ либеральная еврейская партія, такъ называемые правовѣрные снова начинаютъ поднимать голову.—«Мы желаемъ имѣть раввина,—приступаютъ они къ старѣйшинамъ общины; — давайте намъ человѣка, который былъ бы религіознымъ главою нашимъ».—Это, безъ сомнѣнія, вполнѣ законное требованіе, которое нынѣшній совѣтъ старѣйшинъ, давшій не мало доказательствъ своей заботливости объ интересахъ общины, безъ сомнѣнія, принялъ бы во вниманіе; но дѣло въ томъ, что правовѣрные, не довольствуясь этимъ, прямо указываютъ и на лицо, которое они желали бы имѣть у себя раввиномъ, а именно на зятя прежняго раввина Шрейбера, человѣка не только невѣжественнаго, но еще и старающагося перещеголять въ нетерпимости своего покойнаго тестя. Само собою разумѣется, что совѣтъ старѣйшинъ, а вмѣстѣ съ нимъ и большинство мѣстнаго еврейскаго населенія, отказывается принять такого раввина. Это подаетъ «правовѣрнымъ» поводъ пустить въ дѣло свои орудія. А

кому неизвѣстно, какія это орудія? Имена имъ: интриги, козни и самая гнусная клевета. Они стараются натравить членовъ общины противъ совѣта старѣйшинъ, уговариваютъ ихъ отказаться въ такомъ случаѣ отъ взноса денегъ на содержаніе раввина, шлютъ центральной власти доносы на старѣйшинъ, самовольно расходуютъ для своихъ цѣлей общинныя суммы, производятъ всяческое давленіе на членовъ общины и распускаютъ всевозможныя клеветы относительно старѣйшинъ. Борьба между враждебными партіями съ каждымъ днемъ становится все болѣе и болѣе страстною и ведется не только въ синагогахъ, но даже на улицѣ, причемъ дѣло не обходится даже безъ насилій и доходитъ иногда до рукопашныхъ схватокъ.

Ничто не можетъ быть болѣе съ руки іудофобамъ, какъ эти раздоры въ лагерѣ самихъ евреевъ. Они радостно потираютъ руки и посмѣиваются, и смѣхъ этотъ разносится далеко и встрѣчаетъ отголосокъ въ тысячахъ газетныхъ статей, переполненныхъ ядомъ и желчью. Къ сожалѣнію, антисемитизмъ съ каждымъ днемъ пускаетъ все болѣе и болѣе крѣпкіе корни и въ Краковѣ, охватывая не только низшіе, но и высшіе круги общества. Такъ, напр., извѣстный художникъ Матейко, человѣкъ вообще либеральный, въ послѣднее время тоже заболѣлъ этой болѣзнью, и рѣчи, произносимыя имъ въ залѣ консерваторіи, преисполнены самыхъ рѣзкихъ выходокъ противъ евреевъ и противъ еврейства. Любопытно при этомъ то, что однимъ изъ лучшихъ учениковъ его, въ которомъ онъ самъ призналъ генія и которому онъ пророчилъ самую блестящую будущность,—былъ еврей, нѣкто Готлибъ, изъ Дроголича. Картина его «Въ день всепрощенія» сразу заняла мѣсто среди самыхъ выдающихся европейскихъ художественныхъ произведеній послѣдняго времени и являлась украшеніемъ не только вѣнской, но и парижской и лондонской художественныхъ выставокъ, и дѣйствительно это была картина полная силы, экспрессіи и наблюдательности. Къ сожалѣнію, молодой художникъ этотъ умеръ на двадцать третьемъ году отъ роду. Учитель его Матейко произнесъ на его могилѣ, на краковскомъ еврейскомъ кладбищѣ, надгробное слово, въ которомъ онъ, со слезами на глазахъ, заявилъ между прочимъ, что вмѣстѣ съ покойнымъ сошелъ въ могилу великій

свѣточъ искусства. И немного времени спустя, тотъ же Матейко превращается въ яраго антисемита, публично обвиняющаго въ своихъ рѣчахъ евреевъ въ томъ, будто для нихъ искуство ничто иное, какъ дойная корова, и будто они относятся къ искуству, какъ ростовщики. Чѣмъ это объяснить? Да просто тѣмъ, что, повидимому, даже и крупные художники наклонны слѣдовать модѣ, а вѣдь антисемитизмъ въ настоящее время—товаръ какъ нельзя болѣе модный. Къ сожалѣнію, мы также должны признаться, что опаснѣе не-еврейскихъ антисемитовъ начинаютъ становиться для насъ антисемиты еврейскіе.

Гораздо больше радостнаго могу сообщить я вамъ о столицѣ Австріи, о Вѣнѣ. Правда, и тамъ встрѣчаются разные Шенереры и подражатели ихъ, но большинство населенія относится къ нимъ съ презрѣніемъ и относится ко всѣмъ рѣкамъ ихъ съ насмѣшкой и глумленіемъ. За то евреи живутъ тамъ очень дѣятельною умственною жизнью, и нѣтъ той области искуства и науки, въ которой они не отличались бы самымъ блестящимъ образомъ. Самые выдающіеся профессора университета—евреи. Достаточно будетъ назвать только имена, пользующіяся европейской извѣстностью: Грюнгутъ, Цейслеръ, Вельфлеръ, Шпитцеръ, Миллеръ, Іеллинекъ, Маутнеръ, Шлезингеръ, Зигмундъ. Всѣ они—профессора вѣнскаго университета, и всѣ они составили себѣ репутацію выдающихся ученыхъ по всѣмъ областямъ знанія,—и въ медицинѣ, и въ математикѣ, и въ археологіи, и въ исторіи, и такъ далѣе. Самые выдающіеся вѣнскіе актеры и пѣвцы—тоже евреи. Значительнѣйшія вѣнскія газеты, какъ-то «Neue freie Presse», «Tageblatt», «Deutsche Zeitung», «Morgenpost», редактируются евреями, да и бо́льшая же часть сотрудниковъ ихъ—евреи. Правда, это обстоятельство подаетъ поводъ къ самымъ злостнымъ выходкамъ со стороны іудофобовъ, и господинъ Шенереръ не разъ неистовствовалъ противъ «ожидовѣвшей печати». Но тѣмъ не менѣе, эта «ожидовѣвшая печать» продолжаетъ пользоваться всеобщими симпатіями и оказывать сильное и благотворное вліяніе на всѣ сферы общества. Одинъ изъ самыхъ лучшихъ европейскихъ иллюстрированныхъ журналовъ, «Вѣнская Иллюстрація», принадлежавшій прежде акціонерному обществу, купленъ теперь

за двѣсти тысячъ гульденовъ д-ромъ Іаковомъ Раппапортомъ, который пригласилъ въ редакторы этого журнала—Карла Эмиля Францоза; сотрудниками же его состоятъ такіе выдающіеся писатели, какъ Шпильгагенъ, Самаровъ, Эберсъ и Фрейтагъ.

Для читателей, быть можетъ, не безъинтересно будетъ узнать нѣкоторыя біографическія подробности объ обоихъ этихъ литераторахъ, т. е. о Іаковѣ Раппапортѣ и объ Эмилѣ Францозѣ, которые, по странному совпаденію обстоятельствъ, оба родились и воспитывались въ Галиціи и оба сдѣлали въ Вѣнѣ изумительныя карьеры, правда—въ различныхъ направленіяхъ.

Д-ръ Іаковъ Раппапортъ — сынъ извѣстнаго здѣшняго врача, Морица Раппапорта, нашедшаго себѣ мѣсто и на нѣмецкомъ Парнассѣ, благодаря своимъ стихотвореніямъ: «Буяза», «Моисей», «Вѣнки на гробъ Гете» и «Еврейскія мелодіи», такъ что въ исторіи новѣйшей литературы имя его упоминается въ числѣ самыхъ блестящихъ именъ нѣмецкихъ поэтовъ. Единственный сынъ его, Іаковъ Раппапортъ, посвятилъ себя изученію юридическихъ наукъ и блистательно выдержалъ экзаменъ на доктора правъ. Но онъ отказался отъ юридическихъ занятій и сталъ производить биржевыя операціи. Но тутъ ему не повезло, такъ что у биржевиковъ вошло даже въ поговорку, что «къ такой-то бумагѣ не слѣдуетъ прикасаться, такъ какъ ее накупилъ Іаковъ Раппапортъ». А такъ какъ свѣтъ привыкъ преклоняться передъ успѣхомъ, то весьма понятно, что Раппапортъ вскорѣ стяжалъ себѣ въ здѣшнемъ дѣловомъ мірѣ репутацію весьма плохаго дѣльца. Это обстоятельство, а равно и разстройство его денежныхъ дѣлъ, побудили его въ 1874 году переселиться въ Вѣну, чтобы, какъ онъ выражался, тамъ попытать счастія. Здѣсь кстати будетъ упомянутъ о странномъ пророчествѣ его отца. Въ самый вечеръ его отъѣзда пишущій эти строки сидѣлъ, по обыкновенію, у Морица Раппапорта, вмѣстѣ съ здѣшнимъ раввиномъ Левенштейномъ и совѣтникомъ намѣстничества д-ромъ Блуменфельдомъ. Рѣчь коснулась при этомъ сына его, Іакова Раппапорта. «Запомните, господа, что я вамъ скажу теперь,—съ разстановкой заговорилъ Морицъ Раппапортъ:—сынъ мой, стяжавшій здѣсь репутацію очень непрактичнаго дѣльца, въ Вѣнѣ, при мало-мальски благопріятныхъ обстоятельствахъ, достигнетъ баснословнаго богатства, ибо у него есть всѣ необхо-

димыя для того качества: онъ предпріимчивъ, остороженъ и обладаетъ сильнымъ характеромъ. Запомните то, что я сказалъ вамъ».

Пророчество это сбылось буквально. Прошло ровно десять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ, нынѣ уже покойный, д-ръ Морицъ Раппапортъ произнесъ въ нашемъ присутствіи эти слова, и сынъ его обладаетъ нынѣ состояніемъ свыше чѣмъ въ пятьдесятъ милліоновъ. Ему принадлежитъ стоящій болѣе шести милліоновъ вѣнскій «Grand-Hôtel», стоящая столько же гостинница «Metropole», лежащее недалеко отъ Вѣны великолѣпное имѣніе «Mariazell» и нѣсколько другихъ помѣстій; кромѣ того роскошный домъ его въ Вѣнѣ представляетъ собою цѣнность не менѣе трехъ милліоновъ. Но какимъ же образомъ ему удалось пріобрѣсти въ теченіе столь короткаго, относительно, времени, такое колоссальное состояніе? Люди, привыкшіе преклоняться передъ успѣхомъ, утверждаютъ, что онъ обязанъ этимъ своимъ «геніальнымъ» финансовымъ операціямъ. Упомяну здѣсь кстати еще объ одномъ интересномъ обстоятельствѣ. Въ эпическомъ стихотвореніи отца его, «Бояза», появившемся въ свѣтъ за нѣсколько лѣтъ до рожденія его сына, выведенъ, между прочимъ, молодой человѣкъ, посвятившій себя первоначально занятію юриспруденціей, но затѣмъ вскорѣ отказавшійся отъ нея, и, благодаря своей смѣлости, сдѣлавшійся разомъ архи-милліонеромъ,—словомъ, вѣрнѣйшая фотографія его сына! Избралъ-ли сынъ его, позднѣйшій архи-милліонеръ, себѣ прототипомъ въ практической жизни это созданіе творчества отца своего, или же здѣсь слѣдуетъ видѣть лишь странное стеченіе обстоятельствъ,—неизвѣстно. Но, во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ указать на то, что Іаковъ Раппапортъ—одинъ изъ выдающихся вѣнскихъ меценатовъ и что его блестящій салонъ является обычнымъ мѣстомъ сходки для всѣхъ знаменитостей Вѣны въ области литературы, музыки, живописи и всѣхъ отраслей науки.

Подобную же быструю и блестящую карьеру, хотя и въ совершенно иномъ направленіи, совершилъ К. Э. Францозъ. И онъ также родился и воспитывался въ Галиціи, въ маленькомъ городкѣ по имени Чортковъ. И его отецъ былъ по профессіи врачъ, и онъ посвятилъ себя первоначально юридической карьерѣ. Но, слѣдуя

внутреннему влеченію, онъ, по окончаніи гимназическаго курса, посвятилъ себя литературной дѣятельности. Но потому-ли, что созданія его пера въ то время были еще незрѣлы, или же благодаря господствующему и донынѣ въ Германіи литературному кумовству,—только всѣ наиболѣе значительныя редакціи въ началѣ возвращали ему всѣ его рукописи. Ему пришлось пережить тяжелыя минуты въ добываніи себѣ куска хлѣба. Тогда онъ рѣшился на удачу пуститься въ Вѣну, чтобы продолжать тамъ свои юридическія занятія. Благодаря счастливой случайности, ему удалось познакомиться съ нынѣ уже умершимъ главнымъ редакторомъ газеты «Neue freie Presse», Фридлендеромъ, который принялъ въ немъ участіе и напечаталъ въ своей газетѣ нѣкоторые изъ его разсказовъ въ видѣ фельетоновъ. Послѣдніе понравились вѣнской публикѣ, такъ какъ вводили ее въ очень мало извѣстную ей область—въ галиційскій бытовой міръ, и Эмиль Францозъ, съ первыхъ же шаговъ своихъ на литературномъ поприщѣ, сдѣлался однимъ изъ любимцевъ нѣмецкой читающей публики. Появившіеся въ «Neue freie Presse» фельетоны его вскорѣ были куплены за изрядную сумму одною изъ первыхъ вѣнскихъ книгопродавческихъ фирмъ—фирмой «Дункера и Гумблата»,—и теперь имя Францоза принадлежитъ къ числу самыхъ громкихъ литературныхъ именъ настоящей эпохи, а нѣкоторыя изъ его сочиненій, въ сравнительно короткое время, дожили до десяти и до двѣнадцати изданій. Иные литературные критики относились къ Францозу весьма строго, и совершенно справедливо, ибо, въ погонѣ за эффектами, онъ нерѣдко погрѣшаетъ противъ идеала искусства—противъ правды. Но тѣмъ не менѣе, никто нестанетъ отрицать его литературное дарованіе, правдивость его характеровъ и пластичность рисуемыхъ имъ образовъ.

Такимъ образомъ, оба эти сына Галиціи сдѣлали, каждый по своему, быструю и блестящую карьеру въ Вѣнѣ, куда ихъ привело таинственное и неудержимое влеченіе. Обоихъ этихъ баловней судьбы соединило теперь общее литературное предпріятіе, какъ мы уже сказали выше, т. е., «Вѣнская Иллюстрація», принадлежащая Іакову Раппапорту и редактируемая Эмилемъ Францозомъ. И въ этомъ, говоря языкомъ г. Шеверера, «ожидовѣвшемъ журналѣ», издающемся двумя семитами, въ числѣ сотрудни-

ковъ состоитъ, между прочимъ, — австрійскій кронпринцъ *Рудольфъ* *. Всѣ труды этого талантливаго кронпринца будутъ печататься въ «Вѣнской Иллюстраціи».

Во всякомъ случаѣ, весьма знаменательный фактъ въ наше «антисемитическое» время!

Veritas.

* Дѣйствительно, сочиненія, вышедшія изъ подъ пера кронпринца Рудольфа уже появились въ редактируемой нынѣ Францозомъ „Neue Illustrarte Zeitung“ и читатели „Восхода“ уже отчасти знакомы съ нами по выдержкамъ изъ путешествія на востокъ, помѣщеннымъ въ 22 № „Недѣльной Хроники“.

Ред.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ВОСХОДЪ

ЖУРНАЛЪ

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

Издаваемый А. Е. Ландау

Октябрь.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія А. Е. Ландау. Офицерская. 17.
1884.

ИЗЪ БИБЛЕЙСКИХЪ СКАЗАНІЙ.

. . . .

...Неудержимымъ вихремъ слова
Жрецовъ Ваала Илія
Повергъ во прахъ, отважно мстя
За поруганіе Еговы,—
Но, брови сжавъ, схвативъ мечи,
Сказали грѣшники: „молчи!“...

И вызвалъ онъ жрецовъ порока
На судъ небеснаго Царя
И предъ святыней алтаря
Потрясъ онъ вѣру въ лжепророка;—
Но, въ гнѣвѣ, обнаживъ мечи,
Кричали грѣшники: „молчи!“...

И онъ бѣжалъ... Онъ жилъ въ пустынѣ.
Онъ Бога мести звалъ, молясь.
И дунулъ вихрь; земля стряслась;
Настала тишь;—и онъ въ святынѣ
Еговой дышащей тиши
Услышалъ въ ужасѣ: „молчи!“...

Пророкъ:

Молчать, когда народъ мой стонетъ,
Когда, какъ челнъ среди морей,
Въ волнахъ разврата правда тонетъ
И льется кровь моихъ друзей?
Молчать, когда пророкамъ лживымъ
Ахавъ далъ волю прорицать
И въ самомнѣніи кичливомъ
Моихъ собратій проклинать?
Молчать?.. Кто-жъ будетъ за несчастныхъ?
Кто-жъ призоветъ Господень громъ
На Езавели гнусный домъ,
На зло клевретовъ самовластныхъ?..

Голо́съ изъ тишины.

Молчи, молчи!.. Всѣ злобой дышутъ,
Всѣ души лишь полны собой.
Призывъ любви, призывъ святой
Изъ себялюбцевъ кто услышитъ?
Иль хочешь ты, чтобъ правды гласъ
Звучалъ безслѣдно въ этотъ часъ?

Молчи! Но вѣруй: духъ Еговы
Въ тиши—бываютъ дни—паритъ
И въ ней невидимо творитъ
Онъ для грядущаго основы.
О! Тишь, въ которой душенъ зной,
Чревата громомъ и грозой...

Молчи! Но пусть людей страданья
Жгутъ грудь твою, какъ жаръ огня.
Дождемся мы возмездья дня,
Скажу тебѣ Я: „прочь молчанье!“—
И грянешь ты, великъ, могучъ,
Какъ первый громъ Господнихъ тучъ...
Пока молчи! . . . .
. . . .

М. Абрамовичъ.

ИСТОРІЯ ОДНОГО СЕМЕЙСТВА.

(Повѣсть).

(*Продолженіе*) *.

VI.

Черезъ два мѣсяца послѣ этого крупнаго разговора родился у Соры мальчикъ, и немного спустя послѣ родовъ молодые перебрались на собственную квартиру.

Теща дала имъ на обзаведеніе: кадку, пару оловянныхъ тарелокъ, миску, нѣсколько горшковъ, ковригу хлѣба съ солью; Шмуель далъ имъ свое благословеніе. Вотъ съ этимъ-то добромъ Сора должна была въ одинъ ликующій майскій день стать сама хозяйкой. Эта перемѣна въ ея положеніи не столько радовала ее, сколько пугала.

Черныя мысли, неотвязчиво вертѣвшіяся въ ея головѣ въ торжественныя минуты обрученія, когда разбили горшокъ, теперь еще больше разбушевались и мучили свою жертву.

Малка была тоже неспокойна: «чѣмъ они станутъ жить?— Ребъ Элце былъ какъ помѣшанный и еще ужаснѣе харкалъ кровью. — Чтобъ я такъ худа не зналъ, какъ не знаю, чѣмъ они могутъ жить! думалъ онъ. Нынѣшній семестръ болванъ этотъ не имѣетъ никакихъ учениковъ.—Впрочемъ, можетъ быть, какъ нибудь проживутъ, пробовала Малка утѣшать себя. Богъ питаетъ и червяка подъ камнемъ и ихъ Онъ, вѣроятно, тоже не оставитъ.

---

* См. „Восходъ“, кн. 9.

Она хотя понимала, что Сору и Моисея далеко нельзя сравнивать съ червякомъ подъ камнемъ, но ничего не могла сдѣлать, потому что до такой степени обнищала, что стала продавать и закладывать необходимыя вещи, съ которыми подчасъ связаны были самыя завѣтныя воспоминанія и чувства, чтобы только спасти жизнь мужу.

Шмуель съ дочерьми были не менѣе озабочены, но еще меньше могли оказать помощи.

Одинъ только Моисей былъ равнодушенъ. Онъ поражалъ равнодушіемъ, когда его женили; поражалъ равнодушіемъ, и когда у него родился сынъ: ему казалось, что онъ не имѣетъ права быть неравнодушнымъ. «Онъ!» кто это «онъ?» развѣ онъ тоже человѣкъ? Какое! онъ только автоматъ! Тятенька велѣлъ ему надѣть Сорѣ на палецъ кольцо — онъ и надѣлъ; шаферъ вертѣлъ его въ кошефъ-танцѣ — онъ и вертѣлся; когда у него родился ребенокъ, тятенька велѣлъ ему произнести благословеніе — онъ и произнесъ благословеніе; теперь Сора велѣла ему нести оловянныя тарелки въ новое жилище, онъ и понесъ ихъ, съ такимъ видомъ, какъ будто не онъ переходитъ на новую квартиру, какъ будто онъ несъ не свои тарелки, а чужія. Правда, нѣсколько разъ онъ порывался кинуть и свое словечко, сказать что-то, но боялся, какъ бы его не отогнали, не осмѣяли... или просто даже не побили. Вскорѣ послѣ выдѣленія Моисей потерялъ еще одного ученика и остался при послѣднемъ, за котораго получалъ 15 руб.

Сора сидѣла въ лавчонкѣ и ходила къ одной лавочницѣ за 50 коп. въ недѣлю въ качествѣ кормилицы. Но вотъ наступило второе полугодіе: Моисей лишился и послѣдняго ученика. Сора перестала уже кормить грудью своего Залмана и не могла больше кормить чужихъ дѣтей. Пришлось взяться за лавчонку и проѣдать капиталъ. И при такихъ-то обстоятельствахъ Сора снова забеременила.

— Слушай, что я тебѣ скажу, — сказалъ, входя однажды Шмуель,—слушай, что я хочу тебѣ сказать, мое дитя. Мнѣ это хотя очень трудно, но ничего не подѣлаешь. Вы сами видите, что такъ больше нельзя вамъ жить: учениковъ ты не находишь, гроши, какіе были въ лавкѣ, вышли,—такъ я бы посо-

вѣтовалъ тебѣ стать землекопомъ. Мой племянникъ Хаимъ Давидъ приметъ тебя. Разумѣется, было бы гораздо лучше, если бы можно было обойтись безъ этого, но ничего не подѣлаешь: ужъ вѣрно такъ суждено.

Моисей немного удивился. Сдѣлаться землекопомъ... это труднѣе, чѣмъ быть меламедомъ... неблагородная работа... Отецъ его былъ ребъ Элце, «господскій меламедъ». Но возражать что нибудь онъ боялся.

— Если вы приказываете — отвѣтилъ онъ тихо,—то я сдѣлаюсь.

— Приказываю! Развѣ я могу приказывать? Развѣ я какой нибудь великій мудрецъ? Развѣ мнѣ легко сказать: отложи въ сторону тору — и ступай копать землю! Нѣтъ, я только передаю вамъ совѣтъ Леи. Ты лишился своего совѣтчика, отца-то (ребъ Элце умеръ за полгода до этого): онъ вѣрно не допустилъ бы тебя поступить въ землекопы... Но какъ тебѣ помочь иначе? ты видишь, кто я: Латуте, я самъ себѣ не могу помочь, не то, что дѣтямъ.

Старикъ готовъ былъ заплакать. Моисей смотрѣлъ на него безсмысленно.

— Такъ мой совѣтъ — поступить къ Хаимъ Давиду; но прежде подумай объ этомъ хорошенько. Что тебѣ по душѣ?

— По душѣ... по душѣ... не знаю. Если вы говорите — землекопомъ, такъ землекопомъ. Но, что станетъ говорить Сора?

— Сора сидѣла у меня; зашла рѣчь, понятно, про тебя: вѣдь ваше положеніе, видитъ Богъ, ни на минуту не выходитъ у меня изъ головы. Такъ вотъ, явилась мысль: не сдѣлаться ли тебѣ рабочимъ? Лея толковала Сорѣ битыхъ два часа—чуть не дошло до ссоры—и наконецъ сказала, что придетъ сама переговорить съ тобою.

— Если Сора и Лея велятъ... говорятъ... и вы говорите, такъ изъ-за чего же дѣло стало? Только я не знаю этой работы, окончилъ Моисей, уставивъ на тестя полуиспуганные глаза.

— Вотъ важность! много тутъ ума требуется! Хаимъ Давидъ прикажетъ тебѣ дѣлать то-то и то-то—ты и сдѣлаешь.

— Такъ... онъ прикажетъ... Хорошо! Такъ когда же? когда

же я начну? отозвался Моисей немного бодрѣе, услышавъ, что у него есть повелитель.

— Приходи завтра. Я уже переговорю съ Хаимъ Давидомъ: вы съ нимъ покончите и пойдете на работу. А если Всевышній поможетъ, можешь потомъ и бросить это занятіе.

Нѣсколько времени спустя, Моисей съ Хаимъ Давидомъ шелъ копать фундаментъ въ тринадцатомъ домѣ одного изъ N—скихъ тузовъ.

Моисею Хаимъ Давидъ платилъ 1 руб. въ недѣлю, на первое время, а потомъ обѣщалъ 2, если онъ будетъ лучше работать.

VII.

Хаимъ Давидъ былъ еврей лѣтъ 45, средняго роста, краснощекій, съ краснымъ и толстымъ затылкомъ. Онъ любилъ кутить на пропалую, что̀ очень рѣдко случается между евреями, и у него ничего не значило пропить сразу нѣсколько рублей.

— Слушай, фофанчикъ!—сказалъ онъ Моисею,—ты только что начинаешь работать; если хочешь быть такимъ же человѣкомъ, какъ и всѣ, т. е. рабочимъ, какъ Богъ велѣлъ, то долженъ зазвать артель въ кабакъ и вспрыснуть.

— Поним...

— Ну да, еще бы тебѣ не понимать! ты еще въ батькиной утробѣ былъ разумникъ, мудрецъ изъ мудрецовъ. Ну, попроворнѣй же, позови-ка ихъ всѣхъ сюда.

— Но, ребъ Хаимъ Давидъ, что мнѣ дѣлать, у меня денегъ при себѣ нѣтъ. Сбѣгать развѣ въ лавку — забрать у жены немного денегъ? отвѣтилъ Моисей съ безпокойствомъ.

— Съ ума ты спятилъ или въ самомъ дѣлѣ дуракъ! Онъ сбѣгаетъ къ женѣ! Не бойся, тебѣ здѣсь въ кабакѣ дадутъ въ долгъ.

— Но меня тутъ не знаютъ!

— Его тутъ не знаютъ, экое горе! Не бойся, скажу только одно слово, и тебѣ повѣрятъ хоть на двадцать рублей, даромъ, что тебя не знаютъ. Меня знаютъ! мнѣ, слава Богу, даютъ въ долгъ!.. Ну, скорѣй же, скорѣй, поварачивайся! сбрось съ себя фофанство, меламедство!

Артель состояла изъ девяти человѣкъ, не считая Моисея и Хаимъ Давида.

— Ну, что же взять? спросилъ Хаимъ Давидъ у Моисея.

— Почемъ я знаю... что прикажете...

— Что я прикажу? Братецъ, я одинъ пропью тебѣ пять рублей. Но что съ тобой толковать!.. Ай, братцы,—обратился онъ къ артели,—ай, братцы, надо съ этого человѣка соскоблить фофанство, ей-ей, надо его шлифовать!.. Ну, такъ что же намъ брать въ самомъ дѣлѣ? Его жалованье за первую недѣлю ужъ вѣрно нужно пропить; все равно, работай онъ у другаго—ему бы за первое время ничего не платили. Фейце,—обратился онъ къ шинкаркѣ,—поставь двѣ бутылки водки, а на остальныя деньги закуску — мясо съ кухенами. Пускай наша братія хоть промочитъ горло.

Черезъ двѣ минуты стоялъ на столѣ пустой графинъ и порожняя тарелка съ вилками.

— Фейце! запиши на новичка, на Моисея рубль, мы теперь, Мойсенке, пропили на твой счетъ рубль: это и барыши, и поступные, и за то, что тебѣ будутъ показывать работу, и чортъ знаетъ, что еще! Не думай, что это много: порядочные молодые люди спускаютъ у этой праведницы Фейце по три рубля и болѣе. Вотъ спроси у нихъ.

Онъ указалъ пальцемъ на артель.

— Ого! спускаютъ, и какъ еще! Пьютъ такъ, что своихъ не узнаешь, замѣтили нѣкоторые.

— Я, что... я, что имѣю... я вѣрю... какъ же! разумѣется! пролепеталъ Моисей, но въ голову его неотступно лѣзла мысль: какъ сказать Сорѣ про этотъ рубль? Вѣдь она закричитъ гвалтъ... ужасъ какъ будетъ ругаться! Помилуйте, рубль на пропивку... да съ этими деньгами можно прожить полъ недѣли.

Хаимъ Давидъ прервалъ его размышленія.

— Охъ, дитятко! увидишь еще, какъ кутятъ: море по колѣно покажется... Помните, какъ мы разъ втроемъ пропили 19 рублей?.. Да что! это еще ничего!—Хаимъ Давидъ вошелъ въ азартъ.—Я лучше разскажу, что было со мною на прошлой недѣлѣ: не повѣрите, чтобы можно было столько выпить! Я

одинъ—дай Богъ мнѣ такъ видѣть своихъ дѣтей!—выпилъ три бутылки и закусилъ рюмкой!

— А вотъ, когда Шлейме-Длинный поступилъ...

И пошли разсказы о подвигахъ пловцовъ на пьяномъ морѣ Это былъ для Моисея первый урокъ въ землекопной школѣ.

VIII.

Первыя недѣли Моисей возвращался домой, охая и вздыхая; онъ былъ недоволенъ. И неудивительно: съ его слабымъ тѣлосложеніемъ было страшно тяжело стоять цѣлый день въ канавѣ и копать — ему, который не привыкъ ни къ какому физическому труду. Притомъ всякая работа приходится мучительнѣе, когда думаешь, что работа эта неприличная.

Однажды, придя домой усталый, измученный, онъ растянулся на постели, стоналъ и чуть не плакалъ.

— Чего ты тутъ командуешь,—закричала на него Сора — не понимаю! Чѣмъ же ты лучше другихъ рабочихъ? Всѣ евреи работаютъ и ничего съ ними не дѣлается, на ручки они не просятся, а онъ растянулся здѣсь и уже околѣваетъ. Не можешь трудиться, такъ не долженъ былъ жениться! Вставай у меня сію же минуту ужинать.

Съ тѣхъ поръ Моисей не смѣлъ болѣе стонать. Вскорѣ послѣ поступленія его въ артель, всѣ землекопы уже знали, что это за птица, и сократили его имя на Мейселе.

— Ну что, мудрецъ Мейселе?—спроситъ у него какой нибудь разгульный парень и при этомъ попотчуетъ его щелчкомъ въ носъ, или вымажетъ ему лице:

Брать у нашего героя ничего не брали, за то распоряжались имъ сколько душѣ угодно. Такъ потянулась его новая жизнь изо дня въ день, изъ году въ годъ. Лѣтомъ онъ копаетъ землю, зимой треплетъ ленъ. Проработавъ семь лѣтъ, Моисей замѣтно перемѣнился: окрѣпъ и какъ будто выросъ. Работа и то обстоятельство, что рабочіе, какъ бы то ни было, обращались съ нимъ почеловѣчески, — придали ему порядочную дозу бодрости. Въ синагогѣ онъ уже не боялся подчасъ съострить, вести бесѣду о торѣ, о талмудическихъ тонкостяхъ; дѣтей пе-

рестал тайно отъ жены бить, а напротивъ, частенько цѣловалъ и ласкалъ ихъ. Съ нимъ самимъ Сора обходилась теперь гораздо мягче.

Вотъ и познакомили мы читателя съ героями нашей исторіи. А теперь возвратимся къ Сорѣ, которая несетъ мужу обѣдъ. Но прежде посмотримъ, что дѣлаетъ Моисей и что съ нимъ самимъ дѣлается.

XI.

Подрядчикъ Лейба Беркинъ взялся перестроить гимназію, прокопать и оштукатурить къ ней каменную ограду, подъ которую начала просачиваться вода. Для раскопки назначилъ онъ Шмерла Хлопа (такъ послѣдній прозванъ былъ за его широкое, какъ бы прихлопнутое лицо и расплюснутый носъ). У этого-то Хлопа и работалъ нашъ знакомецъ Моисей.

Канава прокопана довольно глубоко, достигли уже стѣны, теперь роютъ подъ нею.

Въ канавѣ, глубиною въ сажень и шириною въ двѣ, находятся пять человѣкъ: Шмерлъ-Хлопъ, въ качествѣ надсмотрщика, возлѣ него Моисей, на другомъ концѣ пожилой еврей и парень лѣтъ 18 въ красной кумачевой рубашкѣ. Возлѣ нихъ христіанинъ, опершись на заступъ, куритъ трубку. Тишина. Работа быстро подвигается впередъ. Христіанинъ вытряхнулъ свою трубку и, заложивъ ее за пазуху, принялся тоже копать.

— Что тутъ дѣлалъ сегодня архитектъ? — обратился пожилой еврей къ Шмерлю.

— Ходилъ здѣсь съ Лейбой и осматривалъ. Онъ велѣлъ Лейбѣ сдѣлать подпорки подъ стѣну; говоритъ: опасно, можетъ упасть. И дѣйствительно опасно.

Шмерлъ при этомъ посмотрѣлъ наверхъ. Толстая стѣна, нѣсколько надтреснувшая, висѣла у нихъ надъ головой. Страшно было смотрѣть.

— Ну, что же Лейба отвѣтилъ?

— Что «ну!» Развѣ не знаешь Лейбы: сейчасъ онъ тебѣ и сдѣлаетъ подпорки!

— Не успѣешь! Это должно стоить не меньше десяти руб-

лей, а нужны эти подпорки всего на одинъ день. Лейба скорѣе разстанется съ душою, чѣмъ съ копѣйкой.

— Но это не толкъ. Она можетъ насъ засыпать.

— А Лейбѣ какое до этого дѣло, что ты будешь убитъ? Его отъ этого не убудетъ.

— Но архитектъ...

— Пусть приказываетъ. Очень его Лейба боится. Но пока еще мы не убиты, стѣна еще не падаетъ. Далеко до этого. Надо работать. Пока дождешься отъ Лейбы подпорокъ, успѣешь прожить свой вѣкъ.

— Онъ бѣднякъ, негдѣ ему взять десять рублей на подпорки... Говорятъ, что онъ теперь идетъ въ гору и ростетъ, какъ на дрожжахъ. Какъ ты полагаешь, сколько Лейба заработаетъ на этомъ подрядѣ? Пятнадцать тысячъ рублей, говорю тебѣ, «на трефное». Беретъ пятьдесятъ тысячъ, а больше тридцатипяти тысячъ ему навѣрно не будетъ стоить. Я даже сомнѣваюсь, чтобы обошлось ему и въ тридцать пять тысячъ.

— Ай, ай, ай!—вскричалъ парень въ красной рубашкѣ, — вотъ-то заработочекъ! Пятнадцать тысячъ сразу! Похоже на заработки нашего брата! Сколько это лѣтъ намъ пришлось бы копать землю, чтобы заработать пятнадцать тысячъ рублей? Надо изъ любопытства высчитать.

— Нечего тутъ долго считать,—сказалъ Шмерлъ, который считалъ себя знатокомъ въ ариѳметикѣ,—это простой разсчетъ. Если даже возьмешь по пяти рублей въ недѣлю и будешь копать круглый годъ, то тебѣ придется копать три тысячи недѣль... такъ это выходитъ... это выходитъ... шестьдесятъ лѣтъ.

— Шесть-де-сять лѣтъ! А онъ въ полгода!.. А!..

— Чего ты равняешься съ ними! Разсчитай за то, сколько они проживаютъ. У нихъ въ недѣлю выходитъ столько, сколько у тебя и въ годъ не выйдетъ.

— Экая мудрость: проживаютъ! Проживать и я бы могъ сколько угодно!.. Скажите, ребъ Шмерлъ, кто платитъ Беркину эти пятьдесятъ тысячъ рублей?

— Кому же платить, какъ не казнѣ? Ей надо строиться, вотъ она и платитъ деньги за перестройку.

— Слушайте, что я у васъ спрошу: почему казна не можетъ эти же самыя пятьдесятъ тысячъ взять и заплатить прямо рабочимъ, а не черезъ Беркина, чтобъ онъ заработалъ пятьнадцать тысячъ? Казна вѣдь платитъ за перестройку, такъ не все ли ей равно, дастъ ли она деньги Беркину, а онъ рабочимъ, или самимъ рабочимъ въ руки?

— А кто пойдетъ искать рабочихъ? А кто тебѣ будетъ смотрѣть за ними, чтобы они работали? Кто будетъ принимать отъ нихъ работу?.. Мудрецъ!

— Ну, пускай поставятъ для этого одного или двухъ человѣкъ. Если имъ даже платить по сотнѣ рублей въ мѣсяцъ—тоже выгодно.

Парень разгорячился.

— Понимаешь ли,—отвѣчалъ Шмерль, погладивъ свою широкую рыжую бороду, онъ былъ не менѣе заинтересованъ,—для казны это невыгодно. Откуда ей знать, сколько тебѣ слѣдуетъ за недѣлю работы? Если она должна платить пятьдесятъ тысячъ за всю гимназію, какъ она будетъ знать, какую часть работы ты исполнилъ въ продолженіи недѣли? Притомъ, можетъ быть, это должно стоить больше пятидесяти тысячъ. Теперь когда она отдаетъ подрядъ, то знаетъ, по крайней мѣрѣ, что кончено дѣло и съ плечъ долой.

— Ну,—сказалъ парень задумавшись и, всадивъ лопату въ землю, оперся на нее,—пускай сто рабочихъ возьмутъ подрядъ и работаютъ всѣ вмѣстѣ, а потомъ подѣлятся поровну. Почему такъ не годится?

— Видишь ли, если такъ не дѣлается, значитъ нельзя.

— Почему же...

— Почему, для чего и какимъ образомъ?—перебилъ сердито пожилой еврей.—Въ субботу, послѣ кугеля, когда голова будетъ яснѣе — тогда можешь объ этомъ разсуждать, а теперь нужно доканчивать этотъ уголъ и идти обѣдать. Который часъ, ребъ Шмерль?

Шмерль взглянулъ на небо.

— Будетъ уже часовъ 12 или больше.

— Вы не повѣрите,—обратился онъ ко всѣмъ,—у меня съ

пяти часовъ куска во рту не было, кромѣ рюмки водки и кухена.

— Пора таки, Шмерля, поснѣдать,—сказалъ христіанинъ, все время молчавшій.

— Пойдемъ. Выпьемъ тоже; Купишь? спросилъ Шмерлъ.

— Куплю, куплю! отвѣчалъ христіанинъ полу-сердито. Черезъ нѣсколько минутъ всѣ уже вылѣзли изъ канавы на свѣтъ Божій.

Моисей одинъ остался на своемъ мѣстѣ и продолжалъ усердно выбрасывать лопаты земли изъ-подъ нависшей стѣны.

Занятый своими мыслями, онъ не слышалъ разсужденій товарищей о трудѣ и капиталѣ.

— Ну. Моисей. отчего ты не выходишь? спросилъ Шмерлъ.

Моисей точно очнулся, оставилъ лопату торчать въ землѣ и поднялъ глаза кверху.

— Отчего ты нейдешь? повторилъ свой вопросъ Шмерлъ.

— Что мнѣ тамъ дѣлать въ кабакѣ? водки не пью, а обѣда еще не принесли: Притомъ еще не хочется ѣсть.

— Ну, если такъ, то докопай уголъ и потомъ заходи. Я за то оставлю тебѣ немного водки.

— Хорошо, покорно отвѣтилъ Моисей.

Они ушли и оставили его одного.

Кругомъ было тихо, какъ въ могилѣ. Мрачно, темно, сыро. Моисей вздрогнулъ.

Онъ принялся копать, углубляясь все дальше, быстро и безмолвно копалъ нѣсколько минутъ Но потомъ онъ сталъ рыть медленнѣе, заступъ уже не такъ глубоко врѣзывался въ землю. На лбу Моисея образовалось нѣсколько морщинокъ. Видно было, что онъ копаетъ машинально, инстинктивно, что мысли его носились не здѣсь, а въ другой обстановкѣ. Онъ задумчиво вставилъ лопату въ землю и оперся на нее. Онъ видитъ себя не въ канавѣ, а въ своей квартирѣ: дѣти полунаги, съ ногами, которыя напоминаютъ негрскія, благодаря толстому слою облипшей ихъ грязи; Сора ходитъ какъ надломленная, на ней лица нѣтъ; самъ онъ прикованъ къ постели, томится въ горячкѣ. Сора садится у его ложа и смотритъ на него впалыми, запла-

канными глазами; кругомъ стоятъ дѣти и уставили на отца тоскливые глазенки.

Это продолжалось пять недѣль, пять недѣль горячки: все было заложено, все самое необходимое, самое завѣтное и все-таки нечего было ѣсть... А теперь, развѣ они повеселѣли? Теперь, когда онъ уже здоровъ, развѣ жизнь не посылаетъ часто камни вмѣсто хлѣба! У него защемило сердце. Онъ горько вздохнулъ. Время идетъ ужъ къ зимѣ. Всѣ голы и босы.

Настанутъ морозы, а оконце выбито и заткнуто лохмотьями... Трое дѣтей умерло у него прошлаго года чуть-ли не въ одинъ день. Тогда былъ сильный морозъ... Двое лежатъ у него въ кровати, хрипятъ и корчатся въ предсмертныхъ судорогахъ; третье въ колыбели, мертвое, холодное; Сора мечется на разломанной скамьѣ и мучительно плачетъ...

Вдругъ Моисей очнулся, испуганно озираясь кругомъ. Двѣ слезинки, собравшись въ его широко раскрытыхъ, задумчивыхъ глазахъ, повисли на рѣсницахъ, вздрогнули и упали на щеку, со щеки скатились на кончикъ лацкана, а оттуда упали въ рыхлую землю. Другія пошли по той же дорогѣ. Моисей не думалъ имъ мѣшать. Но вдругъ онъ отскочилъ и испуганно осмотрѣлъ канаву. Кажется, стѣна надъ нимъ затряслась.

— Это мнѣ вѣрно почудилось. Надо кончить уголъ и зайти въ домъ.

Чтобъ отогнать черныя мысли, онъ сталъ лихорадочно копать. Проворный заступъ проникалъ все глубже и глубже. Моисей такъ увлекся своей работой, что ничего не видѣлъ и не слышалъ; не слышалъ, что на другомъ концѣ канавы земля подъ стѣною зашевелилась; черезъ нѣсколько секундъ дрогнула и самая стѣна. Земля выгнулась и образовалась широкая трещина... Вдругъ каменный гигантъ нагнулся со всей тяжестью своего грузнаго тѣла, скрипя, трескаясь и ломаясь. Моисей въ ужасѣ оглянулся и точно окаменѣлъ на мѣстѣ. Земляныя стѣнки канавы надулись, лопнули, и глыба земли свалилась къ ногамъ Моисея. Стѣна нагнулась еще тяжелѣе и грузнѣе и со стономъ стала падать.

— Ай, спасите!!! закричалъ Моисей страшнымъ, отчаяннымъ голосомъ и пустился бѣжать.

Не успѣлъ онъ сдѣлать и трехъ шаговъ, какъ ограда и земляныя стѣнки бурно ввалились въ канаву и засыпали ее и Моисея, голова и одна рука котораго виднѣлись изъ-подъ груды земли и камней.

X.

Остальные землекопы, сидя въ кабакѣ, который отстоялъ недалеко отъ гимназіи услышали вдругъ трескъ и грохотъ, напоминавшій пушечный залпъ.

— Не обрушилась ли тамъ стѣна! промелькнула у всѣхъ одна мысль, которая и была громко высказана.

Всѣ бросились къ канавѣ. На мѣстѣ катастрофы уже стояла толпа народу.

— Нѣтъ ли тамъ кого нибудь?

— Не засыпало ли человѣка?! слышались возгласы окружающихъ.

— Ай, Моисей тамъ вѣрно засыпанъ!—закричали въ отчаяніи землекопы.—Ой, что дѣлать?! Тутъ былъ только что еврей, и его засыпало! Помогите, братцы! . Будемте поскорѣе копать.

Нѣсколько человѣкъ вскочили въ канаву и давай копать руками.

— Давайте сюда лопатъ!

— Боже мой! такъ ничего не будетъ! — просто плакалъ Шмерлъ.—Исроель Хаимъ! сбѣгай скорѣй къ рѣкѣ и позови сейчасъ христіанъ, которые тамъ работаютъ! Но скорѣе же!.. скорѣе!.. Ай, что дѣлать, что дѣлать?

— Вотъ онъ! вотъ онъ!—закричалъ одинъ изъ копавшихъ руками —Вотъ его голова! Скорѣй сюда!

Человѣкъ десять бросились къ тому мѣсту, и обкопали руками голову Моисея, вымазанную въ мокрой землѣ, и руку, задранную кверху

— Какъ это случилось? спрашивалъ народъ.

— Кто онъ такой?

— Богъ знаетъ, будетъ ли онъ жить!

— Можетъ быть, онъ уже умеръ!

— Посмотри, ротъ у него набитъ землею!

— Что онъ: еврей или христіанинъ?

— Какъ это рѣшаются копать въ такомъ опасномъ мѣстѣ?

— Когда хочется ѣсть, рѣшаются на все!

— Это все изъ подрядовъ Лейбы Беркина, чтобъ онъ лопнулъ!

Скоро прибыло человѣкъ пятнадцать христіанъ, работавшихъ у рѣки; они вскочили въ канаву.

Застучали лопаты, полетѣли вверхъ земля и кирпичи.

— Бѣда! бѣда! говорили христіане.

Скоро Моисей былъ выкопанъ. Одна рука надъ головой, другая на сердцѣ, лицо почернѣло, во рту и ушахъ грязь, глаза закрыты.

Онъ сдѣлалъ слабое движеніе рукой.

— Онъ живъ, пронесся въ толпѣ гулъ надежды.

— Выберите у него землю изо рта!

Выбрали.

— Надо его куда нибудь отнести!

— Доктора, доктора надо привести!

— Кто нибудь далъ бы знать Лейбѣ Беркину!

Парень въ кумачевой рубахѣ побѣжалъ за докторомъ и Лейбой.

— Исроель Хаимъ! бѣги, дай знать женѣ! кричалъ Шмерлъ.

Моисея пока занесли въ кабакъ, положили на диванъ и обмыли лице. Онъ открылъ глаза, обвелъ мутнымъ взоромъ комнату и закрылъ ихъ снова.

Пришелъ докторъ, ощупалъ его, осмотрѣлъ, послалъ за двумя фельдшерами и въ аптеку.

— Что, г. докторъ? спросилъ снявъ шапку, Шмерлъ.

— Что? развѣ не видишь, что онъ близокъ къ смерти: у него грудь разбита въ двухъ мѣстахъ.

— Грудь!... Ой, ой, ой!

XI.

Исроель Хаимъ увидѣлъ Сору на второй улицѣ отъ гимназіи. Она была далека отъ мысли объ ужасномъ несчастіи, случившимся съ ея мужемъ. Могла ли она думать, что въ эту минуту она потеряла кормильца! Вдругъ она увидѣла Исроель Хаима, бѣгущаго прямо на нее, блѣднаго, испуганнаго. Исроель Хаимъ работаетъ вмѣстѣ съ ея мужемъ. Темное предчувствіе

укололо въ сердце молодую женщину. Она приросла къ мѣсту, поддалась всѣмъ корпусомъ впередъ, широко раскрыла глаза...

— Что тамъ?!

— Ай, Сора! бѣгите скорѣе! съ вашимъ Моисемъ случилось несчастіе!

Горшокъ выпалъ у нея изъ рукъ. Взоръ помутился, лицо искривилось.

— Ой, что тамъ случилось? Ой, спасайте!—И она ухватилась за руку Исроель Хаима и стала ее трясти.

— Его засыпало! отвѣчалъ ошеломленный Исроель Хаимъ.

Колѣнки несчастной подогнулись.

— Я пропала!.. Мужъ мой!

Она бросилась къ развалинамъ.

— Гдѣ онъ?!

— Его перенесли въ кабакъ. Не пугайтесь, Сора. Онъ живъ,—сказалъ Исроель Хаимъ, теперь только понявшій, что сдѣлалъ глупость, бухнувъ ей сразу роковое извѣстіе.

Сора его не слушала, и вбѣжала въ кабакъ.

— Гдѣ онъ?! Ай, громы небесные меня ударили! Ай, я несчастная! Горе мнѣ! горе мнѣ! Онъ убитъ! Моисей, Мойселе!

Моисей открылъ немного глаза и мутно, безцѣльно глядѣлъ на нее.

— Онъ меня не узнаетъ! Моисей! это я, Сора! Горе мнѣ! горе мнѣ!

— Что вы такъ безпокоитесь, Сора?—сказала шинкарка.— Онъ будетъ жить, будетъ здоровъ.

— Гдѣ ужъ тамъ!.. О, кормилецъ нашъ!—Она безсильно упала на стулъ.—Ой, почему нѣтъ доктора? почему его не спасаютъ?

— Былъ, былъ докторъ. Видишь, у него лежатъ компрессы на груди и на ногахъ. Скоро снова придетъ.

— Такъ отчего же не приходитъ? можетъ быть, его еще возможно спасти! Можетъ быть, онъ еще будетъ отцомъ своихъ дѣтей! Онъ еще такъ мало жилъ! Боже! за что Ты насъ такъ наказываешь!

Слезы горючими ручьями полились изъ глазъ бѣдной женщины. Она ударила себя кулаками по головѣ.

— Сора, Богъ съ вами! онъ будетъ здоровъ! Онъ будетъ жить. Выпейте немного воды.

Сора однимъ духомъ проглотила воду и, успокоившись немного, подошла къ дивану, гдѣ лежалъ раненый.

— Мойселе, голубчикъ, вымолви хоть словечко, что тебѣ? что у тебя болитъ?

Онъ слегка раскрылъ глаза и узналъ ее.

— М...н...ѣ... дур...но...

Потомъ закрылъ ихъ снова и слабо махнулъ рукой.

— Ему, бѣдняжкѣ, тяжело говорить, замѣтила шинкарка

— Ай, тяжело ему, тяжело ему! повторила Сора...

Вошелъ Шмерль съ фельдшерами.

Сора кинулась къ нимъ, ломая руки.

— Ай паночки! ратуйте моего мужа!

— Онъ останется живъ. Не кричи такъ, ему это вредно.

Они сдѣлали больному нѣсколько перевязокъ, послали Сору въ аптеку за примочкой (денегъ далъ ей Шмерль), и ушли, обѣщавъ придти вечеромъ и указавъ Шмерлю какъ обходиться съ раненымъ.

— Ну что же Лейба? спросилъ Шмерль у парня въ кумачевой рубахѣ, который ходилъ за нимъ.

— Онъ обѣщалъ скоро придти.

Лейба въ самомъ дѣлѣ явился. Это былъ человѣкъ лѣтъ 40, съ большими, точно стальными глазами, съ длиннымъ, острымъ носомъ и круглой подстриженной черной бородкой. Одѣтъ былъ по-европейски. Онъ вошелъ поспѣшно, встревоженный

— Что здѣсь? Что здѣсь случилось? произнесъ онъ скороговоркой

— Здѣсь случилось большое несчастіе, ребъ Лейбъ,—отвѣчалъ Шмерль —Стѣна свалилась въ канаву, и онъ былъ тамъ на бѣду — его и засыпало.

— Ай, ай, ай! какъ же его нашли? живъ онъ?

— Живъ, но докторъ говорилъ...

— Такъ здѣсь былъ докторъ? Что онъ сказалъ?

— Сказалъ, что кости въ груди его разломаны.

— Въ груди!

— Какъ видно изъ словъ доктора, онъ болѣе не жилецъ на свѣтѣ. Но что съ нимъ дѣлать?

Лейба на минуту задумался.

— Пока надо свезти его въ больницу—тамъ съ помощью Божьей не надо будетъ денегъ и будемъ спокойнѣе.

— Что вы говорите,—возразила шинкарка,—его нельзя трогать съ мѣста, онъ умретъ на телѣгѣ.

— Ну, пусть остается здѣсь. Почемъ я знаю?

— Но вѣдь это стоитъ денегъ и должно еще стоить, а жена его такая бѣдная, одинъ Богъ можетъ надъ ней сжалиться.

Лейба вынулъ изъ бумажника зелененькую.

— Гдѣ это его жена? Она еще ничего не знаетъ?

— Она теперь въ аптекѣ, отвѣчалъ Шмерль.

— Ну, такъ передай ей и скажи, чтобы она зашла ко мнѣ: я дамъ еще сколько нибудь.

Съ минуту царствовала тишина. Слышалось только тяжелое прерывистое дыханіе умирающаго.

— Скажи мнѣ: а долго продолжится, пока очистятъ канаву?

— Вы бы видѣли, какъ она засыпана: больше половины.

— Видѣлъ, когда шелъ сюда. Эхъ, хлопотливое дѣло... Но надо идти, мнѣ очень некогда. Зайду послѣ. Пришлите его жену.

Онъ поспѣшно вышелъ.

— Охъ, чтобъ его засыпало!—замѣтилъ Шмерль, по уходѣ Лейбы.—Какъ онъ вамъ нравится? Можно просто съ ума сойти! Здѣсь кончается человѣкъ, убитый у тебя на работѣ, а у тебя на умѣ—можно ли снова откопать канаву? Ахъ, чтобъ тебя ужъ скорѣе закопали и засыпали!

— Хорошъ богачъ, нечего сказать! Недаромъ онъ имѣетъ такую славу въ городѣ!

Вошла Сора.

— Не надо ей говорить, что здѣсь былъ Лейба. Не къ чему ее огорчать, сказала шинкарка на ухо Шмерлю.

— Хорошо.

— Ну, что дѣлается съ нимъ? спросила Сора.

— Все одно и то же.

Сора подошла тихо къ Моисею, посмотрѣла ему въ лицо, прислушалась къ его дыханію.

— Тяжело дышетъ.

Моисей открылъ глаза, налитые кровью.

— Падаетъ!.. вотъ, вотъ, вотъ!.. Берегитесь!.. Упала!.. Ой, ой, ой! тамъ мои дѣти! Выньте ихъ! Имъ тамъ будетъ холодно!.. тамъ темно!.. Дайте мнѣ хорошій заступъ, мой сломался... Призовите Шмерля, онъ вамъ скажетъ, сколько у меня дѣтей умерло: трое или двое? ужъ я знаю.

— Онъ бредитъ—это хорошій знакъ, замѣтилъ Шмерль.

— Дай-то Богъ, отвѣчала Сора.

Она терпѣливо сидѣла у изголовья умирающаго мужа и каждыя пять минутъ прикладывала ему компрессы, которые очень скоро высыхали на горѣвшей груди.

Въ это время пришли: мать Моисея, Шмуель-Лапотникъ и нѣкоторые знакомые.

Поднялся бурный плачъ. Мать билась головою объ стѣну, падала въ обморокъ.

Шмуель похожъ былъ на помѣшаннаго.

— Пускай это падетъ на мою сѣдую голову,—причитывалъ онъ.—Это я тогда уговорилъ его сдѣлаться землекопомъ. О, мой сынъ, мой кадишъ!

Къ вечеру стало немного тише.

— Ступай, Сореле, домой—обратилась къ ней теща.—Я здѣсь посижу возлѣ него. Дѣти тамъ надорвутся отъ плача. Малютка не ѣвши съ утра.

— Они, бѣдные, могутъ плакать.

И Сора зарыдала. На нее глядя, всѣ расплакались, какъ безпомощныя дѣти. Моисей лежалъ неподвижно съ закрытыми глазами. Сора отправилась домой.

XII.

А дома у Соры въ это время происходила горячая стычка между хозяиномъ и хозяйкой.

— Небойсь, Пайка лавочница не выйдетъ у ней изъ головы, она всегда будетъ помнить, что должна ей заплатить, потому что беретъ въ лавкѣ хлѣба. А мнѣ она не торопится дать

денегъ, и къ чему ей напрасно безпокоиться! Вѣдь я добрая! если мнѣ и не заплатить, такъ тоже не стану гнать съ квартиры. Всегда по дурацки поступаю...

Монологъ этотъ произнесла, вѣрнѣе, прокричала Фрейде, хозяйка Соры, послѣ того, какъ послѣдняя понесла мужу обѣдъ.

— А кто тебѣ велитъ быть дурой и что тебя заставляетъ быть доброй! Требуй и ты, дери съ нея тоже шкуру—такъ она будетъ тебя помнить, какъ и Пайку,—замѣтилъ мужъ ея, Яковъ, вколачивая гвозди въ сапогъ.

— Требуй! дери шкуру!—злобно передразнила Фрейда,—а ты что будешь дѣлать? У тебя развѣ языкъ не повертывается сказать ей, что если она не внесетъ на этой недѣлѣ денегъ, то ты выбросишь ее на улицу со всѣми ея лохмотьями какъ щепку, что ты ни на что не посмотришь? Ты не мужчина, а дубина!

— Вѣ—ѣдьма! ты уже начина—аешь?—презрительно отозвался Яковъ.—Кто ее впустилъ въ квартиру? Ты!.. Чортъ бы васъ всѣхъ побралъ!

— Ме—шу—медъ! чтобъ тебя хворость взяла! На радость, что ли, я ее впустила! Почемъ я могла знать, что мнѣ не заплатятъ! Молчалъ бы лучше!

— Не знала? — такъ я опять не виноватъ. Должна была знать.

Его хладнокровіе еще болѣе взбѣсило расходившуюся Фрейду.

— Смотрите пожалуйста, какая невозмутимая душа! Мм—ам—зеръ! Тебѣ хочется поскорѣй избавиться отъ меня! думаешь взять дѣвку... Ты бы, небойсь, радовался, еслибъ я умерла. Но чтобъ ты такъ долго лежалъ на одномъ боку, какъ долго мнѣ еще остается жить, какъ долго не возьмешь дѣвки.

— Да развѣ дѣвка хуже такой распущенной бабы, какъ ты? Дай только Богъ избавиться отъ тебя—сейчасъ женюсь на дѣвкѣ: пріищу такую смазливенькую, что просто чудо.

— Молчи лучше, безбожникъ, пьяница! я тебѣ черепъ раздроблю!

— По—про—буй! протянулъ Яковъ, спокойно сбивая сапогъ съ колодки.—Говорю тебѣ еще разъ: когда тебя не станетъ — возьму молодую дѣвушку.

— Хворобу горячку, колотье въ боку, а не дѣвку,—вотъ что! Дѣвка за тебя выйдетъ! дуракъ! дуракъ! У тебя нѣтъ ни одного зуба во рту, ты вѣдь старый беззубый песъ! Умѣешь только пропивать заработанныя деньги—вотъ и все!

— А хоть бы и пропиваю — такъ чтожъ изъ этого! Вотъ только окончу сапогъ—пойду опять въ кабакъ.

— Иди! по мнѣ сломай хоть шею! Думаешь, я не знаю, что ты пропилъ 5 рублей, которые тебѣ слѣдовало отъ кабатчика. А чтобы тебя черти взяли... Мнѣ все равно: пропей хоть голову.

— Ну, если возьму дѣвку, то перестану пить! Понимаешь-ли, корова, что я пью только оттого, что *ты* моя жена? Что я убѣгаю въ кабакъ, чтобы только не пробыть съ тобою вмѣстѣ полчаса? понимаешь, чертовка? Такъ замолчи же, горѣть бы тебѣ на медленномъ огнѣ! (Тутъ уже Яковъ принялся дико кричать). Прочь же съ глазъ моихъ, чтобъ черти побрали твоего батьку и дѣда! Убью!.. Отвяжись, вѣдьма!

— Отвяжись, отвяжись!—передразнивала Фрейда,—онъ уже начинаетъ свои штуки! уже запѣлъ свою мамзерскую пѣсенку!.. Слышите, я ему велю идти въ кабакъ! Воръ! ты еще въ утробѣ матери былъ воромъ! Кто нибудь изъ постороннихъ могъ бы подумать, что я его въ самомъ дѣлѣ гоняю въ кабакъ!

— Отойди лучше добромъ!—закричалъ Яковъ, вскочивъ съ мѣста.—Видишь этотъ сапогъ? Скажи еще одно слово, и—также вѣрно, какъ я еврей!—получишь имъ по головѣ!

— А я распластаю тебѣ лицо вотъ этой миской! Не думай, что всегда буду тебѣ молчать! пора перестать быть дурой! Такъ задамъ, что долженъ будешь подбирать зубы! Пьянчуга! свинья безалаберная! Онъ мнѣ угрожаетъ!

— Вотъ же тебѣ: помни! И онъ пустилъ ей сапогомъ въ лицо и, боясь сдачи, выбѣжалъ изъ комнаты.

Фрейда хотѣла было пустить въ дѣло миску, но, видя, что этимъ оружіемъ попадетъ не о вражеское лицо, а въ стѣну—оставила свви воинственныя поползновенія и ограничилась только нелестнымъ для мужа пожеланіемъ: «пропади ты со свѣту, сгинь, чтобы и слѣда твоего не осталось! чтобы тебя искоренили со всѣмъ твоимъ родомъ!»

Она утерла передникомъ лицо и подошла къ печкѣ, съ

четверть часа ворчала и проклинала мужа, потомъ, наконецъ, успокоилась. Черезъ часъ Фрейда уже раскаявалась, что заставила мужа спастись бѣгствомъ въ кабакъ, и съ нетерпѣніемъ ждала его возвращенія.

Лѣтъ 30 тому назадъ была свадьба у Якова, сына бѣднаго сапожника, съ Фрейдой, дочерью зажиточнаго переплетчика. Фрейда была тогда 25-ти-лѣтняя дѣвка, низенькая, тщедушная, съ слабыми глазами; Яковъ былъ красивый парень лѣтъ 20, высокій, кровь съ молокомъ и къ тому же не глупый. Фрейда не могла пожелать себѣ лучшаго мужа, и послѣ свадьбы ей все казалось, что вотъ эта дѣвка смотритъ на ея мужа, та молодуха говоритъ слишкомъ интимно съ ея мужемъ, а ея мужъ слишкомъ дружелюбенъ къ той женщинѣ. Она стала слѣдить за каждымъ его шагомъ. Яковъ возненавидѣлъ ее за это шпіонство, ему стало тѣсно съ женой въ одной комнатѣ. Съ полгода онъ старался не подавать ей вида, но потомъ сталъ ужъ открыто выказывать свою нелюбовь. Думая, что мужъ ее не терпитъ, потому что привязался къ другимъ, Фрейда принялась еще сильнѣе шпіонить, Яковъ же еще больше терялъ къ ней уваженіе. Фрейда прибѣгла къ слезамъ, валяясь по цѣлымъ днямъ на кровати, и наконецъ къ ругательствамъ; Яковъ не оставался въ долгу; въ груди его кипѣла злоба на то, что совсѣмъ напрасно сгубили его молодость.

Фрейда тоже мучилась, по временамъ пыталась купить его любовь добрыми словами, лаской, заботливостью, но насильно милъ не будешь, а она, глупая женщина, именно надѣялась быть насильно милой; Яковъ готовъ былъ развестись, но она сказала разъ навсегда, что развода не возьметъ, «хоть бы случилось свѣтопреставленіе, хотя бы пролилась кровь!»

Къ несчастью, у нихъ не было дѣтей, которыя привязывали бы супруговъ другъ къ другу. Такъ прожили они, вѣрнѣе просуществовали, на свѣтѣ 30 лѣтъ и воевали другъ съ другомъ десять тысячъ девятьсотъ пятьдесятъ разъ, такъ какъ каждый день происходили стычки подобно вышеописанной. Спасаясь отъ ея криковъ, онъ сначала шлялся по улицамъ, потомъ помаленьку познакомился съ кабакомъ. Она принялась еще больше ругаться, онъ еще больше пить.

XIII.

Черезъ два часа послѣ ухода Соры прибѣжалъ ея младшій сынъ, который игралъ у сосѣда, осмотрѣлъ комнату, бросилъ взглядъ на спящую сестренку, потомъ, украдкой подойдя къ столовому ящику, выбралъ оттуда хлѣбъ и, отломивъ отъ него нѣсколько кусочковъ, старался неслышно проглотить ихъ. Сестра проснулась, и начала плакать; его это мало интересовало. Однако, съѣвъ хлѣбъ, онъ для виду качнулъ колыбель разъ, другой, и сказалъ громко, чтобы его слышно было въ другой комнатѣ:

— Кто тебя трогаетъ, Увинка? кто тебя трогаетъ?—Потомъ зашелъ въ сосѣднюю комнату.—Фрейда, гдѣ мама?

— Она понесла тятенькѣ обѣдъ.

— Увинка плакала, я ее качалъ да качалъ, а она все не засыпаетъ.

— Покачай ее еще — будешь славнымъ парнемъ, сказала Фрейде, думая о Яковѣ.

— Хорошо.

Онъ опять зашелъ въ комнату, но вмѣсто того, чтобы качать сестру, еще разъ отломилъ кроху хлѣба и принялся ѣсть.

Въ это время вошелъ старшій братъ. Давидка тотчасъ же сталъ въ выжидающую позу, заложивъ ручку съ хлѣбомъ за спину.

— Гдѣ мама?

— Нѣтъ... тятенькѣ обѣдъ... сказалъ Давидка не то плаксиво, не то испуганно.

— А что это тамъ у тебя въ рукѣ?

— Ничего,—отвѣтилъ Давидка, выпустивъ хлѣбъ изъ руки.— На, смотри!

И онъ показалъ руку.

— А что это ты выбросилъ? грозно допрашивалъ Залманъ, поднявъ кусочекъ хлѣба.

— Хлѣбъ... крошечку взялъ я, крошечку!..

— Подожди, холера! Я ужо разскажу мамѣ, что ты самъ берешь хлѣба.

— Кро—о—о—о—шечку... расплакался Давидка. Залманъ толкнулъ его, и меньшій братъ ушелъ.

Залманъ принялся ѣсть сухой хлѣбъ въ ожиданіи, пока придетъ мать и дастъ ему обѣдать.

Плачъ Ривинкй, какъ видно, тоже мало безпокоилъ и его: онъ привыкъ слышать его по цѣлымъ часамъ; но когда плачъ перешелъ въ хрипоту и дѣвочка выбилась изъ силъ, крича,— онъ подошелъ къ колыбели.

— Ривинка! чего ты плачешь? ѣсть хочешь?

Дитя протянула ему рученки и жалобно всхлипывала.

— Хочешь ѣстинки? Вотъ я дамъ тебѣ, Ривинка.

Онъ подошелъ къ столу, вынулъ изъ столоваго ящика изсохшій кусокъ «халы», оставшійся еще отъ субботы, и началъ разжевывать его: одну долю засовывалъ въ ротикъ сестрѣ, двѣ самъ проглатывалъ. Голодное дитя ѣло жадно, плача отъ нетерпѣнія въ промежуткахъ между однимъ кусочкомъ и другимъ.

Кусочекъ халы ужь весь уничтоженъ.

— Больше нѣтъ, Ривинка.

Но Ривинкѣ эти слова показались недостаточно убѣдительными, и она принялась еще сильнѣе плакать. Залманъ сталъ ее успокоивать, но апетитъ ребенка не молчалъ.

— Тише! тише! я тебѣ задамъ! Ишь! какъ расплакалась!

И онъ ударилъ ее нѣсколько разъ по спинѣ. Дитя мало по малу утихло и заснуло.

Не дождавшись матери, Залманъ ушелъ безъ обѣда въ талмудъ-тору.

Въ комнату вошелъ Яковъ немножко навеселѣ.

Фрейда не упрекнула его, и тотчасъ же накрыла на столъ.

— Ужъ вѣрно третій часъ. Что бы это означало, что Соры еще нѣтъ?

Яковъ молчалъ.

— Она, должно быть, зашла къ отцу. У нея вѣдь тутъ даровыя няньки,—иронически прибавила Фрейда.

Настало 5 часовъ.

— Соры все еще нѣтъ: что-то неладно,—разсуждала Фрейда,— что могло случиться?

— Ужъ не пойдешь ли ты ее разыскивать? насмѣшливо спросилъ Яковъ.

Фрейда въ самомъ дѣлѣ думала это сдѣлать, но теперь, послѣ насмѣшки Якова, она отвѣтила:

— Еще что? Пойду я ее искать! Слишкомъ много чести!

Стемнѣло. Настало время, когда Моисей обыкновенно возвращался съ работы, но нѣтъ ни его, ни Соры.

— Нужно пойти посмотрѣть, что тамъ дѣлается. Дай Богъ, чтобы ничего не случилось, но у меня дурное предчувствіе.

Яковъ молчалъ. Онъ тоже безпокоился, но не хотѣлъ показать это.

Давидка и Ривинка уже спали, вдоволь наплакавшись; Залманъ пришелъ изъ талмудъ-торы.

— Не видѣлъ ли ты мамы? спросила его Фрейда.

— А что такое? Гдѣ она?

— Ея еще съ утра нѣтъ. Она отнесла тятѣ обѣдать и еще не возвращалась.

— Мамы еще съ утра нѣтъ—ой, ой, ой! Что это значитъ?

— Почемъ я знаю, что это значитъ? Пойдемъ, посмотримъ гдѣ она?

И Фрейда, надѣвъ кофту, намѣревалась уже отправиться на поиски, но увидѣла въ окно Сору.

— Вотъ она идетъ, наша барыня!

XIV.

Сора шла изъ кабака лихорадочно-торопливой походкой: чего она такъ торопилась—въ этомъ она сама не могла отдать себѣ отчета. Въ головѣ ея вертѣлись обрывки мыслей, колючіе какъ булавки, она чувствовала тупую боль во всемъ существѣ.

— Что будетъ?.. какъ будетъ?..

Ничего яснаго она не могла себѣ представить.

Она напоминала человѣка, оглушеннаго ударомъ обуха по головѣ. Одно она сознавала, что она несчастлива, что жизнь ея отравлена.

— А если онъ...

Но и эта слабая надежда угасла. Сатана безпощадно шепталъ ей на ухо слова: «черный гробъ... саванъ...»

Она затряслась и заломала руки:

— Боже милосердый!..

Она съ трудомъ переводила дыханіе.

— Что будетъ?.. Что будетъ!..

Сора вошла въ домъ. За эти восемь часовъ она измѣнилась какъ за восемь лѣтъ.

— Сора! что это!.. на кого ты похожа? Гдѣ Моисей? вскричала Фрейда.

— Маменька! Гдѣ тятя? вскричалъ испуганный ея крикомъ Залманъ.

Секунды двѣ Сора смотрѣла на всѣхъ ее окружающихъ безцѣльно, ширско открытыми глазами, но вдругъ, бросившись къ Залману, крѣпко обхватила его и, громко рыдая, принялась его цѣловать.

— Сынъ мой! Мое дорогое дитя!

— Маменька! плакалъ мальчикъ.

— Сынъ мой! Мы... мы...

Слезы подступили ей къ горлу. Желтое лицо ея покраснѣло. Она упала на стулъ и замерла.

— Ой, смотрите! Она упала въ обморокъ!

Сдѣлалась суматоха. Стали брызгать въ нее водой и сжимать носъ, пока она не открыла глазъ, осматриваясь кругомъ.

— Маменька! плакали меньшія дѣти, проснувшись.

— Ой, Фрейденке! я несчастная!.. Ой, дѣтушки! нашъ кормилецъ тятя засыпанъ!..

— Сора! что вы говорите?! Какъ это! закричали Фрейда и Яковъ.

— Маменька! гдѣ тятя? Что съ нимъ? Почему нѣтъ тяти?..

Сора зарыдала въ три ручья и только черезъ полчаса была въ состояніи разсказать о катастрофѣ.

— Мама, тятя умеръ? спросилъ Давидка.

— Дуракъ! что ты говоришь!—прикрикнула на него Фрейда, думая, что это недоброе предзнаменованіе.—Онъ будетъ здоровъ!

— Мама! пойдемъ же посмотримъ, что съ тятей, сказалъ Залманъ.

— Пойдемъ, Фрейда, произнесъ Яковъ.

Всѣ вышли, кромѣ Давидки, Ривинки и подмастерья сапожника.

Ривинка плакала. Она хотя и насосалась, но чѣмъ? Солеными слезами, изъ которыхъ состояло молоко матери.

Ее скоро стошнило отъ этого молока.

Псевдонимъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПРЕКРАСНАЯ ЕВРЕЙКА.

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ОСАДЫ ІЕРУСАЛИМА.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ *.

(*Окончаніе*).

— Твое предчувствіе не обманываетъ тебя, Ревекка,— сказалъ онъ: — только что случилось большое несчастіе. Бенъ-Гіора раненъ. Я вижу товарищей его, которые его поднимаютъ и кладутъ на большой плащъ. Вотъ они понесли его. Они направляются въ сторону храма.

Взоры Бенъ-Адира блистали при этихъ словахъ, и мрачное лицо его освѣтилось лучемъ радости и ненависти. Ревекка не могла видѣть выраженія его лица; да еслибы даже ей и видно было его лицо, то она все равно ничего не замѣтила бы. Она даже изо всего, что̀ онъ сказалъ, разслышала только слова:—„Бенъ-Гіора раненъ",—а все остальное пропало для нея въ пространствѣ.

Она тотчасъ же вскочила и бросилась къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ Бенъ-Адиръ, желая увидѣть, что онъ видѣлъ, и убѣдиться въ томъ, не ошибся-ли онъ. Усталость ея исчезла точно по какому-то волшебству. Всѣ дурныя чувства, которыя успѣли было прокрасться въ ея душу, разсѣялись въ виду этого горя, подобно тому, какъ въ эту самую минуту ночная тьма разсѣивалась передъ первыми лучами восходящаго солнца. Она окинула быстрымъ взглядомъ всю, лежавшую у ногъ ея, картину; она увидѣла одну группу, бо-

---

* См. „Восходъ" кн. IX.

лѣе другихъ суетившуюся среди другихъ групъ, двигавшихся, подобно призракамъ, на кровавой аренѣ, и среди этой группы особенно ярко выдѣлялся красный плащъ Симона. Этотъ плащъ показался ей саваномъ. По ея членамъ пробѣжала огненная дрожь: ей показалось, что не только палъ столь давно любимый ею человѣкъ, но что обрушился самый храмъ. Это потрясло всю ея душу.

Лица, несшія раненаго, быстро исчезли съ той части поля сраженія, которую она могла охватить взоромъ, и затерялись въ гигантской тѣни, которую храмъ бросалъ по направленію къ западу. Бой, однако, не прекращался. Римляне, пользуясь смятеніемъ, произведеннымъ этимъ событіемъ въ рядахъ непріятеля, энергически двинулись впередъ и приближались къ первой оградѣ храма, первая аттака на которую имъ не удалась, благодаря вмѣшательству Ревекки, Бенъ-Адиръ выпрямился и блескъ его глазъ потухъ: видя подлѣ себя Ревекку, онъ не думалъ уже ни о чемъ иномъ, кромѣ объ опасности, которой она могла бы подвергнуться.

— Ревекка,—сказалъ онъ ей прерывающимся голосомъ,— пора покинуть это мѣсто Уже почти совсѣмъ разсвѣло и насъ могутъ замѣтить.

Ревекка ничего не отвѣтила. Взоры ея оставались устремленными на площадку передъ храмомъ, но она ничего не видѣла: она только прислушивалась къ шагамъ тѣхъ, которые несли раненаго.

— Нужно торопиться,—повторялъ Бенъ-Адиръ;—иначе тебѣ угрожаетъ серьезная опасность. Вѣдь храмъ можетъ быть окруженъ, всѣ выходы заперты, или даже, среди всеобщей толчеи насъ могутъ затереть и раздавить.

Но она какъ будто не слышала его, и осталась стоять на томъ же мѣстѣ, неподвижная, какъ статуя. Бенъ-Адиръ схватилъ ее за руку, и она безпрекословно послѣдовала за нимъ. Они быстро сошли по ступенькамъ, перешли черезъ площадку и вскорѣ очутились за оградой.

Тутъ они увидѣли группу, уносившую Симона и удалявшуюся по направленію къ Акрѣ. За нею слѣдовала многочисленная толпа дѣтей и женщинъ. Бенъ-Адиръ понялъ,

что Ревекка желала бы присоединиться къ этой группѣ, для того чтобъ узнать, каковы будутъ послѣдствія этого событія. Это желаніе ея, въ которомъ онъ увидѣлъ новое проявленіе слабости, снова пробудило его ненависть къ Симону, которая запылала съ новою силою, и у него явилось одно только желаніе, одна мысль—передать ей частицу того пламени, которое сжигало его. внушить Ревеккѣ хотя бы частицу тѣхъ чувствъ, которыя онъ самъ испытывалъ.

— Ревекка,—сказалъ онъ ей,—я угадываю твою мысль, я понимаю твою скорбь: ты видѣла, какъ онъ сражался, и ты простила его. Я послѣдую за нимъ до его жилища. Мнѣ не трудно будетъ присоединиться къ группѣ тѣхъ людей, которые несутъ его. Я вижу Елисавету въ числѣ женщинъ, стоящихъ на площади. Останься съ нею, а я принесу тебѣ извѣстія о раненомъ.

Ревекка пожала ему руку, какъ бы желая поблагодарить его за этотъ добрый его порывъ; но еслибъ она могла читать въ его сердцѣ, она отшатнулась бы отъ него съ ужасомъ. Женщина въ эту минуту отступила на второй планъ; но, какъ бы покраснѣвъ за свою слабость, она сказала:

— Я не простила, Бенъ-Адиръ, но я чувствую состраданіе къ павшимъ героямъ. Въ смерти ихъ я вижу лишь горе для священнаго города и страшный для него ударъ.

— Быть можетъ, ты желаешь послѣдовать за нимъ? Но въ какомъ отношеніи ты могла бы быть полезна для него? Не твоей рукѣ перевязывать его раны.

Слова эти были произнесены совершенно просто, безъ всякой напыщенности, какъ бы безъ всякой опредѣленной цѣли; но тѣмъ не менѣе они попали прямо въ цѣль; они вонзились отравленной стрѣлой въ сердце Ревекки и розлили въ немъ ядъ. Въ немъ тотчасъ же вспыхнуло яркимъ пламенемъ чувство ревности, поглотившее собою всѣ остальныя ощущенія. Вся обильная жатва удивленія, которую успѣлъ собрать Симонъ въ эту долгую ночь геройскихъ подвиговъ, сразу пошла прахомъ. Въ Ревеккѣ проснулась женщина,

отступившая было на второй планъ передъ патріоткой и героиней.

Въ душѣ молодой дѣвушки совершился крутой переворотъ. Мысли и ощущенія ея сразу приняли совершенно иное направленіе. Глазамъ ея открылось самое ужасное зрѣлище, до слуха ея долеатли самые ужасные вопли. Она ступала по трупамъ, ноги ея скользили въ лужахъ крови, воздухъ вокругъ нея наполненъ былъ стонами раненыхъ и хрипѣніемъ умирающихъ. Но въ душѣ ея не было мѣста ни для чего иного, какъ для послѣднихъ словъ Бенъ-Адира и для чувствъ, которыя они пробудили въ ней.

Только по прошествіи довольно продолжительнаго времени она замѣтила, что Бенъ-Адиръ покинулъ ее и что подлѣ нея была одна только Елисавета. Она была вся запылена и забрызгана кровью; она присуствовала все время въ боѣ и удалилась съ мѣста сраженія только тогда, когда увидѣла Симона павшимъ. Слѣдующій діалогъ, происшедшій между нею и Елисаветой, можетъ дать нѣкоторое понятіе о томъ, какую сильную боль причиняла ей разбереженная ея рана.

— Что̀ за ужасная ночь!—сказала Елисавета. — Какія потери понесъ Іерусалимъ! Пророкъ убитъ!

— Я это знаю,—отвѣтила Ревекка.

— Силасъ, Асмоней, Катласъ ранены.

— Вотъ какъ!

— «Стрѣловъ» раненъ стрѣлою въ руку на вылетъ. Пять сотъ идумеянъ убиты камнями изъ метательныхъ снарядовъ.

— Да, я сама была очевидицей боя, я считала удары ангела-истребителя.

Она говорила сухимъ, холоднымъ, какъ бы ледянымъ голосомъ. Изъ ея пересохшаго горла вылетали лишь краткія, отрывистыя, точно металлическія ноты. Щеки ея покрывала смертельная блѣдность. Она ступала по трупамъ и умирающимъ, сама того не замѣчая, не ощущая ни малѣйшаго волненія. Мысли ея носились подъ сводами храма, ища сопер-

ницу, которую случай черезъ минуту же привелъ ей на глаза.

Она шла, опираясь на руку Елисаветы, молчаливая, мрачная, съ опущенными въ землю взорами, съ лицомъ, на которомъ сказывались утомленіе и овладѣвшее всѣмъ ея существомъ волненіе. Она еле держалась на ногахъ и поминутно спотыкалась.

— Ревекка,—сказала Елисавета, вдругъ останавливаясь, —мы сейчасъ дойдемъ до дома твоего отца. Ты еле держишься на ногахъ отъ слабости, да и я едва хожу. Намъ обѣимъ нужно нѣсколько отдохнуть, прежде чѣмъ вернуться на мѣсто боя. Іерусалимъ еще держится и намъ не слѣдуетъ падать духомъ. Отчаяніе къ добру не поведетъ, а Богъ, очевидно, сражается за насъ.

Говоря это, она не спускала глазъ съ людей, несшихъ Симона, и она замѣтила, что они остановились. На щитъ, на который его положили, бросилась какая-то женщина, испустивъ раздирающій душу крикъ. Она узнала въ ней Эсѳирь, и ей хотѣлось избавить спутницу свою отъ вида ея соперницы.

Ревекка была совершенно уничтожена, и самая воля ея ослабѣла. Она ничего не отвѣтила Елисаветѣ и безпрекословно позволяла ей вести себя, куда той вздумается. Но въ ту минуту, какъ изъ глазъ ея долженъ былъ скрыться, быть можетъ навѣки, человѣкъ, которому принадлежали всѣ ея мысли, все ея существо, она невольнымъ движеніемъ повернула въ его сторону взоры свои, какъ бы желая въ последній разъ увидѣть его и проститься съ нимъ навѣки. При этомъ она увидѣла, какъ несшіе его остановились и какъ какая-то женщина, нагнувшись надъ нимъ, приподняла красный плащъ и смотрѣла на раненаго. До слуха ея донесся крикъ, и она поняла, что крикъ этотъ вырвался изъ груди той женщины.

— Это Эсѳирь,—сказала она про себя и вся задрожала.

— Что это за женщина, Елисавета? — спросила она, вдругъ останавливаясь.

— Не знаю,—отвѣтила та, понявъ, что происходитъ въ сердцѣ Ревекки и не желая еще болѣе отягощать ея горя.

— Зачѣмъ ты желаешь скрывать отъ меня истину?—продолжала молодая дѣвушка.—Неужели ты считаешь меня способной думать о чемъ-либо другомъ, кромѣ Іерусалима, въ эту ужасную минуту? Вѣдь эта женщина, подошедшая къ Симону, наклонившаяся надъ нимъ, испускающая крики отчаянія и любви,—вѣдь это Эсѳирь! Увы! Она имѣетъ право плакать и скорбѣть надъ нимъ! Она перевяжетъ его раны, будетъ радоваться его славѣ. Я знаю это, я знаю также и то, что онъ обѣщалъ любить меня и соединить мою судьбу съ своею. Но теперь я уже не чувствую въ себѣ силы ни любить, ни ненавидѣть. Окружающія насъ кровь и пламя высушили мое сердце и заставили изсякнуть источники моей жизни. Я чувствую такое изнеможеніе, что едва могу проклинать римлянъ. А между тѣмъ ненависть къ нимъ, Елисавета,—это единственное чувство, оставшееся еще въ моемъ сердцѣ и дающее мнѣ силы стоять подлѣ тебя на ногахъ. Идемъ! Веди меня, куда знаешь. Какъ ты счастлива тѣмъ, что сохранила еще всѣ свои силы для ненависти и для мести!

Елисавета ничего не отвѣчала. Она увлекала за собою совершенно ослабѣвшую и изнеможенную Ревекку, стараясь идти такъ скоро, какъ это было возможно при загроможденіи улицъ и при усталости ея спутницы.

Шумъ и суета на улицахъ не прекращались. Елисаветѣ не хотѣлось попасться въ руки непріятелей; кромѣ того она боялась и за Ревекку. Опасность стерегла ихъ на каждомъ шагу; все было возможно въ эту ужасную ночь.

Опасенія ея, къ сожалѣнію, оказались вполнѣ основательными. Въ то самое время, какъ обѣ бѣглянки поворачивали налѣво, въ улицу, которая должна была привести ихъ къ стѣнѣ Манассіи, римская когорта ринулась въ улицу съ противуположнаго конца, преслѣдуя разбитый отрядъ Симона. Впереди ея неслось нѣсколько всадниковъ, прокла-

дывавшихъ ей путь и топтавшихъ копытами лошадей попадавшихся имъ на встрѣчу женщинъ.

Вдругъ камень, брошенный изъ толпы, попалъ въ голову одного изъ всадниковъ, который свалился съ лошади. Тогда остальные всадники окружили женщинъ, захвативъ ихъ точно въ цѣпь, и повели было ихъ въ цитадель Антонія.

— Не давать пощады!—воскликнулъ центуріонъ страшнымъ голосомъ.—Женщины, принимающія участіе въ боѣ,—уже не женщины.

Послѣ того началось ужасное избіеніе. Плѣнницъ собрали въ одной изъ крытыхъ галерей цитадели; здѣсь было до сотни женщинъ, дѣвушекъ и дѣтей. Нѣкоторыя изъ нихъ уже упали, обливаясь кровью, на бѣлыя мраморныя плиты внутренняго двора. Галлъ и Флавій стояли возлѣ Тита, въ сосѣдней галереѣ, насупротивъ храма, откуда они смотрѣли на затихавшій уже бой. Флавій узналъ Елисавету, которая кричала ему изо всѣхъ своихъ силъ:

— Іосифъ Флавій, въ числѣ женщинъ, которыхъ избиваютъ, находится Ревекка, дочь твоего брата, случайно попавшая въ толпу.

Флавій услышалъ этотъ крикъ и прибѣжалъ на мѣсто избіенія вмѣстѣ съ Галломъ.

Ревекка стояла молча, завернувшись въ свой черный плащъ, съ распущенными по плечамъ волосами, съ опущенной на грудь головой, съ лицомъ, на которое опущено было покрывало. Можно было подумать, что она не сознаетъ и понимаетъ того, что̀ происходитъ вокругъ нея. Несомнѣнно одно,—что она съ мрачной радостью ожидала приближенія смерти: Іерусалимъ погибалъ, Симонъ былъ раненъ, быть можетъ даже, онъ уже умеръ, и, наконецъ, онъ принадлежалъ другой. Что же могло еще привязывать ее къ жизни? Мысли ея уносились также и къ ея роднымъ, къ отцу ея. Но домъ ея былъ разрушенъ, а отецъ ея, горячо любившій Іерусалимъ, конечно не переживетъ паденія его. Поэтому она ждала смерти, безмолвная и спокойная. Она среди шума не слышала, какъ Елисавета звала Флавія, и она только что приподняла покрывало свое, чтобы въ по-

слѣдній разъ взглянуть на храмъ, прежде чѣмъ ей нанесенъ будетъ рѣшительный ударъ, какъ вдругъ она увидѣла передъ собою Флавія и Галла.

— Какъ, ты здѣсь, Ревекка?—воскликнулъ онъ.

Видъ Флавія, который такъ неожиданно предсталъ передъ нею въ послѣднія минуты ея жизни, разомъ заставилъ ее прійти въ себя: съ ея плечъ точно свалился саванъ летаргіи и къ ней возвратилась жизнь.

— Отчего я не тамъ, гдѣ ты, Флавій?—спросила она его надменнымъ тономъ.

— Но вѣдь тебѣ угрожаетъ смерть!—воскликнулъ онъ, не отвѣчая на ея вопросъ.

Галлъ нагнулся къ центуріону и что-то сказалъ ему на ухо.

— Ревекка, слѣдуй за Галломъ! — громко произнесъ офицеръ.

— Я не уйду отсюда,—твердымъ голосомъ сказала Ревекка,—пока не кончится бойня. Другія женщины также мало виновны, какъ и я. Если же онѣ преступны, то и я преступна.

Галлъ тотчасъ же приказалъ пощадить всѣхъ тѣхъ, которыя не были еще перебиты.

— Отвести всѣхъ этихъ женщинъ въ мою палатку!—воскликнулъ онъ.

XV.

Магдалина и Эсөирь.

Симонъ, послѣ взятія римлянами первой ограды, покинулъ Сіонскую гору. Около этого времени онъ и женился на Эсөири. Сіонскій холмъ долженъ былъ пасть, если римлянамъ удастся предпріятіе ихъ противъ храма, и потому онъ постарался найти для себя и для молодой супруги своей убѣжище, болѣе отдаленное отъ части города, уже занятой непріятелемъ, и онъ дѣйствительно нашелъ его во дворцѣ Давидовомъ.

Дворецъ Давидовъ, менѣе обширный и менѣе велико-

лѣпный, чѣмъ Иродовъ дворецъ, былъ настолько же цитаделью, насколько и дворцомъ, какъ, впрочемъ, и всѣ жилища богачей въ Іерусалимѣ. Та часть его, которая была обращена къ городу, представляла собою даже нѣчто въ родѣ кордегардіи; но внутренность дворца составляла рѣзкій контрастъ съ его внѣшностью. Тотчасъ же за стѣной его, снабженной зубцами и бойницами, находились большія ворота, называвшіяся «Воротами Пѣсней», которыя вели во внутреннюю ограду, внутри которой, въ обширномъ дворѣ, окруженномъ портиками, возвышалось изъ земли, точно по мановенію волшебнаго жезла, великолѣпное зданіе. Замѣтно было, что въ созданіи его участвовалъ геній Ирода Великаго: къ строгимъ внѣшнимъ формамъ, приданнымъ ему царемъ-пророкомъ, онъ присоединилъ греческое изящество и восточную роскошь. Тамъ и сямъ взорамъ представлялись великолѣпныя купальни, отдѣланныя съ утонченною римскою роскошью, водопроводы изъ бѣлаго мрамора, обсаженные фиговыми и гранатными деревьями, фонтаны, въ которые вода была проведена сквозь подземныя трубы; а сквозь остроконечные своды портиковъ виднѣлись обширные и роскошные сады, устроенные съ большимъ искусствомъ и съ неменьшими издержками. Въ арсеналахъ, въ это время пустыхъ, видны были мѣста, занятыя луками, стрѣлами, метательными снарядами. Стѣна, покрытая стихами изъ псалмовъ царя-пророка и изреченіями его сына, удачно группированными, напоминала объ обязанностяхъ царей, о радостяхъ жизни или о надеждахъ Израиля.

— „И теперь разумѣйте, цари земные! Учитесь вы, судящіе народы! Со страхомъ служите Господу, внимайте Его повелѣніямъ...

„Господь взыщетъ слабыхъ и унизитъ гордыхъ...

„Праведный властелинъ, царь, воспитанный въ страхѣ Божіемъ, встанетъ, подобно утреннему солнцу, и передъ блескомъ его разсѣется туманъ, и изъ смоченной росою земли выростутъ растенія...

„Будемте пить, веселиться, срывать цвѣты нашей юно-

сти и вѣнчать главы наши розами, прежде чѣмъ онѣ завянутъ“.

Всюду, и на бѣлыхъ, мраморныхъ стѣнахъ, и на позолоченныхъ колоннахъ, лежалъ и бросался въ глаза какой-то особый отпечатокъ, какая-то смѣсь религіознаго, воинственнаго и роскошнаго, выражая собою во-очію три великія страсти, наполнявшія душу потомства Іакова и Израиля.

Въ этомъ-то уединенномъ мѣстѣ, полномъ прелести и великихъ воспоминаній, Симонъ поселилъ молодую свою супругу, вмѣстѣ съ ея матерью и ея дядей Зеведеемъ. Почти никому не было извѣстно пребываніе ихъ въ этомъ уединеніи. Имъ прислуживала одна только служанка изъ христіанокъ, они никогда не выходили изъ внутренняго двора, а Ардель, другъ и довѣренное лицо Симона, приносилъ имъ то, что̀ имъ было нужно для поддержанія ихъ существованія.

Въ самой глубинѣ зданія, куда не достигалъ никакой шумъ снаружи, была довольно большая комната, въ которой Магдалина, мать Эсѳири, собственноручно устроила алтарь. Богатый Давидовъ дворецъ въ изобиліи доставилъ обѣимъ христіанкамъ все то, что могло служить къ украшенію ихъ молельни. Алтарь изъ бѣлаго мрамора былъ разукрашенъ драгоцѣнными каменьями. Его окружали съ четырехъ сторонъ четыре занавѣса изъ тирской парчи. Надъ алтаремъ былъ повѣшенъ голубь изъ слоновой кости, съ распростертыми крыльями. Тутъ была одна только картина, но за то поразительной работы: на ней изображенъ былъ Христосъ, котораго обѣ женщины называли Сыномъ Божіимъ.

Магдалина и Эсѳирь проводили въ этой молельнѣ, въ отсутствіе Симона, и дни, и ночи. Здѣсь же онъ навѣщалъ ихъ въ тѣ немногія минуты, въ которыя онъ позволялъ себѣ отрываться отъ заботъ о защитѣ священнаго города. Онъ приносилъ съ собою сюда печальную радость и мимолетныя утѣшенія.

Въ день, предшествовавшій ночному бою, Симонъ покинулъ обѣихъ женщинъ не то что въ унынiи (онъ нарочно старался бодриться), но съ болѣе серьезной улыбкой, чѣмъ обыкновенно, сквозь которую проницательный взоръ любящей

супруги разглядѣлъ мрачныя предчувствія. Поэтому, какъ только онъ ушелъ, мать и дочь бросились на колѣна и принялись молиться. Зеведей былъ вмѣстѣ съ ними и тоже молился. Симонъ умолялъ ихъ не выходить. Онъ предвидѣлъ рѣшительный бой и не желалъ, чтобы среди боя появился пророкъ съ своими зловѣщими предсказаніями.

Тяжелые часы пришлось провести обѣимъ женщинамъ. Молитву ихъ ежеминутно прерывалъ шумъ битвы. Тогда онѣ приподнимались, прислушиваясь къ крикамъ, доносившимся къ нимъ сквозь стѣны зданія. Зеведей, то стоя рядомъ съ ними на колѣнахъ, то выпрямляясь, слѣдилъ за всѣми ихъ движеніями, и по временамъ, точно по какому-то наитію, повторялъ свой зловѣщій возгласъ, удваивавшій ужасъ ихъ.

Около полуночи шумъ нѣсколько утихъ: бой, повидимому, нѣсколько ослабѣлъ. Луна только что взошла и разливала свой слабый свѣтъ между колоннами портиковъ по пустыннымъ внутреннимъ дворамъ зданія. Блѣдные лучи ея проникали даже до темной молельни, обрисовывая на мраморныхъ стѣнахъ и потолкѣ подвижныя тѣни вѣтвей. Въ эту минуту въ молельню вошелъ Ардель, весь покрытый пылью и потомъ.

— Меня послалъ къ вамъ Симонъ-бенъ-Гіора,—сказалъ онъ.—Римляне отступаютъ. Твой супругъ, Эсѳирь, здравъ и невредимъ. Онъ велѣлъ сказать тебѣ, чтобы ты не боялась и не безпокоилась. Богъ сражается за насъ. Я сейчасъ возвращусь къ нему. Вскорѣ ты насъ увидишь.

И, торопливо проговоривъ эти слова, другъ Симона тотчасъ же вышелъ.

На устахъ Магдалины появилась печальная улыбка.

— Увы—проговорила она,—Ардель ошибается. Невозможно бороться противъ слова Божьяго.

— О, матушка!—воскликнула Эсѳирь,—не лишай меня всякой надежды. Ты видишь, мужество евреевъ непобѣдимо. Ничто не въ состояніи сломить и поколебать его,—ни голодъ, ни потоки крови. За насъ борется высшая сила. Богъ, наградивъ меня любовью Симона, обѣщалъ мнѣ счастіе. Неужели же онъ будетъ настолько жестокъ, чтобы, пока-

завъ мнѣ издали оазисъ въ безводной пустынѣ, тотчасъ же лишать меня его въ ту самую минуту, когда онъ позволилъ мнѣ надѣяться, что мнѣ удастся проникнуть въ него? Помнишь-ли ты, матушка, тотъ день, въ которомъ Симонъ въ первый разъ заговорилъ со мною о любви его и о томъ, чтобы соединиться со мною навѣки? Мой братъ лежалъ тогда у насъ раненый и Симонъ пришелъ навѣстить насъ на берегу Генесаретскаго озера. Небо было чисто и ясно, воды озера были прозрачны и тихо плескались о берегъ, а надъ ними носились птицы. Онъ заговорилъ со мною и сердце мое преисполнилось неописанной радости: мнѣ показалось. будто само небо спустилось на землю. Намъ пришлось дожидаться выздоровленія брата, чтобъ исполнить наше обоюдное желаніе. Но вдругъ вспыхнула война и ускорила развязку; то, что началось среди мира, завершилось при шумѣ оружія. Но это лишь временное испытаніе...

— Тебя обманываетъ твое сердце, дитя мое,—прервала ее Магдалина. — Тотъ день, въ который ты встрѣтила Симона, былъ злосчастный день. Ибо Господь сказалъ:—„Настанетъ день, въ который все это будетъ разрушено, и не останется камня на камнѣ“.

— Горе Іерусалиму! Горе храму!—вдругъ воскликнулъ Зеведей.

И въ то же мгновеніе, точно эхо, вторившее голосу пророка, вдругъ снаружи донесся страшный шумъ, нарушившій тишину дворца и проникшій въ самые отдаленные уголки его. Магдалина и Эсѳирь вздрогнули. Вдали виднѣлось красное зарево. Онѣ обѣ въ испугѣ бросились на галлерею. Пламя охватило все видимое пространство и было такъ близко отъ нихъ, что они отступили въ ужасѣ и бросились на колѣна.

— О, Господи,—воскликнула Магдалина,—твои судьбы неисповѣдимы и ничто не можетъ помѣшать имъ свершиться. Ты сказалъ, что во всѣхъ градахъ и весяхъ будетъ скрежетъ зубовный и что народъ будетъ расхаживать по улицамъ и вопить:—„О горе, горе намъ“! И дѣйствительно, грады Іудеи опустошены, и на улицахъ Іерусалима раздаются жалобные вопли. Ему суждено пасть, этому великому городу.

Они заслужили обрушившагося на нихъ наказанія, слѣпцы, не захотѣвшіе послушаться голоса твоего; но не можешь ли Ты, о Господи, сократить ихъ мученія? Не можешь ли Ты, заставляющій гремѣть громъ, создающій тучи и вѣтры, ходящій по вершинамъ горъ, дѣлающій изъ утра вечеръ и изъ вечера утро, — произвести выборъ между жертвами? Жизнь покидаетъ меня, подобно тому, какъ буйный вѣтеръ пустыни наконецъ разрываетъ и сноситъ разбитую въ ней палатку; надъ нитью моей жизни уже занесены ножницы ткача. Зачѣмъ же не отозвать къ себѣ скорѣе меня, чѣмъ того, кого Ты самъ далъ въ супруги моей дочери? Ласточка жалобно щебечетъ, опасаясь за своихъ птенцовъ. Голубка стонетъ подъ вѣтвью смоковницы, опасаясь вдовства и одиночества. Услышь, о Господи, жалобное щебетаніе ласточки, услышь стонъ невинной голубки!

— Господи!—молилась Эсѳирь,—Ты—Богъ битвъ и гнѣвъ твой ужасенъ; но Ты въ то же время и Богъ мира. Заставь же оружіе выпасть изъ рукъ сражающихся; вдунь имъ въ душу божественный пламень милосердія и любви. Души въ рукахъ Твоихъ—то же, что глина въ рукахъ гончара. Пролей лучъ любви Твоей въ сердце того, кого Ты позволилъ мнѣ любить, и пусть жажда мира упадетъ въ его сердце сладкой и чистой росой. Онъ достоинъ Тебя, онъ благороденъ и великодушенъ; онъ любитъ своихъ ближнихъ и сражается за ихъ счастіе. Если онъ сдѣлался оплотомъ и щитомъ храма Іеговы, то онъ сдѣлалъ это потому, что храмъ этотъ заключаетъ въ себѣ вѣчную и незыблемую истину. Я выросла, какъ лилія полевая, подъ сѣнью смоковницы-матери. Я впивала въ себя Твое дыханіе; чистая роса рѣчей своихъ, перешедшая ко мнѣ съ устъ моей матери, смочила корень и стебель мои. Я ежедневно только и думала о томъ, какъ бы творить добро. Сдѣлай такъ, чтобы что-либо изъ моего существа перешло въ существо супруга моего.

Зеведей, во время молитвы обѣихъ женщинъ, стоялъ возлѣ нихъ, съ сложенными на груди руками, съ глазами, устремленными въ землю, неподвижный и молчаливый. Онъ стоялъ посреди молельни; лунный свѣтъ падалъ прямо на

его большую, обнаженную голову, окружая ее точно сіяніемъ. Онъ похожъ былъ на пророка, ожидающаго наитія свыше и молящаго о вдохновеніи. Тотъ, кто могъ бы читать въ душѣ его, дѣйствительно увидѣлъ бы, что онъ всецѣло былъ занятъ мыслью о своемъ призваніи, что онъ самъ себя спрашивалъ, слѣдуетъ-ли ему идти и броситься въ разгаръ сѣчи, или же оставаться подлѣ этихъ двухъ женщинъ, какъ ему было поручено. Онъ былъ глубоко привязанъ къ сестрѣ и къ племянницѣ своей, и ему всегда было трудно разстаться съ ними и причинить имъ огорченіе; но, съ другой стороны, его грызъ какой-то внутренній червь и онъ ежеминутно чувствовалъ потребность повторять свой зловѣщій крикъ. Наконецъ, этотъ внутренній голосъ взялъ верхъ и, воспользовавшись первымъ удобнымъ случаемъ, онъ выбѣжалъ изъ комнаты и направился къ храму, пробѣжавъ пространство, отдѣлявшее его отъ мѣста боя, съ быстротою ворона, котораго привлекаетъ къ себѣ трупный запахъ. Обѣ женщины замѣтили его отсутствіе лишь тогда, когда онѣ услыхали на улицѣ возгласъ, который онъ испустилъ, почувствовавъ себя на свободѣ.

Возгласъ этотъ былъ до того громогласенъ, рѣзокъ и зловѣщъ, что онѣ обѣ вздрогнули, какъ будто надъ самымъ ухомъ ихъ раздался звукъ трубы страшнаго судилища и грохотъ рушащагося міра. Ужасъ ихъ еще болѣе усилился и онѣ обѣ ринулись къ двери молельни.

Страшный шумъ, поднявшійся уже раньше со стороны храма и продолжавшійся уже долгое время лишь съ небольшими промежутками, не прекращался, перемѣшиваясь съ возгласами Зеведея. Но наконецъ послѣдніе слились съ ревомъ битвы, съ адскимъ оркестромъ, каждая нота котораго далеко разносила страхъ и ужасъ. Обѣимъ женщинамъ показалось также, что зарево пожара еще болѣе увеличилось. Дѣло разрушенія подвигалось впередъ. По временамъ шумъ битвы покрывался грохотомъ разрушавшихся зданій.

Мать и дочь стояли, облокотившись на мраморную галлерею; онѣ смотрѣли и слушали. Какъ часто случается при необычайныхъ обстоятельствахъ, мысли ихъ витали далеко:

онѣ носились надъ полемъ сраженія и обнимали его все, точно оно было у нихъ подъ глазами. Онѣ слышали клики сражающихся, стоны, вопли; онѣ могли различить стукъ наносимыхъ ударовъ, удары дротиковъ о мѣдные щиты, трескъ метаемыхъ изъ снарядовъ и ударявшихся о землю камней; онѣ слѣдили также внимательнымъ взоромъ за распространеніемъ пожара. Имъ видно было, какъ пламя ползло, извиваясь, по галлереямъ и портикамъ храма, какъ оно облизывало позолоченные листы крыши, чернило мраморъ колоннъ и распространялось всюду точно громадный змій, выползшій изъ бездны и обвившійся своими ужасными кольцами вокругъ всего священнаго зданія.

Наступило минутное молчаніе, точно временное затишье среди бури. Вдругъ крикъ Зеведея раздался громче и ужаснѣе, чѣмъ когда либо, но затѣмъ онъ разомъ оборвался и его уже больше не было слышно. По членамъ Магдалины и Эсѳири пробѣжала дрожь ужаса. Первая повернулась къ послѣдней съ испуганнымъ видомъ и воскликнула:—Онъ умеръ!

— Кто умеръ?—спросила Эсѳирь, думавшая только о Симонѣ.—Если онъ умеръ, то и мнѣ остается только умереть.

— Зеведей умеръ,—отвѣтила Магдалина. — Наступилъ злосчастный день. Призваніе его совершилось. Его поразила римская стрѣла, а, быть можетъ, и камень, брошенный рукою еврея. Развѣ ты не слышала его пророческій голосъ, покрывавшій собою всѣ другіе голоса? И развѣ ты не замѣтила, какъ онъ вдругъ оборвался, точно онъ замеръ въ его горлѣ? Одна только смерть могла заставить его такъ замолчать.

Эсѳирь встала на колѣна возлѣ своей матери, дрожа всѣмъ тѣломъ и пораженная ужасомъ.

— Нѣтъ, матушка, это погибъ не Зеведей, а Симонъ, и я умру, если мнѣ прійдется остаться здѣсь. Пойдемъ, я желаю узнать его судьбу и свою. Смерть требуетъ смерти, какъ бездна требуетъ бездны.

Газель Эсѳири, первый подарокъ супруга ея, забытая своей хозяйкой въ эту ужасную ночь, но все время внима-

тельно слѣдившая за всѣми ея движеніями, какъ будто она понимала и раздѣляла всѣ ея волненія, улеглась въ это время у ногъ ея и, ласкаясь, положила свою голову на ея грудь. Эсѳирь сначала было потихоньку ее отстранила, но затѣмъ обняла ее руками своими и слезы закапали изъ глазъ ея.

— Ты пойдешь со мною,—сказала она ей;—ты умрешь вмѣстѣ со мною. Все, что̀ я люблю, должно погибнуть сегодня. Я не желаю оставлять послѣ себя ничего изъ того, что̀ онъ любилъ и что я люблю!

Горе и ужасъ ея были безпредѣльны. Она собралась уходить.

— Эсѳирь!—воскликнула ея мать, какъ бы просыпаясь изъ своего забытья,—нѣтъ, ты не уйдешь! Ты не оставишь меня одну въ этомъ пустынномъ дворцѣ! Зачѣмъ тебѣ идти въ это ужасное побоище? Небо произнесло свой приговоръ и только рука Господня можетъ спасти насъ.

Эсѳирь не слушала и старалась освободиться изъ обхватившихъ ее рукъ ея матери.

— Эсѳирь,—повторяла несчастная,—я не могу слѣдовать за тобою и я не желаю, чтобы ты безъ меня подвергалась опасности! Я умру, если ты покинешь меня, и по возвращеніи твоемъ ты найдешь на этихъ мраморныхъ плитахъ только мой трупъ. Обязанность женщины-христіанки заключается въ томъ, чтобы молиться за своего супруга.

— Нѣтъ, матушка, обязанность ея заключается въ томъ, чтобы страдать и умирать вмѣстѣ съ нимъ. Пусти меня.

— Ты не уйдешь! Твоя мать запрещаетъ тебѣ это, а дочь должна слушаться матери.

— Жена должна слушаться своего мужа.

— Но, дочь моя, Симонъ вѣдь самъ привелъ тебя сюда и запретилъ тебѣ подвергаться опасности. Христіанка должна оставаться тамъ, гдѣ велѣлъ ей оставаться господинъ ея.

— Нѣтъ, христіанка должна быть тамъ, гдѣ супругу ея угрожаетъ опасность.

— Несчастная! Ты, значитъ, забываешь предопредѣленіе Неба, осудившаго Іерусалимъ!

— Я желаю встать между Божьимъ гнѣвомъ и Симономъ,

обезоружить первый или обратить его на мою голову, чтобы спасти его.

Неожиданный случай положилъ конецъ этой великодушной борьбѣ между любовью матери и любовью супруги.

Едва Эсѳирь произнесла послѣднія слова, какъ невдалекѣ отъ нея раздался страшный, точно гробовой голосъ, кричавшій:—Чудовища! Возьмите моего ребенка! Ѣшьте остатки его тѣла! Гдѣ вы, палачи, чтобы я могла бросить къ ногамъ вашимъ его окровавленное тѣло!

Магдалина и Эсѳирь въ испугѣ выглянули въ окно. Голосъ приближался, и вскорѣ взорамъ ихъ представилась женщина, съ распущенными волосами, съ разодранной мантіей и съ исцарапанной въ кровь грудью. Она держала въ рукахъ трупъ ребенка и стала взбираться по ведущей во дворецъ лѣстницѣ, причемъ на мраморныхъ ступенькахъ оставались слѣды крови.

— Гдѣ Симонъ-бенъ-Гіора?—кричала она.—Гдѣ Іоаннъ Гишала? Гдѣ эти ужасные изверги, заставляющіе матерей ѣсть своихъ собственныхъ дѣтей? Гдѣ они? Я желаю поднести имъ остатки отъ этого ужаснаго пира!

Она дошла до верхней ступеньки лѣстницы и замѣтила обѣихъ женщинъ.

— Кто вы такія?—обратилась она къ нимъ.—Вы тоже матери? Васъ также заставили ѣсть собственныхъ дѣтей вашихъ?

Магдалина и Эсѳирь оставались безмолвны отъ ужаса и дрожали.

— А, понимаю!—продолжала женщина;—вы не вѣрите мнѣ! Это окровавленное тѣло ничего не говоритъ вамъ! А между тѣмъ это вѣрно. Я—Марія, дочь Элеазара; я пришла въ Іерусалимъ изъ деревни, въ которой я живу, чтобы спастись отъ римлянъ. Ахъ, я безумная! Римляне, по крайней мѣрѣ, не заставляютъ матерей пожирать собственныхъ дѣтей своихъ!

Бѣдная женщина не могла продолжать. Она совершенно обезсилѣла и упала, все еще держа въ рукахъ остатки своего ребенка.

Магдалина встала около нея на колѣна, и спросила ее, христіанка-ли она?

— Да,—отвѣтила она.—Сынъ принесъ себя въ жертву за отца, а мать принесла ради самой себя въ жертву своего сына. Но Богъ проститъ мнѣ, такъ какъ я сама не знала, что творила.

Эсѳирь не могла долѣе выносить этого ужаснаго зрѣлища. Стало уже совершенно свѣтло, а шумъ битвы не прекращался. Замѣтивъ, что вниманіе ея матери отвлечено несчастною женщиной, она выбѣжала изъ галлереи и направилась къ храму. Но пройдя всего нѣсколько шаговъ, она встрѣтила воиновъ, несшихъ на щитѣ Симона.

XVI.

Римъ.

Взятіе Іерусалима было для римлянъ радостнымъ событіемъ и они отпраздновали его рядомъ торжествъ.

Прежде всего устроено было торжественное шествіе отъ Капуанскихъ воротъ къ Капитолію, затѣмъ послѣдовала публичная казнь на форумѣ захваченныхъ въ плѣнъ предводителей евреевъ, и наконецъ торжество заключилось празднествами на улицахъ и во дворцахъ.

Ревекка присутствовала лишь при кровавомъ актѣ этой трилогіи. Она упросила Галла, и при содѣйствіи его добилась того, чтобы Симонъ, котораго предполагалось отдать на съѣденіе дикимъ звѣрямъ въ циркѣ, былъ казненъ на форумѣ, и притомъ рукою Бенъ-Адира, который сдѣлался такимъ образомъ орудіемъ ея мести.

Послѣ прибытія своего въ Римъ, куда она пріѣхала вмѣстѣ съ отцомъ своимъ, царемъ Изейскимъ, помилованнымъ по просьбѣ Береники, они жила во дворцѣ, который Веспасіанъ отвелъ для царевны, и изъ котораго были видны форумъ и прилегающія къ нему улицы. Такимъ образомъ она занимала, такъ сказать, лучшее мѣсто, съ котораго она могла видѣть, сама не будучи замѣчаема, развязку пьесы, въ которой она играла такую видную роль.

Молодая дѣвушка одѣлась въ этотъ день точно такъ же, какъ въ тотъ день, въ который она призналась Симону въ любви своей, близъ Макеронскаго цѣлебнаго источника. На ней надѣто было бѣлое платье, подпоясанное кушакомъ изъ тирскаго пурпура; голубыя сандаліи лишь на половину прикрывали ноги ея, которыя были бѣлѣе Хермонскаго снѣга. Съ черныхъ, какъ смоль, волосъ ея спускалось дѣвическое покрывало, а на голову она надѣла вѣнокъ изъ розъ Пестума. Этотъ нарядный уборъ составлялъ рѣзкій контрастъ съ блѣдностью ея щекъ и ея губъ и съ мрачнымъ блескомъ ея глазъ, которые горѣли какимъ-то лихорадочнымъ огнемъ.

Она стояла, облокотившись на мраморныя перила галлереи, выходившей на форумъ. Взоры ея переходили отъ дворца Цезарей къ крышѣ священнаго храма Весты, къ развалинамъ Капиталія, недавно истребленнаго тѣмъ пожаромъ, который такъ подробно описанъ у Тацита, на шумныя волны толпы, бушевавшей вокругъ. По временамъ взоръ ея останавливался на возвышавшейся посреди форума четырехъугольной эстрадѣ, на которой устроены были зловѣщія приспособленія, и при этомъ невольная дрожь пробѣгала по всѣмъ ея членамъ, точно такъ же, какъ внезапный порывъ вѣтра пробѣгаетъ по деревьямъ, покрывающимъ собою склоны Масличной горы, близъ Іерусалима.

Береника только что прибыла на галлерею и усѣлась возлѣ нея.

— Я очень довольна тобою, милая моя Ревекка,—сказала она ей:—я только что видѣла Галла, сообщившаго мнѣ пріятную вѣсть. Онъ говоритъ, что у Веспасіана есть особый планъ относительно Іерусалима и что онъ разсчитываетъ на него и на тебя для осуществленія его. Пока онъ назначилъ его правителемъ Іудеи, а тамъ—посмотримъ.

Въ ознаменованіе побѣды было выбито значительное количество медалей, на которыхъ изображена была Іудея, сидящею подъ пальмой и плачущей. Медали эти пригоршнями разбрасывали въ толпу. Одна изъ нихъ упала на галлерею. Дина, служанка Ревекки, подняла ее и подала ее Береникѣ,

которая, въ свою очередь, показала ее Ревеккѣ. На глазахъ обѣихъ женщинъ выступили слезы.

Береника, не смотря на тѣсныя узы, связывавшія ее съ Римомъ, вполнѣ одобряла, однако, любовь Ревекки къ Іерусалиму, тѣмъ болѣе, что она находила слѣды этого чувства въ самой себѣ, рядомъ съ обожаніемъ своимъ Тита и съ волновавшими ее честолюбивыми замыслами. Она прежде желала подчиненія Іудеи римлянамъ, оставаясь въ этомъ отношеніи вѣрною политикѣ своего семейства, обязанной этому подчиненію своимъ величіемъ и своими богатствами; но никогда она не опасалась, а тѣмъ менѣе желала окончательнаго разрушенія Іерусалима и она считала вполнѣ возможнымъ будущее возрожденіе его.

Въ галлереѣ, въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, царило глубокое молчаніе. Береника, закутавшись въ свою алую мантію, казалась задумчивой и искала предлогъ къ тому, чтобы нарушить молчаніе.

— Любезная Ревекка,—сказала она вдругъ,—меня давно безпокоитъ одна мысль, отъ которой я желала бы отдѣлаться. Я слышала, теперь уже не помню отъ кого, что любовь къ Іерусалиму была не единственною любовью, наполнявшей твое сердце, и...

Ревекка вздрогнула и поспѣшила прервать царевну.

— То, что ты слышала, Береника, отчасти вѣрно,— сказала она;—я любила защитника Іерусалима, но теперь уже не люблю его. Я желала бы высказать тебѣ всю правду относительно этого предмета. Мѣсто и время, быть можетъ, выбраны не совсѣмъ дурно для того, чтобы сказать, какимъ образомъ умерла любовь къ тому, который умретъ сейчасъ на нашихъ глазахъ.—Ты помнишь, какимъ образомъ я была перенесена въ твой загородный дворецъ послѣ ожесточенной борьбы, предшествовавшей разрушенію храма, а также и то, что я послѣ этого долгое время лежала больною. Когда я нѣсколько оправилась,—а я оправлялась весьма медленно,— я, лежа на моей постели или растянувшись въ моей комнатѣ на коврѣ, предавалась моему горю, ибо Іерусалимъ перестал уже существовать. Иногда также, поднявшись на

верхнюю галлерею павильона, я смотрѣла отуманенными слезою взорами на пламя, поднимавшееся изъ развалинъ и терявшееся въ облакахъ. Въ эти минуты все исчезало изъ моей памяти. Я почти вовсѣмъ не вспоминала о Симонѣ-бенъ-Гіорѣ, въ полной увѣренности, что онъ погибъ подъ развалинами храма, и съ твердой рѣшимостью всегда соединять память о немъ съ воспоминаніемъ о той катастрофѣ, которой онъ не въ состояніи былъ предотвратить.

Однажды я вышла погулять за ограду твоихъ садовъ. Силы уже почти вполнѣ возвратились ко мнѣ. На берегу Мертваго моря, въ томъ мѣстѣ, гдѣ Кедронскій потокъ впадаетъ въ озеро, раскинулась, какъ тебѣ извѣстно, песчаная и каменистая равнина, покрытая кустами алоэ и индѣйской смоковницы; изъ земли, тамъ и сямъ, торчатъ глыбы чернаго или красного гранита, а земля кругомъ потрескалась; низкорослые, сухіе кипарисы пустили корни въ эту сѣрую, безплодную почву. Я нарочно отправилась на это мѣсто, потому что общій видъ его вполнѣ соотвѣтствовалъ состоянію души моей.

Солнце только что взошло. Я сидѣла на обломкѣ гранита; подлѣ меня были Дина и Азель, собака Бенъ-Адира. Дулъ довольно сильный западный вѣтеръ, приносившій такія удушливыя испаренія, что можно было подумать, будто всѣ міазмы озера поднялись изъ глубины его на поверхность. Азель, широко раздувъ ноздри, нюхалъ. Я узнала трупный запахъ и заплакала. Вдругъ я увидѣла передъ собою Бенъ-Адира. Я послала его въ бой вмѣсто себя, приказавъ ему въ то же время возвратиться ко мнѣ и разсказать мнѣ то, что онъ увидитъ, если онъ останется живъ.

— Я опасалась, что уже не увижу тебя болѣе,—сказала я ему;—ангелъ-истребитель скосилъ стольких людей вокругъ насъ.

— Да, онъ собралъ обильную жатву, и запахъ навязанныхъ имъ сноповъ долетаетъ сюда на крыльяхъ вѣтра. Если онъ пощадилъ меня, слугу твоего, то, безъ сомнѣнія, онъ сдѣлалъ это для того, чтобы я могъ по прежнему служить твоимъ планамъ, Ревекка.

Я желала бы перенестись на поле смерти, занять мѣсто среди павшихъ вождей и также сдѣлаться добычей вороновъ; но я не въ состояніи была даже подняться съ мѣста и передвигать ноги.

Бенѣ-Адиръ разсказалъ мнѣ о судьбѣ защитниковъ Іерусалима, изъ которыхъ большая часть была перебита, за исключеніемъ Бенъ-Гіоры. Узнавъ, что онъ живъ, я почувствовала, какъ дрожь пробѣжала по всѣмъ моимъ членамъ.

Онъ разсказалъ мнѣ во всей подробности о смерти друзей нашихъ—Катласа, Асмонея, Арделія, Силаса. Особенно сильное впечатлѣніе произвелъ на меня разсказъ о смерти Катласа. Онъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ, вмѣстѣ съ немногими изъ друзей своихъ, двумя римскими когортами, и солдаты, раздраженные его продолжительнымъ сопротивленіемъ, собирались изрубить его. Но какъ разъ въ это время мимо того мѣста проходилъ Галлъ. Онъ почувствовалъ удивленіе къ мужеству нашихъ друзей и жалость къ судьбѣ ихъ, и хотѣлъ было спасти ихъ. Галлу вообще не чуждо чувство великодушія. Онъ сталъ совѣтывать имъ покориться и сказалъ, обращаясь къ Катласу:

— Назови Веспасіана господиномъ своимъ, — и жизнь твоя будетъ пощажена.

— Мы признаемъ господиномъ своимъ одного только Бога,—отвѣтилъ Катласъ.—Пользуйся своимъ правомъ побѣдителя. Я же не намѣренъ покупать себѣ жизнь цѣною кощунства.

Такой же отвѣтъ дали и товарищи Катласа. Солдаты собирались ринуться на нихъ, но Галлъ остановилъ ихъ.

— Товарищи,—сказалъ онъ,—вы сами люди храбрые, и поэтому вы должны умѣть цѣнить храбрость. Пощадите этихъ людей ради ихъ храбрости и преданности своей вѣрѣ. Уже достаточно пролито крови.

Солдаты послушались его; но когда онъ удалился, центуріонъ снова подошелъ къ плѣнникамъ, приглашая ихъ изъявить покорность Веспасіану. Катласъ опять на-отрѣзъ отказался отъ этого. Возлѣ того мѣста, гдѣ все это происходило, была навалена груда кедровыхъ бревенъ и столбовъ.

Центуріонъ велѣлъ подвести Катласа въ этой грудѣ, поджечь бревна и сунуть ноги его въ огонь.

— Покорись Веспасіану, — сказалъ онъ ему, — или я велю сжарить тебя на медленномъ огнѣ.

— Я знаю только одного господина, — отвѣтилъ Катласъ,—и господинъ этотъ—не Веспасіанъ.

Возлѣ Катласа былъ сынъ его. Центуріонъ схватилъ ребенка и самъ поставилъ его на горящія бревна, рядомъ съ отцомъ его.

— Ну что же,—спросилъ онъ,—ты такъ же упрямъ, какъ и тотъ? И ты отказываешься поклониться Веспасіану?

— Да, отказываюсь,—отвѣтилъ ребенокъ *.

И затѣмъ Бенъ-Адиръ разсказалъ, какъ, въ виду этого зрѣлища, Симонъ изъявилъ покорность.

— Тутъ я воскликнула,—продолжала Ревекка:—Какъ! Всѣ друзья его умерли, а главный начальникъ остался живъ! Онъ, чья голова увѣнчана лаврами, въ чьемъ краснорѣчіи и мужествѣ Израиль видѣлъ спасеніе свое,—онъ живъ, онъ не убоялся того позора, что его повлекутъ за колесницей побѣдителя! Какимъ образомъ онъ могъ пасть такъ низко!

Но Бенъ-Адиръ объяснилъ мнѣ это.—Неужели тебѣ неизвѣстна,—спросилъ онъ меня,—власть женщины надъ человѣческимъ сердцемъ? Мнѣ какъ-то случилось прочесть на стѣнкѣ большаго Соломонова бассейна слѣдующія, вырѣзанныя на ней, слова:—„Женщина—горше смерти; она—силокъ охотника; сердце ея—петля, руки ея—цѣпи“ **. Бенъ-Гіора нашелъ женщину съ медовыми устами, кажущуюся мягче елея, и о которой Соломонъ сказалъ, что „ноги того неосторожнаго человѣка, который послѣдуетъ за нею, приведутъ его прямо къ вратамъ смерти“ ***.

Бенъ-Адиръ передалъ мнѣ затѣмъ, какъ, уступая настояніямъ Эсѳири, Симонъ согласился изъявить покорность Веспасіану. При этомъ его разсказѣ что-то какъ будто пор-

---

* Флавій, кн. VII, гл. 36.

** Изреченія Соломоновы.

*** Тамъ же.

валось въ моемъ сердцѣ. Но вскорѣ въ головѣ моей точно просвѣтлѣло: я поняла, что любила въ Симонѣ лишь борца за Іерусалимъ. Вмѣстѣ съ паденіемъ героя исчезла и любовь моя къ нему, и прежнее мое благоговѣніе передъ нимъ смѣнилось ненавистью, смертельною ненавистью, которая достаточно объясняетъ тебѣ, почему я присутствую при этомъ зрѣлищѣ и почему я отдаю руку свою Галлу.

Въ это самое время по воздуху пронеслись громкіе клики толпы, собравшейся на форумѣ.

Береника и Ревекка вздрогнули. У послѣдней помутилось въ глазахъ и въ теченіе нѣсколькихъ минутъ она не могла отдать себѣ никакого яснаго отчета въ томъ, что происходитъ вокругъ нея. Когда она пришла въ себя, она увидѣла на эстрадѣ, воздвигнутой на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ обыкновенное время стояла ораторская трибуна, посреди копій ликторовъ, какого-то человѣка въ черномъ плащѣ, стоявшаго съ скрученными назадъ руками и съ обнаженной головой.

Въ то же время одинъ изъ ликторовъ взялъ топоръ и наклонился къ связанному плѣннику, будто бы желая что-то сказать ему на ухо.

Плѣнный этотъ былъ — Симонъ-бенъ-Гіора; ликторъ былъ—бенъ-Адиръ.

Береника отвернулась отъ этого зрѣлища; но Ревекка, напротивъ, устремила на лобное мѣсто жадные взоры и какъ будто наслаждалась представлявшимся глазамъ ея зрѣлищемъ.

— Знаешь-ли,—спросила она царевну въ то самое мгновеніе, когда Бенъ-Адиръ наклонился къ Симону,—что палачъ говоритъ своей жертвѣ?

— Нѣтъ, не знаю,—отвѣтила Береника слабымъ голосомъ, страшно поблѣднѣвъ.

— Онъ говоритъ ему:—Симонъ-бенъ-Гіора, взгляни на меня: я Бенъ-Адиръ, слуга и другъ Ревекки, дочери Изея, и я здѣсь для исполненія ея воли.“

— И только?—спросила Береника.

— Нѣтъ, вотъ что онъ еще говоритъ:—Ревекка поручила мнѣ сказать тебѣ въ послѣднюю минуту твоей жизни

слѣдующее: Это я, Симонъ, я, Ревекка, твоя Мохеронская невѣста, наношу тебѣ ударъ рукою моего служителя. И не думай, чтобы я наносила тебѣ этотъ ударъ потому, что ты измѣнилъ мнѣ. Я, которая могла бы спасти тебя, какъ я спасла отца моего,—я наношу его тебѣ за то, что ты позорнымъ образомъ изъявилъ покорность, вмѣсто того, чтобъ умереть такъ, какъ умерли Катласъ и другіе друзья твои.—

Въ это самое мгновеніе Бенъ-Адиръ выпрямился, нагнулъ голову Симона и отрубилъ ее однимъ ударомъ сѣкиры.

Толпа разразилась громкими кликами и рукоплесканіями. Ревекка же твердо, спокойно и безстрастно обернулась къ Береникѣ и сказала, указывая на находящуюся въ рукѣ ея вычеканенную по поводу побѣды надъ Іудеей медаль:

— То, что вычеканено здѣсь, изображаетъ состояніе моей души: это я сижу подъ пальмой пустыни и оплакиваю Іерусалимъ. Я подала надежды Галлу, а для тѣхъ, кто любитъ, надежды превращаются въ увѣренность. Намъ также даны надежды—и я ихъ считаю несомнѣнными. Вѣдь я тебѣ раньше говорила, Береника: у меня только одна истинная страсть—любовь къ Іерусалиму и къ его храму. И тотъ, и другой разрушены. Въ сердцѣ моемъ пустота, и потому я съ жадностью ухватываюсь за надежды, которыя влагаются въ него. Выходя замужъ за Галла, я руководствуюсь надеждой на возрожденіе Іерусалима.

Конецъ.

Графиня Марія Ратацци.

О МИѲОЛОГІИ У ЕВРЕЕВЪ *.

VII.

Борьба двухъ началъ сказывается въ еврейскихъ миѳахъ, какъ и въ миѳахъ другихъ народовъ арійскаго и не-арійскаго племенъ. День и ночь, лѣто и зима, жизнь и смерть олицетворяется въ видѣ двухъ враждующихъ братьевъ (или соперниковъ, иногда отца и сына). Скандинавскіе Бальдръ и Гедуръ, сѣверно-германскіе Одинъ и Уллеръ, греческіе Зевесъ и Плутонъ, египетскіе Озирисъ и Тифонъ—вотъ примѣры изъ громаднаго количества образовъ, выражающихъ все одну и ту же идею. То же самое мы видимъ у евреевъ; та же идея выражается и въ борьбѣ Каина и Авеля, та же идея и въ соперничествѣ Есава и Якова; позже та же идея лежитъ въ основаніи сказаній о Ефраимѣ и Менаше, Амнона и Авесалома. Въ большинствѣ случаевъ младшій представляетъ свѣтъ, лѣто, жизнь; старшій—тьму, зиму, смерть. Но торжествуетъ свѣтъ. Если Авель погибаетъ отъ руки Каина, то, однако, Каинъ изгоняется. Поводомъ къ соперничеству, причиной ссоры, вражды между двумя братьями, между соперниками, служитъ земля; а если иногда женщина, то это потому, что женщина олицетворяла землю (мать сыра-земля), какъ кормилица рода человѣческаго. Образы борьбы понятны: то лѣто, то зима *овладѣваютъ* землею (нисходятъ на землю); никто не хочетъ уступить власти надъ нею.

Сынъ Каина—*Ханокъ* (Енохъ) имѣетъ чисто-миѳологическое значеніе, и сказаніе о немъ выражаетъ тѣ же воззрѣнія, какія

* См. «Восходъ» 1884, кн. III.

имѣлъ народъ на благотворныя дѣйствія солнца. И со стороны формы, и со стороны значенія нѣтъ препятствій для сближенія его съ солнцемъ. Въ звуковомъ отношеніи слово это входитъ въ рядъ словъ, означающихъ *открывателя*; а выше мы видѣли, что этимъ словомъ обозначаетъ языкъ солнце; со стороны содержанія слѣдуетъ отмѣтить тотъ фактъ, что Ханокъ ставится въ связь съ построеніемъ городовъ, съ устроителемъ, и живетъ 365 дней, а затѣмъ онъ не умираетъ, а уходитъ въ небо. «Ибо взялъ его въ небо Элогимъ». Совпаденіе числа дней жизни съ числомъ дней солнечнаго года очевидно не случайность, если принять въ соображеніе дѣятельность Ханока, какъ строителя городовъ, во-первыхъ, а во вторыхъ, и то, что онъ возносится на небо, живымъ, чтобы снова явиться на землю.

Сказанія о вознесеніи на небо Ханока не стоитъ одиноко у еврейскаго народа. Подобныя сказанія встрѣчаются и у грековъ и у римлянъ. У первыхъ это преданіе сохранилось относительно Гераклія, также устроителя городовъ; у вторыхъ—относительно основателя латинскаго города—Ромула. Вознесеніе приписывается и нѣкоторымъ историческимъ личностямъ; то же преданіе пріурочивается и къ Ильѣ пророку, ѣдущему въ огненной колесницѣ и пр.

По другой версіи Ханокъ называется сыномъ Іереда; но эти позднѣйшія передѣлки миѳологическаго разсказа легко можно объяснить тѣмъ народнымъ чувствомъ, которое протестовало противъ необходимости производить родъ человѣческій отъ потомковъ Каина, этого братоубійцы, надъ которымъ тяготитъ преступленіе и проклятье Господне. Не смотря, однако, на это обстоятельство, есть преданіе, по которому Ханокъ, какъ потомокъ Шета, а не Каина, ставится въ связь съ нѣкоимъ «*Кенанъ*». Нельзя не видѣть въ этомъ названіи слово, представляющее видоизмѣненіе формы слова Каина. Въ древнихъ извѣстіяхъ встрѣчаемъ два ряда именъ, изъ коихъ каждый претендуетъ на генеалогическое значеніе. Трудно опредѣлить къ какому времени относятся эти данныя.

По одному тексту (Элогимъ): Адамъ, Шетъ, Еносъ, Кенанъ, Магалалеелъ, Іаредъ, Енохъ, Метусалахъ, Ламехъ.

По другому тексту (Iегова): Адамъ, Каинъ, Енохъ, Ирадъ, Магуяель, Метгусаель, Ламехъ.

Выдѣляя изъ двухъ приведенныхъ рядовъ *Шета, Еноса* и *Адама* («человѣкъ» по позднѣйшимъ сказаніямъ) то останется въ сущности шесть именъ почти тождественныхъ, а именно: Кенанъ-Каинъ Магалеель-Магуяель, Iаредъ-Ирадъ, Енохъ, Метгусалахъ-Метгусаель, Ламехъ.

Отмѣтивши этотъ фактъ—продолжаю прерванное.

Выдающимся миѳологическимъ образомъ является далѣе потомокъ Каина—*Лемехъ*. Какъ ни теменъ разсказъ, въ которомъ онъ сообщаетъ данныя изъ своей многострадальной жизни, полной тревоги, волненій, ясно одно, что онъ скорбитъ и мучится вслѣдствіе совершеннаго имъ злодѣянія: онъ убилъ своего сына. Этотъ разсказъ обставленъ такого рода подробностями, которыя могутъ привести къ заключенію, что въ основаніи лежитъ миѳологическое воззрѣніе смѣны дня и ночи.

Преданіе знаетъ одного потомка Лемеха Jabhal'a. Въ предъидущей статьѣ мы видѣли, что онъ представляетъ собою образъ ночнаго, звѣзднаго неба; въ разсказѣ Лемеха, слѣдовательно, нужно видѣть варіантъ того-же основнаго мотива. Если позднѣйшія преданія говорятъ о Тубалкаинѣ и Jabhal'ѣ, то, очевидно, мы встрѣчаемся и въ этомъ случаѣ съ тѣмъ же преданіемъ, которое существуетъ о Каинѣ и Авелѣ. Нельзя при этомъ не обратить вниманія и на то обстоятельство, что мать Тубалкаина носитъ названіе «Силла», а слово это означаетъ: осѣняющая, прикрывающая, ночь; — такимъ образомъ незначительная подробность въ разсказѣ дополняетъ смыслъ предъидущаго. Миѳологія весьма часто называетъ день, солнце, сыномъ ночи.

Въ нѣкоторыхъ варіантахъ Лемехъ вступаетъ въ борьбу съ какимъ-то человѣкомъ; имя его противника не называется, но угадать его нетрудно. Лемехъ изображается могучимъ героемъ, съ каждою изъ враждебныхъ силъ онъ хочетъ сразиться 10 разъ.

Позднѣйшіе разсказы изъ эпохи уже осѣдлой жизни еврейскаго народа говорятъ о гаремѣ Еноховомъ. Очевидно Еноха успѣли уже низвести до титановъ земныхъ и ему придаютъ значеніе, согласное съ характеромъ восточной жизни.

Въ сынѣ Лемеха, Ноѣ, нужно видѣть представителя уже поры осѣдлой, когда культура приводитъ къ потребности устроенія экономическаго; по крайней мѣрѣ, въ пользу такого воззрѣнія на него говорятъ весьма характерныя черты этого героя. Но при всемъ томъ и въ Ноѣ сохранилась черта чисто миѳологическаго свойства, черта, которая замѣчается у народа арійскаго. Въ разсказѣ о Ноѣ повѣствуется, между прочимъ, что онъ раздѣлся до-нага. Само по себѣ лишенное всякаго значенія, это мѣсто получаетъ опредѣленный и ясный смыслъ, если, во-первыхъ, вспомнить, что этимологическое значеніе слова Ной — «покоющійся» (ночь), а во-вторыхъ, если сопоставить его съ однороднымъ мѣстомъ въ гимнахъ Ригведы объ утренней Зарѣ— Uschas; замѣтно только одно различіе, несущественное; мы встрѣчаемъ тамъ женскій образъ:

Du zeigst dich, Liebliche und leuchtest weithin
Enthüllend deine Brust, o Göttin, strahlst du и т. д.

Смѣну дня и ночи можно усмотрѣть въ этой чертѣ тѣмъ болѣе, что жилище Ноя Араратъ, высокая гора, изъ-за которой солнце восходитъ.

Читателю могло бы показаться такое объясненіе одной черты Ноевой исторіи слишкомъ большою натяжкою, искусственнымъ сопоставленіемъ разнороднѣйшихъ элементовъ; предвидится возраженіе со стороны того, кто не забылъ, что Ной называется вводителемъ винодѣлія, и какъ таковому, можно думать, было вполнѣ естественно приписать черту пьянаго человѣка. Если примѣнить связь представленія вина и пьянства, то тѣмъ проще подобное объясненіе; но рядомъ съ этимъ фактомъ стоитъ другой, дополняющій смыслъ сказанія о Ноѣ въ обозначенномъ нами направленіи.

Въ Агадѣ сохранилось преданіе, что Хамъ оскопилъ отца. Въ миѳологіи арійскихъ народовъ слово «оскопленіе» служитъ выраженіемъ, обозначающимъ ослабленіе силы солнечныхъ лучей, захожденіе солнца. Кроносъ оскопляетъ Урана, какъ Тифонъ оскопляетъ Зевеса, и тотъ и другой образъ выражаютъ смѣну дня и ночи въ видѣ борьбы двухъ противниковъ.

VIII.

Въ ряду библейскихъ сказаній, кромѣ названныхъ, есть такія, которые представляютъ собою видоизмѣненіе первоначальныхъ образовъ, выражающихъ воззрѣнія на ночное небо. Къ миѳологическимъ образамъ, имѣющимъ отношеніе къ звѣздному небу, слѣдуетъ прежде всего отмѣтить выдающійся миѳъ о Яковѣ.

Яковъ переживаетъ трудную борьбу на жизненномъ своемъ пути. Ему приходится выдержать крайнюю нелюбовь со стороны отца своего, этого «смѣющагося солнечнаго неба»; его преслѣдуетъ также ненависть враждебно настроеннаго къ нему брата Исава; а результатомъ преслѣдованія бѣгство несчастнаго. Мѣстомъ убѣжища служитъ ему домъ Лабана—по этимологическому значенію «бѣлый»; но и здѣсь Якову приходится перенести много трудовъ, преодолѣть сильныя препятствія, бороться съ условіями жизни.—Столкновеніе съ Исавомъ и Лабаномъ не лишено миѳологическаго содержанія, и главнымъ образомъ по той причинѣ, что и Исавъ и Лабанъ представляютъ собою солнечные образы; миѳологическихъ чертъ и въ одномъ и въ другомъ множество.

«Яковъ ухватился за ногу (пятку) Исава, когда изъ чрева матери выходитъ послѣдній»—образное выраженіе миѳологическаго языка, обозначающее «наступленіе» ночи вслѣдъ за днемъ. Такое же выраженіе встрѣчается и въ арабской поэзіи позднѣйшаго времени, вѣроятно въ видѣ остатка миѳологическаго же воззрѣнія смѣны дня ночью. Арабскій поэтъ говоритъ о восходящемъ днѣ: «блестящій (заря) простираетъ десницу къ покрывающему» (ночи). Подобныя же выраженія, только въ обратномъ смыслѣ, встрѣчаются и у другихъ поэтовъ.

Далѣе преданіе разсказываетъ, что Исавъ предавался охотѣ, что Яковъ любилъ пасти стада. Яковъ называется сидящимъ въ шатрахъ. Въ миѳологіи многихъ народностей и солнце представляется охотникомъ, стрѣлкомъ. Солнце разсыпаетъ стрѣлы, т. е. бросаетъ лучи свои, и ими сражается съ тьмою, съ вѣтрами, съ облаками. Стрѣлы эти всегда золотыя, что соотвѣтствуетъ цвѣту лучей солнечныхъ; у Аполлона, напр., стрѣлы золоченые.

Въ языкахъ индо-европейскихъ стрѣла и лучъ солнца выражается даже однимъ и тѣмъ же словомъ (нѣмецкое *Strahl* и славянское *стрѣла*). Какъ восходъ солнца обозначается въ языкѣ выраженіемъ «солнце разсыпаетъ стрѣлы»; такъ же точно для захожденія солнца находится въ языкѣ соотвѣтствующее выраженіе «солнце не можетъ напрягать лука». Гераклій, миѳологическій образъ солнца, предвидитъ свою кончину, какъ разъ въ то время, когда онъ оказывается уже безсильнымъ напрячь лукъ свой, и наоборотъ, Одиссей, греческій герой, съ миѳологическими чертами солнца, послѣ продолжительной зимы, снова принимается за стрѣлы, какъ только наступаетъ весна. У народовъ семитическаго племени живутъ тѣ-же представленія. Имя солнечнаго бога, напр., Ваал'а *Нуиру*—слово, обозначающее охотника.

Въ виду отмѣченныхъ только что фактовъ, будетъ понятенъ миѳологическій образъ, облекающій воззрѣнія и еврейскаго народа на смѣну дня и ночи; Яковъ ведетъ борьбу противъ Исава-охотника — значитъ на миѳологическомъ языкѣ: ночь или облачное небо борется съ солнцемъ, направляющимъ противъ нихъ свои стрѣлы.

Далѣе преданіе говоритъ, что Исавъ весь обросъ волосами; Яковъ-же—безволосый, гладкій. Исавъ по рожденію красноватый; сверхъ того, онъ уже родился мохнатымъ. Въ связи съ указаннымъ выше, эти черты получаютъ также опредѣленное значеніе. Нужно принять въ соображеніе, что солнце весьма часто изображается длинноволосымъ существомъ, такъ какъ и лучи солнца принимаются за волосы. Геліосъ—богъ солнца, у грековъ называется «желтоволосымъ». Если въ однихъ случаяхъ солнечное божество представляется съ бородою, въ другихъ—безъ бороды, то въ этомъ нельзя не видѣть двухъ моментовъ жизни солнца: вечерняго его состоянія и состоянія утренняго; вечеромъ солнце имѣетъ «лицо» гладкое, утромъ—оно съ бородою. У еврейскаго народа существуетъ преданіе, по которому Самсону обрѣзываютъ его длинные волосы именно въ тотъ моментъ дня, когда солнце заходитъ и уступаетъ свое мѣсто темнотѣ, или въ то время года, когда лѣтнее солнце смѣняется слабыми лучами зимняго солнца. Въ волосахъ заключается вся

сила Самсона; обрѣзываетъ ихъ коварная Делила, означающая собственно «томную», слабую».—Вполнѣ аналогичныя преданія мы встрѣчаемъ у грековъ: Аполлонъ имѣетъ эпитетъ χρυσοκόμας (съ золотыми волосами), и когда свѣтитъ солнце, Аполлонъ называется «необстриженный; а съ другой стороны, Миносъ побѣждаетъ Низоса только вслѣдствіе того, что послѣдній лишается золотаго волоса. Въ германскихъ сказаніяхъ аналогія съ Самсономъ еще поразительнѣе, когда Локи, при помощи хитрости, обстригъ Сифѣ (образъ солнца) всѣ волосы, Торъ заставилъ его добыть золотые волосы и приставить къ Сифѣ; волосы снова выросли.

Приведенныхъ фактовъ достаточно, чтобы обнаружить миѳологическій характеръ Исава, какъ образа солнца.

Что касается Якова, то весьма интересная для нашего вопроса черта представляется главнымъ образомъ въ разсказѣ, по которому на него нападаетъ какой-то человѣкъ и борется съ нимъ до самой зари. Когда противникъ видитъ, что не въ силахъ онъ одолѣть Якова, онъ наноситъ ему ударъ въ бедро, отчего Яковъ захромалъ, и проситъ затѣмъ отпустить, такъ какъ заря восходитъ. Въ этомъ разсказѣ нельзя не видѣть борьбы дня и ночи. Въ миѳологіяхъ древнихъ народовъ, ночь изображается хромоногимъ, какъ, напр., у грековъ, Гермесъ, быть можетъ въ противоположность «быстро идущему солнцу». (Если по одному пересказу Агады «Самсонъ», солнечный герой, хромалъ на обѣ ноги, и это повидимому составляетъ противорѣчіе съ вышеозначеннымъ толкованіемъ, то на самомъ дѣлѣ это объясняется тѣмъ, что Агада слѣдовала принципамъ герменевтики, вслѣдствіе которыхъ произошло смѣшеніе именъ). При борьбѣ неизвѣстнаго человѣка съ Яковомъ, обращаетъ на себя вниманіе еще то обстоятельство, что борьба происходитъ въ долинѣ, не на высотѣ, не днемъ, а именно ночью.

Аналогичную борьбу мы встрѣчаемъ въ миѳологіи грековъ между Зевсомъ и Геракліемъ.

Никто изъ нихъ одолѣть не можетъ, и Зевсъ, наконецъ, благословляетъ противника, какъ въ еврейскомъ миѳѣ «человѣкъ» касается бедра, т. е. той части тѣла, которая считалась носительницею счастья,—вѣдь и присягали держа руку у бедра.

Хотя бедро повреждено, но при этомъ дается благословеніе на большое потомство. Анхизъ (у Виргилія) поврежденъ въ бедро молніею—аналогія стало быть и въ этомъ пунктѣ.

IX.

Въ библейскомъ разсказѣ о семействѣ Якова, мы снова наталкиваемся на такія подробности, которыя напоминаютъ всецѣло подобные миѳы у арійскихъ народовъ. Привожу изъ множества мифическихъ сказаній одно, болѣе выдающееся: объ Эдипѣ. Ѳивскому королю предсказываетъ оракулъ страшныя событія. Отъ его жены Іокасты родится сынъ Эдипъ, онъ убьетъ отца, сядетъ на отцовскій престолъ, и женится на своей матери. Отецъ принимаетъ предосторожности, обрекаетъ сына на смерть; но чудеснымъ образомъ сынъ спасенъ, воспитывается въ Коринѳѣ; возмужавъ, онъ ѣдетъ въ Ѳивы, на дорогѣ убиваетъ отца, освобождаетъ городъ отъ ужасовъ, причиняемыхъ сфинксомъ; его дѣлаютъ царемъ, и онъ женится на Іокастѣ. Эдипъ узнавъ уже поздно о совершенныхъ имъ преступленіяхъ въ отчаяніи ослѣпляетъ себя и погибаетъ.

Что легло въ основаніи этого миѳа, ясно для всякаго, кто знаетъ, какъ воззрѣнія народныя на явленія природы облекались въ формы, напоминавшія дѣйствительность.

Эдипъ убиваетъ отца, женится на матери и умираетъ старцемъ. Солнечный герой убиваетъ отца, произведшаго его—тьму; онъ раздѣляетъ ложе своей матери, вечерней зари, изъ утробы которой онъ вышелъ (утренней зари); умираетъ слѣпымъ, т. е. солнце заходитъ. (Раньше указано было на то, что при закатѣ солнце лишается глаза).

И вотъ, подобное сказаніе встрѣчаемъ мы и у евреевъ. О заимствованіи здѣсь не можетъ быть рѣчи, а объясняется одинаковымъ уровнемъ народной мысли на извѣстной ступени развитія.

Напомнимъ прежде всего сказаніе по которому Réubhen женится на женѣ своего отца: Bilhà. Хотя въ этомъ сказаніи Réubhen не солнечный герой, какъ въ греческомъ миѳѣ, но основа одна и та же.

Но несравненно рѣзче основа миеологическая обнаруживается въ сказаніи о дочеряхъ Лота. Отмѣтимъ предварительно, что совершенно подобный же миѳъ встрѣчается въ арабской словесности, только дѣйствующія лица иныя и греческаго Эдипа замѣняетъ одинъ изъ Нимвродовъ (ихъ шесть въ арабской легендѣ), сынъ Кенаан'а и Сальхи. Этотъ Нимвродъ, какъ и Эдипъ, вслѣдствіе тревожныхъ внушеній со стороны гадателей, обрекается на смерть. Но его вскармливаетъ тигрица, и онъ воспитывается въ семействѣ сосѣдняго села. Возмужавъ, онъ собираетъ многочисленное войско и затѣваетъ войну противъ отца; въ этой войнѣ онъ отца убиваетъ. Торжественно вступаетъ онъ въ городъ и женится на своей матери. Ослѣпленія здѣсь нѣтъ, и это обстоятельство можетъ дать доводъ къ предположенію, что она заимствована.

Обратимся къ сказанію о Лотѣ.

Старый Лотъ, не подвергшійся вмѣстѣ съ дочерьми общей участи Содома и Гоморы (жена превращена въ соляной столбъ) поселяется съ ними въ пещерѣ. Дочери (дѣвицы) опоили отца и сотворили съ нимъ прелюбодѣяніе. Очевидно, въ библейскій разсказъ сообщаемый фактъ перешелъ въ такомъ видѣ, въ какомъ былъ извѣстенъ въ устахъ народа, какъ миѳъ.

Лотъ обозначаетъ «прикрывающій», и выражаетъ тоже, что *Лайла*—ночь, «что-то обвалакивающее», также точно, какъ индійское *Varuna*, греческое οὐρανός, обозначающія «темное небо» (въ противоположность свѣтлому небу—Mitra) происходятъ отъ корня *var*—прикрывать, какъ и арабское *gashija*, *damasa*, *gata*, *saga* выражаютъ и *темноту*, и *прикрываніе*. Въ поэзіи арабовъ *ночь* представляется *платьемъ*, прикрывающемъ день, или *ковромъ*, прикрывающимъ свѣтъ. «Кони разорвали одѣяніе ночи быстрымъ бѣгомъ своимъ». Такимъ образомъ и слово *Лотъ* есть выраженіе для «прикрывающей ночи». Если миѳъ передаетъ, что дочери соединились съ отцомъ, то это означаетъ въ сущности, что настала глубокая темнота—т. е. дочери темноты, ночи (т. е. Лота)—или вечерняя заря, соединились съ ночью.

X.

Взглянемъ теперь на нѣкоторые женскіе образы, выражающіе все ту же идею борьбы темноты и свѣта, дня и ночи.

По древнимъ сказаніямъ извѣстно соперничество между безплодною еврейкою *Сарою* и плодовитой египтянкой *Гагаръ*. Соперничество возникаетъ изъ-за Измаила. Обратимъ сперва вниманіе на самыя названія: «Гагаръ» (Hagar) означаетъ «бѣгущая», эпитетъ, который обыкновенно придается солнцу. Миѳологическій языкъ называетъ наложницу именно этимъ именемъ, чтобы противопоставить ему имя «Сары», выражающей «княгиню», «госпожу»—госпожу неба, конечно: т. е. луну, царящую надъ звѣзднымъ небомъ, наравнѣ съ супругомъ, великимъ господиномъ, Авраамомъ. Аналогичнымъ съ этимъ именемъ нужно считать другое названіе луны—Милька (жена брата Авраама), т. е. королева (хотя не жена Мелека-короля, но грамматически женскій родъ отъ Мелек). Еще и въ позднѣйшее время евреи часто называли луну «царицею неба» (melekheth has shamajim, которой оказывались божескія почести). Еврейскія женщины, выселившіяся въ Египетъ, отвѣчаютъ пророку въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Мы дѣлаемъ такъ, какъ обѣщали (дали обѣтъ): приносимъ жертвы царицѣ неба, какъ приносили жертвы и ранѣе того, какъ дѣлали и до того наши предки, наши цари въ городахъ іудейскихъ». Очевидно, культъ лунѣ былъ извѣстенъ среди евреевъ, и на культъ смотрѣли какъ на религіозное начало, которымъ руководились въ жизни. Пророку говорятъ, что терпятъ нужду только потому, что перестали (одно время) приносить должныя жертвы.

Значеніе священной горы Синая также доказываетъ, что поклоненіе лунѣ имѣло мѣсто среди еврейскихъ народностей; извѣстно, что Синай совпадаетъ со словомъ *Син*, названіемъ луны, а гора Синай была посвящена лунѣ. Къ древнему миѳу о звѣздномъ небѣ примкнуло сказаніе уже во время пребыванія евреевъ въ Египтѣ; этимъ объясняется, почему они часть, ими населенную, назвали erez Sinim, лунная земля. (Плодороднѣйшія мѣста въ Персіи один писатель не называетъ безъ

слова: mah, значущаго «луна» напр.: Mahidinar, Mahikaran, Mahiharum и пр.).

Гагарь приходится бѣжать, какъ разсказываетъ миѳъ; очевидно потому, что солнце должно уступить лунѣ (Сарѣ), когда господствовать начинаетъ она. Корень слова Сара можетъ быть и *Сар*, тогда значеніе нисколько не измѣняется. *Сар* выражаетъ *распространяться*, *расширяться*, *быть сильнымъ*.

Гагарь убѣгаетъ, когда ей предстоитъ рожденіе, т.-е. когда солнце должно родиться. Въ этомъ смыслѣ мы находимъ соотвѣтствіе въ греческомъ миѳѣ. Іо, мать бога солнца, убѣгаетъ отъ Геры, царицы боговъ. Какъ Іо останавливается подъ оливковымъ деревомъ (какъ Лето подъ пальмовымъ), чтобы произвести на свѣтъ ребенка, такъ и Гагарь спасается подъ кустомъ, и здѣсь кладетъ младенца; при этомъ интересна одна подробность. Упоминается колодезь, носящій названіе «колодезь семи», который былъ посвященъ семи богамъ планетъ.

Но строгая и безплодная Сара сама становится матерью Исаака—этого «смѣющагося», и благодаря этому обстоятельству миѳологическій характеръ ея выступаетъ еще ярче. Здѣсь прямо выражается отношеніе ночи ко дню. Кочевники называли «небесную царицу» Сарою, настоящую жену Авраама; равнымъ образомъ жены Якова (какъ мы видѣли раньше, синонимъ Авраама) называются *Леа* и *Рахиль*—и оба эти имени вполнѣ соотвѣтствуютъ миѳологическому характеру Якова,—образы ночнаго неба. Леа, по значенію своему, не что иное, какъ Делила, «томная», «слабая»—заходящее солнце, или ночь, которая отрѣзываетъ локоны своему возлюбленному (Самсону), ночь, лишающая солнце его украшеній—лучей, такъ что солнечный богатырь обезсиленный падаетъ на землю, и остается слѣпымъ на полѣ брани. О заходящемъ солнцѣ и въ послѣдующій періодъ времени говорили: Chalash—«слабый», «обезсиленный». Если слово Леа не выражаетъ этого понятія съ звуковой стороны, то со стороны содержанія—по всей вѣроятности. Но и въ звуковомъ отношеніи не встрѣчается препятствій для сближенія слова Леа съ арабскимъ *laah*—уставать, быть томнымъ. Еще ярче выступаетъ миѳологической характеръ Рахили. Слово обозначаетъ: «овца», а что на небѣ могли представляться кочующему чело-

вѣку животныя въ видѣ овцы, указывается тѣмъ, что и до сихъ поръ каждому изъ насъ рисуются часто образы животныхъ. Мы и до сихъ поръ извѣстнаго рода облака называемъ *барашковыми*. Соперничество двухъ женъ имѣетъ мѣсто и въ сказаніяхъ о Яковѣ. Одна, Леа, плодородна, другая Рахиль—безплодна. Соперничество происходитъ, какъ изъ-за любви супруга, такъ равнымъ образомъ изъ-за сына, но изъ-за сына главнымъ образомъ, потому что слишкомъ часто упоминается о мандрагорахъ—именно сына.

XI.

Прежде чѣмъ перейти къ другимъ миѳологическимъ образамъ еврейской миѳологіи, остановимся на преданіяхъ о Енохѣ, развившихся позже и сгруппированныхъ въ такъ называемыхъ апокрифахъ. Какъ только первоначальное значеніе образа забыто, а образъ представляетъ человѣка, народное творчество начинаетъ процессъ создаванія такихъ разсказовъ, которые характеризуютъ эти личности уже независимо отъ того, что они обозначали первоначально. Разсказы принимаютъ различное направленіе. Въ однихъ выражается бытовая сторона жизни; личности служатъ средоточіемъ, вокругъ которыхъ группируются явленія обыденной жизни, жизни культурной, позже уже жизни исторической. О такихъ преданіяхъ рѣчь еще впереди.

Въ другихъ выражается обширная область религіознаго эпоса. Правда, они полны заблужденій, анахронизмовъ, но вмѣстѣ съ этимъ выражаются и религіозныя воззрѣнія народа, въ высшей степени поэтичныя. По этимъ разсказамъ можно судить, какъ народная масса настраивала воображеніе, воспитывала чувства, стремленія, идеалы. Личность, принятая разъ за выдающагося героя, безпрестранно вызывала всевозможныя толкованія и объясненія. Понятно, что библейскія личности, первоначально имѣвшія много миѳологическихъ чертъ, но принятыя позже за дѣйствительно существовавшія, особенно сильно интересовали народное воображеніе и вызывали творчество на дѣятельность широкую. Особенно подробными преданіями обставлены тѣ личности библейской исторіи, о которыхъ въ библіи говорится вскользь, мелькомъ, о которыхъ только упоминается, но которыя однакоже

по различнымъ обстоятельствамъ обращали на себя преимущественное вниманіе, вызывали недоразумѣнія, возбуждали множество вопросовъ—какъ, почему, гдѣ и пр. Самыя важныя и любопытныя событія, какъ напримѣръ, сотвореніе праотцевъ Адама и Евы, паденіе ихъ, изгнаніе изъ рая, ихъ дальнѣйшая судьба; затѣмъ потопъ, далѣе столпотвореніе и многія другія событія разсказаны въ библіи очень кратко. И вотъ народное воображеніе пытается рѣшить эти вопросы по своему. Вопросы возникали съ необходимостью каждый разъ и тогда, когда рѣчь заходила объ отдѣльныхъ личностяхъ, какъ, напримѣръ, объ Энохѣ, о Мальхеседекѣ, объ Авраамѣ,—праотцѣ, о Моисеѣ и пр. пр. (Слово апокрифъ отъ κρυπτειν, κρυπτος, означаетъ собственно книгу *тайную*, *сокровенную*. Существовали религіозные книги, составленіе которыхъ приписывалось богамъ или героямъ мысли. Эти книги хранились въ храмахъ и доступны были людямъ, посвященнымъ въ религіозныя таинства. Таковы, напримѣръ, были книги Зороастра, Гермеса. У евреевъ такихъ книгъ было 70, найденныхъ Эздрой. Уже позже подъ апокрифами стали разумѣть книги свойства сомнительнаго съ точки зрѣнія духовенства, затѣмъ этимъ словомъ окрещивались книги еретическія, подложныя, ложныя).

Не подлежитъ сомнѣнію, что содержаніе апокрифовъ большею частью древнѣе самихъ апокрифовъ, т. е. сборниковъ разсказовъ. Задолго до составленія ихъ отдѣльными личностями жили въ устахъ народа, передавались изъ поколѣнія въ поколѣніе, видоизмѣнялись, то сокращались, то расширялись; къ основному мотиву присоединялись украшенія, неизбѣжныя при народномъ творчествѣ; какое-нибудь мѣсто разсказа давало поводъ къ составленію самостоятельнаго разсказа, и онъ выдѣлялся изъ общаго разсказа. Не смотря на то, что разсказъ ведется отъ имени тѣхъ лицъ, о которыхъ повѣствуется, сказанія составляютъ вымыселъ. Это видно изъ состава апокрифовъ, представляющаго смѣшеніе библейскихъ сказаній съ миѳологическими воззрѣніями.—(При разборѣ апокрифовъ нельзя, конечно, не принять въ вниманіе того, что принадлежитъ лично редакторамъ даннаго апокрифа).

Изъ слѣдующаго мы можемъ видѣть, на сколько миѳичны всѣ разсказы объ Енохѣ, и съ другой стороны на сколько они примыкаютъ къ типу легендъ, имѣющихъ основаніемъ чисто религіозныя воззрѣнія.

Энохъ, говорится въ апокрифѣ, былъ взятъ отъ земли, и никто изъ живущихъ не зналъ, куда скрылся онъ, и что съ нимъ сталось. Интересны видѣнія Эноха. Его окружили облака и туманы; движущіяся свѣтила и молніи гнали его, вѣтры ускоряли его теченіе, они вознесли его на небо. Онъ очутился у стѣны, построенной изъ кристала. Онъ входитъ въ пламя, пышущее кругомъ, отсюда въ обширное жилище, построенное изъ кристала. Надъ нимъ сводъ изъ движущихся звѣздъ и молній. Идутъ подробности о душевномъ настроеніи отъ одновременнаго зноя и холода, объявшими его, и о его видѣніи. Далѣе говорится, что онъ перенесенъ былъ на гору, вершина которой касалась небесъ. Тамъ онъ видѣлъ громъ и молнію; тамъ были лукъ и стрѣлы огненные и мечъ огненный. Далѣе онъ видитъ горы мрака, откуда выходитъ зима, и мѣсто, откуда вода течетъ въ бездны. Затѣмъ ему представляется источникъ всѣхъ вѣтровъ; онъ видѣлъ вѣтры, которые заставляютъ вращаться небо, солнце и звѣзды, и другіе, которые гонятъ облака. На краю земли онъ видѣлъ твердь небесную. На западѣ пылали днемъ и ночью шесть горъ, составленныхъ изъ драгоцѣнныхъ камней, три на восточной сторонѣ, три на южной; горы на восточной сторонѣ состояли изъ разновѣтныхъ камней, изъ перловъ и антимоній; горы на южной сторонѣ изъ красныхъ камней. Средняя гора возвышалась до неба подобно престолу Божію; она была изъ алебастра, а вершина ея изъ сапфира. На западной сторонѣ Енохъ видѣлъ великую и высокую гору, крутую скалу и четыре пристаница. Это тѣ благословенныя мѣста, гдѣ будутъ собраны души умершихъ. Здѣсь онъ слышалъ душу Авеля, которая вопіетъ противъ Каина. Здѣсь по близости и грѣшники живутъ и находятся въ мученіяхъ. Въ другомъ мѣстѣ онъ видѣлъ огонь, зажигающій всѣ небесныя свѣтила.

Изъ приведенныхъ отрывковъ объемистаго апокрифа можно видѣть на сколько народъ интересовался этою личностью, взятою на небо, и на сколько народное воображеніе работало для

удовлетворенія потребности мысли. Создались всѣ разсказы о немъ, конечно, тогда, какъ уже отмѣчено выше, когда забыто, что Енохъ первоначально былъ миѳологическій образъ, и воображеніе творческое само перенесло его на небо. Вознесеніе принято за фактъ. А разъ Енохъ былъ въ небесахъ необходимо вѣдь знать, что видѣлъ, что слышалъ онъ изъ всего того, что недоступно смертному, что покрыто тайною.

І. Мандельштамъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ДѢТИ РАНДАРА.

ПОВѢСТЬ КОМПЕРТА.

VII *.

Гдѣ родина еврея?

Какъ затоптанныя на время сѣмена, снова стали возникать въ душѣ Морица всѣ прежнія мечты и образы. Снова вспомнился ему Іерусалимъ и Мендель Вильна, бродившій далеко по свѣту другъ его дѣтства. Воспоминаніе о томъ днѣ, когда онъ, снабдя себя тросточкой и сумочкой, собрался прямо въ священный городъ, правда, заставляло его улыбаться; но тѣмъ не менѣе, оно такъ неотступно преслѣдовало его, что онъ спрашивалъ самого себя—не былъ ли онъ правъ въ то время? не принялся ли бы онъ еще и теперь строить новый Іерусалимъ?

Юноша нисколько не сомнѣвался, что постройка эта состоится — лишь бы захотѣть. Только одна мысль тревожила его нѣкоторое время: онъ не могъ представить себѣ никакой страны, въ которой жили бы исключительно евреи. А затѣмъ—какъ управлялась бы новая Іудея? Морицъ, какъ всякій учащійся, понималъ „государство" только въ самомъ обширномъ смыслѣ. Помазанный владыка, на голову котораго пророкъ вылилъ свою чашечку елея, совершенно удовлетворялъ его; но какъ хороши были также консулы въ toga praetexta и вооруженные пучками розогъ ликторы! Особенно же народные трибуны! Какъ гордо сидѣли они у дверей сената и какъ оглашали воздухъ своимъ гро-

---

* См. „Восходъ", кн. 8.

мовымъ veto, когда имъ что либо не нравилось! Въ эти минуты онъ самъ становился такимъ трибуномъ; онъ сидѣлъ у дверей въ то время, когда обсуждался вопросъ—могутъ ли быть евреи каменьщиками и плотниками. Позади его стояла толпа людей, которые всѣ были похожи лицомъ на Салме Фло и кричали: „мы не хотимъ!"—и тутъ-то онъ такъ смѣло и громко провозгласилъ свое veto, что... старшина города Бунцлау пришелъ въ ужасъ!

Но какъ приняться за постройку домовъ въ новомъ городѣ? Кто согласится крыть крышами дома и башни? Вѣдь ни одинъ еврей не хочетъ быть каменьщикомъ или плотникомъ! Обсуждая однако этотъ вопросъ старательно, онъ пришелъ къ выводу, что дѣлу помочь легко: можно вѣдь нанять работниковъ—христіанъ, и за хорошую плату они взлѣзутъ на какую угодно башню... Обработываніе земли такихъ затрудненій не представляло. Евреи должны были сдѣлаться земледѣльцами. Если—думалъ онъ—Салме Фло можетъ таскать на спинѣ мѣшокъ величиной съ цѣлый домъ, то у него хватитъ силы и на то, чтобы поработать цѣпомъ. Но тутъ опять явилась у него новая мысль: а что если евреи, занявшись земледѣліемъ, тоже предадутся пьянству?

Съ этою постройкой новаго Іерусалима находилась естественно въ связи идея о пришествіи Мессіи. Юноша и не подозрѣвалъ, что этимъ онъ наносилъ ударъ своимъ собственнымъ строительнымъ планамъ.

Въ праздникъ Пасхи, ночью, когда передъ словами молитвы: „Въ будущемъ году въ Іерусалимѣ", широко раскрывались двери комнаты, чтобы пропустить Мессію, Морицъ каждый разъ пристально смотрѣлъ въ ту сторону. Такъ какъ Мессія не являлся, то Салме Фло, приказывая снова затворить двери, равнодушно говорилъ: „И то хорошо". и продолжалъ пѣть. Но Морица это сильно волновало. „Вы, я думаю,—говорилъ онъ—больше бы огорчились, еслибы лишились покупщика старыхъ брюкъ!"

Не смотря на это, онъ часто бесѣдовалъ съ Салме о пришествіи Мессіи. Бесѣды эти велись только по субботамъ, такъ какъ въ осталь-

ные дни недѣли Салме былъ недоступенъ. Однажды вернулся онъ домой съ „даубравицкаго“ рынка совсѣмъ замерзшій и въ очень скверномъ настроеніи, потому что ни копѣйки не заработалъ.

— Вотъ, если бы пришелъ наконецъ Мессія,—съ участіемъ замѣтилъ Морицъ—вамъ бы не зачѣмъ было больше ходить на рынокъ.

— Оставь меня въ покоѣ съ твоимъ Мессіею!—гнѣвно закричалъ Салме.—Хотя бы копѣйку я заработалъ! За весь день продалъ два дѣтскихъ платьица, а ты тутъ про Мессію толкуешь!

Теперь уже приближалось время возвращенія Менделя Вильны—въ этомъ Морицъ былъ увѣренъ. Да и пора, очень пора приступить къ дѣлу! Среди занятій всѣми этими мыслями и планами онъ дошелъ до пятнадцатилѣтняго возраста; онъ зналъ подвиги Александра, Брута и Наполеона; сердце его часто переполнялось такъ, что какъ будто готово было разорваться; но уже въ слѣдующую минуту раздавалась въ его ушахъ труба Мессіи! Юпитеръ Кроніонъ съ красавицей Европой на спинѣ, и Венера съ Марсомъ, уловленные въ сѣтяхъ Вулкана, языческая фривольность и еврейскій монотеизмъ—все находило себѣ мѣсто въ этой душѣ!

Но камни, которымъ предстояло разрушить эти воздушные замки, были уже готовы. И имъ суждено было выйти не изъ гетто, а изъ знакомой руки—руки Гонзы!

Въ этомъ послѣднемъ съ годами развилось глубокое негодованіе противъ всего „нѣмецкаго“; съ неудовольствіемъ и только потому, что на его долю выпало быть „первымъ ученикомъ“, онъ изучалъ предметы преподаванія на этомъ языкѣ. Въ свободные часы онъ всегда говорилъ по чешски и сильно гнѣвался на своего пріятеля, когда тотъ употреблялъ другой языкъ.

— Скажи самъ, Морицъ,—замѣтилъ онъ однажды, когда они сидѣли за составленіемъ нѣмецкихъ ямбовъ,—не величайшая ли несправедливость заставить учить то, къ чему не имѣешь никакой склонности? Нашъ профессоръ—нѣмецъ, все, что мы учимъ, написано по латыни или по нѣмецки; чешскаго ни слова. Мнѣ всегда представляется,

будто я родился совсѣмъ не въ Богеміи, или будто меня украла въ дѣтствѣ цыганка. А тебѣ?

— Мнѣ все равно,—необдуманно отвѣчалъ Морицъ.

— Ну, такъ ты и не настоящій чехъ!—крикнулъ Гонза и убѣжалъ въ сильномъ гнѣвѣ.

— Что же я такое?—спросилъ внутренній голосъ Морица, душу котораго возмутили эти слова. Въ продолженіи многихъ дней сердился и гнѣвался онъ на Гонзу за то, что тотъ не считалъ его настоящимъ чехомъ. Онъ смотрѣлъ на это, какъ на жестокое оскорбленіе.

Впрочемъ, въ школѣ мальчики рѣдко говорили объ исторіи своего отечества; они были чужды землѣ, на которой родились. Исторія Чехіи преподавалась имъ совмѣстно съ другими „исторіями наслѣдственныхъ государствъ“ уже во второмъ классѣ, въ ту пору, когда они еще не могли понимать то вѣяніе духа, которое переворачиваетъ страницы книги человѣчества. Тогда профессоръ много говорилъ о св. Іоаннѣ Непомукѣ; но другой Іоаннъ, именно Іоаннъ Гуссъ, являлся въ его разсказѣ самымъ дерзкимъ бунтовщикомъ противъ непогрѣшимости папы. Нѣтъ пощады еретику въ ту минуту, когда онъ испускаетъ духъ на кострѣ въ Констанцѣ!.. И ученики были одного мнѣнія съ профессоромъ. Въ битвѣ при Бѣлой Горѣ они дрались въ императорскихъ войскахъ противъ своихъ собственныхъ братьевъ; на изорваніе письма императора смотрѣли равнодушно. Съ этой минуты Чехія не имѣла уже своей исторіи; они вмѣстѣ съ своимъ профессоромъ захлопывали надъ ней гробовую крышку.

Однажды Гонза пришелъ къ Морицу блѣдный и страшно растерянный.

— Что съ тобою, Гонза? Ты былъ боленъ?—спросилъ Морицъ съ испугомъ.

— Прочти это!—сказалъ тотъ и порывисто кинулъ на столъ толстую книгу;—профессоръ обманулъ насъ всѣхъ!

Морицъ взялъ книгу; то была исторія Чехіи.

Гонза нашелъ ее въ монастырской библіотекѣ, подъ грудой древ-

нихъ отцовъ церкви и классиковъ. Заглавіе привлекло его; онъ выпросилъ себѣ книгу у патера ректора. Уже первыя страницы навели его на мысль объ измѣнѣ профессора. По мѣрѣ того, какъ онъ читалъ дальше и передъ нимъ проходили Гуссъ, Жижка и оба Прокопа, имъ овладѣвало бѣшенство; онъ три раза перечелъ книгу съ начала до конца; въ окончательномъ выводѣ незыблемо утвердилась въ немъ одна мысль: профессоръ обманулъ насъ!

Морицъ принялся тоже за эту книгу. Но на него повѣяло изъ нея другимъ духомъ. Какъ еврей, онъ не понималъ сущности религіозныхъ войнъ Чехіи, ему собственно было все равно—подъ двумя видами, или однимъ принималось причащеніе. Притомъ, онъ никакъ не могъ объяснить себѣ, какимъ образомъ можно такъ страшно неистовствовать ради тѣла и крови Бога! Но политическое значеніе этихъ событій сильно подѣйствовало на него. Здѣсь увидѣлъ онъ борьбу за имущество, свободу и самостоятельность; здѣсь нашелъ онъ отголосокъ своихъ собственныхъ чувствъ. Іерусалимъ и Чехія! Одинъ и тотъ же духъ тьмы окутывалъ оба исполинскихъ трупа могильнымъ молчаніемъ.

Съ безмолвнымъ взаимнымъ пониманіемъ смотрѣли юноши въ школѣ другъ на друга; они не знали, что говорить, не умѣли истолковать себѣ историческаго горя, которое увидѣли такими печальными глазами въ отечественной хроникѣ.

— Сказать тебѣ, Гонза,—спросилъ Морицъ нѣсколько дней спустя,—на какую исторію похожа исторія Чехіи?

— Ни на какую другую,—гордо отвѣчалъ Гонза.

— А я тебѣ говорю, что въ ней много сходства съ еврейскою.

Гонза расхохотался.

— У васъ небось есть Жижка?—воскликнулъ онъ;—есть гусситы?

— О, да,—отвѣтилъ Морицъ,—у насъ есть Маккавеи.

— Этихъ я не знаю; да они и умерли ужъ давно. Но гусситы...

— Развѣ они не умерли?

— О, нѣтъ,—таинственно сказалъ Гонза,—гусситы еще живутъ.

Только впослѣдствіи объяснилъ онъ товарищу, что всякій, расположенный къ Чехіи—въ его глазахъ гусситъ. Расположенъ же къ родинѣ тотъ, кто охотно говоритъ по чешски.

— Такъ и я въ томъ числѣ?—спросилъ Морицъ.

— Да, когда ты говоришь по чешски.

И тутъ Морицъ обѣщалъ сдѣлаться гусситомъ.

Въ воскресные и праздничные дни, или вообще, когда не было ученья, оба они любили прогулку къ недалекой отъ города развалинѣ, называвшейся „Бутна". Старый замокъ имѣлъ для нихъ особенно привлекательную силу, потому что Жижка пребывалъ здѣсь какъ ангелъ мести. Тутъ просиживали они по цѣлымъ часамъ, смотрѣли на луну, и казалось имъ, что изъ этихъ развалившихся стѣнъ появляются передъ ними привидѣнія умершихъ.

Подслушаемъ одну изъ бесѣдъ, происходившихъ въ этомъ таинственномъ пріютѣ.

— Представь себѣ, Морицъ,—сказалъ Гонза, бросивъ взглядъ на лежавшую у ногъ его мѣстность,—представь себѣ, какъ чудесно было бы, еслибы въ Чехіи всѣ говорили на *одномъ* языкѣ! А теперь ты приходишь въ одну деревню—съ тобой всѣ говорятъ по нѣмецки, приходишь въ другую—слышишь опять чешскій языкъ.

— Какъ во время вавилонскаго столпотворенія! Требуетъ человѣкъ черепицу, ему приносятъ известку. Всѣ переставали узнавать и понимать другъ друга, и оттого разошлись въ разныя стороны.

— Но они не разошлись какъ *народы*, потому что въ то время еще никакихъ народовъ не было—и хоть сто разъ меня увѣряй въ этомъ, я не повѣрю,—а какъ языки. Люди, случайно увидѣвшіе, что слова, произносившіяся каждымъ изъ нихъ, были похожи одно на другое, остались жить вмѣстѣ, и только теперь составили они *народъ*, потому что говорили на *одномъ* языкѣ. А кто имѣлъ отца и мать и не понималъ ихъ, тотъ разставался съ ними и предпочиталъ уходить съ другими, съ которыми онъ могъ говорить.

— Я не понимаю, Гонза,—задумчиво сказалъ Морицъ,—какъ это можно оставить отца и мать!

— Но если они тебя не понимаютъ?—горячо возразилъ Гонза;—что ты станешь дѣлать, если, напримѣръ, скажешь своей матери что нибудь нѣжное, а она подумаетъ, что ты ее проклинаешь?

— Гонза, можно ли говорить такія вещи! Проклинать мать!

— А развѣ Чехія не мать наша?—вскричалъ гусситъ Гонза;—развѣ не имѣетъ она тысячъ дѣтей, которыя совсѣмъ не понимаютъ ея? Этимъ слѣдуетъ разстаться съ нею; только истинные, вѣрные сыновья, которыхъ она не имѣетъ причины проклинать, должны оставаться при ней! Это хорошо чувствовалъ Жижка и оттого-то, Морицъ, онъ такъ безпощадно сражался!

Морицъ съ трепетомъ слушалъ дикія рѣчи Гонзы. Онъ не обратился къ нему съ вопросомъ; но въ глубинѣ души сказалъ себѣ: „И евреи въ томъ числѣ?“ Отвѣта на этотъ вопросъ онъ въ ту минуту не нашелъ.

Между тѣмъ, какъ они бесѣдовали такимъ образомъ, изъ деревни, находящейся у подошвы холма съ развалинами замка, донеслась къ нимъ веселая музыка... Въ Морицѣ эти звуки вызвали воспоминаніе объ отцовскомъ шинкѣ и воскресеньѣ въ деревнѣ.

— Развѣ сегодня воскресенье?—спросилъ онъ, прислушавшись.

— Ты думаешь оттого что музыка?—Нѣтъ, это должно быть свадьба.

— Я бы хотѣлъ взглянуть...

— Но ты вѣдь знаешь, что крестьяне этого не любятъ; они думаютъ, что надъ ними смѣются.

— Я смѣюсь надъ крестьянами! Съ ума ты сошелъ, Гонза?

— Да развѣ это не насмѣшка, когда они приглашаютъ тебя поѣсть, и ты отвѣчаешь: до этого я не дотронусь, это мнѣ запрещено?..

— Но мнѣ въ самомъ дѣлѣ нельзя...

— О, истинный, великолѣпный гусситъ!—вскричалъ Гонза въ сильно насмѣшливомъ тонѣ;—и смѣешь ты еще считать себя нашимъ!

Музыка, бесѣда и насмѣшка взволновали душу Морица; ему стало стыдно Гонзы, и ангелъ его религіи печально отвратилъ отъ него свое лице.

— Идемъ!—порывисто крикнулъ онъ;—я докажу тебѣ, что я вашъ!

Онъ побѣжалъ впереди, Гонза послѣдовалъ за нимъ; совсѣмъ задыхаясь, добрались они въ деревню.

Громкіе трубные звуки указали имъ домъ, гдѣ происходила свадьба. Гонза тотчасъ же, какъ свой человѣкъ, кинулся въ толпу гостей, схватилъ красивую дѣвушку и подъ акомпаниментъ восторженныхъ криковъ и топанья понесся въ народной пляскѣ. Морицъ стоялъ въ сторонѣ и смотрѣлъ. Проносясь мимо его, Гонза крикнулъ ему смѣясь: „Пляши и ты, не стыдись!“ Голова закружилась у юноши, ноги начали вертѣться сами собой, и самъ не зная какъ, онъ очутился среди танцующихъ и весело вертѣлся по комнатѣ съ какою-то костлявою дѣвушкой.

Черезъ нѣсколько минутъ и Морицъ и Гонза, совершенно измученные и обливаясь пóтомъ, сидѣли въ углу танцовальной залы. Хозяйка принесла имъ пирожковъ, мяса и пива, и Морицъ—не остался голоднымъ. Фанатикъ Гонза осмѣялъ бы его за это.

Поздно вечеромъ вернулись они въ городъ. Гонза шумно выражалъ свое радостное волненіе, пока они не дошли до гимназіи. Тутъ онъ смолкъ; Морицъ пересталъ говорить уже прежде. Свѣжій воздухъ охладилъ его кровь; душевное опьяненіе исчезло. Разсудокъ снова вступилъ въ свои права. И тутъ полилась кровь изъ тысячи ранъ...

VIII.

Возвращеніе.

Видъ Гетто пробудилъ въ немъ раскаяніе.

— Я согрѣшилъ!—воскликнулъ онъ;—Богъ не проститъ мнѣ этого!

Онъ ужасался самого себя, и точно тѣло разъединилось съ душею, эта послѣдняя горько упрекала первое въ случившемся. Кому не знакомы тѣ часы, въ которые стоишь передъ собою въ качествѣ судьи и въ то же время подсудимаго?

Въ эти минуты Морицъ постарѣлъ на нѣсколько лѣтъ. Грѣхъ бушевалъ во всѣхъ уголкахъ его души и насильственно выталкивалъ прежній лучъ невинности.

Это было какъ разъ наканунѣ прекраснаго субботняго дня. Во всѣхъ окнахъ блестѣли привѣтливые огни, въ гетто сдѣлалось тихо— духъ праздника вѣялъ въ немъ. Семьи всюду сидѣли за ужиномъ, хозяева Морица также ожидали своего квартиранта. Но онъ не смѣлъ явиться предъ Салме Фло съ губами, которыя казались еще оскверненными; по нимъ—думалъ онъ—сейчасъ же увидятъ, что онъ только что разстался съ грѣхомъ.

Морицъ твердо рѣшился не идти домой, по крайней мѣрѣ къ ужину. Онъ сѣлъ на одной изъ скамеекъ большой аллеи и, прижавъ руки къ обоимъ глазамъ, обдумывалъ свое положеніе.

Чего-чего не совершилось въ этотъ единственный часъ! Онъ осквернилъ, унизилъ себя. Какою жертвою можно искупить все это? Теперь— думалось ему — онъ осужденъ вѣчно жить въ грѣхѣ, ибо всемогущій Богъ, наказывающій преступленье въ третьемъ и четвертомъ колѣнѣ, не можетъ простить ему.

Внизъ по аллеѣ шелъ въ это время высокій мужчина въ польско-еврейскомъ платьѣ. Въ ту минуту, какъ онъ проходилъ мимо Морица, юноша вскочилъ, и радостный крикъ вырвался изъ его груди.

— Мендель Вильна! — воскликнулъ онъ, — это Мендель Вильна!

Нищій остановился и долго смотрѣлъ на незнакомое лице.

— Шма Израэль! — крикнулъ онъ наконецъ,—неужели это сынъ рандара Шмуля, неужели это Мошеле?

— Да развѣ иначе я узналъ бы васъ сразу? сказалъ Морицъ.

— Если такъ, шалемъ алехемъ! (миръ съ вами!)

— Алехемъ шалемъ! (и съ вами), отвѣчалъ Морицъ, и оба радостно пожали другъ другу руки.

Мендель не находилъ словъ для выраженія радости, что онъ встрѣтилъ такъ неожиданно Морица. Онъ освѣдомился объ отцѣ и матери его, и много ли шнорреровъ продолжаютъ посѣщать ихъ домъ. Морицъ отвѣчалъ на эти вопросы какъ могъ.

— Я несу съ собой,—сказалъ Мендель,—землю изъ Іерусалима, которую обѣщалъ твоимъ родителямъ. Я ношу ее уже пять лѣтъ и не могъ отдать до сихъ поръ потому, что все не попадалъ въ Богемію. Давно, давно ужъ это было, у рандара меня, я думаю, совсѣмъ забыли.

Морицъ увѣрилъ его, что въ отцовскомъ домѣ о немъ вспоминаютъ очень часто; что даже онъ самъ думалъ о Менделѣ еще за нѣсколько минутъ.

— Стало быть, ты все еще думаешь о Іерусалимѣ?—воскликнулъ Мендель,—у тебя все еще на умѣ шабашъ? И ты не забылъ, какъ было собрался идти со мною, и мнѣ пришлось отправить тебя назадъ? Боже мой, Боже мой, какъ тяжело было у меня на душѣ въ то время! Нѣсколько верстъ прошелъ я прежде, чѣмъ пересталъ думать о тебѣ.

— Я еще какъ теперь вижу свое тогдашнее выраженіе лица, я даже до сихъ поръ испытываю чувство, съ какимъ вернулся тогда домой, полный стыда и страха, что надо мной станутъ издѣваться.

Эти слова, произнесенныя Морицомъ на чисто нѣмецкомъ языкѣ, были сказаны въ ту минуту, какъ собесѣдники подошли къ фонарю, и тутъ, при свѣтѣ его, шнорреръ увидѣлъ, что передъ нимъ уже не осьмилѣтній сынъ рандара, а вполнѣ развившійся юноша. Главнымъ образомъ казался онъ старше и зрѣлѣе отъ морщинки на уголкѣ рта, которая образовалась отъ сомнительнаго свѣта фонаря или отъ какого нибудь страданья.

Морицъ замѣтилъ, что шнорреръ вдругъ смутился; онъ отсту-

пилъ на нѣсколько шаговъ съ такимъ видомъ, какъ будто обманулся, принявъ чужаго человѣка за знакомаго. Морицъ почувствовалъ внутреннюю дрожь, ему казалось уже, что Мендель увидѣлъ его „грѣхъ“.

— Странное дѣло!—сказалъ Мендель послѣ длинной паузы;—я думалъ, что нашелъ Мошеле—и кого же вижу?.. Простите пожалуйста, я конечно ошибся. Смѣетъ ли послѣ этого шнорреръ продолжать говорить съ вами?

— Боже мой, Боже мой! — воскликнулъ Морицъ отъ глубины души; — неужели же короткое время такъ измѣнило меня, что старые друзья не узнаютъ меня?

— Это все еще прежній голосъ!—прошепталъ про себя Мендель, потомъ схватилъ юношу за руку и сказалъ болѣе задушевнымъ тономъ:— Не сердись, Мошеле; я называю тебя такъ, хоть ты теперь ужъ такой большой, что слѣдовало бы говорить геръ Мошеле... Но прежде скажи мнѣ: по прежнему ли ты хорошій еврей?

— Почему вы спрашиваете это, Мендель?—проговорилъ Морицъ, вздрогнувъ;—да и кто можетъ отвѣтить на такой вопросъ?

— По этимъ словамъ я вижу,—поспѣшилъ замѣтить шнорреръ,—что вы не перестали быть хорошимъ евреемъ. Оставаться евреемъ необходимо всякому, какой бы учености ни набрался человѣкъ. Почему? Потому что вѣдь что можетъ случиться, когда Іерусалимъ снова выстроится? Когда Богъ пожелаетъ вдругъ снова призвать къ Себѣ весь народъ израильскій? Евреевъ всегда оказалось бы на свѣтѣ достаточно. Но коли не окажется въ наличности хахомимъ (мудрецовъ), что тогда прикажете дѣлать? А теперь я долженъ тебѣ разсказать все.

— Скажите мнѣ только, ребъ Мендель, какимъ образомъ напали вы на эту мысль, т. е. на мысль о возсозданіи Іерусалима? Она представляется мнѣ такою странною въ теперешнее время! Да и кому другому приходитъ она въ голову?

— Твоими устами глаголетъ Господь, — сказалъ нищій, въ уже знакомомъ намъ экстазѣ; — кому знакомо это лучше чѣмъ мнѣ? Но Богъ оставилъ стража въ своемъ виноградникѣ, и этотъ стражъ — я! Но у Менделя Вильны слабосильныя плечи, какъ снести ему на нихъ Іерусалимъ? Мнѣ нуженъ помощникъ, и для этого избралъ я тебя уже въ дѣтствѣ твоемъ. Войдемъ же, усядемся, я разскажу тебѣ все.

Они снова вошли въ аллею; Мендель опустился на ступеньку, Морицъ помѣстился подлѣ него. Среди глубокаго ночнаго безмолвія шнорреръ началъ:

— Я не всегда бродилъ по свѣту такъ, какъ странствую теперь. Было время, когда и я подавалъ милостыню другимъ, и домъ моего отца—миръ его праху — былъ постоянно полонъ гостями, какъ у ребъ Шмуля рандара.

„Мой отецъ былъ одинъ изъ самыхъ богатыхъ балбатимъ (домовладѣльцевъ) въ Вильнѣ. Изъ своихъ книжекъ ты вѣрно уже знаешь, что Вильна въ русской Польшѣ. Польша была нѣкогда единое королевство; но съ нею случилось тоже, что съ Израилемъ: одни взяли себѣ одну часть, другіе—другую, третьи—третью, и наконецъ не осталось отъ нея ничего. Разодрали ее, какъ кафтанъ Іосифа, что̀ подарилъ ему нашъ праотецъ Іаковъ: „видишь — сказали братья — вотъ одежда твоего сына, дикіе звѣри разорвали его въ лѣсу.

„Но я все ухожу въ сторону... Дѣтство мое отнюдь не было пріятное. Могу сказать, что родился на свѣтъ съ талмудомъ; ибо у насъ въ Польшѣ дѣтямъ не даютъ въ руки игрушекъ — какой нибудь хлыстъ, барабанъ — и не говорятъ при этомъ: „поди, поиграй“,—нѣтъ, какъ только онъ въ состояніи произнести нѣсколько словъ, является ребе (учитель) и сажаетъ его за талмудъ, и приходится ему учиться день и ночь.

„Ты въ дѣтствѣ прыгалъ и бѣгалъ съ утра до вечера, какъ молодая птичка, которой мать должна еще доставлять кормъ, и однаж-

ды въ священную субботу ты чуть-чуть было не сломалъ вѣтку, не помѣшай этому я! Господи, что было бы, если бы захотѣлъ это сдѣлать *я* въ мои дѣтскіе годы? Но я не могъ захотѣть, потому что зналъ, что дѣлать это нельзя. У меня уже въ то время въ головѣ былъ талмудъ, такъ какъ же я могъ грѣшить? Я по пальцамъ могъ бы перечислить тебѣ уже тогда, что грѣхъ и что не грѣхъ.

„Въ Вильнѣ люди говорили, что у меня свѣтлая голова. На десятомъ году я зналъ наизусть пророковъ, и какое бы мѣсто изъ библіи ни прочли мнѣ, я тотчасъ же говорилъ дальше. Въ хедерѣ (школѣ) мой рабби часто не зналъ, что отвѣчать на мои вопросы. Въ этихъ случаяхъ онъ бралъ чубукъ, толстый и длинный, и колотилъ меня до синяковъ и ранъ. Мнѣ бы слѣдовало перестать спрашивать—но я все продолжалъ и все получалъ побои. Всего этого ты не пережилъ, Мошеле; то, что вынасено мною, вознеслось къ Господу.

„Хоть ты и еврейское дитя, но не въ состояніи представить себѣ все это. Для насъ большое несчастіе, что дѣти теперь уже не учатся всѣ одному и тому же. Ты учишься нѣмецкому и латинскому языку; меня учили только еврейскому. Мы оба евреи и все-таки ты понятія не имѣешь, что̀ такое было мое дѣтство. Всему этому причина нашъ голесъ (изгнаніе).

„Я былъ единственнымъ сыномъ моего отца; но у меня была еще сестренка, которую звали Блюмеле (цвѣточекъ). Есть еврейская пословица: „мое имя тоже стояло на горѣ Синаѣ“. Но вѣрь мнѣ: когда Богъ создавалъ на поляхъ и въ садахъ цвѣты, для того, чтобы они радовали сердце человѣка, онъ несомнѣнно думалъ о нашей Блюмеле. Ты вообразить себѣ не можешь, какой это былъ удивительный ребенокъ. Красивѣе всего были у нея глаза; на нихъ бывало смотришь—не насмотришься. Когда ты былъ еще дитя, я часто глядѣлъ на тебя, потому что находилъ въ тебѣ сходство съ нею. Боже мой, Боже мой, какъ я любилъ этого ребенка!

„На третьемъ году Блюмеле начала безпрерывно хворать; но умъ у нея былъ просто чудо Божье, какъ у любого мудреца. Должно быть,

кто нибудь сглазилъ ее, и люди предсказывали, что не жилица она на бѣломъ свѣтѣ. Слишкомъ умна была она, и за тѣ два—три года, которые привелось еще прожить ей, она истратила весь свой умъ на цѣлыя восемьдесятъ лѣтъ.

„Это было дѣйствительно удивительное дитя. Въ то время, когда она лежала, мучась отъ болей и страданій, какія бы лакомства, игрушки ни положи передъ ней, она ни до чего не дотронется. „Чего же ты хочешь, душенька Блюмеле?“—спрашивали мы.—„Пѣть“—отвѣчала она. И часто ночью я и отецъ затягивали одну изъ тѣхъ веселыхъ пѣсенокъ, которыя поетъ канторъ въ синагогѣ въ радостный праздникъ торы. Но тутъ она начинала плакать и кричать еще сильнѣе, такъ что у насъ вставали дыбомъ волосы. Мы просили ее успокоиться, мы сами плакали. „Замолчи же, Блюмеле, вѣдь мы спѣли тебѣ“.—„Пойте мнѣ про Іерусалимъ“,—отвѣчала она. Представь только себѣ—ребенокъ хотѣлъ слушать о Іерусалимѣ, какъ будто всю жизнь не слышалъ ни о чемъ иномъ. У насъ въ Польшѣ есть нѣсколько такихъ пѣсенъ, подходящихъ къ Іерусалиму, и я ей пѣлъ ихъ, сколько зналъ. И ты думаешь, что она засыпала при этомъ, какъ другія дѣти, когда ихъ убаюкиваютъ разными сказочками? Нѣтъ, она слушала съ широко раскрытыми глазами и смотрѣла на мизрахъ *, стоявшую прямо противъ нея... И послѣ того цѣлый день лежала въ постели тихо и неподвижно.

„Но болѣе всего поражало въ ней то, что одну и ту же пѣсню ей нельзя было спѣть два раза. Она сейчасъ говорила: „Это я уже слышала“. Представь же себѣ наши муки. Я скоро истощилъ весь свой запасъ пѣсенъ. Но вотъ разъ ночью, когда она жестоко страдала, мнѣ пришло на мысль разсказать ей что нибудь про Іерусалимъ. И когда, слушая меня, она перестала стонать и плакать, и снова стала смотрѣть на мизрахъ... о, повѣрь мнѣ, прійди въ эту минуту король и осыпь меня золотомъ, я не почувствовалъ бы себя такимъ счастливымъ!

„Съ разсказами дѣло пошло лучше, чѣмъ съ пѣснями. Я могъ бы цѣлый годъ разсказывать тебѣ про Іерусалимъ—и все бы не усталъ. И

* Нѣчто въ родѣ гравюры съ библейскими надписями.

такимъ образомъ передалъ я ей весь хурбенъ (исторію разрушенія Іерусалима) съ начала до конца, и она не упустила ни одного слова. Разсказалъ я ей какъ черезъ пѣтуха и курицу разрушился городъ Туръ Малке, а черезъ дышло въ телѣгѣ—городъ Бетаръ. И когда я дошелъ до того мѣста, гдѣ говорится, что императоръ Титъ прокололъ мечомъ занавѣсъ, за которымъ хранилась святая святыхъ, и что оттуда потекла кровь—надо было тебѣ видѣть, что сдѣлалось съ ребенкомъ. На ея лицѣ показалось нѣчто похожее на блескъ въ небѣ послѣ захода солнца. Мнѣ же почудилось, что съ Блюмеле началась Schinne (агонія) и что она умретъ у меня на рукахъ. Я закричалъ, чтобъ позвать отца и мать, но Блюмеле приподнялась и сказала: „Чего ты кричишь, Мендель? Вѣдь я еще не умерла. Какъ разъ въ эту минуту я была въ Іерусалимѣ“. И мнѣ пришлось продолжать свои разсказы.

„Не могу и сказать, чего бы только не сдѣлалъ я для Блюмеле. Какъ изъ земли выкапываютъ сокровища, такъ я розыскивалъ всюду исторій для нея. У моего отца было много книгъ, я внимательно прочитывалъ ихъ, и чуть находилъ что нибудь, тотчасъ же сообщалъ Блюмеле. Но ребенокъ хворалъ все больше и больше; точно мало по малу сгарающая свѣча, приближался онъ къ смерти. Въ послѣднее время я долженъ былъ просиживать около нея цѣлыя ночи и все разсказывать ей о Іерусалимѣ.

— Блюмеле умерла уже очень давно?

— У меня до сихъ поръ еще передъ глазами „набожныя женщины“, молившіяся съ нею; комната была полна. Я плакалъ, я почти ослѣпъ отъ слезъ. Когда уже думали, что она умерла, то положили ей подъ носъ перо, чтобъ посмотрѣть, дышетъ ли она еще, или перестала. Перо долго не шевелилось; но вдругъ Блюмеле широко раскрываетъ глаза, поворачивается къ мизраху и смотритъ на нее. Она пытается еще произнести слово Іерусалимъ; но смерть уже сковываетъ ея губы... Черезъ минуту она умерла.

„Если когда нибудь совершится воскресеніе мертвыхъ, то это будетъ первое слово, которое произнесетъ она!

„Человѣку вообще не слѣдуетъ говорить о своихъ величайшихъ горестяхъ и величайшихъ радостяхъ. Ему лучше молчать предъ Господомъ. Но я все-таки скажу тебѣ, что охотно легъ бы самъ въ гробъ вмѣсто Блюмеле...

„Только когда она умерла, ясно увидѣлъ я, до какой степени мнѣ не доставало ея въ жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ я замѣтилъ, что постоянное разсказываніе объ Іерусалимѣ вкоренило во мнѣ мысль, отъ которой я уже не могъ освободиться. Я ни на минуту не переставалъ теперь думать о Іерусалимѣ. Ночью часто мнѣ казалось, что меня зоветъ голосъ, похожій на голосъ Блюмеле. И я просыпался и потому уже до утра не могъ заснуть отъ слезъ.

„Мало по малу я сталъ рѣже вспоминать о Блюмеле, но тѣмъ назойливѣе становилась мысль о Іерусалимѣ. Не знаю, какъ пришло мнѣ въ голову, что священный городъ долженъ быть снова отстроенъ. Ни днемъ, ни ночью не выходило у меня это изъ головы. Часто запирался я у себя въ комнатѣ и молилъ Бога, чтобъ Онъ возсоздалъ Іерусалимъ. Я молилъ Его совершить чудо ради меня! Душа моя въ эти минуты пребывала не на землѣ, я говорилъ съ Господомъ лицомъ къ лицу, какъ пророкъ Моисей...

„Ты, пожалуй, станешь смѣяться надо мной, когда я скажу тебѣ, что каждое утро, вставая, мнѣ казалось, что я въ Іерусалимѣ! Но Господь не захотѣлъ свершить чудо. А я такъ горячо молилъ Его!

„Знаешь, что̀ вслѣдъ за тѣмъ пришло мнѣ на умъ? Я подумалъ, что вслѣдствіе многихъ моихъ грѣховъ я не могу очиститься отъ нихъ, и поэтому Господь не хочетъ свершать чудо. И знаешь, что̀ сдѣлалъ я тогда? Сердце мое возмутилось противъ Господа, я сталъ золъ и гнѣвенъ и началъ роптать на Него. „Отчего не свершаешь Ты чуда, Господи? часто кричалъ я:—чѣмъ же принудить Тебя къ тому? Неужели же еще не приспѣло время возсоздать Іерусалимъ?“

„Но что̀ значитъ жалкій горшокъ, кусокъ глины, въ рукахъ своего господина? Я снова вернулся къ Богу, но уже не думая, что Онъ ради меня свершитъ чудо.

„И тутъ явилась у меня другая мысль. „Если,—думалъ я,—Богъ не хочетъ помочь, то я помогу себѣ самъ". При этомъ я имѣлъ въ виду кабалу. Мнѣ случалось не разъ слышать, что кто изучилъ ее, тотъ можетъ посредствомъ ея однимъ взглядомъ убить человѣка, только посмотрѣвъ на его портретъ, а также быть въ двухъ мѣстахъ въ одно и то же время. О знаменитомъ рабби Лебѣ въ Прагѣ ты конечно уже слышалъ. „Можетъ быть,—говорилъ я самъ себѣ,—есть на свѣтѣ человѣкъ, который съ помощью кабалы въ состояніи снова построить Іерусалимъ? И что если этотъ человѣкъ—я!"

„Съ той минуты не было у меня въ Вильнѣ ни минуты покоя. Мнѣ въ ту пору минуло уже тринадцать лѣтъ, и мой отецъ намѣревался, когда исполнится пятнадцать, женить меня на красавицѣ-дочери одного виленскаго богача. Ты знаешь, у насъ дѣти собственной воли не имѣютъ, когда отецъ приказываетъ. Поэтому и я не сталъ противиться и сдѣлался женихомъ.

„Въ продолженіе цѣлаго года до свадьбы я только и думалъ, какъ бы мнѣ удрать отъ своей невѣсты. Въ головѣ у меня сидѣла не красавица-женщина, а нѣчто совсѣмъ другое. Ты представить себѣ не можешь, какими горькими слезами заставлялъ я ее плакать, когда, просиживая у нея по цѣлымъ часамъ, не произносилъ ни слова. „Ты любишь меня, Мендель?"—не разъ спрашивала она. Я оттолкнулъ ее отъ себя на первыхъ же порахъ.

„До сей минуты еще не знаю, какъ прожилъ я этотъ годъ. Каждый вечеръ бралъ я свой узелокъ и собирался уходить. Почему я не сдѣлалъ этого?—спросишь ты. Я думалъ о срамѣ моей невѣсты! Наконецъ наступилъ день свадьбы; ни у одного еврея не было еще такого печальнаго. Невѣста плакала, женихъ плакалъ. Развѣ могъ я быть веселъ? Вѣдь мнѣ такъ хотѣлось уйти.

„Ты думаешь, что въ ту минуту, какъ я стоялъ подъ хуппе (свадебный балдахинъ), у меня въ мысляхъ была женщина, стоявшая рядомъ со мною? „Уходи, уходи!—кричалъ мнѣ внутренній голосъ,—какое тебѣ дѣло до нея?" И мнѣ вдругъ захотѣлось крикнуть раввину:

„я не беру ея...“ но тутъ я увидѣлъ, что моя невѣста уронила нѣсколько слезъ въ то вино, которое намъ даютъ пить. Это остановило меня. И такимъ образомъ я сдѣлался женатый человѣкъ.

„За свадебнымъ ужиномъ я не бралъ ни куска въ ротъ. Къ ночи на меня напалъ большой страхъ. Гости стали прыгать и плясать вокругъ моей жены и дѣлать всяческія дурачества. Вдругъ она исчезла съ „старыми женщинами“. Потомъ онѣ явились опять, принялись плясать вокругъ меня, и кричать, и смѣяться. Онѣ силою тащатъ меня изъ комнаты, я обороняюсь, но онѣ пуще хохочутъ... Нечего дѣлать, пришлось идти съ ними.

„Въ одной изъ комнатъ я очутился наединѣ съ моей женой. Она уже ждала меня. Я кинулся на стулъ и закрылъ лицо руками: мнѣ было непріятно смотрѣть на нее. Такъ просидѣлъ я, быть можетъ, съ полчаса; жена сидѣла подлѣ меня. Снова услышалъ я внутренній крикъ: „уходи, уходи!“ Тутъ она тихо, совсѣмъ тихо подходитъ ко мнѣ и отводитъ мои руки отъ глазъ; я теперь еще слышу, какъ она говоритъ: „неужели ты такъ золъ на меня, Мендель“,—и при этомъ дрожитъ всѣмъ тѣломъ. Но я вскочилъ и оттолкнулъ ее. „Мнѣ нужно еще уйти,—сказалъ я,—оставь меня!“—„Куда же ты, Мендель?“ спрашиваетъ она и хочетъ удержать меня за руку. Я отвѣчаю, дрожа: „мнѣ нужно уйти!“ и раскрываю дверь и выбѣгаю изъ комнаты. Вслѣдъ мнѣ несется ея крикъ! „Мендель, Мендель!“ Я ушелъ...

„Безъ гроша въ карманѣ, какъ былъ въ свадебномъ нарядѣ, отправился я изъ Вильны. Была темная, претемная ночь, но я все шелъ впередъ и говорилъ наизусть псалмы. Когда разсвѣло, я былъ уже далеко отъ Вильны. Но мнѣ оставалось еще дня два пути до той общины, раввинъ который, какъ мнѣ говорили, былъ знатокъ въ кабалѣ. Въ это время я занимался тѣмъ, чѣмъ занимаюсь теперь: просилъ милостыню, и всѣ изумились, какимъ образомъ такъ хорошо одѣтый человѣкъ можетъ быть шнореромъ.

„На десятый день только я добрался до той общины; въ ней жи-

вутъ только хассидимъ. Я тотчасъ же отправился къ Балъ Шему *; обстановка у него была совсѣмъ царская. „Рабби,—сказалъ я ему,—я пришелъ для того, чтобы вы научили меня кабалѣ; пришелъ я издалека и не уйду прежде чѣмъ вы неисполните моего желанія.“ Раввинъ долго смотрѣлъ на меня и потомъ засмѣялся.—„Ты думаешь,—сказалъ онъ—этому выучиться все равно, что рукой повернуть? Долго еще пріидется подождать тебѣ, парень!“ Послѣ этого онъ пустился со мною въ пильпуль (богословскій диспутъ); я же отвѣчалъ ему—нахожу лишнимъ говорить тебѣ, какъ. Рабби остался мною доволенъ и на прощанье сказалъ мнѣ:—Съ тобою, парень, можно дѣло сдѣлать; постарайся только прежде очиститься отъ твоихъ грѣховъ.

„Я разсказываю тебѣ все это очень коротко. Началъ я каяться и совсѣмъ обратился къ Богу. Днемъ я постился, бичевалъ себя кожаными ремнями, а ночь проводилъ, лежа на холодной землѣ. Тѣло мое исхудало, щеки впали и поблѣднѣли, но душа моя очистилась какъ сосудъ, поставленный въ огонь.

„Наступилъ наконецъ день, въ который рабби рѣшилъ сдержать свое слово. И онъ дѣйствительно не отвѣчалъ отказомъ, когда я пришелъ къ нему и сказалъ: „часъ насталъ“. Книга уже лежала передъ нимъ. „Теперь тебѣ надо еще помолиться“, сказалъ онъ. Эта молитва—длинная „Шмона-Эсре“ іомъ-кипура, которую должно произносить три раза, одинъ вслѣдъ за другимъ, при чемъ въ головѣ не можетъ быть никакой иной мысли, кромѣ мысли о Богѣ. И я надѣлъ саванъ, завернулся въ талесъ (молитвенный плащъ) и сталъ молиться. Рабби ушелъ.

„Весь міръ вокругъ меня исчезъ. Цѣлыхъ три часа пробылъ я съ горячею душою передъ Господомъ! Но въ ту минуту, какъ я принимался за молитву въ третій разъ, передъ окнами раздался женскій голосъ,

---

* Балъ Шемъ, нѣчто въ родѣ чудотворца; раввины хассидимъ пользуются славою большихъ познаній въ кабалистикѣ.

произносившій мое имя. Я плотнѣе укутываюсь въ талесъ, чтобы ничего не слышать, и начинаю. Но Боже мой, я не могу молиться, голосъ снова доносится до меня. Тутъ я бросаюсь на землю и плачу; но внутренній жаръ, сожигающій меня какъ кипящее масло, заставляетъ меня опять подняться. Вновь принимаюсь я молиться; но голосъ подъ окномъ не даетъ мнѣ покоя. „Господи, Господи!—кричу я,—за что Ты такъ поступаешь со мною?“ И я кидаюсь къ окну, разбиваю стекла, чтобъ впустить воздуху, потому что начинаю задыхаться. И что же? на улицѣ, какъ разъ противъ меня, стоитъ красавица; она смотритъ на меня, я смотрю на нее—это моя жена! „Мендель! Мендель!“ кричитъ она; я убѣгаю изъ комнаты. Очутившись на улицѣ, я вижу, что она лежитъ холодная и бездыханная на камнѣ, толпа окружаетъ ее. И тутъ произошло въ моемъ сердцѣ нѣчто, чего я не въ силахъ тебѣ описать. Я поднялъ ее съ земли, и цѣловалъ и миловалъ, стараясь возвратить ее къ жизни. Но толпа кричала: „Отымите ее у него, парень взбѣсился“. Я же держалъ ее какъ левъ. Отъ криковъ моя жена очнулась, и тутъ только понялъ я, отъ кого бѣжалъ! Отъ такой жены, отъ такого сокровища красоты! И однако я же просилъ Бога совершить чудо!

„Знаешь, что̀ она сдѣлала? Послѣ нашей свадьбы родители ея хотѣли взять ее къ себѣ, но она сказала: „я не оставлю моего Менделя“— и цѣлый годъ отыскивала меня. Никто не могъ удержать ее; она исходила всю Польшу и наконецъ нашла меня.

„Жена снова привезла меня въ Вильно. Съ кабалой, какъ ты легко поймешь, дѣло кончилось. Послѣ того я прожилъ съ женой десять лѣтъ; она родила мнѣ двоихъ дѣтей, красивыхъ и хорошихъ, какъ она сама. Но какъ царя Саула не переставалъ терзать черный духъ, такъ мнѣ не давала покоя мысль—снова выстроить Іерусалимъ.

„Мой отецъ взялъ меня въ свое дѣло; но я ни на что не былъ годенъ. Мнѣ слѣдовало торговать бычачьими кожами, а у меня въ головѣ все былъ Іерусалимъ! Съ теченіемъ времени это становилось все сильнѣе и сильнѣе. Мой отецъ, которому я не приносилъ никакой пользы,

сказалъ мнѣ: „Теперь прокармливайся самъ“.—„Хорошо,—сказалъ я,—я иду въ Іерусалимъ“.

„Но на этотъ разъ я открылся женѣ. Она расплакалась и кинула мнѣ на руки двухъ дѣтей. Я высвободился и ушелъ.

„Съ тѣхъ поръ я уже не видѣлъ ни моей жены, ни дѣтей.

„Въ далекихъ странствіяхъ моихъ по свѣту мнѣ стало наконецъ впервые ясно, чего собственно я хотѣлъ. „Мендель, глупый человѣкъ—часто говорилъ я себѣ,—какъ только могло тебѣ прійти въ голову, что кабалою можно построить Іерусалимъ? Развѣ не отстроили бы они его уже давно, еслибъ только были въ состояніи?—Евреи должны помогать себѣ сами, весь народъ Израильскій долженъ имѣть *одно* желаніе, *одну* волю—и тогда Мессія прійдетъ“.

„И вотъ почему, прежде чѣмъ отправиться въ Іерусалимъ, я захотѣлъ подготовить людей къ этому дѣлу. Въ то время я сталъ ходить и въ вашъ домъ. Разсказать тебѣ все это не могу—слишкомъ долго было-бъ. Года два—три странствовалъ я по Польшѣ, Венгріи, Богеміи и Моравіи, изъ одной общины въ другую, и во всѣхъ синагогахъ проповѣдывалъ на текстъ Исаіи: „бесѣдуйте дружески съ Іерусалимомъ“. Особенно дѣтей старался я просвѣтить. Чуть встрѣчалъ я ребенка, въ глазахъ котораго покоилось нѣчто особенное, какъ духъ Господа на водахъ—сейчасъ же начиналъ говорить съ нимъ о Іерусалимѣ, и ты, Мошеле, былъ не единственный, хотѣвшій приняться за постройку вмѣстѣ со мною. Дѣти понимаютъ иногда лучше, чѣмъ взрослые!

„Волосы мои посѣдѣли, тѣло слабо. Но сердце у меня молодо. Я вѣрю и надѣюсь, что мы снова вернемся въ Іерусалимъ. Случится это не завтра и меня, быть можетъ, не будетъ уже тогда на свѣтѣ. Но день этотъ наступитъ! Ты и другіе станете продолжать мое дѣло; вы не забудете, что былъ нѣкогда на свѣтѣ Мендель Вильна. Пока есть во мнѣ капля дыханія—я не перестану работать!

„Ну, я тебѣ поразсказалъ достаточно; прибавлю еще, что теперь

я отправляюсь въ Вѣну поговорить съ Ротшильдомъ и съ другими тамошними богачами. Надо уговорить ихъ, чтобъ они и силой своей, и деньгами помогли выстроить Іерусалимъ. Я знаю, Ротшильдъ можетъ сдѣлать все, чтò захочетъ; сдѣлаетъ онъ и это. Сердце мое говоритъ мнѣ, что на этотъ разъ я иду не напрасно. Ротшильдъ добрый человѣкъ—онъ долженъ построить Іерусалимъ!..

Перев. Петръ Вейнбергъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

МОИСЕЙ МОНТЕФІОРЕ.

(По поводу его предстоящаго столѣтняго юбилея).

He was a man, take him for all in all,
We shall not look upon his like again.
„Гамлетъ“ Шекспира.
Homo sum, humani nihil a me alienum puto.
Теренцій.

Внимательное чтеніе многихъ выдающихся исторіографовъ убѣдило меня въ полной справедливости портняжной мудрости, гласящей: что «Das Kleid macht den Menschen». Оно выработало во мнѣ мнѣніе о крайней незначительности вліянія личности на время, форму и характеръ общественныхъ явленій: индивидуумъ, какъ прямой продуктъ обстоятельствъ, имѣетъ лишь значеніе однороднаго съ ними обстоятельства, и это значеніе тѣмъ важнѣе, чѣмъ данная личность современнѣе, т. е. чѣмъ больше число однородныхъ съ нею условій, дѣйствовавшихъ въ какой-нибудь историческій моментъ одновременно и на образованіе свойствъ личности и на характеръ вызванныхъ ими соотвѣтственныхъ общественныхъ событій. И этотъ взглядъ на индивидуальное значеніе установился во мнѣ вопреки тому, что исторія человѣческаго рода, какъ легендарныхъ такъ и историческихъ періодовъ, изобилуетъ повидимому громадной массой фактовъ совершенно противоположнаго качества. Вѣрятъ, что люди своей смертною долею и тяжелымъ крестомъ обязаны вліянію Евы на Адама. Полагаютъ, будто успѣхъ англійской революціи и казнь Карла I есть слѣдствіе запора, какимъ въ это время страдалъ Кромвель. Скандальный казусъ съ ожерельемъ Маріи Антуанеты послужилъ, говорятъ, поводомъ къ злополуч-

ной кончинѣ и ея самой, и Людовика XVI и даже къ проявленію духа самой французской революціи. Возвышеніе Наполеона I многіе склонны приписать одной его смѣлой выходкѣ, какъ паденіе его—случайному замедленію одного изъ его полководцевъ при Ватерлоо. Такихъ предположеній—легіонъ. Есть даже множество фактовъ, какъ бы свидѣтельствующихъ о томъ, что женщины служили рычагами и факторами важныхъ, міровыхъ событій, въ родѣ войнъ и т. п., что̀ даже подало поводъ Байрону набросать въ своемъ «Марино Фалліеро» слѣдующую картину:

«A wife's dishonour was the bane of Troy,
A wife's dishonour unking'd Rome for ever,
An injured husband brought the Gauls to Clusium,
And thence to Rome, which perished for a time;
An absence gesture cost Caligula
His life, while earth still bore his cruelties;
A virgin's wrongs made Spain a moorish province...» и
A maiden's sin both saved and ruined
Half mankind for two thousand years».

Но стоитъ только поглубже вникнуть въ суть приведенныхъ въ этой цитатѣ историческихъ фактовъ, чтобы увидѣть, что въ дѣйствительности тутъ дѣло не въ личности, а въ общихъ условіяхъ даннаго момента. Ни бездѣтство Цезаря, ни увлеченіе Антонія Клеопатрой, ни геройское похищеніе «Прекрасной Елены» Парисомъ, ни имъ подобныя были и небылицы не подавали повода къ совершившимся въ ихъ время великимъ перемѣнамъ въ судьбѣ человѣчества; на самомъ дѣлѣ и во всѣхъ этихъ случаяхъ, какъ и во всѣхъ другихъ, причины которыхъ мы ищемъ въ отдѣльныхъ личностяхъ, историческія событія обязаны своимъ происхожденіемъ, развитіемъ и проявленіемъ однимъ лишь обстоятельствамъ, пользующимися людьми, какъ невольными орудіями, какъ огнемъ, водою и прочими стихійными элементами природы, будь это страсти животныя или свойства вещей. И потеря евреями своего храма и вмѣстѣ съ тѣмъ и паденіе ихъ царства и національности—хотя многіе видятъ вину этого въ ихъ внутреннихъ распряхъ изъ честолюбія и тому подобныхъ произвольно личныхъ мотивовъ—и разсѣяніе ихъ по всей землѣ, и паденіе римской имперіи и греческаго

народа, и кровавыя войны и междоусобицы — все это историческія необходимости, неизбѣжныя свойства и качества прогресса, а не слѣдствія личнаго произвола. Во всѣхъ, безъ исключенія, явленіяхъ, касающихся судьбы людей, дѣйствуетъ одна общая причина: подкладка всему—чувство самосохраненія, стимулъ всего—сознаніе необходимости борьбы изъ-за существованія, а цѣль — самообезпеченіе, и это не отдѣльной личности, но всей массы, цѣлаго народа. Импульсы, замѣчаемые нами въ людяхъ, служащіе къ ускоренію или замедленію того или другаго событія, суть ничто иное, какъ проявленіе силы, воспроизводившихъ этихъ людей, обстоятельствъ.

Исходя изъ такого возрѣнія на вещи, я естественно не легко поддаюсь чувству обоготворенія человѣка въ какой бы то ни было формѣ и какъ бы ни былъ замѣчателенъ этотъ человѣкъ. Но это не значитъ, чтобы я отрицалъ значеніе біографій вообще. Наоборотъ: личность и ея дѣятельность, если послѣдняя имѣетъ общественный характеръ, есть ничто иное какъ группа извѣстныхъ историческихъ условій и представляетъ собою зеркало, въ которомъ лучше всего отражается и легче всего изучается исторія цѣлаго поколѣнія, а порою, какъ въ данномъ случаѣ, гдѣ объектъ біографіи «долго жилъ и многое сдѣлалъ»,—и цѣлаго вѣка, очень длиннаго историческаго церіода.

Меня однако беретъ нѣкоторая боязнь передъ предстоящей мнѣ задачей — описать личность, жизнь которой представляетъ собою цѣльную картину цѣлаго столѣтія, картину полную событій и происшествій XIX вѣка, на которой между прочимъ или, вѣрнѣе, главнымъ образомъ, ярко обрисованы отношенія людей и народовъ между собой вообще и отношенія ихъ къ несчастному племени Израиля въ особенности.

Но—«ich will's mit meiner schwachen Kraft versuchen», и утѣшая себя русской поговоркой: чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ, я и намѣренъ подѣлиться съ моими снисходительными читателями всѣми свѣдѣніями, какія я успѣлъ пріобрѣсти по матеріаламъ письменнымъ и устнымъ, о маститомъ филантропѣ и «почтеннѣйшемъ» старцѣ нашего вѣка, а можетъ быть и многихъ другихъ, о сэрѣ Моисеѣ Монтефіоре, которому 12 текущаго октября минетъ ровно 100 лѣтъ.

Мой взглядъ на значеніе личности вообще послужитъ читателямъ гарантіей въ моемъ безстрастіи.

Въ среду, 24 октября 1883 г., небольшой приморскій городокъ Англіи, довольно живописный Рамсгетъ, принялъ очень оживленную физіономію. Сотни телеграфныхъ посланій летѣли въ это сравнительно тихое мѣсто со всѣхъ концовъ свѣта: изъ Америки и Азіи, изъ Австраліи и Африки изовсѣхъ, безъ исключенія, странъ европейскаго континента. Тяжела была работа рамсгетскимъ почтовымъ и телеграфнымъ служащимъ. Кромѣ телеграммъ, имъ приходилось доставлять въ этотъ день массу писемъ и пакетовъ съ адресами, а посылокъ различныхъ размѣровъ, съ свѣжими прелестными цвѣтами, рѣдкими, дорогими фруктами и пр. Все это отправлялось и доставлялось по одному адресу и исходило отъ людей всѣхъ званій и сословій, всѣхъ вѣроисповѣданій и міровозрѣній. Героемъ этого торжества чисто космополитическаго свойства былъ популярный во всемъ свѣтѣ своими благодѣяніями и долголѣтіемъ баронетъ Мозесъ Монтефіоре, которому минуло въ этотъ день 99 лѣтъ. Это праздновали день его рожденія. Телеграммы, письма и адреса содержали поздравленія «счастливому и почтенному старцу» (to the happy and venerable old man) и пожеланія самаго искренняго и самаго возвышеннаго характера; всѣ—и евреи, и христіане, и магометане—выражали глубокую надежду, что Всевышній еще надолго оставитъ юбиляра въ кругу смертныхъ, и сохранитъ всю мощь (vigour) этого прототипа филантропіи, дабы продолжать славныя дѣла благотворенія. Многіе изъ адресовъ, въ числѣ которыхъ были адресы на арабскомъ и древне-еврейскомъ языкахъ, составлены были искусною рукою и продиктованы благодарными сердцами: отовсюду сквозила неподдѣльная любовь и глубокое уваженіе. Цвѣты доставлены были главнымъ образомъ съ разныхъ концовъ самой Великобританіи; фрукты же носили печать болѣе отдаленныхъ мѣстъ. Наконецъ, евреями Испаніи и Португаліи присланы были ими же приготовленныя печенія, которыя предназначены были къ завтраку заключительнаго дня еврейскихъ праздниковъ, кущи, совпадавшаго со днемъ рожденія знаменитаго юбиляра.

Великъ былъ интересъ и сильно любопытство обитателей Рамсгета. Еще за два дня до этого всѣ именитые жители этого города и депутаты другихъ городовъ устроили митингъ въ зданіи ратуши, съ цѣлью составить поздравительный адресъ и выработать программу празднованія дня рожденія сэра Мозеса. Понятно, что ожидали блестящихъ торжествъ; но были обмануты. Скромный характеръ виновника всѣхъ этихъ торжествъ былъ причиной этого разочарованія. Теперь, какъ и ровно десять лѣтъ тому назадъ, узнавъ, какъ и тогда, что составляется комитетъ съ цѣлью увѣковѣчить имя его за возвышенный характеръ и дѣятельность на общественную пользу сооруженіемъ памятника (въ 1874 г. уже собрана была для этой цѣли солидная сумма въ 12000 ф. ст., около 120000 р.), онъ просилъ отказаться отъ такого плана, а деньги употребить на болѣе насущныя потребности людей—матеріальное и нравственное облегченіе участи ближнихъ. Его просьба, какъ тогда, такъ и теперь, была дословно исполнена: деньги употреблены были съ благотворительной цѣлью. Само празднованіе дня рожденія вышло очень скромнымъ. Въ 8 часовъ утра, всѣ родственники и болѣе интимные друзья юбиляра, а также и тѣ, которые получаютъ отъ него пожизненную пенсію, собрались въ синагогѣ, содержимой на его счетъ и имъ же основанной, для молитвы и для совершенія богослуженія, отличающагося, какъ извѣстно, въ послѣдній день Кущи особенной торжественностью и имѣющаго спеціальное значеніе, такъ какъ въ этотъ день заканчивается и снова начинается чтеніе Пятикнижія. Хотя самъ Монтефіоре и не могъ, вслѣдствіе нѣкотораго разстройства здоровья, лично присутствовать въ синагогѣ, однако онъ исполнилъ роли такъ называемыхъ, по еврейскому обычаю, «Жениховъ Закона и Первой Субботы», т. е. тѣхъ, которыхъ призываютъ къ почетной обязанности закончить годовое чтеніе библіи и снова начать его,—пославъ на мѣсто себя своего племянника, м-ра Зебола для перваго и д-ра Леве для послѣдняго дѣла. По окончаніи богослуженія, продлившагося цѣлыхъ три часа, вся конгрегація направилась въ обширную столовую зданія East-Cliffe Lodge—такъ называется домъ, обитаемый сэромъ Монтефіоре,—которая была великолѣпно убрана для этого случая. Тутъ всѣхъ при-

гласили къ завтраку, какъ это впрочемъ всегда практиковалось въ этотъ день въ домѣ Монтефіоре. Будучи вынужденъ оставаться въ своей комнатѣ, юбиляръ, однако, дѣлилъ трапезу, хотя лишь отчасти, съ своими гостями: ему принесли туда изъ столовой бокалъ «молитвой равина освященнаго» вина и кусокъ «хлѣба съ солью», чтб сопровождалось, конечно, самыми торжественными поздравленіями и пожеланіями «обрекшему себя», какъ выразились многіе органы англійской печати, «трудной задачѣ облегченія участи страждущаго человѣчества». Послѣ поздравительнаго тоста въ честь хозяина, сопровожденнаго благословеніемъ отъ имени всей конгрегаціи, однимъ изъ присутствовавшихъ, м-ромъ Зебагомъ, прочитаны были нѣкоторые адресы и письма, въ томъ числѣ и крайне любезное посланіе принца Уэльскаго, гдѣ наслѣдникъ великобританской короны почтительно выражаетъ свое «глубокое уваженіе и благоговѣніе передъ добрыми дѣлами», совершенными во благо человѣчества почтеннымъ баронетомъ въ теченіе своей долголѣтней жизни, которая обнимаетъ собою цѣлый вѣкъ. Затѣмъ, слѣдуя давно установленному обычаю—обозрѣть въ этотъ день вкратцѣ всѣ дѣянія, совершенныя сэромъ Мовесомъ за истекшій годъ, ораторъ между прочимъ упомянулъ о томъ, что юбиляръ, избавленный, благодаря милости Всевышняго, отъ всякихъ тѣлесныхъ недуговъ, въ состояніи былъ не смотря на слабость, вообще сопряженную съ такими лѣтами, послать почтительный адресъ къ императору всероссійскому, Александру III, съ мольбою о снисхожденіи и покровительствѣ евреямъ Россіи, а также обратиться съ разъяснительной запиской къ венгерскому собранію депутатовъ по поводу злополучныхъ и неосновательныхъ обвиненій, поднятыхъ въ ихъ странѣ противъ евреевъ. Въ заключеніе м-ръ Зебагъ, приведши приличное случаю мѣсто изъ книги Исаіи: «отнынѣ да не будетъ больше ни младенца, ни старца, который не достигъ бы своихъ лѣтъ вполнѣ... и да насладится долгое время мой избранный дѣломъ своихъ рукъ»—указалъ на то, что сэръ Монтефіоре, стоя теперь «на порогѣ къ *своему столѣтію*», можетъ съ полнымъ удовлетвореніемъ взирать на произведенія рукъ своихъ и сердца своего, и насладиться плодами дѣлъ, со.

вершенныхъ имъ, ибо «онъ во истину жилъ на пользу всего человѣчества, и хотя онъ труды свои направлялъ главнымъ образомъ въ сторону своихъ гонимыхъ и преслѣдуемыхъ единовѣрцевъ, для облегченія ихъ страдальческой участи, однако на этомъ не останавливался, а простиралъ свою помощь на всѣхъ безъ исключенія, страждущихъ и нуждающихся, безъ разбора расы, безъ различія вѣроисповѣданія».

Слѣдующій затѣмъ тостъ былъ поднесенъ главному спутнику, если не сподвижнику въ трудахъ Монтефіоре, а именно д-ру Леве съ супругой. Д-ръ Леве въ отвѣтъ на эту честь, описалъ въ краткихъ, но трогательныхъ выраженіяхъ интимную близость, въ которой онъ состоялъ въ продолженіе всей своей жизни съ сэромъ Мозесомъ. Онъ вкратцѣ исчислилъ тѣ разнообразныя благодѣянія юбиляра, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ, а еще чаще—прямымъ соучастникомъ. Коснувшись потомъ частныхъ качествъ «столѣтняго филантропа», ораторъ не находилъ выраженій для похвалы его глубокой преданности не только сущности, но и обрядамъ еврейской религіи и обычаямъ еврейскаго народа, хотя онъ никогда не переставалъ быть прогрессистомъ и даже реформаторомъ, правда, самаго умѣреннаго и осторожнаго сорта. Д-ръ Леве не могъ при этомъ не затронуть и антисемитизма нашего времени. Но объ этомъ предметѣ считаю лишнимъ говорить тутъ.

Вслѣдъ затѣмъ всѣ гости приглашены были въ кабинетъ самого юбиляра, который довольно продолжительное время бесѣдовалъ съ ними о различныхъ предметахъ и о злобѣ дня; онъ остановился, между прочимъ, на значеніи и вліяніи журналистики, за которой онъ признаетъ большую силу и которую считаетъ однимъ изъ главныхъ факторовъ въ жизни современнаго общества. Во время этой бесѣды то и дѣло приносили массами телеграммы и пакеты, между которыми оказались поздравленія отъ принцевъ и другихъ членовъ королевской фамиліи и высокопоставленныхъ лицъ. Всемірное, космополитическое вниманіе очень радовало почтеннаго и вполнѣ заслужившаго это старца. Многочисленныя воспоминанія прошлаго и бесѣда, а также и волненіе отъ радости нѣсколько утомили столѣтняго мужа, и аудіенція была прервана. Но не прервана

была работа почтовыхъ тружениковъ: письма и телеграммы сыпались по прежнему безостановочно, и такъ продолжалось до глубокой ночи. Мы однако оставимъ обитель юбиляра и займемся его біографіей въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, ибо еще слишкомъ рано взяться теперь за полное и подробное описаніе жизни человѣка, который, къ счастію, не переступилъ еще роковаго порога, отдѣляющаго извѣстное отъ неизвѣстнаго, хотя уже почти завершилъ свой жизненный путь, «исполнилъ долгъ, ему завѣщанный» природой. Даже въ жизни такой свѣтлой личности, какъ эта, жизни, которая была всецѣло посвящена безпрерывному служенію самому высокому идеалу человѣка—дѣлу споспѣшествованія благу ближнихъ, есть мѣста, говорить о которыхъ при жизни объекта описанія, по меньшей мѣрѣ нескромно, неприлично. При этомъ вовсе нѣтъ необходимости, непремѣнно видѣть въ этихъ мѣстахъ «темныя пятна», можетъ быть даже наоборотъ, потому что нерѣдко бываютъ и добродѣтели, вспоминаніе о которыхъ способно вызывать въ душѣ совершившаго ихъ непріятныя ощущенія.

I.

«Ich habe genossen das irdische Glück,
Ich habe gelebt und geliebet».

Шиллеръ.

Подъ счастливой звѣздой родился сэръ Мозесъ Монтефіоре. Если предполагать, что мѣсто рожденія человѣка кладетъ на него печать той страны, гдѣ онъ рождается, то этотъ, впослѣдствіи космополитъ-филантропъ, по мѣсту рожденія—итальянецъ, такъ какъ онъ родился въ итальянскомъ городѣ, а именно въ Ливорно, гдѣ на нѣкоторое время поселились его родители, имѣвшіе въ то время свое постоянное мѣсто жительства въ Англіи. День рожденія, какъ свидѣтельствуетъ реэстръ рождаемыхъ еврейской конгрегаціи этого города, 24-го октября 1784 г. новаго стиля христіанской эры или 9 Хешвана 5545 по еврейскому лѣтоисчисленію, какъ это видно изъ копіи этого реэстра, напечатаннаго въ «Jewish Chronicle» отъ 19 октября истекшаго года. Предполагаютъ однако, что Мозесъ-Хаимъ или Вита (оба эти слова означаютъ «жизнь») Монтефіоре въ

дѣйствительности увидѣлъ свѣтъ 8 хешвана того года, но послѣ захода солнца, а потому, такъ какъ у евреевъ слѣдующій день начинается съ вечера истекающаго, празднованіе дня рожденія сэра Мозеса происходитъ 9, а не 8 хешвана. Хотя оно не достовѣрно извѣстно, но принимаютъ за вѣроятное, что своимъ фамильнымъ прозвищемъ сэръ Мозесъ обязанъ небольшому городку, *Montefiore* (гора цвѣтовъ), находящемуся на восточномъ склонѣ апенинскихъ горъ, въ провинціи Асколи Пичено (Ascoli Piceno), которая нѣкогда составляла границу папскихъ владѣній. Названіе этой мѣстности уже достаточно ясно указываетъ на географическія свойства ея. И въ самомъ дѣлѣ, въ этой, вообще скудной по своей природѣ, части Италіи находятся холмы съ усѣянными прелестнѣйшими цвѣтами вершинами, благодаря чему страна Пучини служила постояннымъ мѣстомъ убѣжища во время войнъ между все болѣе и болѣе усиливавшимся Римомъ и его союзниками изъ другихъ частей Италіи. Сами Монтефіоре не могутъ съ точностью объяснить происхожденіе своего фамильнаго имени, но предполагаютъ, что одинъ изъ ихъ предковъ вѣрно жилъ въ этомъ городкѣ, насчитывающемъ около 2000 жителей. Вѣроятность этого предположенія основывается на томъ, что есть и другая семья, носящая имя сосѣдняго съ Асколи городка и разселившаяся потомъ въ Гамбургѣ, Парижѣ и другихъ мѣстахъ, и что вообще среди евреевъ чрезвычайно часто встрѣчаются прозвища различныхъ мѣстностей и городовъ. Какимъ образомъ евреи попали сюда, въ *Ascoli Piceno*, трудно, конечно, сказать съ точностью. Но вслѣдствіе близости этой мѣстности къ адріатическому берегу, есть естественное основаніе думать, что тутъ поселились испанскіе бѣглецы, какъ семья Дизраели очутилась въ Венеціи. Благодаря этому, сами Монтефіоре склонны считать себя выходцами изъ Испаніи. Впрочемъ есть много фактовъ, ясно доказывающихъ, что евреи поселились въ этой странѣ гораздо ранѣе «испанскихъ гоненій», сначала въ качествѣ свободныхъ союзниковъ республики, затѣмъ, какъ побѣжденный непріятель, въ качествѣ невольниковъ и гражданъ. Это видно и изъ рѣчей Цицерона, который видимо опасался ихъ, какъ сильныхъ и вліятельныхъ на публичныхъ собраніяхъ, и изъ са-

тиръ нѣкоторыхъ поэтовъ, гдѣ осмѣянію подвергается религія евреевъ, что вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ доказательствомъ строгаго соблюденія послѣдними всѣхъ предписаній своей вѣры. А одинъ нѣмецкій ученый нашего времени даже доказываетъ, будто Горацій, величайшій лирикъ Рима, былъ еврей, сынъ одного александрійскаго еврея. Но оставляя въ сторонѣ это и ему подобныя предположенія, мы находимъ массу фактовъ въ исторіи среднихъ вѣковъ о пребываніи евреевъ въ Италіи, особенно въ папской области, гдѣ и лежитъ мѣстность Монтефіоре. Существуетъ даже предположеніе, что одинъ изъ св. отцовъ былъ евреемъ. Мы тутъ вкратцѣ изложимъ интересную исторію этого предполагаемаго еврея-папы: она тѣмъ умѣстнѣе тутъ, что многимъ напоминаетъ собою казусъ съ мальчикомъ Мортари, по поводу котораго сэръ Моисей Монтефіоре предпринялъ въ 1859 году поѣздку въ Римъ. Мидрашъ разсказываетъ, будто у великаго раввина изъ Майнца, — или какъ звали его еще — Симеона Великаго изъ Майнца, одна изъ его служанокъ украла сына его, Элканона, и предала его въ руки священниковъ для окрещенія. Мальчикъ оказался достойнымъ сыномъ своего ученаго родителя, быстро подымался по ступенямъ католической іерархіи и сталъ впослѣдствіи римскимъ папой и вмѣстѣ съ тѣмъ главою надъ епископствомъ майнцскимъ, надъ своимъ роднымъ городомъ. Достигнувъ вершины возможнаго для католика блаженства на землѣ, онъ при помощи угрозъ, преслѣдовать евреевъ Майнца, добился того, что его отецъ, шефъ-рабби, былъ посланъ въ Римъ въ качествѣ делегата-ходатая. На этомъ мѣстѣ исторія расходится; существуютъ два варіанта. По смыслу одного выходитъ, что папа, какъ еврей, раздѣлялъ страсть своихъ прежнихъ единовѣрцевъ къ шахматной игрѣ, въ которой евреи, какъ извѣстно, отличаются уже съ давнихъ поръ. И вотъ, играя съ раби Симеономъ, онъ выдалъ себя тѣмъ, что сдѣлалъ такой ходъ, который былъ извѣстенъ одному лишь его отцу и этимъ послѣднимъ былъ нѣкогда сообщенъ одному лишь ему, сыну. Другой варіантъ проще и болѣе соотвѣтствуетъ тону библійскаго разсказа о встрѣчѣ Іосифа съ своимъ отцомъ въ Египтѣ. Но оба варіанта этого эпизода сходны по своей развязкѣ: папа, замѣ-

тивъ, что онъ наконецъ узнанъ своимъ отцомъ, попросилъ всѣхъ присутствующихъ удалиться изъ кабинета, бросился на шею отцу и долго плакалъ. Послѣ этого свиданія, папа собралъ всѣ свои пожитки и, оставивъ сочиненіе, въ которомъ доказывается ересь католическаго ученія и которое вмѣнено было имъ какъ обязательное чтеніе для его преемниковъ, онъ исчезъ изъ Рима съ тѣмъ, чтобы кончить дни свои во мракѣ неизвѣстности въ Майнцѣ евреемъ, за что его прозвали «евреемъ евреевъ».

Оставляя, однако, открытымъ вопросъ о томъ, былъ ли сэръ Мозесъ Монтефіоре потомкомъ испанскихъ выходцевъ, или же потомкомъ евреевъ, прямо переселившихся изъ Іудеи въ Римъ, мы съ удовольствіемъ отмѣчаемъ тотъ фактъ, что мѣсто, гдѣ онъ родился, не смотря на очень жестокія порою преслѣдованія евреевъ въ Италіи, составляло въ этомъ отношеніи пріятное исключеніе. Толерантность Медичи способствовала поднятію невзрачнаго городка Ливорно на степень одного изъ первыхъ портовъ Италіи. Благодаря съ одной стороны просвѣщенному вліянію Медичи, а съ другой — почти непреложному закону, выраженному англійской пословицей: *the nearer devil, the less the evil,* т, е. чѣмъ ближе мы къ нашему врагу, тѣмъ менѣе опасенъ онъ для насъ (и въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ дальше отъ Рима — этого гнѣзда инквизиціи и этого первоначальнаго источника средневѣковыхъ гоненій на евреевъ, тѣмъ болѣе жестоки были эти преслѣдованія)—благодаря вотъ этому, евреи настолько были вліятельны въ этой части Италіи, что, какъ писатель начала XVIII ст. разсказываетъ, всѣ обитатели ея, евреи и христіане, одинаково соблюдали субботу, какъ день отдыха отъ занятій. Тутъ евреи имѣли свой погостъ въ сосѣдствѣ съ могилами христіанъ, что̀ составляло въ то время безконечное великодушіе со стороны католическихъ владыкъ страны. Тутъ евреи не носили ни желтой габардины (нѣчто въ родѣ плаща или балахона), ни другихъ принудительныхъ знаковъ отличія еврея отъ не еврея; а это было тогда такимъ исключеніемъ изъ общаго правила, что путешественники того времени дѣлали по этому поводу замѣтки въ своихъ записныхъ книжкахъ. Число евреевъ въ Ливорно

было около 10,000 къ концу XVII ст. Въ настоящее время ихъ тамъ насчитываютъ до 7,000, такъ какъ многіе эмигрировали въ другія, открывшіяся для нихъ, части Италіи.

Но вернемся къ болѣе личной обстановкѣ Монтефіоре. Достовѣрная часть родословной сэра Мозеса начинается съ его дѣда, имя котораго онъ носитъ и который, женившись на молодой еврейкѣ изъ Ливорно, поселился въ Англіи для веденія торговли съ Италіей и тутъ же, живя въ центрѣ Лондона, онъ прожилъ вѣкъ свой, ставъ отцомъ 17 дѣтей и достигнувъ очень глубокой старости. Дѣти его, въ томъ числѣ и родители сэра Мозеса Монтефіоре, оставались жителями Лондона. Изъ этихъ дѣтей особенно отличался Іошуа Монтефіоре; онъ служилъ въ британской арміи, участвовалъ въ злополучной экспедиціи въ Буламъ, въ Сіерѣ-Леонѣ, сталъ потомъ нотаріусомъ, составилъ извѣстный «Комерческій Словарь» и написалъ нѣкоторыя сочиненія по законовѣдѣнію и поселился, наконецъ, въ Соединенныхъ Штатахъ. Другой сынъ его, Іосифъ-Илія, продолжалъ дѣло отца. Женившись на дочери Авраама Мокаты, члена одной изъ извѣстныхъ фамилій испански-моравскаго происхожденія и основателя фирмы «Моката и Гольдсмидъ», открывшей торговлю золотомъ и серебромъ въ слиткахъ (bullion), онъ вскорѣ послѣ свадьбы вмѣстѣ съ супругой своей, Рахилью, предпринялъ поѣздку въ Ливорно, куда ихъ влекли и семейныя и торговыя связи и гдѣ они остались недолго. Во время этого случайнаго визита и родился у нихъ описываемый нами нынѣ Мозесъ Хаимъ (Vita), который былъ старшимъ изъ ихъ восьмерыхъ дѣтей. Родители Мозеса были люди съ скромными средствами; онъ поэтому рано оставилъ школу и вступилъ въ контору отца, находившуюся въ Сити Лондона. Будучи юношей, онъ опредѣлился, по примѣру своего дяди, на котораго онъ вообще много походилъ своимъ характеромъ, въ отрядъ милиціи, когда опасеніе вторженія французовъ въ Англію достигло своего апогея. Хотя опасеніе это оказалось напраснымъ, однако онъ довольно долое время остался въ арміи, гдѣ и дослужился до капитанскаго чина. Въ этомъ чинѣ онъ вышелъ въ отставку и сталъ продолжать свою прежнюю дѣятельность, т. е. снова взялся за комерцію—единственное почти въ то время

въ Англіи доступное для еврея поприще. Сначала Мозесъ Монтефіоре поступилъ въ контору большой оптовой торговли съѣстными припасами. Имѣя тутъ обширную практику, онъ пріобрѣлъ вмѣстѣ съ комерческими знаніями также и нѣкоторыя связи въ торговомъ мірѣ и рѣшился посвятить себя биржевымъ операціямъ въ качествѣ биржеваго маклера. Но въ то время стать биржевымъ маклеромъ—было очень труднымъ дѣломъ для евреи. По закону того времени, сохранившему свою силу вплоть до 1828 г., при лондонской биржѣ число маклеровъ изъ евреевъ ограничилось 12. Но и при вакансіи это занятіе доступно было лишь болѣе счастливымъ, ибо требовался довольно крупный денежный залогъ для пріобрѣтенія права на биржевое маклерство. Мозесъ Монтефіоре, женившись незадолго передъ тѣмъ очень счастливо, какъ мы скоро увидимъ, во всѣхъ отношеніяхъ, былъ въ состояніи сразу внести громадную сумму въ 1200 ф. ст. (около 10,000 р. на наши деньги) въ кассу городской думы. Ему повезло. Онъ, благодаря физическимъ и нравственнымъ качествамъ своимъ, производилъ хорошее впечатлѣніе на всякого, съ кѣмъ ему приходилось встрѣчаться. Его успѣху много способствовали, конечно, его дѣловая опытность, честность и аккуратность въ исполненіи возложенныхъ на него обязанностей; но не подлежитъ сомнѣнію, что не только нравственное состояніе и умственное развитіе, а также и чисто физическій строй его—высокій, статный ростъ, красивая наружность, симпатичныя черты лица съ глазами, выражающими искреннюю доброту и, наконецъ, мягкость манеръ и любезное обращеніе—все это вмѣстѣ одинаково благопріятствовало какъ его удачамъ въ дѣлахъ, такъ и расширенію связей вообще, благодаря которымъ онъ радушно былъ принятъ въ высшія сферы англійскаго общества, въ среду чистокровнѣйшихъ аристократовъ. Еврею надо было быть человѣкомъ дѣйствительно безукоризненнаго во всѣхъ отношеніяхъ характера, чтобы въ то время добиться такого положенія въ англійскомъ обществѣ, преисполненнаго всевозможныхъ предразсудковъ; тѣмъ болѣе, если этому человѣку своими собственными силами, благодаря лишь личнымъ своимъ способностямъ предстояло проложить себѣ дорогу и достичь цѣли, о которой онъ вѣрно и мечтать не могъ, такъ

какъ не видѣлъ передъ собою никакихъ живыхъ подобныхъ примѣровъ. Съ этихъ поръ онъ пошелъ все выше и выше и счастіе не измѣнило ему и понынѣ.

Счастливый, какъ мы сказали выше, заключилъ онъ бракъ. Онъ женился на 26 году своей жизни, въ 1812 году, столь мятномъ въ русской исторіи, какъ вообще всѣ болѣе или менѣе важные моменты въ жизни сэра Мозеса такъ или иначе связаны, если не прямо, непосредственно, то хоть синхронически, съ важными событіями нашего вѣка. Своей подругой жизни онъ избралъ Юдифь, дочь м-ра Леви-Барента Когена, богатаго и извѣстнаго своей благотворительностью лондонскаго купца. Мозесъ Монтефіоре обнаружилъ при этомъ союзѣ независимость своего ума, хорошій вкусъ и превосходство надъ многими изъ своихъ современниковъ-единовѣрцевъ. Будучи самъ по происхожденію членомъ сефардической конгрегаціи, къ которой присоединились его предки по своемъ прибытіи въ Англію, какъ это обыкновенно практиковалось тогда евреями, выселявшимися туда изъ Италіи, онъ вступилъ въ бракъ съ дочерью ашкеназскаго или «нѣмецкаго» еврея и тѣмъ поставилъ себя выше предразсудковъ, царствовавшихъ въ то время въ средѣ «сефардовъ», т. е. выходцевъ изъ Испаніи и Португаліи, по отношенію къ своимъ единовѣрцамъ всѣхъ другихъ странъ, которыхъ называли общимъ именемъ «ашкеназы» или «германскіе» и къ которымъ относились свысока, даже презрительно. Такое отношеніе и теперь еще существуетъ въ Англіи, но далеко не въ такой сильной степени; а въ послѣднее время дѣлаются серьезныя попытки къ совершенному искорененію этихъ предубѣжденій, къ уничтоженію слѣдовъ такой оскорбительной демаркаціонной линіи между двумя вѣтвями одного и того же племени. Первый шагъ къ сліянію этихъ двухъ частей англійскаго еврейства, взиравшихъ другъ на друга какъ почти двѣ чуждыя между собою націи, былъ сдѣланъ учрежденіемъ въ сороковыхъ годахъ «комитета депутатовъ», куда посылали своихъ делегатовъ для обсужденія и рѣшенія общееврейскихъ вопросовъ всѣ конгрегаціи лондонскихъ евреевъ одинаково—и сефарды и ашкеназы. Браки, однако, и по сіе время очень рѣдко бываютъ между членами

обѣихъ этихъ группъ. Можно себѣ поэтому представить, какова должна была быть смѣлость Мозеса Монтефіоре, когда онъ рѣшился на такой бракъ, тѣмъ болѣе что тогда, какъ въ матеріальномъ, такъ и въ количественномъ отношеніи сефарды составляли преобладающій элементъ—они и теперь еще насчитываютъ въ своей средѣ самыхъ богатыхъ членовъ англійскаго еврейства. Но добрая звѣзда, покровительствуя ему во всемъ прочемъ, не отказала ему въ своемъ руководствѣ и въ эту важную въ человѣческой жизни минуту: Юдифь была очень образованной женщиной, обладала предпріимчивымъ характеромъ и литературными наклонностями и даже способностями. Въ этомъ удачномъ выборѣ другъ друга взаимная любовь играла далеко не послѣднюю роль. Насколько сильна была ея любовь и глубоко уваженіе къ мужу, видно изъ ея дневника, который она вела во время ихъ совмѣстныхъ путешествій по обѣтованной землѣ и который былъ напечатанъ въ очень небольшомъ количествѣ экземпляровъ для распредѣленія между самыми интимными друзьями семьи Монтефіоре. Чтобы судить о томъ, какъ онъ любилъ и уважалъ жену свою, достаточно упомянуть, что сэръ Мозесъ въ каждый вечеръ пятницы, совершивъ обрядную молитву, съ благоговѣніемъ преклонялъ голову передъ своей супругой и произносилъ слѣдующія слова изъ притчъ Соломона: «есть много женщинъ добродѣтельныхъ, но ты превосходишь ихъ всѣхъ». Цѣлую половину вѣка прожила эта свѣтлая чета въ полномъ счастіи; леди Юдифь умерла ровно черезъ 50 лѣтъ послѣ брака, а именно въ 1862 г. Она была для него подругой жизни въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова: она не только раздѣляла съ нимъ его семейные идеалы, но была полной спутницей и помощницей его въ его общественной дѣятельности. Очень рѣдки тѣ, на долю которыхъ выпадаетъ такое полное наслажденіе, ибо рѣдки въ человѣческой жизни случаи добра безъ зла. Впрочемъ мы чуть было не выпустили изъ виду одно изъ важныхъ обстоятельствъ въ жизни этого человѣка: природа и относительно этой четы какъ бы старалась доказать, что и на солнцѣ есть пятна. И въ самомъ дѣлѣ, на горизонтѣ супружескаго счастья Монтефіоре виднѣется черная точка—у нихъ не было дѣтей. А это великое горе

для такихъ любвеобильныхъ сердецъ, какими одарила ихъ та же природа, и еще тѣмъ болѣе для еврея, въ глазахъ котораго продолженіе рода своего имѣетъ такое важное, чуть ли даже не религіозное значеніе. Но пути судебъ неисповѣдимы. Быть можетъ, что это именно обстоятельство и служило главной причиной космополитическаго человѣколюбія и главной основой безграничной дѣятельности на поприщѣ филантропіи, которой посвятили себя Монтефіоре. Дѣти часто мѣшаютъ своимъ родителямъ въ осуществленіи ихъ идеаловъ, и это тѣмъ болѣе, чѣмъ идеалы эти выше, задачи и планы обширнѣе и грандіознѣе, такъ какъ тѣмъ болѣе велики жертвы, какія часто требуются отъ родителей въ такихъ случаяхъ. Оно и въ матеріальномъ отношеніи весьма важно: имѣй они дѣтей, они, пожалуй, не такъ легко поддались бы внутренему голосу, твердившему имъ: «у васъ есть достаточно матеріальныхъ благъ; благодарите Бога и будьте довольны». Но дѣтей у нихъ не было и вотъ благодарная чета, повинуясь этому благородному голосу, порѣшила отнынѣ посвятить все свое время исключительно на пользу ближнихъ, и Мозесъ Монтефіоре, подобно Веньямину Дизраэли старшему (дѣду графа Биконсфильда), который въ цвѣтѣ лѣтъ, когда другіе только начинаютъ серьезно заботиться о благахъ земныхъ, нашелъ въ себѣ достаточно силъ отказаться отъ дальнѣйшаго стремленія къ нимъ съ цѣлью заняться чѣмъ-нибудь болѣе возвышеннымъ,—и Мозесъ Монтефіоре, въ эту же пору жизни, поступая по совѣту достойной супруги, прекратилъ свою торговую дѣятельность и предался болѣе сильнымъ влеченіямъ сердца своего — дѣлу служенія страждущему человѣчеству. Онъ остался, однако, при порядочномъ состояніи, что, конечно, очень значительно благопріятствовало успѣхамъ, которыхъ онъ достигалъ на избранномъ его сердцемъ поприщѣ. А что въ этомъ поступкѣ слѣдуетъ видѣть одну изъ тѣхъ великихъ жертвъ, какія онъ приносилъ своему идеалу, можно заключить изъ того, что братъ его, Абраамъ Монтефіоре, состоявшій его компаньономъ въ дѣлѣ и продолжавшій это дѣло послѣ того, какъ сэръ Мозесъ удалился на покой, успѣлъ оставить по себѣ громадный капиталъ, хотя онъ и не былъ главою въ этомъ товариществѣ. Но мы ушли

немножко впередъ; мы не упомянули о предпріятіяхъ торговаго характера.

Сдѣлавшись оффиціальнымъ биржевымъ маклеромъ, Мозесъ Монтефіоре въ первое время занимался исключительно биржевыми операціями; но потомъ сталъ расширять свою дѣятельность и другаго рода предпріятіями. Ему между прочимъ принадлежитъ иниціатива въ дѣлѣ учрежденія многихъ акціонерныхъ обществъ, если не иниціатива практическихъ ассоціацій вообще въ Англіи. Онъ былъ главнымъ основателемъ самыхъ крупныхъ обществъ на этихъ началахъ въ Англіи и даже Европѣ. Такъ онъ былъ главнымъ иниціаторомъ и дѣятелемъ въ дѣлѣ учрежденія «Генеральнаго общества газоваго освѣщенія» во всѣхъ главныхъ городахъ европейскаго континента (The Imperial Gas Association), существующаго по сіе время и считающагося самымъ лучшимъ учрежденіемъ акціонернаго характера. Собственно началомъ этого рода дѣятельности Мозеса Монтефіоре слѣдуетъ считать 1821 г., когда основано было подъ его руководствомъ «Общество попечителей» (Association of Guardians), но первое крупное предпріятіе его на этомъ поприщѣ составляетъ безспорно учрежденный имъ въ 1824 г. «Союзъ страхованія жизни въ Великобританіи и другихъ странахъ и Товарищество страхованія отъ огня» (Alliance British and Foreign Life and Fire Insurance Company). Его, конечно, избрали первымъ президентомъ этого общества Весьма интересна, чтобы не сказать курьезна, исторія основанія этого важнаго для всего почти человѣчества союза, такъ какъ тутъ обнаруживаются во всей своей яркости быстрота соображенія и сила ума, способность къ сложнымъ комбинаціямъ и широкимъ обобщеніямъ, а также громадное знаніе людей и вещей, какими обладалъ уже въ эту пору своей жизни сэръ Мозесъ, хотя, какъ мы замѣтили выше, полученное имъ школьное образованіе было очень скудно. Мы изъ этой исторіи также увидимъ, что идея о пользѣ страхованія вообще исходитъ исключительно изъ головы М. Монтефіоре, покрайней мѣрѣ, въ той практической формѣ, въ какой она при совершенно случайномъ стеченіи обстоятельствъ зародилась въ его мозгу.

Считаемъ поэтому не лишнимъ передать здѣсь содержаніе этой исторіи въ томъ видѣ, какъ ее разсказалъ самъ Монтефіоре: «Предпріятія акціонернаго характера находились тогда въ зачаточномъ лишь состояніи. Хотя тутъ и тамъ существовали тогда общества, устроенныя на этихъ началахъ, но практическаго значенія не имѣло ни одно изъ нихъ. Первое общество, увѣнчавшееся дѣйствительнымъ успѣхомъ, было «Association of Guardians», основанное при моемъ участіи въ 1821 г. Судьба его глубоко интересовала меня. Глава англійскаго дома Ротшильдовъ, м-ръ Н. М. Ротшильдъ, имѣлъ нѣкоторыя акціи этого учрежденія. Когда онъ однажды шелъ въ контору этого общества для полученія дивиденда, я встрѣтился съ нимъ и, сопровождая его, случайно заговорилъ о характерѣ и развитіи дѣла страхованія вообще. Бесѣдуя объ этомъ предметѣ, мы оба пришли къ заключенію, что общество страхованія жизни нашло бы грамадное множество кліентовъ въ средѣ нашихъ собственныхъ друзей, и мнѣ удалось убѣдить его въ большихъ выгодахъ такого предпріятія для обѣихъ сторонъ— какъ для самаго общества, такъ и для кліентуры. И мы тутъ же порѣшили основать новое страховое общество: „Alliance British and Foreign Life and Fire Insurance Company". Прекрасный результатъ, какой дало это предпріятіе, извѣстенъ всѣмъ». И въ самомъ дѣлѣ, разсчетъ былъ вѣрный, если принять въ соображеніе, что подъ словами «наши собственные друзья» Мозесъ Монтефіоре подразумѣвалъ главнымъ образомъ евреевъ. Статистическій выводъ о замѣчательномъ фактѣ жизненности евреевъ былъ въ то время извѣстенъ весьма лишь немногимъ; причина этого явленія и теперь еще не вполнѣ выяснена; неизвѣстно еще, происходитъ ли это отъ трезвости, свойственной этому народу, или отъ діететическихъ законовъ его религіи. Принявъ это во вниманіе, сэръ Мозесъ легко могъ сообразить, что чѣмъ дальше средняя жизненность какой-нибудь групы людей, тѣмъ доходнѣе будутъ эти люди въ качествѣ членовъ общества страхованія жизни. Не выпустилъ онъ также изъ виду и того, неоспоримо, важнаго обстоятельства, что такое общество—большая находка для самихъ евреевъ, какъ для людей, не пользующихся всѣми правами и слѣдовательно не вполнѣ обезпеченныхъ.

Послѣднее обстоятельство было также причиной привлеченія цѣлой массы квакеровъ,—которые въ то время еще не совершенно избавлены были отъ гнета, за особенности своего религіознаго міровозрѣнія — въ кліента этого общества. Не смотря на отсутствіе равноправности съ другими, квакеры были въ то время очень вліятельны, и вотъ, благодаря вступленію квакера С. Герней третьимъ членомъ въ комитетѣ имѣвшагося въ виду общества, множество самыхъ вліятельныхъ лицъ Сити привлечено было къ соучастію въ основаніи директората перваго страховаго общества. Вслѣдъ за этимъ, на такихъ же началахъ, учреждено было «общество морскаго страхованія»—*Alliance Marine Insurance Company*. Но самымъ важнымъ по своимъ результатамъ признается теперь «континентальное газовое общество». Весьма интересно при этомъ, какъ другое доказательство поразительной дальноворкости сэра Мозеса, то обстоятельство, что дѣла этого общества, увѣнчавшагося впослѣдствіи полнымъ успѣхомъ, очень долгое время были до того плохи, что главный основатель его бывалъ очень часто понуждаемъ къ упраздненію его. Но онъ не поддавался. Еще болѣе: дѣла стали поправляться, а онъ упорно продолжалъ отказываться отъ всякихъ дивидендовъ, пока наконецъ предпріятіе это не достигло полнаго своего развитія. Онъ по сіе время еще состоитъ президентомъ, какъ этого, такъ и всѣхъ другихъ упомянутыхъ учежденій, и ежегодно даетъ обѣдъ всѣмъ служащимъ въ Лондонѣ при этихъ обществахъ. Въ 1825 году, опять же при главномъ его соучастіи въ качествѣ одного изъ учредителей-директоровъ и подъ его руководствомъ основанъ былъ «Ирландскій національный банкъ», оказавшій потомъ такія громадныя услуги несчастнымъ обитателямъ этой угнетенной страны, которымъ до 1824 г. вовсе запрещено было производить какія бы то ни было банковыя операціи. Съ этихъ поръ дѣятельность мистера Монтефіоре, начинаетъ принимать все болѣе и болѣе общественный характеръ, при чемъ расширеніе его дѣятельности въ этомъ направленіи происходитъ на счетъ комерческой и промышленной предпріимчивости его. Одновременно съ этимъ, въ немъ замѣтно развивается склонность къ болѣе тихой домашней жизни. Надо полагать, что

тутъ именно начинается самообразованіе с. Мозеса, благодаря которому онъ впослѣдствіи отрекомендованъ былъ своими друзьями «Королевскому обществу» (Royal Society), что составляетъ въ Лондонѣ приблизительно тоже, что *Académie Française* въ Парижѣ, и удостоился избранія въ члены этого ученаго ареопага, со званіемъ «Fellow of Royal Society», какъ человѣкъ, «преданный интересамъ науки и содѣйствующій практическимъ примѣненіямъ ея открытій». Получивъ очень скудное образованіе въ школѣ, гдѣ онъ провелъ очень короткое время—онъ съ раннихъ лѣтъ призванъ былъ своими родителями къ дѣлу,—онъ свои знанія пріобрѣлъ въ болѣе зрѣломъ возрастѣ. Вполнѣ обезпеченный матеріально и заручившись широкими связями, онъ рѣшился оставить Лондонъ и поселился въ приморскомъ Рамсгетѣ, въ купленномъ имъ домѣ «East-Cliffe Lodge». Судьба не переставала улыбаться ему. Выборъ мѣста постоянной резиденціи былъ очень удачный: живописная мѣстность съ прекраснымъ климатомъ сдѣлала старинный, построенный въ XVIII в. виконтомъ Кейтомъ, (пользовавшимся популярностью подъ именемъ «адмирала Эльфинстона» отвоевавшаго Мысъ Доброй Надежды отъ Голландцевъ) «замокъ восточнаго склона скалы» очень уютной обителью. Полнымъ владѣльцемъ этого зданія, въ чисто готическомъ стилѣ, защищеннаго деревьями и природными возвышеніями съ сѣвера и снабженнаго террасами съ запада, которыя постепеннно спускаются къ морскому берегу, съ глубокими и длинными подземными проходами, про которыя существуютъ различныя легенды—полнымъ обладателемъ всего этого Мозесъ Монтефіоре сталъ въ 1830 г. Но поселился онъ здѣсь нѣсколько раньше. Первымъ общественнымъ дѣломъ его на этой почвѣ была постройка синагоги, основаніе которой было положено въ 1831 г. а освященіе совершено въ 1833 г., такъ что день вступленія сэра Мозеса въ *сотый годъ* его жизни былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и днемъ юбилея пятидесятилѣтія существованія этой синагоги, отданной имъ въ пользованіе всего города. Празднованіе дня основанія этой синагоги, которое соблюдалъ Монтефіоре въ продолженіе всей своей жизни, составляло особеннно свѣтлыя минуты для него при жизни любимой его су-

пруги: ежегодно въ этотъ день онъ съ восхищеніемъ видѣлъ у себя всѣхъ тѣхъ, которые пользовались его богоугоднымъ зданіемъ: духовныхъ членовъ мѣстной еврейской конгрегаціи, въ томъ числѣ двухъ раввиновъ, содержимыхъ на его счетъ еще по сіе время. Приблизительно въ это же время онъ, послушавшись благороднаго совѣта леди Монтефіоре, своей умной и доброй супруги, рѣшился вовсе прекратить всѣ торговыя операціи и всецѣло посвятилъ себя общественной дѣятельности, которая чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе становится чисто филантропическаго характера. Уже послѣ этого онъ свое вліяніе, которое было уже очень велико, простиралъ, главнымъ образомъ на политическія стороны общественной жизни, когда онѣ, по результату своему, имѣли что нибудь общее съ филантропіей, въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова. А насколько уже тогда велико было уваженіе, какое питали къ нему въ Англіи, можно судить по тому, что онъ къ кругу своихъ интимныхъ друзей могъ причислить часто посѣщавшаго его архіепископа Кентерберійскаго, покойнаго нынѣ Тейта, и многихъ другихъ, занимавшихъ самыя высокія должности, какъ въ іерархіи духовной, такъ и свѣтской, что̀ въ то время было весьма рѣдкимъ явленіемъ въ жизни еврея. Онъ въ это время уже былъ извѣстенъ королевѣ Викторіи (еще въ то время принцессѣ), знавшей его еще какъ прекраснаго, любезнаго сосѣда, такъ какъ она, нерѣдко бывая въ гостяхъ у княгини Кентской и Бродстерской, жившей въ его сосѣдствѣ, часто прогуливалась на его землѣ, и, привлеченная красотой мѣстности, гдѣ обиталъ м-ръ Монтефіоре, часто заходила въ его садъ, для чего онъ снабдилъ ее особымъ, золотымъ ключомъ. Нечего говорить уже объ уваженіи со стороны евреевъ. Съ лучшими представителями англійскаго еврейства онъ, сверхъ того, состоялъ въ тѣсной родственной связи: Макатта, Коганъ и Гольдсмидъ были его родственниками; также и Ротшильды. Сестра его, Ханна Монтефіоре, племянница которой, тоже Ханна—теперь супруга лорда Розбери, вышла за мужъ за главу франкфуртскаго дома, Н. М. Ротшильда, впослѣдствіи основателя англійскаго дома этого имени; братъ его, Авраамъ Монтефіоре, состоявшій его компаньономъ въ дѣлѣ,

при второмъ своемъ бракѣ женился на Генріеттѣ Ротшильдъ, сестрѣ своего шурина. Понятно, что это тѣсное родство повело за собою тѣсную дружбу. И въ самомъ дѣлѣ, Ротшильдъ, благодаря отчасти этому родству, а отчасти личнымъ способностямъ Мозеса Монтефіоре, далъ послѣднему участіе въ своихъ гигантскихъ предпріятіяхъ. Это-то именно обстоятельство и благопріятствовало сэру Мозесу стать на ноги. Стоя близко къ выдающемуся финансисту, онъ узнавалъ раньше всѣхъ о важнѣйшихъ событіяхъ на континентѣ, что было весьма цѣннымъ обстоятельствомъ въ тогдашнее возбужденное время. Такъ, онъ былъ первымъ, до котораго голубиная почта Ротшильда донесла вѣсть о бѣгствѣ Наполеона съ острова Эльбы, а затѣмъ о его пораженіи при Ватерлоо и о тому подобныхъ событіяхъ. Это, конечно, давало ему возможность покупать цѣнныя бумаги—акціи etc. въ то время, какъ другіе отдавали ихъ за безцѣнокъ и, наоборотъ, во время избавляться отъ таковыхъ, когда цѣнность ихъ стала падать. Мозесъ Монтефіоре, занимая это положеніе, очень часто имѣлъ случай оказывать добрыя услуги самому правительству и часто удостоивался впослѣдствіи, благодаря этому, весьма важныхъ порученій со стороны послѣдняго. Такъ въ 1827 г., возвращаясь съ первой своей поѣздки въ страну своихъ предковъ черезъ Италію и Францію въ каретѣ, запряженной четверкой лошадей, онъ посланъ былъ адмираломъ Кодрингтономъ съ весьма важными вѣстями о битвѣ при Наваринѣ къ князю Кларенсу, впослѣдствіи королю Вильгельму IV. Характеристична точность, съ какой сэръ Мозесъ исполнилъ возложенную на него миссію: прибывши въ Лондонъ, онъ вовсе не заѣхалъ къ себѣ домой, а прямо отправился къ князю и доставилъ ему эту вѣсть. Когда онъ на слѣдующій день приглашенъ былъ княземъ Кларенсомъ для болѣе подробныхъ объясненій (самаго князя не было дома, и письмо адмирала было оставлено Мозесомъ въ его кабинетѣ), то на вопросъ послѣдняго: «что думаютъ народы востока объ этомъ сраженіи?» онъ отвѣчалъ, что они считаютъ это необходимостью, причемъ привелъ слова, сказанныя по этому же поводу адмираломъ Кодрингтономъ: «Когда оскорбляютъ британское знамя, тогда британскій матросъ знаетъ свою обя-

занность». Будущій рыцарь (knight) очень понравился будущему королю Великобританіи.

Съ этого времени популярность Мозеса Монтефіоре возрастаетъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе. Сначала въ Лондонѣ, затѣмъ въ Англіи и наконецъ не только во всѣхъ странахъ Европы и тамъ, гдѣ языкъ англичанъ, какъ въ Америкѣ, есть языкъ господствующій, или какъ въ Австраліи, гдѣ этотъ языкъ есть языкъ государственный,—словомъ не только тамъ, гдѣ существуетъ или куда проникаетъ англійская печать, но и въ Азіи и Африкѣ, имя Монтефіоре становится извѣстнымъ, его окружаетъ ореолъ универсальнаго филантропа. Надо вообще быть очень популярнымъ, чтобы добиться весьма почетной должности шерифа Лондона. Полвѣка тому назадъ, такая общественная должность для еврея даже въ Англіи была обставлена такими трудностями, что когда какой нибудь выдающійся еврей и былъ избираемъ на этотъ постъ, то присяга мѣшала ему функціонировать. Такъ, не смотря на двукратное избраніе еврея сэра Давида Соломонса въ шерифы Лондона, онъ тогда только былъ допущенъ къ присягѣ, когда Мозесъ Монтефіоре, согласившись выступить кандидатомъ на такую же должность, своимъ именемъ настолько подѣйствовалъ на общественное настроеніе, что лордъ Кампбель, впрочемъ личный другъ Монтефіоре, счелъ умѣстнымъ приступить къ измѣненію формы присяги, и тѣмъ открывъ въ 1835 году легальный доступъ евреямъ къ общественнымъ должностямъ, толерантный министръ далъ сэру Д. Соломонсу возможность исполнять возложенныя на него избирателями общественныя обязанности. Этимъ, весьма важнымъ для англійскихъ евреевъ пріобрѣтеніемъ, они обязаны исключительно имени Монтефіоре. Можно даже сказать, что они обязаны ему всей своей современной эмансипаціей; ибо это именно пріобрѣтеніе было преддверіемъ, началомъ эры избавленія англійскихъ евреевъ отъ средневѣковой опалы, это было первымъ шагомъ къ юридическому рѣшенію еврейскаго вопроса въ Англіи, такъ какъ актомъ измѣненія присяги въ пользу евреевъ впервые признано было de jure то, что уже давно существовало de facto въ народномъ сознаніи, проявившемся въ фактѣ вторичнаго избранія народомъ еврея на обще-

ственную должность. Надо хорошо знать исторію англійскаго народа, понимать духъ и характеръ ея, чтобы по достоинству оцѣнить поступокъ и протестъ народа съ одной стороны и отвѣтъ правительства съ другой. Общее развитіе всего народа нигдѣ не прогресируетъ такъ медленно, какъ въ Англіи, за то оно нигдѣ не такъ обезпечено противъ реакціи и даже противъ однихъ лишь ретроградныхъ поползновеній, какъ тамъ, въ странѣ гордыхъ потомковъ Альбіона. Какъ бы ново ни было направленіе, по которому разъ сдѣланъ шагъ—этотъ шагъ становится безповоротнымъ, и успѣхъ новаго дѣла, его прогрессъ обезпечены и вѣрны, ибо подобныя движенія въ ту или другую сторону происходятъ въ Англіи не въ силу одного случайнаго обстоятельства, а въ силу приготовленности и согласія большинства людей, заинтересованныхъ въ ходѣ общественныхъ событій, въ теченіи общественной жизни,—словомъ, потому что въ Англіи все опирается на общественное мнѣніе. Такъ было и въ данномъ случаѣ, т. е. въ отношеніи къ вопросу о правахъ евреевъ. Разъ вопросъ этотъ сталъ жизненнымъ, т. е. вступилъ въ фазисъ своего развитія, когда онъ уже слишкомъ часто и близко сталкивается съ общественными вопросами страны вообще, входитъ, такъ сказать, въ кругъ современной жизни общества, затрогивая собою ту или другую стороны его, тѣ или другіе интересы его, и разъ принято въ этотъ моментъ разрѣшеніе его въ пользу евреевъ—послѣдніе, если имъ извѣстенъ былъ характеръ англичанъ, могли съ полной увѣренностью въ успѣхѣ своего праваго дѣла смотрѣть на будущее. И въ самомъ дѣлѣ, тутъ, какъ и во всемъ, что касается общественной жизни въ Англіи, оправдалась вѣрно характеризующая англичанъ поговорка: «slow but sure», т. е. медленно, но вѣрно. И вотъ черезъ два года послѣ избранія перваго еврея въ шерифы Лондона, этой же чести и довѣрія народа удостоился и самъ Мозесъ Монтефіоре, собственно виновникъ успѣха первыхъ выборовъ еврея въ шерифы. Во время его шерифства въ 1837 г. Викторія, нынѣ королева Англіи, вступила на престолъ и первымъ актомъ ея по отношенію къ своимъ еврейскимъ подданнымъ было дарованіе м-ру Монтефіоре титула «сэра». Дѣло это, какъ извѣстно, тѣмъ пріятнѣе было для молодой королевы,

что она знала и хорошо помнила его, какъ любезнаго сосѣда— владѣльца живописнаго «East Cliff'». Спустя три года, въ 1840 году, сэръ Мовесъ вторично испыталъ на себѣ знакъ вниманія лично къ себѣ и благорасположенія къ евреямъ вообще со стороны молодой королевы: по возвращеніи своемъ съ поѣздки, предпринятой имъ въ 1840 г. вмѣстѣ съ своей супругой на востокъ, съ цѣлью облегченія страшно тяжкой въ то время доли своихъ единовѣрцевъ въ Дамаскѣ, онъ получилъ право—какъ знакъ благороднаго отличія за услуги, оказанныя имъ человѣчеству—имѣть свой собственный гербъ,—честь, которой обыкновенно удостоиваются одни лишь перы и титулованные лорды. Въ 1845 году, благодаря почти главнымъ образомъ его вліянію, евреями Англіи пріобрѣтено было новое право; этотъ шагъ впередъ выразился въ томъ, что м-ръ Линдгерстъ далъ дальнѣйшее примѣненіе измѣненной 10 лѣтъ тому назадъ присягѣ въ пользу евреевъ, санкціонировавъ избраніе еврея, ех-шерифа Д. Соломонса, въ «альдерманы»—старшины, изъ среды которыхъ избираются лордъ-мэры. Въ слѣдующій затѣмъ годъ, по возвращеніи въ 1846 г. изъ Россіи, которую онъ посѣтилъ съ подобной же миссіей, сэръ Мовесъ произведенъ былъ въ баронеты сэромъ Робертомъ Пиллемъ, тогдашнимъ премьеромъ Англіи.

Гербъ, избранный сэромъ Мозесомъ, вполнѣ соотвѣтствуя его религіознымъ и національнымъ чувствамъ, весьма характеристиченъ: этотъ гербъ состоитъ изъ ливанскаго кедра, окруженнаго съ обѣихъ сторонъ холмиками цвѣтовъ. Значеніе того и другого понятно. Первое напоминаетъ собою отечество предковъ Мозеса Монтефіоре на востокѣ, по направленію къ которому онъ три раза въ день преклонялъ свою голову во время молитвы; второе—холмики цвѣтовъ—означаетъ его имя: monti di fiori. На этомъ гербѣ красуется также маленькій двухконечный флагъ съ надписью: «Іерусалимъ» древне-еврейскими буквами. Своимъ девизомъ онъ избралъ краткій афоризмъ: «думай и благодари» (Think and thank), что едва-ли однако выражаетъ собою вполнѣ смыслъ долголѣтней жизни его, всецѣло посвященной столько же благимъ «дѣяніямъ», сколько «мышленію» и «признательности».

Возвышеніе сэра Мозеса Монтефіоре на ступеняхъ общественной лѣстницы продолжало безостановочно идти впередъ. Въ 1847 г. онъ былъ назначенъ главнымъ шерифомъ (High Sheriff) всего графства Кентъ. Затѣмъ онъ избранъ былъ магистратомъ какъ этого графства, такъ и сосѣдняго съ нимъ, т. е. всей провинціи Мидльсекса. Въ санѣ магистрата обоихъ графствъ онъ числится и по настоящее время; также состоитъ онъ теперь «членомъ лейтенантства города Лондона» (Commissioner for the Lieutenancy of the City of London), «депутатомъ-лейтенантомъ Кента» и пр. и пр. Кстати будетъ замѣтить тутъ, въ чемъ заключаются функціи магистрата и какъ отправлялъ ихъ сэръ Мозесъ. По формѣ своей и атрибутамъ своимъ, постъ магистрата чисто муниципальнаго характера; отъ лицъ, обыкновенно избираемыхъ на этотъ весьма почетный постъ, не требуется никакихъ спеціальныхъ знаній. Единственно необходимое условіе—это популярность личности въ средѣ избирателей, благодаря честности своего характера, опытности и сочувственному участію въ дѣлахъ общества. Не смотря однако на это, должность магистрата по существу своему очень сложная, чисто судебная, хотя лишь по гражданскимъ дѣламъ. Независимость англійскаго судьи вообще очень велика, но въ данномъ случаѣ она еще обширнѣе. Магистратъ, опираясь, конечно, на законы, полное знаніе которыхъ возложено на руководящаго имъ секретаря, разбираетъ и рѣшаетъ дѣла главнымъ образомъ по своему личному усмотрѣнію, и участь подсудимыхъ вполнѣ зависитъ отъ характера временнаго судьи, рѣшенія котораго почти безаппеляціоны. На сколько гуманна была дѣятельность Мозеса Монтефіоре на этомъ поприщѣ, можно заключить изъ того, что по сіе время еще сохраняется въ полной своей силѣ установившееся съ тѣхъ поръ въ англійскомъ народѣ убѣжденіе, что евреи въ этой должности гораздо снисходительнѣе и гуманнѣе къ слабымъ, чѣмъ христіане. Это народное мнѣніе и въ прошломъ году дало перевѣсъ еврею м-ру Айзаку надъ его популярнымъ противникомъ — христіаниномъ когда оба кандидата баллотировались на эту должность.

Вполнѣ поэтому справедливо видѣть въ сэрѣ Мозесѣ Монтефіоре главнаго піонера на аренѣ вполнѣ увѣнчавшейся успѣ-

хомъ борьбы англійскихъ евреевъ за свое полное равноправіе, сначала гражданское, а потомъ и политическое.

По мѣрѣ приближенія къ исходу шестаго десятилѣтія жизни, дѣятельность сэра Мозеса изъ общественно-политической постепенно переходитъ къ болѣе спокойной, къ дѣятельности чисто филантропической. Она становится исключительно таковой къ концу пятидесятыхъ годовъ, а именно послѣ допущенія въ 1858 г. еврея, его племянника, барона Ліонеля де Ротшильда—неоднократно избиравшагося въ члены парламента, но послѣднимъ отвергавшагося за его вѣроисповѣданіе—въ составъ представителей народныхъ интересовъ въ Англіи. Этотъ важный актъ парламента, признавшій еврея способнымъ выражать собою народное мнѣніе, завершилъ собою, такъ сказать, періодъ исторіи этой страны, касающійся момента рѣшенія еврейскаго вопроса. Можно себѣ представить, какъ велико было участіе сэра Мозеса въ дѣлѣ обезпеченія за своими единовѣрцами успѣха въ этомъ важномъ дѣлѣ. Не смотря на свои лѣта, онъ работалъ неутомимо и его имя будетъ вѣчно связано въ памяти англійскаго еврейства съ радостнымъ воспоминаніемъ объ эмансипаціи евреевъ изъ-подъ средневѣковаго ига.

Съ упраздненіемъ всякаго рода союзовъ, существовавшихъ до этого момента среди англійскаго еврейства для достиженія вышеозначенной цѣли, т. е. окончательнаго устраненія всѣхъ гражданскихъ и политическихъ ограниченій правъ евреевъ въ Англіи и ея колоніяхъ, союзовъ, оказавшихся теперь лишними—и Монтефіоре, имѣя полнѣйшее право считать свою задачу относительно англійскихъ евреевъ оконченной, направляетъ весь свой досугъ и способности съ одной стороны на споспѣшествованіе этой же цѣли по отношенію къ своимъ соплеменникамъ всѣхъ прочихъ странъ свѣта въ качествѣ предсѣдателя, имъ же почти основаннаго «совѣта депутатовъ по еврейскимъ дѣламъ», а съ другой, главнымъ образомъ—на дѣла филантропіи въ болѣе тѣсномъ смыслѣ этого слова. Собственно говоря, и политическія стремленія его вытекаютъ, главнымъ образомъ изъ филантропіи, особливо со времени смерти его любимой и глубоко чтимой супруги въ 1862 г., когда ему нанесенъ былъ первый и, къ счастію, послѣдній, но очень жестокій ударъ судьбы, которая во

всемъ прочемъ не переставала улыбаться ему и по настоящій день. Онъ и въ чествованіи памяти своей дорогой супруги не дѣлалъ ничего иного, какъ то, что можетъ быть въ пользу ближнимъ. Первымъ дѣломъ его послѣ смерти леди Монтефіоре было устройство въ ея память «дома призрѣнія для старыхъ ученыхъ» въ еврейскомъ законовѣдѣніи. Похоронивъ при синагогѣ своей въ Рамсгетѣ, свою подругу жизни, съ которой въ теченіи цѣлаго полувѣка онъ связанъ былъ самыми крѣпкими узами любви и которая умерла вскорѣ послѣ того, какъ была блестящимъ образомъ торжественно отпразднована «золотая свадьба», при которомъ такъ ярко обнаружилось все глубокое и искреннее уваженіе къ этой «свѣтлой четѣ» со стороны всѣхъ и устроивъ скромный, но прекрасный мавзолей, составляющій собою совершенную копію гроба Рахиля, который находится по дорогѣ изъ Виѳлеема въ Іерусалимъ,—предавъ смертные останки своей помощницы землѣ, онъ прежде всего приступилъ къ дѣлу увѣковѣченія памяти ея души и сердца. Закончивъ устройство «коллегіи для раввиновъ», которые, живя на его счетъ, должны заниматься исключительно дальнѣйшимъ изученіемъ священныхъ книгъ, онъ тотчасъ же основалъ въ ея же память школу для дѣвочекъ и мальчиковъ съ пенсіями. наградами и дипломами sui generis, разумѣется. Еврейская община, въ знакъ уваженія къ памяти леди Юдифи и какъ выраженіе благодарности, учредила на свои средства «пріютъ для выздоравливающихъ» обоего пола и всѣхъ возрастовъ; это зданіе помѣщается въ одной изъ лучшихъ по своему климату окрестностей Лондона, а именно въ Южномъ Норвудѣ и пользуется такой громкой славой во всей Англіи, что посѣщающіе Лондонъ, чтобы осмотрѣть его достопримѣчательности, очень часто отправляются въ Норвудъ съ цѣлью видѣть этотъ образцовый пріютъ.

Читатели изъ сказаннаго могли составить себѣ въ общихъ чертахъ понятіе о томъ, каковъ религіозный характеръ юбиляра. Для пополненія, мы прибавимъ тутъ еще нѣсколько характеристичныхъ чертъ. Сэръ Мозесъ, не взирая на крайнюю ортодоксальность своихъ теологическихъ воззрѣній, былъ, однако, настолько толерантенъ, что считалъ реформу іудаизма

необходимостью. Одно только сознаніе необходимости быть крайне осторожнымъ въ этомъ дѣлѣ служило мотивомъ того, что, когда вопросъ о реформахъ этого рода сталъ животрепещущимъ, онъ перешелъ въ лагерь ортодоксовъ, хотя главные друзья его, какъ д-ръ Ванъ-Овенъ, м-ръ Гольдсмидъ, Д. Соломонсъ и другіе были горячими поборниками этихъ реформъ и заняли мѣста въ противномъ лагерѣ. Также не мѣшала ему крайне строгая ортодоксальность его въ частной жизни — его считаютъ самымъ строго-ортодоксальнымъ евреемъ Англіи — быть вполнѣ безпристрастнымъ въ своихъ благодѣяніяхъ, не знать никакихъ рѣшительно различій въ вѣроисповѣданіи. Всего только три года, какъ онъ пересталъ посѣщать синагогу въ качествѣ самого регулярнаго изъ ея посѣтителей. Онъ ежегодно соблюдаетъ постъ въ день взятія Іерусалима римлянами и въ судный день. Придерживаясь весьма строго всѣхъ постановленій еврейскаго закона и, безспорно, раздѣляя упованіе своихъ собратьевъ на пришествіе Мессіи, онъ, однако, не терялъ въ этой надеждѣ энергіи, нужной для практической жизни, для достиженія лучшей доли для евреевъ и для ближнихъ вообще. Выше мы намекнули на то, какъ онъ въ сообществѣ съ немногими, но очень энергичными товарищами, взялся за тяжелую работу пріобрѣтенія голосовъ со стороны своихъ согражданъ въ пользу своихъ стремленій къ достиженію для Англіи того отличія, въ силу котораго религія никого не исключаетъ изъ прямаго участія въ дѣлахъ на аренѣ политики. Главными сподвижниками сэра Мозеса въ дѣлѣ завоеванія у сильныхъ своимъ значеніемъ англійскихъ консерваторовъ искомыхъ правъ и главными помощниками въ этой важной побѣдѣ свѣта надъ мракомъ, добра, справедливости и культуры надъ зломъ, предразсудками и невѣжествомъ, такъ долго противоустоявшими всякимъ попыткамъ къ ихъ устраненію, благодаря лишь царившей въ массѣ темнотѣ, — были упомянутыя выше имена: Франсисъ Гольдсмидъ, Давидъ Соломонсъ, Веньяминъ Филипсъ, Ліонель Ротшильдъ, д-ръ Ванъ-Овенъ и нѣкоторые другіе. Нашъ юбиляръ пережилъ всѣхъ этихъ лицъ, изъ которыхъ не всѣмъ суждено было насладиться плодами своихъ тяжелыхъ, но благодарныхъ трудовъ.

Предметомъ второй половины настоящихъ очерковъ будутъ подробности касательно дѣятельности сэра Мозеса въ области филантропіи и краткій обзоръ исторіи, главнымъ образомъ нашего вѣка, такъ какъ столѣтняя жизнь юбиляра, обнимая собою *вѣковой* прогрессъ человѣческаго рода во всѣхъ странахъ земнаго шара, особенно ярко отражаетъ въ себѣ всѣ перипетіи и всѣ стадіи улучшенія въ судьбѣ расы, которую онъ нашелъ презрѣнной и поднятію уваженія къ которой онъ такъ широко способствовалъ.

Л. Г.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СУББОТА.

РАЗСКАЗЪ.

(*Окончаніе* *).

IX.

Всю ночь Борухъ не сомкнулъ глазъ. Предъ нимъ все носился образъ Сарры, а звукъ ея голоса до того ясно отдавался въ его ушахъ, что онъ нѣсколько разъ вскакивалъ и прислушивался. Но въ бѣдной мастерской его было также тихо, какъ въ гробу, а густая темнота, наполнявшая комнату, еще болѣе усиливала эту тишину. Въ первый разъ еще въ жизни Боруху пришлось испытывать то сладостное ощущеніе, которое сразу перерождаетъ человѣка и заставляетъ его привязаться къ жизни, которую онъ до сихъ поръ, можетъ быть, ненавидѣлъ. Нельзя сказать, чтобы Борухъ ненавидѣлъ жизнь, но она протекала у него такъ безцвѣтно, безсодержательно, что онъ вполнѣ безразлично относился къ своему существованію, заглушая въ работѣ и тѣ горькія чувства, которыя отъ времени до времени невольно прорывались наружу. Эти чувства стали появляться съ тѣхъ поръ, какъ онъ полюбилъ Сарру. Это случилось уже давно. Сначала онъ самъ не вѣрилъ этому, считая даже подобные помыслы грѣховными, но эти послѣдніе стали являться все чаще и чаще, отвлекая его отъ работы. Юкель-шадхенъ, знатокъ человѣческаго сердца давно замѣтилъ перемѣну въ молодомъ человѣкѣ и совѣтовалъ ему жениться. Онъ даже вызвался сыскать ему невѣсту съ приданымъ. Это было ему

---

* См. «Восходъ» 1884, кн. IX.

не трудно сдѣлать, потому что у сапожника Мейера была дочь на возрастѣ, а лучше Боруха во всемъ городѣ не было. Къ величайшему удивленію Юкеля, Борухъ отклонилъ его посредничество, за что первый очень разсердился.

— Уже не знаю, что о тебѣ думать,—вскричалъ онъ въ досадѣ,—не принцессу же тебѣ сватать...

— Я принцессы и самъ не желаю.

— Такъ кого же ты желаешь?

Борухъ задумался; онъ бы съ удовольствіемъ повѣрилъ свою тайну Юкелю, но боязнь, что тотъ, посмѣется надъ нимъ, удержала его. И въ самомъ дѣлѣ, можетъ ли онъ, простой ремесленникъ, разсчитывать на дочь благородныхъ родителей? Правда, Янкель Тейтельманъ также бѣденъ, какъ и онъ, пожалуй, еще бѣднѣе, но онъ все-таки не ремесленникъ, и въ его силахъ течетъ благородная кровь. Любя свое ремесло, Борухъ однако проклиналъ ту минуту, когда изъ него сдѣлали ремесленника. А развѣ онъ не могъ бы, какъ другіе его сверстники, учиться въ хедерѣ талмуду и торѣ, развѣ онъ не могъ бы, какъ и они, торговать или факторствовать? Тогда бы Янкель, конечно, не гнушался его сватовствомъ и охотно отдалъ бы за него свою дочь. А теперь... Но Сарра его и такъ любитъ... При одной мысли объ этомъ сердце его радостно забилось. Чѣмъ онъ хуже другихъ? подумалъ онъ. Еслибы это такъ было, развѣ эта дѣвушка его бы полюбила... Она ему не разъ говорила, что ей нравится его ремесло, что лучше быть мѣдникомъ или кровельщикомъ и честно зарабатывать свой хлѣбъ, чѣмъ бѣгать, какъ ея отецъ, безъ опредѣленнаго дѣла. При одномъ воспоминаніи объ этомъ Борухъ самъ выросъ въ собственномъ сознаніи. Онъ рѣшился быть смѣлѣе. Ничего что Бернштрунгъ сталъ между нимъ и Саррою, ея сердце все-таки ему принадлежитъ, а Юкель-шадхенъ также искусно владѣетъ языкомъ, какъ онъ молотомъ. Съ этой мыслью Борухъ, уже на зарѣ, заснулъ. Но сонъ его не долго продолжался. Не успѣлъ первый лучъ солнца прокрасться въ его маленькую мастерскую, какъ онъ уже былъ на ногахъ. Одѣвшись по праздничному, тотъ отправился къ Юкелю въ надеждѣ увидѣть его еще прежде, чѣмъ тотъ уйдетъ въ синагогу.

Юкель уже былъ въ своемъ парадномъ облаченіи, съ бѣлой тогой на плечахъ и мѣховой шапкѣ на головѣ.

— Что ты такъ рано, Борухъ?

— Мнѣ бы хотѣлось съ вами поговорить, ребъ Юкель,— сказалъ нѣсколько сконфуженно Борухъ.

— Со мною?

— Да, съ вами.

— Ну, скажи, а то поздно; нужно поспѣшить въ синагогу.

Борухъ замялся.

— Развѣ тебѣ невѣсту сватаютъ?

— Нѣтъ, я бы васъ хотѣлъ просить.

— Кого же тебѣ сватать? вѣдь дочь Мейера сапожника уже сосватана... Но постой...

— Нѣтъ я совсѣмъ не то,—проговорилъ все болѣе и болѣе конфузясь Борухъ.—Вы знаете, конечно, Янкеля Тейтельмана?

— Какъ же не знать... Его дочь Сарра вотъ гдѣ у меня... И Юкель вытянулъ шею, приложивъ къ горлу правую руку.

— Развѣ вы ее сватаете Берншпрунгу? — проговорилъ поблѣднѣвъ Борухъ.

— Ее... Берншпрунгу... Я объ этомъ никогда не думалъ...

— Кто же его шадхенъ?—спросилъ Борухъ.

— Кто же кромѣ меня?—съ гордостью произнесъ Юкель.

— Но онъ сватаетъ Сарру.

— Безъ шадхена... безъ меня?..—воскликнулъ, побагровѣвъ, Юкель.

— Повидимому...

— Но этого быть не можетъ... Эта свадьба не состоится... она противна заповѣдямъ Израиля... какъ же безъ меня!.. все болѣе и болѣе горячился Юкель.

— Я хотѣлъ... пробовалъ остановить расходившагося шадхена Борухъ.

— Постой, я ему покажу, какъ сватать невѣсту безъ шадхена... я ему, этому скрягѣ, утру носъ... тысячу жениховъ представлю Саррѣ.

— Представьте и меня...—робко произнесъ Борухъ.

Юкель затихъ и удивленно посмотрѣлъ на молодаго человѣка.

— И тебя? Но вѣдь дочь Мейера сапожника...

— Она вѣдь уже сосватана...

— Ахъ, да... Такъ ты хочешь?

— Да, я объ этомъ и пришелъ васъ просить... Я вамъ вдвое заплачу ..

— Но какже, мой милый Борухъ... ты вѣдь простой ремесленникъ, а она...

— Что же она?—смѣло проговорилъ Борухъ.

— Она... ея отецъ, Янкель все-таки благородный человѣкъ...

— А я развѣ воръ?

— Побойся Бога... кто же это говоритъ...

— Ну, такъ пойдите къ Янкелю и скажите ему, что я, Борухъ мѣдникъ, сватаю его дочь... Вы въ убыткѣ не будете...

Юкель растерянно посмотрѣлъ на молодаго человѣка.

— Такъ ты меня посылаешь къ Янкелю?

— Да,—увѣренно проговорилъ Борухъ.—Смѣло идите и увидите, что дѣло выгоритъ.

— Пойду, непремѣнно пойду,—оживился Юкель;—все сдѣлаю, чтобы Сарра не досталась этому противному ростовщику... Проклятый скряга... Безъ меня сватать вздумалъ... Я же ему покажу... Положись на меня, Борухъ; я все свое искуство употреблю... Изъ синагоги сейчасъ къ Янкелю отправлюсь... Помни же, что я для тебя сдѣлаю... А этого скрягу проучимъ. А теперь пойдемъ, уже богослуженіе, вѣроятно, началось. Ты вѣдь тоже молишься?

— Нѣтъ, я не въ эту синагогу,—сказалъ Борухъ;—такъ я буду ждать отвѣта

— Хорошо, хорошо,—сказалъ Юкель и побѣжалъ въ синагогу; но не до молитвы было ему. Мысль, что Бернпшрунгъ обошелъ его и сосваталъ себѣ невѣсту безъ его содѣйствія, не давала ему покоя. Кромѣ того, что онъ терялъ заработокъ—это была кровная обида, нанесенная его искуству. Если бы Бернпшрунгъ былъ тутъ, онъ бы навѣрное вцѣпился ему въ бороду. Съ трудомъ высидѣлъ онъ до конца богослуженія, и какъ только канторъ запѣлъ послѣднюю пѣсню въ честь субботы, онъ быстро спряталъ свой молитвенникъ и выбѣжалъ изъ синагоги.

X.

Квицинская съ дочерью съ нетерпѣніемъ ждали возвращенія Вигурскаго: ихъ очень интересовалъ результатъ взятой имъ на себя миссіи. Хотя Квицинская ни минуты не сомнѣвалась въ томъ, что приставъ не откажетъ Вигурскому и немедленно же освободитъ Янкеля, тѣмъ не менѣе она поминутно прислушивалась, не идетъ ли Вигурскій. Надинъ же не скрывала своего волненія; ей очень хотѣлось, чтобы миссія Вигурскаго окончилась удачею, отчасти потому, что она искренно сожалѣла бѣднаго Янкеля, но главное потому, что инціатива этой миссіи принадлежала ей, а съ удачею или неудачею этой послѣдней у нея было связано очень много пріятныхъ представленій и между прочимъ одна очень важная примѣта. Она отлично понимала, что всѣ *примѣты* и загадыванія чистѣйшій вздоръ, но на этотъ разъ она не могла преодолѣть себя и, загадавъ, сидѣла теперь съ крайне напряженными нервами, прислушиваясь къ каждому шороху въ корридорѣ; судьба Янкеля стала теперь ея собственной.

Дверь быстро распахнулась, и въ комнату вбѣжалъ Вигурскій. И мать и дочь бросились къ нему.

— Что, освободили?—спросили онѣ въ одинъ голосъ.

— Конечно,—весело проговорилъ Вигурскій,—я не успѣлъ высказать своей просьбы, какъ уже гонецъ бѣжалъ въ полицію...

— Какъ я рада...—воскликнула Надинъ;—этотъ бѣдный Янкель у меня изъ головы не выходилъ все время.

— Ну, теперь онъ васъ больше не долженъ безпокоить: онъ теперь свободенъ.

— Какъ это вамъ такъ удалось?

— Не мудрено; я дѣйствовалъ вашимъ именемъ...

— Какъ?

— Мысленно...—тихо проговорилъ Вигурскій:—подобно древнимъ рыцарямъ, которые выходили на бой, произнося имя дамы своего сердца...

— Замолчите..—полусердито и слегка зардѣвшись, проговорила Надинъ.

— Очень жаль, что завтра суббота,—сказала Квицинская,—

а то бы я поручила Янкелю найти покупателя на мою кукурузу.

— Но развѣ нашъ сосѣдъ ея не покупаетъ?—спросила, лукаво улыбнувшись, Надинъ.

— Ну, ему-то я сама теперь не продамъ, — засмѣявшись, сказала Квицинская.

— Я вамъ Янкеля завтра же доставлю,—сказалъ Вигурскій.

— Пойдетъ ли онъ въ субботу?

— Какъ не пойдетъ... ради заработка онъ и субботу забудетъ.

Наступило молчаніе. Квицинская подсѣла къ письменному столу и стала разбирать дѣловыя бумаги; Надя подошла къ открытымъ дверямъ, и, постоявъ нѣсколько, вышла на балконъ; Вигурскій раза два прошелся по комнатѣ, потомъ тоже послѣдовалъ за нею. На дворѣ было уже совсѣмъ темно: густыя сумерки быстро смѣнились темной звѣздной ночью; въ воздухѣ пахло пріятной свѣжестью; снизу съ улицы раздался неуспѣвшій еще умолкнуть дневной шумъ. Надя, облокотившись о перила балкона, въ задумчивости стала вглядываться въ разстилавшуюся предъ нею картину засыпающаго города. Вигурскій близко подошелъ къ ней.

— Отчего вы мнѣ раньше не дали докончить того, чтò я хотѣлъ вамъ сказать?—тихо шепнулъ онъ ей.

— Развѣ это было такъ интересно?

— Можетъ быть болѣе, чѣмъ вы думаете...

Надинъ пристально посмотрѣла на него.

— Ну, говорите... тихо сказала она.

Вигурскій еще ближе подошелъ къ ней и осторожно взялъ ее за руку.

— Надинъ!—прошепталъ онъ едва слышно.

— Ну...

— Надинъ, я васъ люблю... взволнованнымъ голосомъ произнесъ Вигурскій, притянувъ къ себѣ молодую дѣвушку.

Надя не сопротивлялась.

Вигурскій обнялъ ее и поцѣловалъ.

— Теперь я вамъ все сказалъ,—прошепталъ онъ задыхаясь; —очередь за вами... скажите, любите ли вы меня?

Вмѣсто отвѣта, Надя приблизилась къ нему и крѣпко его поцѣловала.

— Я знала, что такъ будетъ; сказала она едва слышно—у меня была хорошая примѣта...

— Какая?—спросилъ, заглядывая ей въ глаза, Вигурскій.

— Только не смѣйтесь... Я загадала на Янкеля... если его освободятъ, вы мнѣ сегодня же сдѣлаете предложеніе, а если нѣтъ...

— Но я бы все равно это сдѣлалъ сегодня...

— А можетъ быть и нѣтъ...

Изъ комнаты раздался голосъ Квицинской.

— Не говорите мамѣ ничего, шепнула ему Надя,—слышите, ни слова... И она вбѣжала въ комнату.

Вигурскій остался одинъ на балконѣ, прислушиваясь къ легкимъ шагамъ убѣжавшей дѣвушки, которая теперь стала для него дороже всего въ мірѣ.

XI.

Янкель и Рухиль вернулись изъ синагоги. Оба были въ самомъ веселомъ настроеніи. «Все къ лучшему», сказалъ знаменитый мудрецъ, и Янкель этому вѣрилъ, въ особенности теперь. Могъ ли онъ думать вчера, что сегодня будетъ такой счастливый день и праздникъ субботы не омрачится ни однимъ темнымъ облачкомъ? При одной мысли о томъ, что его Сарра еще сегодня будетъ объявлена невѣстой, пріятная дрожь пробѣгала по его тѣлу... Губы его складывались въ широкую улыбку. Ни Сарра, ни остальныя дѣти давно уже не видали своего родителя въ такомъ благодушномъ настроеніи.

Столъ былъ уже накрытъ. Янкель совершилъ предобѣденное омовеніе и, прочитавъ молитву, занялъ мѣсто хозяина; вокругъ него разсѣлись дѣти, за исключеніемъ Сарры, которая пошла помогать матери, трудившейся надъ вскрытіемъ герметически закупоренный печи, гдѣ среди высокой температуры раскаленнаго кирпича помѣщались горшки съ субботними блюдами. Когда эта трудная операція была окончена и всѣ горшки вынуты, Рухиль пошла къ столу, а Сарра стала подавать ку-

шанья. Сначала лакомились холодными закусками: искусно нарѣзанная рѣдька съ лукомъ, приправленная прованскимъ масломъ, мелко изрѣзанная печенка, тоже съ лукомъ и гусинымъ жиромъ; студень изъ вареныхъ ножекъ съ чеснокомъ не оставлялъ желать ничего лучшаго; затѣмъ на столъ появился горячій соусъ изъ бычачьей ноги, подправленный уксусомъ и желтками, ароматъ котораго напоминалъ прелести рая. Горячій супъ съ гречневой кашею цвѣта зардѣвшейся брюнетки и того специфическаго запаха, который свойственъ лишь субботнимъ блюдамъ правовѣрнаго еврея, вызвалъ улыбку одобренія на серьезномъ лицѣ Янкеля, а когда дѣло дошло до жирнаго пудинга изъ слоенаго тѣста, уста Янкеля раскрылись наконецъ для похвалы.

— Я уже давно такого вкуснаго блюда не ѣлъ, сказалъ онъ, облизывая свои замасленные пальцы.

— Это наша Сарра потрудилась, съ гордостью сказала Рухиль.

— Ты вполнѣ заслужила себѣ хорошаго жениха, Сарра, обратился къ ней Янкель,—и если Богу будетъ угодно, ты скоро будешь невѣстой.

Сарра потупилась и ничего не сказала.

— Не смущайся, Сарра, Богъ тебѣ посылаетъ хорошаго жениха, такого, о какомъ ни я, ни отецъ твой и мечтать не смѣли, торжественно сказала Рухиль.

— Это за наше долготерпѣніе,—замѣтилъ вздохнувъ Янкель; — Господь услышалъ наконецъ наши молитвы; если уже намъ не суждено жить по человѣчески, пусть по крайней мѣрѣ дочь наша вкуситъ земное счастье...

— А знаешь, Сарра, что̀ тебѣ предстоитъ? Ты только не возгордись и помни, что у тебя есть бѣдные родители, перебила Рухиль мужа.

— Я отъ нея ничего не желаю, пусть она сама будетъ счастлива, въ свою очередь заявилъ Янкель.

— Какъ ничего? вскричала, разсердившись Рухиль; быть женою такого богача, какъ Мойше Бернштрунгъ и не быть полезной своей семьѣ, гдѣ же это слыхано?..

Сарра поблѣднѣла и въ нѣмомъ отчаяніи посмотрѣла на

мать; она хотѣла протестовать, но дрожащія губы ея не могли произносить ни единаго звука.

— Ты говоришь, какъ женщина, въ свою очередь разсердился Янкель; развѣ мы можемъ требовать отъ дѣтей чего нибудь, когда сами имъ ничего не даемъ...

— Какъ ничего не даемъ?—волновалась Рухиль.

— Что же ты ей даешь?—тоже волновался Янкель.

— Ну, а если бы мы ничего и не дали?

— Ну, и ничего не требуй...

Мирный вначалѣ, разговоръ сталъ принимать уже болѣе острый характеръ и, вѣроятно, кончился бы ссорой, еслибы въ эту минуту на порогѣ не появился Юкель-шадхенъ въ своемъ мѣховомъ картузѣ.

— Съ субботою поздравляю; миръ вамъ всѣмъ, сказалъ онъ,—коснувшись кончиками пальцевъ пергаментнаго свитка, прибитаго къ дверямъ.

— И вамъ миръ, ребъ Юкель; просимъ поближе,—сказалъ Янкель. Жаль, что вы пришли къ концу обѣда, а то мы бы васъ такимъ вкуснымъ пудингомъ угостили...

— Ну, на этотъ счетъ и моя жена мастерица... жаловаться не могу,—сказалъ Юкель.

— У васъ жена, а у меня дочь ..

— А, это совсѣмъ другое дѣло... за то ей хорошаго жениха дадимъ... Такого же хорошаго и молодаго, какъ и она сама.— И Юкель лукаво мигнулъ однимъ глазомъ.

— Хорошія вѣсти пріятно слушать, сказалъ Янкель.

— Юкель никогда съ дурными не приходитъ; а главное,— прибавилъ онъ; — я знаю что кому нужно, не такъ ли Сарра?

Сарра хотѣла что-то сказать, но Рухиль предупредила ее.

— Если вы пришли съ предложеніемъ отъ извѣстнаго уже намъ лица, то мы охотно выслушаемъ васъ, — сказала она, взглянувъ прямо въ лицо Юкеля.

— Можетъ быть и такъ,—лукаво улыбнулся Юкель.

— Тогда мы васъ слушаемъ.

— Даже въ присутствіи невѣсты?

— Это для нея не тайна.

— Ну хорошо; я имѣю для нея хорошаго жениха...

Рухиль затаила дыханіе, а Сарра еще больше поблѣднѣла.

— Благочестивый юноша... и я бы такимъ сыномъ не погнушался.

У Сарры почему-то сильно забилось сердце, а Рухиль и Янкель переглянулись между собою.

— Онъ изъ нашего города?—спросила Рухиль.

— Изъ нашего.

— Вдовецъ?

— Избави Богъ Израиля всякую дочь отъ вдовцовъ! Сказалъ же я вамъ, что онъ юноша.

У Сарры еще сильнѣе забилось сердце, а Рухиль съ Янкелемъ еще разъ переглянулись между собою.

— Почему вы такъ озлоблены противъ вдовцовъ? сказала Рухиль;—я бы совсѣмъ не прочь была выдать свою Сарру за солиднаго вдовца... Намъ даже такого еще только вчера предложили.

— Вамъ предложили? изумился Юкель;—кто же это вамъ могъ предложить помимо меня?

— Уже нашлись такіе добрые люди, и я думала, что и вы пришли съ этимъ же предложеніемъ.

— Удивляюсь, кто вамъ могъ предложить вдовца; у меня всѣ женихи и невѣсты на перечетѣ, и я, кромѣ одного вдовца, никого въ городѣ не знаю...

— Можетъ быть, этотъ самый вдовецъ и есть... — замѣтилъ Янкель.

— Но этотъ вдовецъ—ростовщикъ Бернпрунгъ...

— Чѣмъ же наша Сарра ему не невѣста? обиженно произнесла Рухиль.

— Такъ вы хотите отдать вашу Сарру за этого ростовщика, за этого кровопійцу, за этого скрягу! вскричалъ Юкель;—такъ вы дочери своей не жалѣете, такъ вы хотите, чтобы онъ и ее уморилъ также, какъ и прежнихъ своихъ трехъ женъ!.. Еслибы я зналъ того, который вамъ предложилъ такого жениха, я бы ему глаза выцарапалъ и бороду выщипалъ... Вотъ что значитъ не слушать Юкеля-шадхена... дочь бы родную, свою плоть и кровь погубить... А!...

Этотъ потокъ словъ, посыпавшихся изъ устъ краснорѣчи-

ваго Юкеля, точно горохъ изъ разорваннаго мѣшка, совершенно ошеломилъ почтенную чету—въ особенности сердобольнаго Янкеля, который уже вообразилъ свою Сарру совершенно погибшею.

— Я ничего не знаю, произнесъ онъ въ свое оправданье;—я Бернштрунга и въ глаза не видалъ; если у васъ есть лучше женихъ для моей Сарры, я охотно соглашусь.

— Я думаю что лучше Боруха во всемъ городѣ нѣтъ, увѣренно проговорилъ Юкель.

— Какого Боруха?—спросилъ Янкель.

— Какого Боруха? развѣ много Боруховъ въ городѣ?

— Борухъ мѣдникъ?

— Онъ самый...

У Сарры радостно заблистали глаза, а Янкель растерянно посмотрѣлъ на жену, которая вспыхнула и покраснѣла.

— Какъ вы можете предложить намъ такого жениха? — вскричала она негодующимъ голосомъ;—развѣ наша Сарра не дочь благородныхъ родителей?..

— А Борухъ развѣ не сынъ благородныхъ родителей,—обидчиво возразилъ Юкель.

— Въ нашемъ родѣ нѣтъ ремесленниковъ...

— А родъ Боруха развѣ изъ сапожниковъ или баньщиковъ?..

— Мой прадѣдъ былъ раввиномъ въ Юпицѣ...

— А прадѣдъ Боруха былъ рѣзникомъ...

— Если бы онъ услышалъ, что его внучкѣ сватаютъ ремесленника, онъ бы застоналъ въ своей могилѣ...

— Онъ бы обрадовался, потому что эта свадьба будетъ угодна Богу.

— Чтобы моя дочь вышла за ремесленника... ни за что... пусть она лучше навѣки въ дѣвушкахъ останется...

— Вы грѣшите, Рухиль... Какъ можно, чтобы дочь Израиля замужъ не выходила...

— По моему—лучше...

— Не грѣшите...

— Пусть я грѣшу...

— Ну, какъ хотите,—сказалъ наконецъ Юкель,—я не больше, какъ посолъ, и пришелъ къ вамъ съ благими намѣреніями; не

желаете, настаивать не буду... Но я ни за что не позволю, чтобы Мойше Бернпрунгъ сватался безъ меня... слыханное ли это дѣло...

— Къ такому шадхену, какъ вы, можно не обращаться... напала на него Рухиль.—Еслибы вы лучше понимали свое дѣло, вы бы не предложили Боруха моей дочери...

Молчавшая до сихъ поръ Сарра подняла голову и пронзительно посмотрѣла на мать.

— Зачѣмъ вы такъ оскорбляете Боруха,—сказала она дрожащимъ отъ волненія голосомъ;—что онъ вамъ такого сдѣлалъ?

— Какъ? развѣ это не оскорбленіе?—вскричала Рухиль.

— Я сама хочу за него выйти замужъ...

— Ты?!.

Но въ эту минуту, какъ громъ и молнія готовы были обрушиться на голову бѣдной дѣвушки, въ комнату вбѣжали Тейтельманъ и Фейгельманъ.

— Янкель!—воскликнулъ, задыхаясь, Тейтельманъ.

— Янкель! повторилъ за нимъ Фейгельманъ.

— Ты знаешь, Янкель...

— Ты знаешь...—вторилъ Фейгельманъ.

Тейтельманъ сильно задыхался и не могъ дальше говорить.

Фейгельманъ тоже замолчалъ. На мгновеніе наступила пауза. Всѣ присутствующіе въ недоумѣніи смотрѣли на Тейтельмана и Фейгельмана, а Янкель до того даже перепугался, что вообразилъ, что его вторично хотятъ забрать въ кутузку, и бросилъ умоляющій взглядъ на свою жену, которая сама тряслась, точно въ лихорадкѣ.

— Знаешь кто заработалъ куртажъ у помѣщика Вигурскаго?—сказалъ наконецъ Тейтельманъ.

— Знаешь?..—повторилъ Фейгельманъ.

— Всѣ, только не я... клянусь бородою и пейсами, что не я...—сказалъ Янкель.

— Знаемъ, что не ты. Бернпрунгъ хитрѣе тебя... Онъ и насъ перехитрилъ; можешь себѣ это представить... меня и Фейгельмана...

— Меня и Тейтельмана...—повторилъ Фейгельманъ.

— Какъ? васъ перехитрилъ Бернппрунгъ! съ неподдѣльнымъ удивленіемъ воскликнулъ Янкель.

— Да, насъ; и ты, Янкель, совершенно напрасно сидѣлъ въ кутузкѣ; еслибы я это зналъ раньше!..

— Знай я раньше,—сказалъ и Фейгельманъ.

— Но какимъ образомъ?—спросилъ Янкель.

— Очень просто... Но вотъ и онъ самъ; пусть онъ лучше разскажетъ.

Въ комнату дѣйствительно вошелъ Бернппрунгъ. Онъ былъ одѣтъ довольно изыскано, и опытный глазъ Юкеля не могъ не замѣтить тѣхъ особенностей костюма, которыя сразу обличали въ немъ жениха.

— А, благословеніе на тебя, дорогой женихъ! — произнесъ онъ насмѣшливо.

— И вы тутъ, ребъ Юкель,—съ удивленіемъ сказалъ Бернппрунгъ, — предупреждаю только, что вы не мой шадхенъ и платить вамъ я вовсе не намѣренъ; если родители невѣсты желаютъ, пусть платятъ...

— Отчего бы и вамъ не заплатить,—отозвался Тейтельманъ;—вы вчера достаточно заработали...

— Я?

— Развѣ не вы ссудили деньги помѣщику Вигурскому.

— Ну такъ что же, что ссудилъ? Деньги мои.

— А куртажъ кто взялъ?..

Янкель удивленно посмотрѣлъ сначала на Тейтельмана, потомъ на Бернппрунга; послѣдній нѣсколько потупился.

— Я взялъ только то, что мнѣ слѣдовало,—сказалъ онъ.

— То есть, украли заработокъ фактора.

— Я только свои проценты получилъ,—совралъ Бернппрунгъ.

— Неправда!

— Не будь я еврей...

— И женихомъ,—вставилъ свое слово Юкель.

— Какой онъ женихъ? какая дѣвушка за такого поганаго пойдетъ,—насмѣшливо произнесъ Тейтельманъ.

— А вотъ Янкель свою дочь за него выдаетъ...

— Ты, Янкель, выдаешь, за него свою дочь!..

— Ты, честный факторъ, отдаешь ему свою дочь?—воскликнулъ Тейтельманъ.

— Ему свою дочь?—повторилъ Фейгельманъ.

— Онъ факторскія деньги у насъ укралъ...

— Что же это такое, наконецъ! — вскричалъ взбѣшенный Бернширунгъ;—такъ-то вы принимаете жениха, который хотѣлъ осчастливить вашу дочь?.. Вы смѣяться надо мною вздумали... Постойте же; я вамъ покажу, кто такой Бернширунгъ... Отнынѣ ноги моей здѣсь не будетъ... Ищите себѣ другого жениха, получше...

Рухиль въ отчаяніи и ломая руки бросилась къ нему.

— Ребъ Мойше, дорогой Мойше,—воскликнула она — не слушайте вы этихъ мошенниковъ, они нарочно пришли, чтобы надругаться надъ нами, они позавидовали нашему счастью... останьтесь!..

— Ни за что!..—вскричалъ гнѣвно Бернширунгъ и быстро повернулся къ дверямъ, но на порогѣ онъ столкнулся съ Иваномъ.

— Ты что же, чертовъ сынъ, тутъ дѣлаешь?—воскликнулъ тотъ своимъ далеко не нѣжнымъ голосомъ;—дуракъ Янкель! будь я на его мѣстѣ, я бы тебѣ показалъ, гдѣ раки зимуютъ. Но гдѣ же Янкель?

Янкель, весь блѣдный, выступилъ впередъ и тревожно взглянулъ на Ивана; что еще ему шлетъ судьба? неужели геній субботы, такъ радостно принявшій его подъ свое крыло, снова оставилъ его очагъ?...

Рухиль и всѣ остальные присутствующіе тоже замолчали въ ожиданіи, чтò скажетъ Иванъ.

Послѣдній нахмурился.

— Что же вы на меня всѣ вытаращили глаза, какъ на вѣдьму?—сказалъ онъ сердито.—Еслибы не панъ Вигурскій, такъ бы вы меня и увидѣли тутъ...

Всѣ еще ближе подступили къ нему.

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ наконецъ Тейтельманъ.

— Ты что же? Не къ тебѣ пришелъ... закричалъ Иванъ.

Догадливая Рухиль выбѣжала въ кухню и принесла оттуда рюмку водки и кусокъ субботняго калача, при видѣ котораго

угрюмое лицо привратника приняло самое ласковое выраженіе, при чемъ уста его краснорѣчиво передали о желаніи Вигурскаго видѣть у себя Янкеля еще сегодня вечеромъ.

— А этому собачьему сыну... прибавилъ онъ, оглянувшись въ сторону Бернштрунга.

Всѣ тоже оглянулись; Бернштрунга уже не было, но вмѣсто него позади Юкеля стоялъ Борухъ.

Рухиль въ ужасѣ всплеснула руками; но эта недружелюбная встрѣча была вполнѣ искуплена торжествующимъ взглядомъ хорошенькой Сарры, который, подобно электрическому удару, передался бѣдному юношѣ и освѣтилъ его своимъ мягкимъ свѣтомъ.

Онъ гордо поднялъ голову и приблизился къ Рухиль. Но Юкель предупредилъ его.

— Постой,—сказалъ онъ, устранивъ его рукой;—слово принадлежитъ мнѣ, твоему шадхену.

— Рухиль, обратился онъ къ ней: не гнѣвите Бога и его субботы... Развѣ вы не видите?..

Но краснорѣчіе Юкеля было прервано Янкелемъ.

— Пусть будетъ по вашему,—сказалъ онъ, растроганный.— Я противъ Боруха никогда ничего не имѣлъ... Еслибы не моя Рухиль, я бы самъ сдѣлался мѣдникомъ...

Фейгельманъ вздумалъ было протестовать противъ этого заявленія стараго фактора, но общій шумъ, поднявшійся въ комнатѣ, заглушилъ его голосъ.

И только и слышно было, что: мазель-товъ, выкрикиваемое на различные лады. Не отставалъ отъ другихъ и Иванъ, и его мазель-товъ, произнесенное такъ, что навѣрное дало бы пищу для каррикатуры какому нибудь юмористу, если бы это было въ Палестинѣ, звучало громче, если не задушевнѣе всѣхъ.

Когда въ тотъ же вечеръ Янкель явился въ гостинницу, его позвали къ госпожѣ Квицинской.

— Поздравляю тебя, Янкель, сказала госпожа Квицинская:— женихъ твоей дочери мнѣ очень понравился; я увѣрена, что твоя дочь будетъ вполнѣ счастлива. А теперь,—прибавила она, указавъ на стоявшихъ тутъ же Надинъ и Вигурскаго,—поздравь и меня: у меня тоже женихъ и невѣста.

Янкель низко поклонился.

— Это ты, Янкель, всему виною, весело сказалъ Вигурскій; —не будь тебя, можетъ быть, я бы теперь не былъ такъ счастливъ.

— Нѣтъ, пане, не я, а суббота,—проговорилъ улыбнувшись Янкель.—Не будь субботы на носу, вы бы не знали о существованіи Янкеля фактора...

Всѣ расхохотались, кромѣ Янкеля, который, благодаря періодически возвращающимся субботамъ, давно уже разучился смѣяться.

С. Я.

СОНЕТЫ.

(Посвящ. И. Н. Л.).

I.

Онъ родинѣ хотѣлъ служить неутомимо,
Хотѣлъ осуществить одинъ хоть идеалъ.
Но всюду дикій мракъ, все смотритъ нелюдимо—
Онъ недовѣріе одно себѣ снискалъ.

Съ тяжелымъ посохомъ, съ дырявою сумою
Онъ въ край невѣдомый, въ страну чужихъ побрѣлъ,
Чтобъ тѣломъ имъ служить, бороться тамъ съ нуждою,
Нести мученій гнетъ, какъ ни былъ-бы тяжелъ.

Покинувъ родину, онъ не забылъ собратій,
Въ душѣ своей таилъ онъ груду тѣхъ проклятій,
Чтó вѣчно слышалъ онъ незаслуженно тамъ.

И тихо молится онъ прежнимъ небесамъ,
И слезы жгучія онъ шлетъ роднымъ полянамъ,
И горе прежнее прибавилъ къ новымъ ранамъ.

II.

Онъ носитъ всѣхъ временъ оковы,
Но жизнь въ нихъ жалкую влача,

И гнетъ ихъ чувствуя суровый,
Бѣжитъ отъ рукъ онъ палача.

Но гдѣ-бъ онъ ни былъ, въ новомъ мѣстѣ,
Его душа полна тревогъ.
Онъ въ зломъ скитаньи изнемогъ
Отъ жажды отдыха и мести.

Такъ вѣтеръ рыщетъ по полямъ,
Ища покоя здѣсь и тамъ,
Покой движеньемъ нарушая.

Такъ лань, сраженная стрѣлой,
Бѣжитъ, влача стрѣлу съ собой
И въ бѣгѣ раны растравляя...

В. Бегакъ.

* *
*

Видѣлъ я: сквозь рѣшетки тюремныхъ оконъ
Изнуренныя лица глядятъ,
Слышалъ я безконечный мучительный стонъ
И какъ, вторя имъ, цѣпи звенятъ.
Мнѣ подъ звукъ ихъ шумѣло въ ушахъ:
Шма Исроэль—ты въ рабскихъ цѣпяхъ!

Снилось мнѣ: омывая росой небосклонъ,
Тучи быстро въ лазури спѣшатъ,—
И за ними въ выси, непонятны какъ сонъ,
Брилліантами слезы дрожатъ.
И звучало мнѣ чудно въ ушахъ:
Шма Исроэль—Судья въ небесахъ!

Вл. Жуковскій.

ПИСЬМА ИЗЪ АМЕРИКИ.

Нью-Іоркъ, августъ 1884.

I.

Наше общество въ Россіи, я думаю, продолжаетъ еще интересоваться судьбою русско-еврейскихъ колоній въ Америкѣ. Вотъ уже около трехъ лѣтъ, какъ колонизаціонное дѣло евреевъ вызвано здѣсь къ жизни. Въ теченіи этого времени были многія попытки колонизаціи; организовались колоніи въ различныхъ мѣстахъ Америки и теперь пора, наконецъ, подвести итогъ, опредѣлить результатъ всѣхъ этихъ попытокъ. Насколько это будетъ по моимъ силамъ, я постараюсь описать положеніе этого дѣла въ Сѣверной Америкѣ.

Начну съ Дакоты, такъ какъ здѣсь, во первыхъ, по общему признанію, сконцентрировывалась главная колонизаціонная дѣятельность въ Америкѣ, такъ и потому, что здѣсь собрался самый лучшій элементъ русско-еврейскихъ эмигрантовъ. Еврейскіе колонисты въ Дакотѣ, какъ читателямъ уже извѣстно, сгрупированы въ двухъ пунктахъ. Одинъ изъ этихъ пунктовъ на сѣверѣ Дакоты, около нынѣшней столицы территоріи, Бисмаркъ. Другой пунктъ—на югѣ Дакоты, около города Мичеля. Какъ Бисмаркъ, такъ и Мичель причисляются къ главнымъ городамъ Дакоты. Когда поднятъ былъ вопросъ, какой городъ избрать столицей территоріи (Capitol), то Мичель былъ главнымъ соперникомъ Бисмарка. И теперь, когда этотъ вопросъ рѣшенъ въ пользу послѣдняго, Мичель агитируетъ въ пользу идеи раздѣленія Дакоты на 2 части: сѣверную съ главнымъ городомъ Бисмаркъ и южную съ главнымъ городомъ Мичель. О Бисмаркской колоніи у насъ имѣются

очень скудныя свѣдѣнія, и все изъ вторыхъ рукъ; это именно потому, что среди этихъ колонистовъ нѣтъ интеллигентнаго элемента, и завязать съ ними переписку очень трудно, такъ какъ тамъ мало людей, которые владѣютъ перомъ. Основатель этой колоніи—санъ-паульскій раввинъ, д-ръ Векслеръ; его именемъ и названа колонія. Исторію возникновенія этой колоніи разсказалъ мнѣ одинъ мой пріятель со словъ самого д-ра Векслера. Собственно до самой сути дѣла тамъ, конечно, трудно добраться, потому что Векслеръ имѣетъ въ Санъ-Паулѣ очень много враговъ, не упускающихъ случая чернить его имя и обвинять его въ самыхъ некрасивыхъ поступкахъ. Есть люди въ Санъ-Паулѣ, которые хвалятъ Векслера, и есть такіе, которые безусловно порицаютъ его,—и это въ порядкѣ вещей. Насколько я успѣлъ узнать, всѣ эти обвиненія—клевета. Не въ нечестности можно обвинить Векслера, а въ томъ, что онъ взялся за дѣло не какъ адептъ идеи колонизаціи, разсматривающій это дѣло какъ важный жизненный вопросъ, отъ разрѣшенія котораго зависитъ отчасти будущее нашего народа, а просто, какъ филантропъ, желающій на время утолить голодъ нѣсколькихъ десятковъ горемыкъ. Конечно, что съ такимъ взглядомъ на дѣло, выборъ его палъ именно на такихъ людей, которые вовсе неспособны быть фермерами. Когда въ Санъ-Пауль прибыло прямо изъ Лондона нѣсколько сотъ эмигрантовъ, Векслеръ собралъ митингъ и пригласилъ мѣстную еврейскую общину организовать комитетъ для вспомоществованія несчастнымъ бѣглецамъ. Онъ произнесъ рѣчь въ мѣстной баптистской церкви, и это имѣло такое сильное вліяніе на мѣстное общество, что и христіане привлечены были къ дѣлу вспомоществованія несчастнымъ russian refuges (русскіе бѣглецы). Первоначально комитетъ не имѣлъ въ виду колонизаціонныхъ затѣй. Онъ просто хотѣлъ помочь эмигрантамъ и съ этою цѣлью старался изъ каждаго эмигранта сдѣлать педлера. Но вотъ возникъ вопросъ, что̀ дѣлать съ стариками или эмигрантами, обремененными большими семействами, какъ ихъ обезпечить? Вѣдь эти люди не могутъ прокармливать свои семейства педлерствомъ. Тогда на выручку удрученному горемъ комитету явилась идея колонизаціи. «Сдѣлаемъ ихъ земледѣльцами, это, вѣдь, тоже занятіе», рѣшилъ Векслеръ. Съ большимъ рвеніемъ принялся онъ приводить

свою мысль въ исполненіе и проводитъ ее до сихъ поръ. Въ точности опредѣлить число колонистовъ въ окрестности Бисмарка нельзя, такъ какъ число это подвержено частымъ измѣненіямъ. Если къ комитету являются новые просители, и комитетъ не знаетъ, чѣмъ имъ помочь, то онъ ихъ посылаетъ въ колонію; тамъ просители эти сидятъ себѣ, кушаютъ комитетскій хлѣбъ, а выйдетъ хлѣбъ—они оставятъ колонію и пойдутъ опять шнорерствовать, обивать пороги комитетовъ. По всему видно, что Бисмаркская колонія для санъ-паульскаго комитета представляетъ нѣчто подобное тому, что колонія Вейнландъ была для блаженной памяти нью-іоркскаго «Hebrew Emigrant Aid Society». Нельзя, конечно, отрицать тотъ фактъ, что среди колонистовъ вблизи Бисмарка есть и люди дѣйствительно преданные своему дѣлу, которые смотрятъ на земледѣліе, какъ на свой единственный источникъ къ жизни; это доказывается хотя бы тѣмъ, что колонія держится вотъ уже другой годъ и что есть между ними люди, которые за это время ни разу не оставили колоніи. Самъ Векслеръ очень недоволенъ своими колонистами и увѣренъ въ томъ, что только незначительная часть колонистовъ останется фермерами. Не то мы можемъ сказать о колонистахъ вокругъ Мичеля. Въ настоящее время вокругъ Мичеля находится русскихъ евреевъ 81 душа. Изъ нихъ: мужчинъ рабочихъ 43, женщинъ 21, дѣтей 18. Семейныхъ людей здѣсь 13.

Всѣ русско-еврейскія фермы занимаютъ пространство въ 4,800 акровъ земли; жилыхъ помѣщеній здѣсь 22, рабочаго скота 34 шт., въ томъ числѣ лошадей 18.

Вообще на здѣшнихъ еврейскихъ колонистовъ можно возлагать большія надежды. Можно съ увѣренностью сказать, что они *останутся* фермерами. Вотъ уже скоро два года, какъ русскіе евреи поселились здѣсь; самое трудное время уже прошло, въ этомъ году колонисты получаютъ свой второй урожай. Если они удержались здѣсь въ такое трудное время, когда страшная нужда давила ихъ со всѣхъ сторонъ, то дольше они навѣрно удержатся, потому что большинство изъ нихъ уже настолько успѣло устроиться, что имѣетъ возможность хорошо жить отъ своей фермы. Успѣхъ здѣшней колоніи можно приписать тому обстоятельству, что она образовалась самостоятельно. Хотя различные комитеты и присылали сюда временныя поддержки, но они никогда не предписы-

вали своихъ условій колонистамъ, да колонисты бы ихъ и не приняли. Никакой комитетъ никогда не имѣлъ вліянія на внутреннюю жизнь колонистовъ. Колонія основалась вполнѣ самостоятельно и самостоятельно же развивалась, увеличивалась до сихъ поръ. Одинъ пріѣдетъ къ брату, другой къ другу, третій такъ пріѣдетъ сюда, потому что услыхалъ, что здѣсь скопилась извѣстная группа русско-еврейскихъ колонистовъ. Вотъ такимъ-то образомъ, мало по малу, колонія и увеличивается безъ всякаго внѣшняго давленія. Этимъ достигаются двѣ цѣли: во первыхъ, ѣдутъ сюда уже, большею частью, люди, искренно преданные дѣлу, желающіе дѣйствительно посвятить себя земледѣльческому труду, а не отпѣтые «шнореры», главное желаніе которыхъ — пожить на комитетскій счетъ; во вторыхъ, сами колонисты привыкаютъ надѣяться только на себя, на свои руки и новопріобрѣтенную землицу; они не знаютъ, когда именно такой-то комитетъ пришлетъ имъ свою скудную поддержку, тѣмъ меньше они знаютъ размѣръ этой поддержки, поэтому каждый старается по возможности вовсе *не нуждаться* въ ней; и дѣйствительно многіе въ этомъ успѣваютъ. Среди кореннаго американскаго населенія здѣшніе русско-еврейскіе колонисты также пріобрѣтаютъ все больше и больше вліянія. Ими даже начинаютъ пользоваться различныя газеты, какъ рекламой для заселенія Дакоты. Въ газетахъ ихъ хвалятъ и ставятъ въ примѣръ. Вообще можно сказать, что русскіе евреи стали уже здѣсь твердою ногою, такъ сказать, «вкоренились» здѣсь. 4 русско-еврейскихъ дѣтей уже родилось здѣсь въ колоніи. Но мы надѣемся, что колонія еще будетъ увеличиваться. Десятки молодыхъ людей ждутъ съ нетерпѣніемъ того момента, когда недалеко отсюда откроется «Iudian Reservation» и я надѣюсь, что на новооткрытомъ Reservation быстро выростетъ и разовьется новая колонія, которой уже не придется терпѣть такую нужду и такія лишенія, какія терпѣли наши колонисты. Новые колонисты будутъ имѣть передъ собою всегда живой примѣръ, ошибки и промахи здѣшнихъ колонистовъ будутъ ихъ удерживать отъ новыхъ ошибокъ. Я надѣюсь, что колонизаціонное дѣло въ Америкѣ будетъ имѣть здѣсь въ недалекомъ будущемъ широкое развитіе. На основаніи одного письма, которое я недавно получилъ отъ одного изъ высокопоставленныхъ и вліятельныхъ лицъ

города Берлина (къ сожалѣнію, я не могу, до поры до времени, предать гласности содержаніе этого письма), я могу заключить, что въ вліятельныхъ сферахъ евреевъ въ Европѣ все-таки не отодвинули колонизаціонное дѣло на заднiй планъ и подумываютъ о томъ, какимъ образомъ перенести это дѣло изъ теоріи на практику, какимъ образомъ избѣжать прошлыхъ ошибокъ и промаховъ.

II.

Въ продолженіи послѣдняго года положеніе русско-еврейскихъ эмигрантовъ значительно измѣнилось къ лучшему; нѣтъ уже никакого скопленія массы несчастныхъ около какого бы то ни было комитета; суровый Кастль-Гарденъ уже не зритель тѣхъ гнетущихъ, душу раздирающихъ сценъ, о которыхъ въ свое время сообщалось на столбцахъ «Восхода». 15-th. State street, Word-Island и др. комитетскія учрежденія не занимаютъ и не интересуютъ больше эмигрантовъ. Жизнь послѣднихъ, можно сказать, сдѣлалась правильною; многіе успѣли пристроиться на фабрикахъ, заводахъ, часть устроилась въ земледѣльческихъ колоніяхъ, а часть уѣхала обратно въ Россію. Въ настоящее время рѣдко - рѣдко можно встрѣтить эмигранта безъ опредѣленныхъ занятій, или, что еще хуже, занимающагося шнорерствомъ или обиваніемъ пороговъ въ комитетахъ.

Въ продолженіе этого года положеніемъ эмигрантовъ сильно интересовалось существующее здѣсь довольно важное, вліятельное учрежденіе «Young Mens Hebrew Association», о которомъ и я скажу здѣсь пару словъ. Общество «Young Mens Hebrew Association» существуетъ здѣсь уже 10 лѣтъ. Выраженная въ уставѣ главная цѣль его—способствовать умственному, нравственному и физическому развитію еврейскаго юношества. Въ настоящее время въ этомъ обществѣ имѣется 1,300 членовъ разныхъ категорій: почетныхъ, пожизненныхъ, патроновъ (покровителей) и дѣйствительныхъ. Почетные члены назначаются по выбору. Пожизненнымъ членомъ можетъ быть тотъ, который единовременно внесъ въ кассу общества 100 долларовъ (около 200 руб.). Членъ-покровитель платитъ 10 долларовъ въ годъ, а дѣйствительный членъ 5 долларовъ. Существуетъ еще особый классъ членовъ, именно

тѣ молодые люди, которые еще не достигли возраста 21 года; они платятъ 3 доллара въ годъ, но не пользуются правомъ голоса. Правленіе общества состоитъ изъ двухъ комитетовъ: исполнительнаго, если можно такимъ именемъ назвать то, что здѣсь называютъ Executive Comitee и Board Direction. Первый состоитъ изъ 5-ти членовъ, второй — изъ 15-ти. Общество имѣетъ въ своемъ распоряженіи довольно обширную библіотеку изъ англійскихъ, нѣмецкихъ и еврейскихъ книгъ. Библіотека эта находится на 42-th street, въ главномъ помѣщеніи этого общества и открыта почти ежедневно. Отдѣленіе этой библіотеки открыто также на другомъ концѣ города, именно на East-Broadway. Для умственнаго развитія еврейскаго юношества въ «обществѣ» существуетъ литературный кружокъ, который собирается каждое воскресенье въ главномъ помѣщеніи общества (замѣчу въ скобкахъ, что за одно это помѣщеніе общество платитъ 3,500 долларовъ въ годъ). На этихъ собраніяхъ читаются лекціи по различнымъ отраслямъ науки, ведутся литературныя бесѣды и т. п. Въ продолженіе настоящаго года читаются популярныя лекціи по химіи. Каждую зиму общество даетъ до 10-ти концертовъ въ одной изъ самыхъ большихъ залъ города, въ Chichering Hall. Передъ каждымъ концертомъ читается лекція, имѣющая отношеніе къ іудаизму. Для физическаго развитія еврейскаго юношества общество имѣетъ обширный залъ для гимнастики, игры въ кегли и т. п. Въ продолженіи этого года общество это обратило свое вниманіе также на русское юношество; оно устраивало для нихъ вечера, на которыхъ мѣстными раввинами читались лекціи, знакомящія русско-еврейскихъ эмигрантовъ съ мѣстными нравами и обычаями, также какъ съ особенностями англійскаго языка и литературы. Общество это также устроило спеціально для русско-еврейскихъ эмигрантовъ училище для изученія англійскаго языка. Въ училищѣ этомъ 5 отдѣленій: 3 отдѣленія назначены для мужчинъ и 2—для женщинъ. Вообще, это общество съ недавняго времени начало заниматься русскими евреями. Прежній комитетъ «Hebrew Emigrant Aid Society» сдалъ свои дѣла обществу «United Hebrew Charities». Въ вѣдѣніе этого комитета перешла также и колонія Вейнландъ.

Положеніе этой колоніи стоитъ того, чтобы сказать о ней нѣсколько словъ.

Въ этой колоніи около 50-ти семействъ. Впрочемъ, число семействъ въ точности опредѣлить трудно, какъ вообще трудно опредѣлить число колонистовъ въ тѣхъ колоніяхъ, которыя находятся на *коштѣ* комитетовъ. Здѣшній комитетъ устроилъ для колонистовъ фабрику сигаръ. Для женщинъ купили швейныя машины и т. п. Въ продолженіи всей этой зимы комитетъ заботился, чтобы колонисты были обезпечены работою. Каждое семейство имѣетъ домикъ, нѣсколько акровъ земли и сельско-хозяйственныя орудія. Не смотря на все это, колонисты очень недовольны комитетомъ. Колонія Вейнландъ служитъ нагляднымъ примѣромъ ошибочности системы колонизаціи нью-іоркскаго комитета. Это служитъ прямымъ доказательствомъ и подтвержденіемъ того мнѣнія, что колонія можетъ только тогда развиваться и процвѣтать, когда она будетъ основана самостоятельно, безъ всякаго давленія извнѣ, когда самимъ колонистамъ будетъ принадлежать инціатива основанія колоніи, а комитетъ только періодически будетъ поддерживать ее своими вспомоществованіями, не вмѣшиваясь, однакожъ, во внутреннюю жизнь колоніи и не навязывая колонистамъ своихъ убѣжденій. И дѣйствительно, что̀ хорошаго можно ожидать отъ такихъ людей, которые привыкли, въ теченіи двухъ-трехъ лѣтъ, жить на комитетскій счетъ, никогда не задумываться о завтрашнемъ днѣ, будучи увѣрены, что комитетъ уже обо всемъ позаботится? Вся эта система развила въ вейнландскихъ колонистахъ какую-то апатію, и комитетскій *коштъ* всегда и вездѣ только деморализующимъ образомъ вліялъ на колонію. Конечно, комитету самому придется теперь расплачиваться за свою ложную систему. Уже не говоря о томъ, что колонія Вейнландъ стоитъ десятки тысячъ долларовъ, самъ комитетъ уже теперь начинаетъ сомнѣваться въ томъ, выйдетъ-ли что нибудь путное изъ этой колоніи. Не проходитъ мѣсяца, чтобы не было какого нибудь скандала, бунта etc. Колонисты цѣлыми группами оставляютъ колонію и пріѣзжаютъ въ Нью-Іоркъ осаждать комитетъ все новыми и новыми просьбами. Вообще, среди колонистовъ Вейнланда господствуетъ сильное недовольство. Недовольны всѣ: колонисты недовольны комитетомъ и вѣчно плачутся на него, а комитетъ недоволенъ колонистами и жа-

луется на неблагодарность и т. п. При самихъ лучшихъ условіяхъ, изъ всей этой колоніи останутся фермерами только часть колонистовъ. Больно, очень больно дѣлается, какъ подумаешь, сколько десятковъ тысячъ долларовъ потрачено на эту колонію! Сколько десятковъ тысячъ долларовъ стоила эта колонія еще блаженной памяти «Hebrew Emigrant Aid Society»! И все это пойдетъ прахомъ только потому, что нѣсколькимъ самодурамъ непремѣнно захотѣлось провести это дѣло вопреки здравому смыслу и опыту прошлаго!

Но отвернемся на минуту отъ этого безотраднаго, крайне гнетущаго зрѣлища и бросимъ взглядъ на болѣе отрадныя явленія въ жизни нашихъ эмигрантовъ. Съ благопріятнымъ положеніемъ колонистовъ южной Дакоты читатели уже знакомы. Теперь я могу указать также на благопріятное положеніе колонистовъ Орегона и Канзаса.

Какъ извѣстно, колонія Нью-Одесса, въ Орегонѣ, основана годъ тому назадъ, главнымъ образомъ совокупною дѣятельностью м-ра Гейльприна, д-ра Гольдмана, съ одной стороны, и работою самихъ колонистовъ — съ другой. Всѣ колонисты живутъ на полныхъ общинныхъ началахъ. Но колонія эта не имѣетъ никакой національной подкладки; колонисты всѣ пропитаны космополитическими тенденціями и на свою колонію смотрятъ, какъ на учрежденіе международное. Колонисты въ прошломъ году купили себѣ готовую ферму въ 780 акровъ земли. Изъ этой земли около 480 акровъ было подъ лѣсомъ и 180 акровъ культивированной земли. Въ настоящее время число колонистовъ значительно увеличилось: ихъ теперь 41 человѣкъ, изъ нихъ 7 женщинъ. Въ этомъ году колонисты также выстроили 2 новыхъ домика, такъ что теперь въ колоніи три дома: одинъ большой и два маленькихъ. Колонисты заключили контрактъ съ компаніею мѣстной желѣзной дороги и доставляютъ ей лѣсъ со своей земли. Этимъ они достигаютъ двоякой цѣли: во первыхъ, очищаютъ почву, чѣмъ увеличиваютъ пространство годной для обработки земли; во вторыхъ, заработываютъ хорошія деньги, что даетъ средства къ существованію. Среди колонистовъ есть также четыре православныхъ русскихъ. Одинъ изъ нихъ, нѣкто Ф., въ высшей степени симпатичная личность. Это одинъ изъ тѣхъ людей, кото-

рыхъ жизнь вырабатывается трудомъ и лишеніями и которые обыкновенно всѣмъ жертвуютъ для торжества своей идеи. Впрочемъ, здѣсь говорятъ, что Ф. намѣревается въ скорости оставить колонію и поѣхать обратно въ Россію.

Въ Канзасѣ недавно основана новая колонія, которая названа въ честь Монтефіоре его именемъ. Колонія Монтефіоре основана нѣсколькими членами бывшей колоніи Cicily Island, въ Луизьянѣ. Вѣнское отдѣленіе «Aliance Israélite» помогло довольно значительными средствами устройству этой колоніи. Пока число колонистовъ «Montefiore» незначительно, но надѣются, что колонія въ скорости увеличится. Въ основаніи этой колоніи принималъ также дѣятельное участіе М. Гальперинъ, котораго можно назвать душою колонизаціоннаго дѣла въ Америкѣ.

Въ настоящее время здѣсь образовалось маленькое общество, имѣющее въ виду *исключительно* колонизаціонное дѣло. Это — «Montefiore Agricultural Society». Во главѣ этого полезнаго учрежденія стоятъ: Michael Heilprin, d-r Julius Goldman, судья Isaacs, профессоръ Adler и Fechtheimer.

М-г Гальперинъ передалъ мнѣ, что дѣла въ новообразовавшейся канзасской колоніи идутъ довольно хорошо: колонисты уже успѣли взрыть немного земли и засѣять ее, выкопать колодезь и построить жилища. Землю они взяли у правительства на слѣдующихъ условіяхъ: правительство каждому колонисту дало 160 акровъ земли съ тѣмъ, чтобы они выплатили въ теченіи 3-хъ лѣтъ по 1¼ дол. за акръ, т. е. 200 дол. за участокъ. Колонія эта находится въ 100 миляхъ отъ существующей уже тамъ издавна колоніи «Бееръ-Шева». Колонія «Бееръ-Шева», если читатель помнитъ, основана Цинцинатскимъ комитетомъ, въ 1882 г. Теперь въ этой колоніи находятся 12 семействъ; всѣ живутъ довольно хорошо и ни въ чемъ не нуждаются. Колонисты эти сразу были поставлены въ хорошія условія, такъ какъ на нихъ истрачено было много денегъ.

Рядомъ съ новообразовавшейся въ Канзасѣ колоніей «Montefiore», теперь выростаетъ новая колонія вполнѣ самостоятельно. Нѣкто L., венгерскій еврей, поѣхалъ туда съ нѣсколькими своими знакомыми. L. предварительно обратился къ Гальперину съ просьбою помочь тѣмъ евреямъ, которые ѣдутъ съ нимъ, но

тотъ, по нѣкоторымъ причинамъ, отказалъ имъ; тогда онъ взялъ этихъ евреевъ на свои собственныя средства. Теперь эта группа венгерскихъ евреевъ взяла землю около колоніи «Montefiore» и устроивается самостоятельно. Вообще эти предпріятія показываютъ, что идея колонизаціи пустила глубокіе корни въ народѣ нашемъ. Примѣръ русскихъ евреевъ сильно повліялъ также на евреевъ другихъ странъ, и теперь многіе, даже американскіе евреи, подумываютъ о томъ, чтобы сдѣлаться фермерами.

Дай только Богъ, чтобы уроки прошлаго не пропали для насъ даромъ!

С. С.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Réflexion sur les Juifs, par *Isidore Loeb*. Paris, 1884. (Размышленія о евреяхъ, Изидора Лэба).

Въ послѣднія нѣсколько лѣтъ, съ тѣхъ поръ какъ возникло новѣйшее антисемитическое движеніе, еврейскій вопросъ составлялъ предметъ безчисленныхъ обсужденій и дебатовъ въ литературѣ. Онъ былъ, и повидимому еще не перестаетъ быть до сихъ поръ, однимъ изъ живѣйшихъ «вопросовъ дня» въ нѣкоторыхъ крупнѣйшихъ странахъ Европы. Если собрать воедино все написанное въ послѣднее время pro и contra по еврейскому вопросу: всю эту огромную массу посвященныхъ ему книгъ, брошюръ, воззваній, листковъ и періодическихъ изданій, то получится такая сложная и обширная литература, какая рѣдко выпадаетъ на долю даже наиболѣе крупныхъ соціальныхъ вопросовъ. Оріентироваться въ этомъ литературномъ Вавилонѣ чрезвычайно трудно. Для этого нуженъ спеціалистъ, изучающій вопросъ ad hoc. Какъ ни странно, но еврейскій вопросъ въ настоящее время до того усложнился, что онъ дѣйствительно могъ бы составить особую и далеко не легкую спеціальность въ изученіи современной соціальной жизни. Но вмѣстѣ съ тѣмъ это вопросъ чрезвычайно жизненный, животрепещущій, которымъ во многихъ странахъ интересуются всѣ классы общества, не исключая даже русскихъ крючниковъ и дубиноносцевъ, весьма его излюбившихъ и паки и паки къ нему возвращающихся. Въ виду этого, книга, которая бы въ сжатой формѣ заключала главнѣйшіе доводы по еврейскому вопросу въ какомъ нибудь опредѣленномъ направленіи, которая бы обобщила и систематически изложила всѣ эти доводы и мнѣнія, приводя ихъ, такъ сказать, къ одному знаменателю,—такая

книга является крайне необходимою. Она бы могла служить компендіумомъ, безусловно необходимымъ въ вопросѣ столь сложномъ и запутанномъ. Попытку составить такой компендіумъ сдѣлалъ теперь извѣстный еврейскій писатель и ученый, Изидоръ Лэбъ, въ своей книгѣ «Размышленія о евреяхъ», только что вышедшей изъ печати въ Парижѣ.

Эту попытку нельзя не признать весьма удачною. Лежащая передъ нами книга обнаруживаетъ въ своемъ авторѣ глубокое знаніе дѣла и обширную эрудицію. Это, впрочемъ, и слѣдовало ожидать, принимая во вниманіе общественное положеніе автора, который, какъ многимъ извѣстно, состоитъ одновременно секретаремъ «Alliance Israélite Universelle», дѣятельнѣйшимъ членомъ парижскаго «Общества еврейской науки» и главнымъ редакторомъ издаваемаго этимъ обществомъ журнала «Revue des études juives». При такомъ общественномъ положеніи, авторъ обставленъ былъ наилучшими условіями для составленія компендіума по еврейскому вопросу,—и онъ какъ нельзя лучше этимъ воспользовался.

Первая глава разсматриваемой книги озаглавлена «Теорія» и посвящена критическому обзору теоретическихъ основъ еврейскаго вопроса. Авторъ обобщаетъ основные мотивы этого вопроса слѣдующимъ образомъ. По однимъ, евреи должны быть подвержены въ государствѣ исключительнымъ законамъ, потому что они составляютъ совершенно особую расу и имѣютъ особую расовую физіономію; по другимъ, раса не играетъ здѣсь главной роли, такъ какъ расовая разновидность—фактъ физическій, а не твореніе рукъ человѣческихъ; все дѣло, по ихъ мнѣнію, въ томъ, что евреи вездѣ добровольно замыкаются въ особую націю, въ особую, замкнутую корпорацію, отличающуюся по своимъ нравамъ, религіознымъ идеаламъ, образу жизни и языку, не считающую отечествомъ страну, гдѣ они живутъ, и стремящуюся къ особой національно-политической жизни. Противъ обоихъ этихъ доводовъ авторъ выставляетъ вѣскія фактическія доказательства. Основываясь на научныхъ выводахъ новѣйшей антропологіи, авторъ доказываетъ, что такъ называемый «расовый принципъ» фактически лишенъ всякаго основанія, въ виду крайней перемѣшанности расъ въ современныхъ народахъ, дѣлающей невозможнымъ точное опредѣленіе расы того или другого племени. Въ жилахъ мадьяра те-

четъ монгольская, славянская и тевтонская кровь; современный испанецъ есть результатъ скрещенія расъ галльской, арабской, еврейской и другихъ. Извѣстный антропологъ Топинаръ утверждаетъ, что въ настоящее время нѣтъ, по крайней мѣрѣ въ Европѣ, ни одного народа, который былъ бы совершенно однороденъ по расѣ. Еврейскій народъ также не избѣгъ общей участи и еще въ далекомъ прошломъ представлялъ смѣсь многихъ восточныхъ и западныхъ расъ, среди которыхъ ему приходилось скитаться. Ренанъ недавно доказалъ, какъ нелѣпъ терминъ «антисемитизмъ» въ смыслѣ противуеврейскаго движенія, такъ какъ, по его мнѣнію, еврейскій народъ есть смѣсь различныхъ расъ. Въ виду этого мотивировать предубѣжденія противъ евреевъ расовымъ принципомъ—значитъ представлять мотивъ несостоятельный и совершенно нелѣпый даже съ антропологической точки зрѣнія, помимо его антигуманнаго характера (стр. 4—14).

Противъ обвиненія евреевъ въ замкнутости и корпоративности авторъ выставляетъ массу общеизвѣстныхъ, но прекрасно имъ систематизированныхъ доводовъ. Всѣ они сводятся, по существу въ извѣстному тезису Ренана. «Возьмите—говоритъ знаменитый мыслитель—группу индивидуумовъ любой расы, выдѣлите ихъ особо и заставьте ихъ жить въ ограниченномъ гетто—и вы получите тѣ же результаты (что съ евреями)... Между такими лицами рождается извѣстное сходство, проистекающее не отъ расы, а отъ извѣстнаго сходства въ положеніи». Замкнутость и единство евреевъ, если они гдѣ нибудь существуютъ, составляютъ результатъ историческихъ условій, результатъ внѣшняго гнета. Тѣ, которые агитируютъ противъ евреевъ, именно и заставляютъ послѣднихъ сплотиться ради общей борьбы. Упрекъ, бросаемый обыкновенно евреямъ, что они составляютъ въ государствѣ пришлый элементъ, также не оправдывается исторіей, доказывающей, что во многихъ странахъ Европы евреи поселились еще задолго до паденія Рима, т. е., до образованія самихъ европейскихъ государствъ, нынѣ существующихъ. Въ подтвержденіе того, что въ обособленіи евреевъ виноваты средневѣковыя преслѣдованія и гнетъ, авторъ приводитъ, какъ argumentum a contrario, то обстоятельство, что въ послѣднее столѣтіе, какъ только началась эмансипація евреевъ, гражданское ихъ сліяніе съ остальнымъ на-

селеніемъ совершалось вездѣ съ неимовѣрною быстротою, и въ такихъ странахъ, какъ Франція, Италія, Голландія, теперь не можетъ быть и рѣчи объ обособленности евреевъ.

Авторъ не ограничивается, однако, констатированіемъ одного только факта благотворнаго вліянія эмансипаціи евреевъ. Во второй главѣ, озаглавленной «L'Experience» (опытъ), онъ въ сжатой формѣ излагаетъ самую исторію эмансипаціи евреевъ послѣдовательно: во Франціи, Голландіи, Англіи, Италіи, Германіи и Австро-Венгріи. Мы, разумѣется, не станемъ слѣдить за разсказомъ автора, предполагая его извѣстнымъ читателямъ, но считаемъ нужнымъ указать на выводы, которые авторъ дѣлаетъ изъ своего историческаго изложенія. Они продиктованы неопровержимыми фактами. «Исторія эмансипаціи евреевъ,—говоритъ авторъ,—доказываетъ неопровержимо: 1) что въ государствахъ, гдѣ евреи были эмансипированы вполнѣ и заразъ (какъ, напр., во Франціи, Голландіи и пр.), эта эмансипація представлялась слѣдующимъ поколѣніямъ мѣрою мудрой политики, которую они одобряли и которую имъ и въ голову не приходило отмѣнять; 2) что въ государствахъ, гдѣ евреямъ сначала дарована лишь неполная эмансипація, евреи дѣлали изъ своихъ новыхъ правъ такое хорошее употребленіе, а государство извлекало отъ этого такія выгоды, что полная эмансипація развилась какъ-бы сама собою, въ силу справедливости своего принципа, и вездѣ, послѣ всякаго рода колебаній и нерѣшительности, достигала полнаго торжества» (стр. 43).

Весьма любопытна и назидательна третья глава: «Соціальная роль евреевъ: торговля, ссуды, ростовщичество, ремесла, земледѣліе евреевъ и ихъ благосостояніе». Здѣсь, какъ явствуетъ изъ заглавія, авторъ затрогиваетъ самую больную сторону еврейскаго вопроса—экономическую. Одно изъ главнѣйшихъ обвиненій, тяготѣющихъ на евреяхъ, заключается въ томъ, что они будто бы вездѣ, во вредъ другимъ, овладѣваютъ торговлей, къ которой чувствуютъ чуть-ли не врожденное расположеніе. Авторъ доказываетъ всю ложность этого взгляда: онъ доказываетъ, что только историческія обстоятельства развили въ евреяхъ духъ меркантильности, который, слѣдовательно, исчезнетъ съ измѣненіемъ этихъ обстоятельствъ. Авторъ даетъ намъ превосходный историческій очеркъ развитія торговли среди евреевъ, составленный по Рошеру,

Штоббе, Киссельбаху и другимъ выдающимся произведеніямъ по этому предмету. Во время существованія іудейскаго царства, евреи не проявили никакой дѣятельности въ области торговли, не смотря на свою близость и родственность съ финикіянами; тогда они занимались почти исключительно земледѣліемъ и скотоводствомъ, о чемъ свидѣтельствуютъ, между прочимъ, библейскіе аграрные законы. Изгнаніе и разсѣяніе по всему земному шару впервые развили въ нихъ наклонность къ торговлѣ, внѣ которой они не могли имѣть никакихъ средствъ къ существованію. При этомъ они оказали неоцѣнимую услугу дѣлу развитія торговли въ Европѣ: будучи разсѣяны по различнымъ странамъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ имѣя постоянныя сношенія между собою, евреи имѣли возможность развить международную торговлю до небывалыхъ размѣровъ.—Такъ было въ первое тысячелѣтіе христіанской эры; но мало по малу развитіе городовъ и буржуазіи лишило евреевъ этой главной отрасли ихъ дѣятельности,—и они вынуждены были отдаться самому низкому роду торговли: торговлѣ деньгами. Духовенство еще глубже погрузило евреевъ въ омутъ ростовщичества, такъ какъ оно строжайше запретило христіанамъ ссужать деньги подъ какіе бы то ни были проценты (на основаніи евангел. Луки, VI, 35); а короли, налагая на евреевъ неомѣрные налоги съ ссуднаго промысла, прямо поощряли взиманіе евреями ужасныхъ процентовъ, что сдѣлало ихъ еще болѣе презрѣнными въ глазахъ христіанъ. А между тѣмъ евреи тутъ были козлищемъ отпущенія, клоакой, отводившей нечистоты христіанъ... Не смотря на то, что ростовщичество евреевъ не могло не быть вреднымъ для многихъ объектовъ этой дѣятельности и не менѣе для самихъ дѣятелей,—однако, сама по себѣ денежная торговля евреевъ была, по признанію всѣхъ экономистовъ, чрезвычайно полезною, какъ экономическій принципъ: евреи впервые внесли въ торговлю элементъ кредита, безъ котораго развитіе торговли можетъ быть только ограниченное.

Далѣе авторъ разбиваетъ доводы о мнимомъ нерасположеніи евреевъ къ ремесламъ, пользуясь для этого фактами слишкомъ извѣстными, чтобы на нихъ стоило останавливаться. Неразвитость среди евреевъ земледѣльческаго труда, очевидно, проистекаетъ отъ историческихъ условій, всячески отвлекавшихъ евреевъ отъ

земледѣлія и сдѣлавшихъ даже его для нихъ невозможнымъ. Все это—старыя истины, однако ихъ все еще необходимо высказывать повторять въ тысячный разъ, ибо вражда и предразсудокъ глухи ко всякимъ правдивымъ доводамъ, и долго-долго приходится повторять ихъ, чтобы они были разслышаны.

Но если всѣ предыдущіе доводы неоспоримы, то въ четвертой главѣ, трактующей о «религіи, нравственности и криминальности евреевъ», сгруппированы доводы едва-ли вполнѣ устойчивые—доводы, безъ которыхъ разумная защита евреевъ могла бы обойтись. Мы отдаемъ полную справедливость автору, когда онъ защищаетъ еврейскую религію, въ ея существѣ, противъ нареканій и лживыхъ обвиненій, которымъ она часто подвергается; но мы считаемъ напрасной тратой силъ старанія автора во что бы то ни стало доказать, что еврейская религія, въ талмудической ея формаціи, не имѣла и не имѣетъ обособительнаго вліянія на евреевъ. Здѣсь уже авторъ судитъ односторонне, какъ еврей-французъ, мало знакомый съ религіозною жизнью своихъ нѣ столь счастливыхъ соплеменниковъ. Онъ говоритъ: «Излишне говорить о религіозныхъ обычаяхъ евреевъ, каковы, напр., предписанія о пищѣ, о субботѣ, праздникахъ, бракахъ etc. Это—детали внутренняго характера, неимѣющіе никакого вліянія на общественную жизнь. Евреи, въ извѣстныхъ странахъ (очевидно, не въ хорошо знакомой автору Франціи), не ѣдятъ вмѣстѣ съ христіанами; но извѣстно, что этотъ обычай не вызываетъ со стороны христіанъ рѣшительно никакого чувства отчужденности» (стр. 114 и сл.). Это благодушное, но очевидно невѣрное мнѣніе авторъ подкрѣпляетъ еще доводомъ, что вѣдь и христіанское духовенство много разъ запрещало христіанамъ кушать съ евреями. На это можно отвѣтить автору, что въ то время, какъ отъ подобныхъ распоряженій въ жизни не осталось и слѣда, еврейскіе законы о пищѣ еще понынѣ строжайше соблюдаются, порождаютъ подозрительность со стороны не-евреевъ, которые не могутъ постичь, къ чему нужны подобныя безцѣльныя предписанія. Еще болѣе непонятно положеніе автора, что «талмудъ не претендуетъ играть роль религіознаго кодекса, и что онъ только есть сводъ различныхъ и противоположныхъ мнѣній» (стр. 129). Это утвержденіе отчасти вѣрно относительно второстепенной, *агадической* части талмуда, но безусловно ложно

относительно талмудической *галахи*, безспорно самой существенной части талмуда. Вообще, по нашему мнѣнію, нѣтъ никакой надобности прибѣгать къ подобной натянутой защитѣ. Нѣтъ надобности насиловать факты и утверждать, что средневѣковой іудаизмъ не оказывалъ обособительнаго вліянія на евреевъ; нѣтъ, именно оказывалъ, и было-бы неестественно, еслибъ онъ не вліялъ отчуждающимъ образомъ при средневѣковыхъ условіяхъ жизни. Евреевъ отчуждали извнѣ ,загоняли, обособляли,—и онъ отчуждался, замыкался извнутри. Религія была единственнымъ прикрытіемъ евреевъ, единственной, защищавшею ихъ стѣною, — и они всячески укрѣпляли, огораживали эту стѣну. Впослѣдствіи, мотивы этой оградительной работы были забыты, и слѣдующія поколѣнія освятили ее, какъ составную часть религіи. Въ томъ-то и оказалась вредность этой работы, вредность религіозной отчужденности, первоначально вынужденной, а потомъ добровольной... Необходимы соединенныя усилія правовой эмансипаціи и внутренней самоэмансипаціи евреевъ, чтобы парализовать эту вредность, чтобы разрушить оградительную стѣну... Это, несомнѣнно, раньше или позже сбудется, но пока все-таки не годится сидѣть сложа руки и предаваться оптимистическому созерцанію.

Гораздо болѣе убѣдительны доводы автора, когда онъ становится на почву непосредственныхъ фактовъ. Конецъ разбираемой главы посвященъ изслѣдованію «криминальности» евреевъ, и авторъ приводитъ массу статистическихъ данныхъ, доказывающихъ, что процентъ уголовной преступности евреевъ неизмѣримо ниже процента преступности ихъ соотечественниковъ другихъ исповѣданій (см. стр. 139—147). Подобные пріемы, безспорно, самые успѣшные и наиболѣе цѣлесообразные въ борьбѣ съ ложными обвиненіями.

Предпослѣдняя глава посвящена возраженіямъ противъ «мелкихъ обвиненій», противъ поклеповъ и клеветъ, сыплющихся на евреевъ. Авторъ блестяще доказываетъ всю сбивчивость и внутреннюю несостоятельность подобныхъ обвиненій. Одни, напримѣръ, обвиняютъ евреевъ, что они необразованы, невѣжественны, между тѣмъ какъ другіе кричатъ, что евреи захватили въ свои руки все образованіе; одни обвиняютъ ихъ въ бездѣятельности, другіе въ томъ, что они слишкомъ дѣятельны и трезвы. Разу-

мѣется, что къ подобному оружію прибѣгаютъ только люди, не имѣющіе на своей сторонѣ ни разума, ни совѣсти. Авторъ касается также обвиненія евреевъ въ нерасположеніи къ военной службѣ и доказываетъ, что это обвиненіе въ западно-европейскихъ странахъ лишено всякаго основанія и что оно нигдѣ не можетъ оправдываться при нормальномъ гражданскомъ положеніи евреевъ.

Заключительная глава резюмируетъ предыдущіе доводы, которые сводятся къ безусловной необходимости правовой эмансипаціи евреевъ. Благотворное вліяніе эмансипаціи авторъ доказываетъ фактически, рисуя «роль евреевъ въ современныхъ государствахъ и оказываемыя ими услуги». Онъ кончаетъ свою книгу слѣдующими категорическими положеніями. «Исключительные законы всегда были безсильны сдѣлать добро; это—законы военные, это—увѣковѣченный безпорядокъ. Эти законы не столько гибельны для тѣхъ, противъ которыхъ они направлены, сколько для тѣхъ, кого они предполагаютъ охранять собою... Народы, преслѣдующіе евреевъ, должны себѣ задать рѣшительный вопросъ: хотятъ-ли они быть народами цивилизованными, или желаютъ опять впасть въ варварство; есть-ли для нихъ *право* живой принципъ или только простая формула; составляютъ-ли нравственныя доктрины, исповѣдуемыя ими, истину или ложь; сводится-ли идеалъ человѣчества къ господству справедливости и добродѣтели, или къ господству дикихъ инстинктовъ... Середины нѣтъ: или слѣдуетъ признать за евреями всѣ права человѣка, или слѣдуетъ откровенно признаться, что одна грубая сила управляетъ міромъ и что справедливость—только звукъ пустой!»...

Повторяемъ, книга Лэба составляетъ, въ общемъ, прекрасный компендіумъ по еврейскому вопросу въ его современной стадіи. Правда, *русско*-еврейскій вопросъ имѣетъ нѣкоторыя свои особенности, нѣкоторыя черты, придающія ему физіономію нѣсколько своеобразную, нѣсколько отличную отъ общей физіономіи этого вопроса въ другихъ европейскихъ странахъ. Но никто не станетъ оспаривать, что точекъ прикосновенія и сходства гораздо больше въ различныхъ проявленіяхъ еврейскаго вопроса, чѣмъ точекъ различія; несомнѣнно, что различія бываютъ только во времен-

ныхъ положеніяхъ, а не въ существѣ. Общій типъ еврейскаго вопроса, его существенные ингредіенты—вездѣ одни и тѣ же. А этотъ-то общій типъ и рисуетъ книга Изидора Лэба. Въ этомъ смыслѣ, переводъ этой книги на русскій языкъ является крайне необходимымъ и полезнымъ дѣломъ, которое не слѣдовало бы откладывать въ долгій ящикъ.

Критикусъ.

ЗАВТРА ІОМЪ-КИПУРЪ.

НАБРОСОКЪ.

I.

Рѣдкій сентябрьскій день удается такой, какъ сегодня: теплый, солнечный; небо почти безоблачно; воздухъ чистъ и ясенъ; вѣтерокъ такой тихій, чуть-чуть вѣетъ.

Но прекрасная погода меня не веселитъ; съ самаго утра мною овладѣла грусть; сердце щемитъ отъ невѣдомаго чувства.

Завтра «Іомъ-Кипуръ», «Судный день». Неужели это причина моего настроенія?

Изъ отвореннаго окна до моего слуха доносится пѣніе репетирующаго съ пѣвчими кантора. Эти разнообразные, оригинальные, нерѣдко даже нестройные, но всегда заунывные звуки, какъ-то особенно говорятъ сердцу. Я постоянно слушаю ихъ съ какимъ-то особеннымъ чувствомъ, и они наводятъ на меня грусть. Встаютъ предо мною забытыя картины изъ моего дѣтства. Мы, ребятишки, освобожденные въ половинѣ мѣсяца Эллула (августъ) изъ смраднаго хедера, какъ изъ темницы, толпимся подъ окнами синагогальнаго кантора. «Какой счастливецъ этотъ Исаакъ—онъ попалъ въ пѣвчіе къ кантору»—думаю я о своемъ товарищѣ. Мнѣ становится совѣстно стоять подъ окномъ, а въ домъ не пускаютъ, тамъ и такъ тѣсно и душно. А мнѣ такъ хочется быть внутри, сидѣть и наслаждаться пѣніемъ. Я обдумываю планъ. Вдругъ я стремглавъ бросаюсь бѣжать домой.

— Мама, я хочу поступить въ пѣвчіе къ кантору на

«Іомимъ-Нороимъ» (судные дни); Исаакъ, вонъ, тоже поступилъ; всѣ хвалятъ его славный голосокъ; какъ это пріятно, мама! Я скажу, что отецъ позволилъ.

— Нѣтъ, тебѣ стыдно, тамъ только одни оборванцы, уличные мальчишки.

Я не вступаю въ дальнѣйшія разсужденія; — это не главная цѣль моего прихода.

Мать куда-то вышла—я шмыгъ въ кладовую; дѣлаю тамъ страшныя опустошенія, нагружаю карманы яблоками и грушами, пробираюсь тихо черезъ корридоръ и бѣгу прямо къ дому кантора. Съ помощью протекціи Исаака и принесенныхъ фруктовъ, я пріобрѣтаю право наслаждаться раздирающими ухо визгами репетирующаго хора. Въ глоткѣ и у кантора, и у пѣвчихъ, давно пересохло. Жадно бросаются они на освѣжающее лакомство и вмигъ все истребляютъ.

— Славно, мальчикъ,—говоритъ мнѣ одинъ изъ пѣвчихъ, рыжій, безобразный парень;—ты почаще къ намъ приходи съ фруктами—гость будешь, да товарищамъ своимъ скажи, чтобы и они фрукты приносили.

Я конфужусь; самолюбіе мое сильно страдаетъ; я отлично понимаю, что не моя личность тутъ уважена, а мои яблоки и груши. Но нужно покоряться. Моя участь все-таки завиднѣе участи моихъ товарищей, стоящихъ подъ окномъ.

Часы пробили два. Я вышелъ на улицу. Люди всякаго званія шныряли взадъ и впередъ. Всякій торопился заранѣе покончить съ хлопотами дня. Лавки были полны народу. Покупатели торопили лавочниковъ; послѣдніе въ свою очередь спѣшили отдѣлаться скорѣе и закрыть лавки. Даже христіане замѣтно торопились, спѣша заготовить провизію, ибо завтра у своего брата придется платить въ три-дорога.

Я вошелъ на синагогальный дворъ. Отъ самихъ воротъ вплоть до внутреннихъ дверей стояли десятки оборванныхъ мальчиковъ съ глиняными чашками въ рукахъ; всякій изъ пришедшихъ молиться бросалъ въ каждую чашку отдѣльно, смотря по состоянію, по одной или нѣсколько монетъ.

— Эхъ, кабы на сапоги собрать! — сказалъ про себя мальчикъ лѣтъ десяти.

— И ты съ чашкой стоишь?... изумленно спросилъ кто-то стоявшаго въ углу у воротъ, никѣмъ не замѣчаемаго блѣднаго мальчика лѣтъ двѣнадцати.

Мальчикъ покраснѣлъ. Видно было, что онъ не изъ обыкновенныхъ попрошаекъ. Оправившись немного, онъ отвѣтилъ:

— Я хочу къ ремесленнику поступить; онъ проситъ 15 руб. на 4 года, на его харчахъ. Отецъ не можетъ дать ни копѣйки, у насъ, вы вѣдь знаете, въ одну недѣлю обѣ лошади пали. Отецъ самъ поступилъ въ услуженіе къ балагулѣ. Хотя бы сегодня рубля два собрать, рубль я, быть можетъ, заработаю отъ «шайнесъ» *, а тамъ, Богъ дастъ, отецъ предъ праздниками заработаетъ два рубля лишнихъ. Вотъ мы ремесленнику дадимъ впередъ пять рублей, а остальные еще въ два срока.

Въ сѣняхъ синагоги въ нѣсколько рядовъ стояли длинныя скамейки съ чашками, въ которыхъ лежали ярлыки съ надписями: «Бикуръ-Хойлимъ» **, «Малбушъ-Арумимъ» †, «Гмилесъ-Хасодимъ» †* и много другихъ благотворительныхъ учрежденій. Тутъ ужъ лежали не мѣдные гроши, а кучки ассигнацій. «Благотворительность избавляетъ отъ смерти» говоритъ талмудъ. Это первая заповѣдь послѣ заповѣди нашего великаго учителя Гиллеля: «люби ближняго, какъ самаго себя».

И дѣйствительно, велика щедрота народа нашего, особенно въ этотъ день.

Синагогальный староста (габе) тутъ-же раздавалъ яблоки и груши дѣтямъ прихожанъ, уплатившихъ обѣщанныя въ продолженіе года пожертвованія на синагогу.

Возлѣ меня стоялъ, заложивъ руки назадъ и опершись ими о скамейку, блѣдный съ голубыми глазами мальчикъ лѣтъ восьми. Онъ умильно посматривалъ на своего товарища, мальчика прилично одѣтаго, съ яблокомъ въ рукѣ.

— Твой отецъ, вѣроятно, тоже внесъ деньги «габе»,

---

* Вѣтки ивы, употребляемыя евреями при молитвѣ во время праздника «Кущи» вмѣстѣ съ пальмовою вѣтвью и миртами.

** Призрѣніе больныхъ.

† Одѣваніе нагихъ.

†* Ссуда денегъ съ благотворительной цѣлью.

такъ почему же тебѣ яблокъ не дали *, обратился я къ мальчику.

— Нѣтъ у меня отца,—тихо и грустно произнесъ онъ.

Болѣзненно отозвались эти слова въ моемъ сердцѣ. Мнѣ стало жаль сиротку; я подошелъ къ старостѣ и сказалъ ему, что этому мальчику забыли дать яблоко.

— Какъ? я всѣмъ давалъ, кто только подходилъ; какъ можно дѣлать исключенія между дѣтьми!—оправдывался староста.—Мальчикъ, мальчикъ, поди сюда, на вотъ тебѣ три большихъ яблока.

Но мальчикъ не шевелился. Староста самъ сталъ подходить къ нему. Мальчикъ вспыхнулъ, зарыдалъ и опрометью пустился бѣжать изъ сѣней синагоги.

II.

Бѣдное дитя! Рано ты начинаешь бороться!

Послѣобѣденная молитва «минхе» окончена. Каждый спѣшитъ пригласить къ себѣ неимущаго на трапезу. Оставшіеся безъ гостя (такъ евреи называютъ каждаго нищаго, приглашеннаго на праздникъ) были недовольны; они отправились искать по всему двору—не остался-ли еще кто либо не приглашеннымъ.

— Зачѣмъ вы берете себѣ трехъ гостей, а я ни одного не имѣю? рабби Хаимъ пойдетъ ко мнѣ,—настаивалъ одинъ.

— Нѣтъ, нѣтъ,—спорилъ другой;—ужь вы оставьте, я ихъ прежде пригласилъ; ко мнѣ, ко мнѣ, рабби Хаимъ; вы, пожалуйста, и праздниками «Сукесъ» (кущи) будьте у меня.

— Завтра и для тебя «Іомъ-Кипуръ»—подумалъ я; для тебя, угрюмый кулакъ, для тебя, зачерствѣвшее сердце котораго, какъ всѣ полагаютъ, не бьется ни для какого благороднаго чувства. Нѣтъ, не правда; я вижу, какъ ты сострадателенъ и мягокъ. Въ этотъ великій день и твоя душа свободна отъ нечестныхъ помысловъ и воспріимчива къ добру.

* Въ нѣкоторыхъ еврейскихъ городахъ существуетъ обычай давать дѣтямъ въ синагогѣ наканунѣ «Іомъ-Кипуръ» фрукты или вообще лакомства.

И для тебя завтра «Іомъ-Кипуръ», презрѣнный факторъ; для тебя, лобызающаго ручки презирающаго тебя пана; для тебя, готоваго за грошъ душу продать! Ты сегодня забылъ о своемъ промыслѣ, о лести. Твое блѣдное лицо выражаетъ не змѣинное ехидство, а глубокую грусть; оно возбуждаетъ не презрѣніе, а сочувствіе и жалость. Вѣдь не низкій, подлый льстецъ-же ты въ самомъ дѣлѣ въ душѣ; ты самъ ненавидишь свой промыслъ. Но дѣти, увы! хлѣба просятъ, а другаго пути къ добыванію его нѣтъ... Пусть присмотрятся къ тебѣ сегодня знавшіе тебя вчера—и удивятся они: вчерашній пресмыкающійся червь нынче человѣкъ съ отпечаткомъ святости на челѣ... Что за диво? Въ чемъ тутъ тайна!? Отвѣчать на это могутъ лишь канувшіе въ лету вѣка, да архивная пыль Испаніи, Польши и Россіи...

III.

Я стоялъ, задумавшись, у крыльца синагоги. Ко мнѣ подошли, улыбаясь, двое изъ нашихъ доморощенныхъ «эпикурсимъ» (вольнодумцевъ), постоянныхъ моихъ посѣтителей по субботамъ — чтобы, послѣ жирнаго кугеля, выкурить папироску. Чтобы не считали ихъ «отсталыми», эти «вольнодумцы», которыми кишатъ наши провинціальные городишки, готовы „во имя цивилизаціи“ съѣсть кусокъ трефной колбасы, хотя бы ихъ послѣ и вырвало отъ этого; но когда цадикъ пріѣдетъ, они непремѣнно зайдутъ къ нему посовѣтоваться на счетъ женитьбы и также безгранично вѣрятъ въ силу чародѣйства старой Рикле относительно заговариванія зубовъ отъ боли. Улыбкой они думали подкупить меня, дать понять, что они критически относятся къ этимъ церемоніямъ въ синагогѣ; но, замѣтивъ мою холодность, они поспѣшили принять серьезный видъ.

— Вотъ вамъ хорошо, вы человѣкъ свободный; завтра себѣ пойдете къ N или совсѣмъ дома останетесь! А мы-то цѣлый день должны будемъ торчать въ синагогѣ, голодные, глотать пыль и копоть.

— Я, господа, завтра тоже, можетъ быть, буду въ синагогѣ.

— Вотъ, славно, такъ и слѣдуетъ, вѣдь завтра все таки не такой день, чтобы...

— Чтобы что?—спросилъ я не безъ нѣкоторой ироніи.

— Да вотъ, чтобы не поститься, тѣмъ болѣе трефное ѣсть. Но вы вѣрно будете смѣяться надъ нами, что насъ пугаетъ „Іомъ-Кипуръ"; но, право, мы не фанатики; намъ плевать на это, а все-же какъ-то страшно.

— Съ какой же стати я стану смѣяться надъ вашимъ религіознымъ чувствомъ?

«Вольнодумцы» остались довольны, что я не буду смѣяться надъ ихъ «фанатизмомъ», чтó для нихъ было бы позорнѣе всего.

— Быть завтра у N?—разсуждалъ я про себя.—Нѣтъ, это невозможно; это нравственное униженіе!

— Правда-ли,—въ десятый разъ наивно спроситъ Саша, старшій мальчикъ N,—правда-ли, что сегодня „хапунъ" долженъ непремѣнно кого либо похитить изъ синагоги?—Какой милый нашъ учитель, онъ совсѣмъ и не похожъ на еврея, и въ синагогу не ходитъ!—скажетъ мой любимецъ Миша, повиснувъ у меня на шеѣ.

На грустныя мысли наводитъ этотъ наивный дѣтскій лепетъ.

. . . .

IV.

Солнце еще стоитъ высоко, всего четвертый часъ въ исходѣ, а въ домахъ уже зажжены свѣчи. Улица пустынна, безлюдна. Въ воздухѣ ни звука. Лишь изрѣдка доносится мѣрное всхлипываніе ребенка и заунывная мелодія молящагося за трапезой еврея. Куда дѣвались эти тысячи людей? Зачѣмъ такъ рано умолкъ этотъ шумъ и гамъ? Отчего мнѣ такъ грустно, что плакать хочется!?

Завтра Іомъ-Кипуръ!

Картины дѣтства, давно забытыя, но милыя, одна отрад-

нѣе другой, встаютъ въ моемъ воображеніи. Вспомнилъ я отцовскій домъ, послѣднія минуты наканунѣ „Іомъ-Кипура“ предъ отправленіемъ въ синагогу. Отецъ сидитъ у стола, опершись головой на обѣ руки; тихія слезы льются изъ его глазъ на молитвенникъ; рядомъ съ нимъ сидитъ мать и слабо всхлипываетъ; возлѣ матери сидитъ кудрявый, черноволосый мальчикъ лѣтъ восьми. Его вопрошающій взглядъ обращенъ то на отца, то на мать. Ставни закрыты. Восковыя свѣчи горятъ тускло; въ комнатѣ полумракъ. Мать притягиваетъ къ себѣ мальчика, кладетъ свои руки на его кудрявую головку, цѣлуетъ, плачетъ и снова цѣлуетъ.

— Иди, мой дорогой, проси дѣдушку, чтобы онъ благословилъ тебя предъ Іомъ-Кипуромъ, — говоритъ она ему сквозь слезы, оттирая слезинки, появившіяся на глазахъ мальчика при видѣ плачущей матери.

— Мама, я буду завтра поститься, я ужъ большой.

— Нѣтъ, мой дорогой, до „баръ-мицве“ * ты не обязанъ. Вотъ, Богъ дастъ, дождемся „баръ-мицве“, ты тогда сдѣлаешься „настоящимъ евреемъ“. Чтобы дожить мнѣ до той поры, о Господи!

Но увѣщеванія матери напрасны. Мальчикъ чуть свѣтъ бѣжитъ безъ чаю въ синагогу, твердо рѣшившись до вечера ничего не ѣсть и не пить. Сколько славы ожидаетъ его по выполненіи этого геройскаго поступка: всѣ будутъ ему удивляться; онъ въ хедерѣ будетъ хвалиться передъ товарищами. Большихъ усилій стоитъ отцу заставить мальчика хоть въ полдень съѣсть что нибудь. Мальчикъ упорствуетъ, его мучитъ сомнѣніе — быть можетъ, его пріятель Іосифъ совершитъ этотъ подвигъ, выдержитъ до самаго вечера.

V.

Еще картина изъ недавняго прошлаго. Тотъ-же домъ, та-же обстановка, то-же время года. Но я ужъ не мальчикъ, а юноша въ синей курткѣ съ бѣлыми пуговицами. Старуха

* Тринадцатилѣтняго возраста, когда еврейскій мальчикъ становится отвѣтственнымъ въ религіозномъ отношеніи.

мать, громко рыдая, прижимаетъ мою голову къ груди своей.

— Сынъ мой, дорогой сынъ, дорогое единственное дитя мое! Ты много грѣшенъ передъ Господомъ Богомъ: ты не исполняешь обрядовъ нашей религіи, не соблюдаешь субботы и праздниковъ; ты оставилъ слово Божіе—нашу святую тору. А сколь много обѣщало мнѣ твое дѣтство! Дѣдушка, рабби Мойшеле, говаривалъ мнѣ постоянно: «это будетъ великій раввинъ во Израилѣ; пусть Господь благословитъ такими дѣтьми всѣхъ дочерей Іакова. Но видно такъ Богу угодно. Твои грѣхи мы, дряхлые родители твои, понесемъ на своихъ сгорбленныхъ плечахъ; будемъ день и ночь молиться за тебя, наше дорогое дитя. Но объ одномъ прошу тебя, молю тебя (тутъ рыданія усиливаются)—«не промѣняй червонца», не откажись отъ вѣры Израиля!...

— Нѣтъ, матушка, не безпокойся! «я не промѣню червонца»; да, родимая, я не откажусь отъ вѣры отцовъ моихъ, отъ вѣры народа моего!

Наступила ночь. На небѣ зажглись двѣ три звѣздочки. Тихо. Деревья не шевелятся. Издали чуть-чуть виднѣется угрюмый мрачный домъ — это тюрьма. Оттуда раздаются страшные, надрывающіе душу стоны. Это молятся колодники. Завтра «Іомъ-Кипуръ»—и для васъ, несчастные осужденные, страшенъ этотъ день! Сострадательные собратья ваши прислали вамъ кантора и духовника и принесли, чѣмъ заговѣться. Въ день поста и молитвы нѣтъ преступленій, нѣтъ злодѣйствъ и душегубства—всѣ мы чисты, всѣ мы братья, дѣти одного отца. Обнимемъ-же другъ друга крѣпко, ибо— завтра „Іомъ-Кипуръ!“

Большой деревянный старый домъ. Окна и двери покосились. Голыя стѣны смотрятъ угрюмо. Не смотря на сотни зажженныхъ восковыхъ свѣчъ, тамъ царствуетъ таинственный полумракъ. Тысячи молящихся въ бѣлыхъ мантіяхъ свѣсили свои головы на грудь, какъ-бы желая заглянуть въ свою душу. Не сіяетъ въ золотѣ божій храмъ; нѣтъ въ немъ мраморныхъ колоннъ, нѣтъ поражающаго великолѣпія,

нѣтъ подавляющаго величія. Но религіозныя чувства еврея идутъ, если можно такъ выразиться, не въ ширь, не въ высь, а въ глубь.

Чудный народъ! Всѣ, какъ одинъ, сбросили они съ себя земную суету, забыли обо всемъ въ мірѣ и заботятся только о спасеніи души...

Бенъ-Якиръ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ:

ВЫДАЮЩІЕСЯ ГРАЖДАНЕ ФРАНЦІИ

МОИСЕЕВА ИСПОВѢДАНІЯ.

Письмо изъ Парижа.

Собирая матеріалы для статьи о положеніи евреевъ во Франціи и роли ихъ въ ея исторіи и развитіи, меня невольно поразила масса еврейскихъ именъ, встрѣчающихся на каждомъ шагу, на всѣхъ поприщахъ научной, художественной, политической и общественной дѣятельности. Мнѣ, при этомъ, показалось не безцѣльнымъ сгруппировать, хотя и безъ особенно строгой системы, болѣе выдающіяся изъ этихъ именъ по разнымъ отраслямъ дѣятельности и составить изъ этого нѣчто въ родѣ краткаго энциклопедическаго словаря, который и предоставляю теперь въ полное ваше распоряженіе.

Я при этомъ не претендую нисколько ни на полноту, ни на равномѣрность оцѣнки тѣхъ и другихъ дѣятелей, такъ какъ я этимъ занимался не спеціально, а только мимоходомъ и пользуясь лишь тѣми матеріалами, которые мнѣ случайно попадались подъ руку. Тѣмъ не менѣе, я полагаю, что даже и въ этомъ неполномъ и далеко не совершенномъ видѣ составленный мною списокъ не лишенъ значенія и поучительности, особенно въ настоящее время. Въ особенности мнѣ кажутся поучительными главы объ *арміи*, о *научныхъ* дѣятеляхъ

и о дѣятеляхъ *политическихъ*. Какъ бы сухи ни были эти *длинные* перечни именъ, но уже одно это их качество внушительно говоритъ само за себя и дѣлаетъ излишними всякія комментаріи.

Я, поэтому, надѣюсь, что, не смотря на сухость представленнаго мною списка, и даже скуку, которую онъ, пожалуй, можетъ навести на иныхъ изъ вашихъ читателей, вы все таки не откажетесь дать ему мѣсто на страницахъ „Восхода“.

Вашъ **Корреспондентъ**.

Парижъ.
Августъ, 1884.

Наука и литература.

Профессора.

Алькань, Мишель, родился въ Доннелэ, въ департаментѣ Мерты, въ 1811 году, и былъ сыномъ стараго солдата республиканской арміи. Отрокомъ онъ поступилъ ученикомъ къ одному переплетчику въ Нанси, работая днемъ и посѣщая по вечерамъ безплатные курсы. Въ 1830 г. онъ пріѣхалъ въ Парижъ и сражался на баррикадахъ. Будучи приглашенъ въ коммисію, которой поручено было дѣло іюльскихъ бойцовъ, онъ отвѣтилъ: „Я прошу у васъ только одного — производства слѣдствія". Онъ получилъ орденъ. Благодаря его прилежанію, ему удалось поступить въ главную школу ремеслъ и искусствъ, изъ которой онъ вышелъ три года спустя, съ званіемъ гражданскаго инженера. Сдѣлавъ нѣсколько полезныхъ изобрѣтеній, въ видахъ улучшенія ткацкой промышленности, онъ былъ назначенъ въ 1845 году профессоромъ ткацкаго и прядильнаго дѣла въ той же главной школѣ ремеслъ и мануфактуръ. Въ 1848 году онъ былъ выбранъ членомъ Національнаго собранія отъ департамента Эры, но въ 1850 г. сложилъ съ себя депутатскія полномочія и возвратился къ своей профессурѣ. Послѣ парижской всемірной выставки 1855 года онъ, по предложенію международнаго жюри, получилъ орденъ

Почетнаго Легіона. Онъ умеръ въ Парижѣ въ 1877 г. (Вапро, „Словарь Современниковъ“, 1880).

Бенъ-Левъ, профессоръ литературы въ Дижонѣ, въ 1868 году награжденъ орденомъ Почетнаго Легіона.

Блохъ, *Гюставъ*, родился въ Страсбургѣ, вышелъ первымъ ученикомъ изъ высшей нормальной школы, довершилъ свое художественное образованіе во французской школѣ въ Аѳинахъ, былъ назначенъ въ 1877 году профессоромъ греческихъ и римскихъ древностей въ Ліонѣ.

Бреаль, *Мишель*, родился въ 1832 году въ городѣ Ландау (въ Баваріи) отъ французскихъ родителей, поступилъ въ 1852 году въ высшую нормальную школу. Въ 1862 году, когда „Академія классической литературы и надписей“ назначила премію за сочиненіе „О происхожденіи Зороастровой религіи“, Бреаль получилъ эту премію. Въ 1866 году онъ былъ назначенъ профессоромъ сравнительнаго языковѣдѣнія въ „Collège de France“, въ 1875 году избранъ членомъ „Института“ и назначенъ директоромъ одного изъ отдѣленій его. Въ настоящее время онъ состоитъ главнымъ инспекторомъ высшихъ школъ. Его замѣчательные труды о среднихъ школахъ не мало способствовали реорганизаціи преподаванія въ этихъ школахъ. (Вапро, 1880).

Бреслау, *Луи*, выдающійся профессоръ древнихъ и новыхъ языковъ въ Нанси, родился въ 1818 году. („Замѣтки о Положеніи евреевъ во Франціи)“.

Вайль, профессоръ математики въ Нансійскомъ лицеѣ. Онъ выдавался тѣмъ, что ученикамъ своимъ умѣлъ внушить особенную любовь къ наукѣ и они постоянно отличались замѣчательными успѣхами, („Archives Jsr.“. 1852).

Вальцъ, родился въ Кольмарѣ, (въ Эльзасѣ), ректоръ Академіи.

Вейль, Анри, извѣстный эленистъ, родился во Франкфуртѣ-на Майнѣ въ 1818 году, пріѣхалъ въ Парижъ для окончанія своихъ научныхъ занятій и получилъ въ 1845 году степень доктора литературы. Онъ сдѣлался французскимъ гражданиномъ и получилъ каѳедру древней литературы въ Безансонскомъ университетѣ, въ которомъ въ 1873 году онъ занималъ должность декана. Будучи назначенъ въ 1876 году преподавателемъ высшей нормальной школы, а позднѣе профессоромъ греческаго языка, онъ былъ избранъ въ 1883 году членомъ „академіи надписей и древностей". (Вапро, 1880; „Archives", 1883).

Видаль, Огюстъ, профессоръ словесности, родился въ Эльзасѣ, назначенъ былъ въ 1847 году адъюнктомъ по каѳедрѣ риторики въ лицеѣ Шарлеманя. Получивъ въ 1852 году званіе доктора словесности, онъ былъ назначенъ профессоромъ древней литературы въ Эсскомъ университетѣ и временно исполнялъ должность главнаго инспектора народныхъ школъ. Умеръ въ Парижѣ въ 1875 году. (Вапро, 1880).

Гадамаръ, въ 1864 году былъ назначенъ профессоромъ Ролленовской коллегіи въ Парижѣ. (Archives, 1864).

Гемардингеръ, Матвѣй, вышедшій однимъ изъ первыхъ изъ высшей нормальной школы въ Парижѣ, былъ въ 1852 году назначенъ профессоромъ риторики въ Нанси, а въ 1863 году награжденъ орденомъ Почетнаго Легіона. (Archives, 1844, 1852, 1863).

Геманъ, Феликсъ, состоялъ профессоромъ въ коллежѣ Шапталя въ Парижѣ, въ 1872 году былъ назначенъ инспекторомъ первоначальнаго обученія въ Парижѣ, въ 1877 году получилъ орденъ Почетнаго Легіона, а въ

1883 назначенъ главнымъ инспекторомъ элементарныхъ школъ. (Archives. 1872, 77, 83).

Гейманъ, въ 1868 году былъ назначенъ профессоромъ нѣмецкаго языка въ Наполеоновскомъ лицеѣ, въ Парижѣ, въ 1877 награжденъ орденомъ Почетнаго Легіона. (Archives, 1868, 1877).

Гинстинъ, профессоръ греческой литературы въ Дижонскомъ университетѣ. (Archives, 1879).

Дармштедтеръ, *Арсеній*, французскій филологъ, родился въ Шато-Саленѣ въ 1846 году, былъ назначенъ въ 1872 году репетиторомъ къ г. Гастону Пари, профессору романскихъ нарѣчій. Въ 1877 году онъ получилъ званіе доктора литературы, и въ томъ же году получилъ каѳедру средневѣковаго французскаго языка и литературы въ парижскомъ словесномъ факультетѣ.

Дармштедтеръ, *Джемсъ*, братъ предъидущаго, родился въ Шато-Саленѣ въ 1849 году, получилъ большую премію въ 1866 году, степень лиценціата литературы въ 1868 году и лиценціата права въ 1870 году, и посвятилъ себя сравнительному изученію языковъ и религій, преимущественно древне-персидскихъ. Будучи объявленъ въ 1877 году докторомъ литературы, онъ въ томъ же году получилъ мѣсто репетитора зендскаго языка въ высшей школѣ восточныхъ нарѣчій, а въ 1883 году профессора въ „Collège de France“ (Вапро, 1880, Archives, 1883).

Деренбургъ, *Гартвигъ*, родился въ Парижѣ въ 1844 г., съ 1875 состоитъ преподавателемъ арабской грамматики въ высшей школѣ восточныхъ нарѣчій, а въ 1879 году назначенъ въ той же школѣ профессоромъ арабскаго языка и литературы (Вапро, 1880).

Деренбургъ, *Іосифъ*, братъ предъидущаго, членъ „Ин-

ститута“, замѣчательный гебраистъ, съ 1856 г. состоялъ главнымъ корректоромъ восточныхъ текстовъ въ императорской библіотекѣ, въ 1871 году избранъ членомъ академіи древностей и надписей, а въ 1877 году—профессоромъ еврейскаго языка и литературы въ высшей школѣ восточныхъ языковъ. Кавалеръ ордена Почетнаго Легіона.

Леви, Веніаминъ, состоялъ въ 1870 году профессоромъ нѣмецкаго языка въ коллежѣ Людовика Великаго, въ Парижѣ, въ томъ же году получилъ орденъ Почетнаго Легіона, въ 1882 году былъ назначенъ главнымъ инспекторомъ преподаванія въ школахъ живыхъ языковъ. (Archives, 1870).

Леви, Д., профессоръ исторіи и литературы, получилъ въ 1840 году орденъ Почетнаго Легіона. (Archives, 1840).

Леви, Эдуардъ, вышелъ въ 1845 изъ высшей нормальной школы и въ томъ же году назначенъ профессоромъ математики въ Оксеррскомъ коллежѣ, въ 1852 переведенъ въ томъ же званіи въ Страсбургъ, а въ 1869—въ коллежъ св. Варвары, въ Парижѣ. (Archives, 1845, 1852 и 1869).

Леви, Маврикій, родился въ Раппольсвейлерѣ (въ Эльзасѣ), въ 1862 году назначенъ репетиторомъ математики въ политехнической школѣ, въ 1879 году адъюнктъ-профессоромъ математики же въ „Collège de France“, и въ томъ же году получилъ орденъ Почетнаго Легіона. (Archives).

Леви, Морицъ, французскій астрономъ, родился въ Вѣнѣ въ 1833 году, поступилъ въ вѣнскую обсерваторію и сдѣлался вскорѣ однимъ изъ самыхъ выдающихся учениковъ ея, но, по существовавшимъ въ то время въ

Австріи законамъ, онъ не могъ предаться на своей родинѣ научной карьерѣ. Леверье пригласилъ его въ Парижъ и доставилъ ему мѣсто въ парижской обсерваторіи. Въ 1864 году, за оказанныя имъ научныя заслуги, онъ былъ натурализованъ французскимъ гражданиномъ. Въ 1872 онъ былъ назначенъ членомъ коммисіи для опредѣленія долготъ, въ 1873 году поступилъ во французскую академію наукъ, въ 1878 году назначенъ помощникомъ директора парижской обсерваторіи; въ томъ же году получилъ орденъ Почетнаго Легіона. (Вапро, 1880).

Липпманъ, преподаватель Парижскаго словеснаго факультета, кавалеръ ордена Почетнаго Легіона. (Archives, 1882).

Манюэль, Эженъ, инспекторъ первоначальнаго обученія, былъ сначала преподавателемъ во многихъ парижскихъ лицеяхъ и коллегіяхъ, въ 1870 году былъ назначенъ секретаремъ и правителемъ канцеляріи Жюля Симона, тогдашняго министра народнаго просвѣщенія, въ 1872 получилъ мѣсто инспектора парижской академіи, а въ 1878 году—мѣсто инспектора первоначальнаго образованія. Какъ выдающійся поэтъ, онъ издалъ нѣсколько сборниковъ прекрасныхъ стихотвореній своихъ, за которые и получилъ преміи отъ французской академіи. (Вапро, 1880).

Мейеръ, Маврикій, инспекторъ элементарныхъ школъ, былъ сначала учителемъ въ Мецѣ, въ 1844 году переведенъ въ Нанси, въ томъ же году получилъ ученую степень доктора литературы, въ 1856 году былъ назначенъ профессоромъ классической литературы въ Пуатье, а въ 1858 году—инспекторомъ элементарныхъ школъ. (Archives, 1844, 1856, 1858),

Мункъ, Соломонъ, замѣчательный оріенталистъ, родился въ Глогау въ 1805 году, прибылъ въ Парижъ для изученія восточныхъ языковъ, здѣсь натурализовался, въ 1840 году получилъ мѣсто въ отдѣленіи рукописей королевской библіотеки, въ 1858 году назначенъ членомъ академіи надписей и древностей, а въ 1865 приглашенъ профессоромъ еврейскаго и сирійскаго языковъ въ „Collège de France". (Archives, 1840, 1858, 1865).

Оллендорфъ, очень извѣстный профессоръ иностранныхъ языковъ, извѣстный своей превосходной методой обученія этимъ языкамъ (Archives, 1865).

Оппертъ, Жюль, членъ французскаго „Института", родился въ Гамбургѣ, переселился во Францію въ 1847 г. будучи лишенъ возможности сдѣлаться профессоромъ въ Германіи, вслѣдствіе своего еврейскаго происхожденія. Будучи назначенъ профессоромъ въ Реймсѣ, онъ написалъ нѣсколько статей о персидскомъ языкѣ и о клинообразномъ письмѣ, обратившихъ на него вниманіе „Института", и въ 1852 году онъ былъ приглашенъ участвовать въ ученой экспедиціи, отправленной французскимъ правительствомъ въ Месопотамію. За оказанныя имъ услуги, онъ получилъ права французскаго гражданства въ 1854 году. Въ 1856 году онъ сдѣлался хранителемъ санскритскаго отдѣла въ императорской библіотекѣ и получилъ орденъ Почетнаго Легіона. Въ 1863 онъ получилъ большую, двухъгодичную императорскую премію въ 25,000 франковъ. Впослѣдствіи онъ былъ назначенъ профессоромъ ассирійской филологіи и археологіи въ „Collège de France". Онъ состоитъ также членомъ „Академіи надписей и древностей".

Родригецъ-сынъ, получилъ степень доктора филологіи въ 1820 году, авторъ нѣсколькихъ научныхъ трудовъ.

Соломонъ, профессоръ въ Мецскомъ лицеѣ съ 1857 г., впослѣдствіи былъ переведенъ въ лицей Людовика Великаго, въ Парижѣ, и въ 1880 году получилъ орденъ Почетнаго Легіона. (Archives, 1857, 1880).

Теркемъ, Ольри, замѣчательный математикъ, профессоръ математическихъ наукъ въ Королевской Артиллерійской школѣ въ 1820 году, въ 1853 году былъ пожалованъ офицеромъ Почетнаго Легіона („Archives". 1853 г.).

Теркемъ, Альфредъ, въ 1869 году былъ назначенъ профессоромъ физики въ Страсбургскомъ университетѣ. („Archives", 1869 г.).

Франкъ, Адольфъ, философъ, членъ „Института", родился въ Ліокурѣ (въ департаментѣ Мерты) въ 1809 г., въ 1832 году получилъ первымъ изъ всѣхъ экзаменовавшихся вмѣстѣ съ нимъ степень кандидата философіи, а въ 1840 году былъ назначенъ профессоромъ въ лицеѣ Шарлемань, въ Парижѣ. Въ 1844 году онъ былъ избранъ членомъ академіи политическихъ и моральныхъ наукъ, а съ 1849 по 1852 годъ замѣнялъ Бартелеми-Сентъ-Илэра въ „Collège de France", по каѳедрѣ греческой и римской философіи. Въ 1856 году получилъ каѳедру энциклопедіи и философіи права въ томъ же „Collège de France". Въ 1869 году получилъ командорскій крестъ ордена Почетнаго Легіона. Съ 1844 по 1852 г., Франкъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими учеными и профессорами, издавалъ „Словарь философскихъ наукъ", второе, исправленное изданіе котораго появилось въ 1865 году. (Вапро, 1880).

Драматурги, журналисты, литераторы.

Аронъ, Анри, сначала сотрудникъ, а затѣмъ редак-

торъ „Оффиціальнаго Журнала“, получилъ въ 1878 году орденъ Почетнаго Легіона („Archives“, 1878).

Беерь, Мишель, уроженецъ Нанси, литераторъ, авторъ многихъ статей въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ по вопросамъ политики, нравственности и исторіи, секретарь великаго синедріона 1806 года.

Бингъ, Исайя-Бэръ, муниципальный совѣтникъ въ Мецѣ, впослѣдствіи одинъ изъ администраторовъ національныхъ солеваренъ; литераторъ, авторъ многихъ сочиненій. Умеръ въ Парижѣ въ 1806 году.

Бухенталь, Липманъ-Моисей, родился въ Страсбургѣ, издалъ стихотворенія на французскомъ и на нѣмецкомъ языкахъ.

Вейль, Александръ, французскій литераторъ, родился въ 1813 году въ Эльзасѣ. Пятнадцати лѣтъ отъ роду онъ переселился въ Германію, гдѣ сотрудничалъ во многихъ журналахъ. Возвратившись во Францію въ 1838 году, онъ и здѣсь сдѣлался сотрудникомъ многихъ большихъ политическихъ газетъ, а въ 1848 году издалъ первую свою политическую брошюру. Съ тѣхъ поръ онъ написалъ множество брошюръ по разнымъ современнымъ вопросамъ, отличавшихся язвительнымъ остроуміемъ; онъ издалъ также нѣсколько романовъ. (Вапро, 1880).

Галеви, Илія, выдающійся гебраистъ и талантливый поэтъ.

Галеви, Леонъ, сынъ предъидущаго и братъ знаменитаго композитора Фроманталя Галеви, издалъ нѣсколько сборниковъ своихъ стихотвореній, переводъ Горація и множество другихъ литературныхъ трудовъ, получилъ въ 1846 году орденъ Почетнаго Легіона, а въ 1855 г.

академическую премію въ 2000 франковъ за сборникъ басенъ. („Archives“, 1846, 1855).

Галеви, Людвикъ, драматургъ и романистъ, сынъ предъидущаго, родился въ Парижѣ въ 1834 году. Въ 1864 г. получилъ орденъ Почетнаго Легіона. Написалъ множество театральныхъ пьесъ самаго разнообразнаго жанра, въ томъ числѣ нѣсколько весьма замѣчательныхъ.

Дальмберъ, Матье, ученикъ политехнической школы, основалъ во Франціи первый еврейскій журналъ «Israelite Français“, въ 1820 году, впослѣдствіи начальникъ батальона національной гвардіи въ Парижѣ, кавалеръ ордена Почетнаго Легіона. Умеръ въ Парижѣ въ 1840 г. (Archives, 1840).

Деннери, Адольфъ-Филиппъ, французскій драматургъ, началъ писать для сцены съ 1837 года, написалъ болѣе двухъ сотъ пьесъ, многія изъ которыхъ имѣли громадный успѣхъ. Въ 1859 году получилъ офицерскій крестъ ордена Почетнаго Легіона. (Вапро, 1880).

Залкиндъ-Гурвицъ, родился въ Польшѣ, но натурализовался во Франціи, во время революціи состоялъ переводчикомъ при національной библіотекѣ, авторъ нѣскольких лингвистическихъ трудовъ и сочиненія о возрожденіи евреевъ, за которую онъ получилъ въ 1787 г. трѐть преміи, назначенной за лучшія сочиненія по этому предмету. Умеръ въ 1810 году.

Когенъ, Іосифъ, журналистъ, родился въ Марсели въ 1817 году, въ 1836 году получилъ въ Э адвокатскую степень. Въ 1842 году ему поручено было изучить положеніе алжирскихъ евреевъ; до 1848 года состоялъ адвокатомъ при алжирскомъ судѣ. Возвратившись во Францію, онъ организовалъ „Алжирское Общество“ и сдѣлался главнымъ редакторомъ газеты „Pays“.

Въ 1876 году получилъ офицерскій крестъ ордена Почетнаго Легіона, (Вапро, 1880).

Кремье, Гекторъ-Іонаθанъ, драматургъ, родился въ Парижѣ въ 1828 году, написалъ множество театральныхъ пьесъ, имѣвшихъ большой успѣхъ. (Вапро, 1880).

Невиль, Эженъ, литераторъ, кавалеръ ордена Почетнаго Легіона.

Ратисбонъ, Луи, литераторъ родился въ Страсбургѣ въ 1827 году, выдающійся журналистъ, въ теченіе многихъ лѣтъ состоялъ сотрудникомъ „Iournal des Débats“, издалъ нѣсколько замѣчательныхъ сочиненій, въ 1860 и 1861 годахъ получалъ академическія преміи. (Вапро,1880),

Сальвадоръ, Жозефъ, историкъ, родился въ 1796 г. въ Монпелье, рано посвятилъ себя изученію наукъ и философіи, въ 1816 году получилъ степень доктора медицины и отправился въ Парижъ, гдѣ онъ всецѣло предался историческимъ занятіямъ. Издалъ замѣчательныя сочиненія о религіи Моисея и о римскомъ владычествѣ въ Іудеѣ. (Вапро, 1880).

Энсгеймъ, замѣчательный математикъ, написалъ нѣсколько сочиненій по этой наукѣ.

Зодчіе, музыканты, живописцы, ваятели.

Аданъ, Соломонъ. Ваятель, родившійся въ Ла-Ферте-Су-Жуаръ въ 1818-мъ году, былъ посланъ для довершенія своего образованія въ Парижъ, въ качествѣ пенсіонера своего департамента, предался здѣсь занятію скульптурой и создалъ немалое число мраморныхъ бюстовъ и замѣчательный барельефъ, изображающій казнь Шарлотты Кордэ. Аданъ извѣстенъ, между прочимъ, тѣмъ, что послужилъ поводомъ къ безконечнымъ процессамъ о

контрфакціи. Въ 1870 году получилъ орденъ Почетнаго Легіона. (Вапро, 1880 г.).

Вормсъ, Жюль. Живописецъ, родился въ Парижѣ въ 1832 году, сталъ посылать, начиная съ 1859 года, на выставки картины, сюжеты которыхъ заимствованы преимущественно изъ испанской жизни. Въ 1876 году получилъ орденъ Почетнаго Легіона. (Вапро, 1880; Arch. 1876).

Галеви, Фроменталь-Илія. Родился въ 1799 году, поступилъ въ консерваторію въ 1809 г. и получилъ премію за гармонію въ двѣнадцатилѣтнемъ возрастѣ. Когда Галеви было 15 лѣтъ отъ роду, Керубини, которому приходилось уѣхать на нѣсколько времени изъ Парижа, поручилъ ему замѣстить его въ званіи директора консерваторіи. Въ 1819 году Галеви получилъ первую премію за композицію. Въ 1840 году онъ былъ назначенъ членомъ академіи искусствъ, въ 1845 году онъ былъ избранъ президентомъ этой академіи и назначенъ офицеромъ ордена Почетнаго Легіона, въ 1854 году онъ былъ назначенъ непремѣннымъ секретаремъ Академіи изящныхъ искусствъ. Умеръ въ 1862 году. (Вапро, 1880).

Гиршъ, Абрагамъ. Архитекторъ, родился въ Ліонѣ въ 1828 году, учился архитектурѣ подъ руководствомъ ліонскаго городскаго архитектора Дежардена, и впослѣдствіи сдѣлался его помощникомъ, а въ 1870 г. заступилъ его мѣсто. Въ 1876 году онъ былъ назначенъ директоромъ національной школы изящныхъ искусствъ, а въ 1878 году получилъ орденъ Почетнаго Легіона. Имъ построено нѣсколько прекрасныхъ зданій. (Вапро, 1880).

Гиршъ, Альфонсъ. Живописецъ, талантливый порт-

ретистъ. Произведенія его неоднократно появлялись на парижской художественной выставкѣ.

Давидъ, Самуилъ. Композиторъ, получилъ первую премію за музыкальную композицію въ парижской консерваторіи, написалъ нѣсколько комическихъ оперъ, былъ назначенъ въ 1883 году членомъ академіи музыки.

Жакоберъ. Выдающійся живописецъ, уроженецъ Меца. Въ 1843 году былъ назначенъ кавалеромъ ордена Почетнаго Легіона. (Arch. 1843).

Жонасъ, Эмиль. Композиторъ, родился въ Парижѣ въ 1827 году, въ 1847 г. поступилъ въ консерваторію, получилъ въ 1849 году вторую большую премію за музыкальную композицію. Съ 1857 года состоялъ профессоромъ сольфеджій, а въ 1859 году былъ назначенъ преподавателемъ гармоніи и композиціи въ войскахъ. Кавалеръ ордена Почетнаго Легіона; написалъ нѣсколько оперетокъ, имѣвшихъ большой успѣхъ. (Вапро, 1880).

Кагенъ, Эрнестъ. Композиторъ, получилъ въ 1849 году большую премію за музыкальное композиторство. („Archives“, 1849).

Когенъ, Юлій. Композиторъ, родился въ Марсели, поступилъ слушателемъ въ парижскую консерваторію, получилъ въ ней первую премію за фортепіано въ 1830 году, за органъ—въ 1832 году, и за контрапунктъ и фуги—въ 1834 году. Будучи назначенъ инспекторомъ императорскихъ оркестровъ при Наполеонѣ III, онъ соединялъ эту должность съ должностями профессора парижской консерваторіи по классу хороваго пѣнія и главнаго репетитора Парижской Большой Оперы. Онъ написалъ нѣсколько оперъ. (Вапро, 1880).

Лэмлинъ, Александръ. Выдающійся живописецъ, по-

лучилъ въ 1841 году золотую медаль, а въ 1843—вторую золотую медаль. (Arch. 1843).

Леви, Эмиль. Живописецъ, родился въ Парижѣ въ 1826 году, получилъ въ 1854 году римскую стипендію, въ слѣдующемъ году прислалъ изъ Рима свою картину: „Ной, проклинающій Хама", купленную правительствомъ, получилъ медали въ 1859, 1864 и 1866 годахъ, медаль за всемірную выставку 1867 года и въ томъ же году орденъ Почетнаго Легіона. (Вапро, 1880).

Леви, Анри. Живописецъ, родился въ Нанси въ 1840 году, дебютировалъ на художественной выставкѣ 1865 года, получилъ медали за выставки 1865, 1867 и 1869 годовъ, и въ 1872 году награжденъ орденомъ Почетнаго Легіона, а за всемірную выставку 1878 года получилъ большую медаль. (Вапро, „Современники", 1880).

Мейерберъ, Мейеръ Липманъ Беръ. Родился въ Берлинѣ въ 1791 году, знаменитый композиторъ, написалъ множество серьезныхъ и комическихъ оперъ; нѣкоторыя изъ первыхъ считаются образцовыми. Большая часть этихъ оперъ были поставлены въ первый разъ въ Парижѣ, гдѣ Мейерберъ почти постоянно жилъ. Въ 1849 году онъ былъ назначенъ командоромъ ордена Почетнаго Легіона. Умеръ въ Парижѣ въ 1864 году. (Вапро, 1880; „Archiv." 1849).

Ульманъ, Веньяминъ. Живописецъ, родился въ Блоцгеймѣ (въ Эльзасѣ) въ 1829 году, получилъ вторую римскую премію въ 1858 году и выставлялъ на нѣкоторыхъ выставкахъ произведенія свои, обращавшія на себя всеобщее вниманіе. Имъ росписаны стѣны и потолки въ зданіи кассаціоннаго суда, въ новомъ зданіи парижскаго уголовнаго суда и въ большой залѣ Государственнаго

Совѣта. Получилъ медали въ 1859, 1866 и 1872 годахъ, медаль за вѣнскую выставку 1883 года, а въ 1872 году кромѣ того орденъ Почетнаго Легіона. (Вапро, 1880).

Ульманъ, Эмиль. Братъ Веньямина Ульмана, выдающійся архитекторъ, получилъ въ 1867 году премію, учрежденную Ашилемъ Леклеркомъ, а въ 1876 году назначенъ архитекторомъ города Парижа. (Arch. 1867 и 1876 гг.).

Гражданскіе инженеры.

Александръ. Гражданскій инженеръ, получилъ въ 1881 году орденъ Почетнаго Легіона. (Archives Israelites. 1881).

Аронъ. Назначенъ въ 1878 году главнымъ инспекторомъ мостовыхъ и шоссейныхъ сооруженій. (Arch. 1878).

Вормсъ-де-Ромальи. Инженеръ, съ 1880 г. кавалеръ ордена Почетнаго Легіона. (Arch. 1880).

Даніэль, Эрнестъ. Инженеръ, уроженецъ Амьена, въ 1857 году былъ приглашенъ въ Аѳины для завѣдыванія общественными работами. (Arch. 1857).

Кагенъ, Альфредъ. Инженеръ путей сообщенія, въ 1879 году назначенъ кавалеромъ ордена Почетнаго Легіона.

Кагенъ, Майеръ. Назначенъ въ 1879 г. помощникомъ инспектора государственныхъ работъ („Arch. Israel." 1879).

Лаксъ. Гражданскій инженеръ, получилъ въ 1880 году орденъ Почетнаго Легіона. (Arch. 1880).

Леви, Эммануилъ. Гражданскій инженеръ, въ 1879

году получилъ орденъ Почетнаго Легіона. (Arch. Israel. 1879).

Леви, Альфонсъ-Леонъ. Въ 1876 году назначенъ главнымъ инженеромъ горнаго вѣдомства во Франціи, въ 1881 году получилъ орденъ Почетнаго Легіона (Arch.).

Леви, Теодоръ. Въ 1879 году назначенъ инспекторомъ мостовыхъ и шоссейныхъ сооруженій (Arch. Israel. 1879).

Лисбоннъ. Инженеръ, въ 1880 году назначенъ секретаремъ совѣта адмиралтейства. (Arch. 1880).

Марксъ-Пикаръ. Въ 1864 году назначенъ главнымъ инженеромъ департамента Сены-и-Марны, а въ 1875— главнымъ инспекторомъ мостовыхъ и шоссейныхъ сооруженій. (Arch. 1864, 1875).

Марксъ, Леопольдъ. Въ 1877 году назначенъ инспекторомъ мостовъ и шоссейныхъ дорогъ, офицеръ ордена Почетнаго Легіона. (Arch. 1877).

Майеръ, Шальи. Назначенъ въ 1877 году инспекторомъ пороховыхъ заводовъ, въ 1878 году назначенъ офицеромъ ордена Почетнаго Легіона. (Arch. 1877, 1878).

Майеръ, Эрнестъ. Въ 1869 году избранъ вице-президентомъ общества гражданскихъ инженеровъ въ Парижѣ, впослѣдствіи состоялъ главнымъ инженеромъ общества западныхъ желѣзныхъ дорогъ, съ 1880 г. числится офицеромъ ордена Почетнаго Легіона. (Archives 1869, 1880).

Майеръ, Фердинандъ. Инспекторъ мостовъ и шоссейныхъ дорогъ, въ 1879 году получилъ орденъ Почетнаго Легіона. (Arch. 1879).

Моизъ. Гражданскій инженеръ, съ 1874 г. кавалеръ ордена Почетнаго Легіона. (Arch. 1874).

Филиппъ. Гражданскій инженеръ, въ 1878 году получилъ орденъ Почетнаго Легіона. (Arch., 1878).

Франкфоръ. Главный инженеръ департамента Эры и Луары, получилъ въ 1869 году офицерскій крестъ ордена Почетнаго Легіона.

Фрибуръ. Завѣдующій личнымъ составомъ въ министерствѣ почтъ и телеграфовъ, въ 1883 году получилъ офицерскій крестъ ордена Почетнаго Легіона. (Arch., 1878).

Армія.

Евреи, занимавшіе видныя должности въ арміи въ 1820-мъ году.

(На основаніи сочиненія: „Замѣтка о положеніи евреевъ“, Парижъ, 1827).

Вольфъ, баронъ, генералъ-маіоръ, имѣлъ командорскій крестъ орденъ Почетнаго Легіона, (внукъ покойнаго Серфъ-Берра).

Вольфъ, Морисъ, полковникъ, уроженецъ Нанси, батальонный командиръ, кавалеръ ордена Почетнаго Легіона, братъ генерала Вольфа.

Берръ, Леонъ, уроженецъ Нанси, отставной капитанъ, помѣщенный въ Домѣ Инвалидовъ.

Бингъ, Исидоръ, поручикъ артиллеріи.

Мевиль, Гюставъ, Капитанъ артиллеріи, кавалеръ ордена Почетнаго Легіона.

Фестель, капитанъ, смотритель оружейнаго склада въ Мюцигѣ, офицеръ ордена Почетнаго Легіона.

Равель, капитанъ, кавалеръ Почетнаго Легіона.

Серфъ, Бэръ, капитанъ артиллеріи, кавалеръ ордена Почетнаго Легіона..

Офицеры-евреи по даннымъ „Военнаго ежегодника“ за 1883 годъ и «Arch. Israel.»

Дивизіонные генералы.

Ламберъ, произведенъ въ бригадные генералы въ 1877 году, а въ дивизіонные — въ 1883 году. Съ 1876 года имѣетъ командорскій крестъ ордена Почетнаго Легіона („Archives“, 1876, 1871, 1883).

Сэ, Леопольдъ, родился вь Рибовилье (въ Эльзасѣ), въ 1869 году произведенъ въ полковники, въ 1871 году — въ бригадные генералы, а въ 1880 году — въ дивизіонные генералы. Имѣетъ командорскій крестъ ордена Почетнаго Легіона („Archives“ 1869, 1871, 1880).

Бригадные генералы.

Абрагамъ, Бернаръ, въ 1864 году произведенъ въ капитаны, въ 1877 году — въ полковники, а въ 1880—въ бригадные генералы („Archives“, 1864, 1877, 1883).

Бриссакъ, Гавріилъ, въ 1866 году произведенъ въ подполковники, въ 1870 — въ полковники, а въ 1880—въ бригадные генералы („Archives“).

Леви, Авраамъ, братъ доктора Мишеля Леви и инспектора интендантства Венуа Леви, въ 1843 году былъ капитаномъ алжырскихъ стрѣлковъ, въ 1855—полковникомъ, а въ 1880—бригаднымъ генераломъ („Archives“, 1843, 1855, 1880).

Полковники и подполковники.

Баумъ, въ 1876 году былъ назначенъ эскадроннымъ командиромъ, а въ 1878 — произведенъ въ полковники („Archives“, 1876, 1878).

Борисъ, Моисей, въ 1847 году былъ поручикомъ, а въ 1861 — произведенъ въ полковники („Archives", 1847, 1861).

Вормсъ, Г., произведенъ въ подполковники въ 1880 году.

Герцъ, Арманъ, произведенъ въ подполковники въ 1882 году.

Кремье, Адольфъ-Ланжъ, произведенъ въ подполковники въ 1875 году („Archives", 1875).

Липпманъ, произведенъ въ подполковники въ 1883 году..

Мангеймъ, Амедей, произведенъ въ 1881 году въ подполковники.

Мошъ, Жюль, въ 1880 году произведенъ въ полковники.

Сальвадоръ, Гавріилъ, произведенъ въ 1861 году въ подполковники, въ 1870 году—въ полковники и въ 1872 — получилъ командорскій крестъ ордена Почетнаго Легіона.

Самюель, Авраамъ, въ 1856 году состоялъ капитаномъ генеральнаго штаба, въ 1878 году произведенъ въ подполковники, а въ 1882 — въ полковники.

Серфберъ, произведенъ въ полковники въ 1846 году, а въ 1849 — получилъ командорскій крестъ ордена Почетнаго Легіона („Archives", 1846, 1849).

Факсъ, Натаніэль, въ 1882 году произведенъ въ полковники. („Archives", 1882).

Хинстонъ, Адольфъ, въ 1855 году состоялъ инженеръ-поручикомъ, а въ 1878 — произведенъ въ инженеръ-полковники.

Военные интенданты.

Бризакъ, Іосифъ, назначенъ военнымъ интендантомъ въ 1878 году.

Зелигманъ, Луи, съ 1876 года военный интендантъ, съ 1882—кавалеръ ордена Почетнаго Легіона.

Каганъ, Эженъ-Натанъ, назначенъ военнымъ интендантомъ въ 1880 году.

Леви, Барухъ, былъ назначенъ въ 1876 году на высшую должность въ интендантскомъ вѣдомствѣ—главнаго инспектора интендантства, съ 1871 года имѣетъ командорскій крестъ ордена Почетнаго Легіона.

Офицеры различныхъ чиновъ.

Во французской арміи состояло въ 1883 году, по даннымъ «Военнаго Ежегодника» за этотъ годъ: 12 евреевъ командировъ пѣхотныхъ батальоновъ, 4 командира инженерныхъ батальоновъ, 5 эскадронныхъ командировъ въ кавалеріи, 4 командира эскадроновъ въ конной артиллеріи, 90 пѣхотныхъ, артиллерійскихъ, кавалерійскихъ и инженерныхъ капитановъ, 89 поручиковъ, и 109 подпоручиковъ различныхъ родовъ оружія.

Политическіе дѣятели.

Министры

Гудшо, Мишель, родился въ Нанси въ 1789 г., въ 1826 г. поселился въ Парижѣ, какъ банкиръ, въ 1831 г. былъ назначенъ военнымъ казначеемъ въ Страсбургѣ, но

въ 1834 г. вышелъ въ отставку, такъ какъ не былъ согласенъ съ политикой тогдашняго министерства. Въ 1848 г., по настоянію Ламартина и Араго, принялъ портфель министерства финансовъ, будучи избранъ незадолго передъ тѣмъ, 8 іюня, представителемъ отъ департамента Сены, вторымъ въ кандидатскомъ спискѣ. Оставался министромъ до 1851 г. и умеръ въ 1862 г.

Кремье, Исаакъ-Адольфъ, родился въ Нимѣ въ 1796 г., въ 1842 г. былъ избранъ депутатомъ отъ Шинонскаго округа, и вторично выбранъ въ томъ же округѣ въ 1846 г. Въ 1848 г. онъ былъ назначенъ членомъ временнаго правительства и министромъ юстиціи. Въ 1870 г. онъ былъ избранъ депутатомъ департамента Сены, и какъ таковой, послѣ революціи 4 сентября того же года, былъ избранъ однимъ изъ членовъ временнаго правительства, назначенъ министромъ юстиціи и посланъ въ Турскую делегацію временнаго правительства. 14 февраля 1871 года онъ сложилъ съ себя званіе министра, былъ избранъ депутатомъ 20 октября того же года, а въ 1875 г.—безсмѣннымъ сенаторомъ. Умеръ въ 1880 г. и похороненъ на счетъ государства. (Вапро, 1880 г.).

Рейналь, Давидъ, въ 1879 г. былъ избранъ депутатомъ отъ города Бордо, въ 1880 г. назначенъ товарищемъ министра, а въ 1883 г.—министромъ общественныхъ работъ.

Фульдъ, Ашиль, родился въ Парижѣ въ 1800 г., умеръ въ Тарбѣ въ 1867 г. Былъ избранъ депутатомъ въ 1842 г., и затѣмъ еще нѣсколько разъ, а въ 1861 г. назначенъ министромъ финансовъ и оставался имъ до 1867 г.

Сенаторы.

Мимьо, Эдуардъ, родился въ 1834 г. въ Тарасконѣ, съ 1854 г. сдѣлался адвокатомъ въ Ліонѣ, 2 іюля 1871 г. былъ избранъ представителемъ отъ департамента Роны въ Національное Собраніе, во второй и въ третій разъ избранъ 26 февраля 1876 г. и 14 октября 1877 г., назначенъ сенаторомъ въ 1880 г. (Вапро, 1880).

Накэ, Альфредъ, извѣстный врачъ и химикъ, родился въ Карпантрасѣ въ 1834 г., въ 1863 г. былъ назначенъ адъюнктъ-профессоромъ Парижскаго медицинскаго факультета. Въ 1871 г. онъ былъ избранъ представителемъ отъ департамента Воклюза, но сложилъ съ себя депутатскія полномочія въ виду того, что оспаривалась правильность избранія его, и вторично избранъ 2 іюля того же года, равно какъ въ 1876 и 1877 гг., а въ 1883 г. избранъ сенаторомъ отъ того же Воклюзскаго департамента (Вапро, 1880 г.).

Депутаты.

Бамбергеръ, Эдуардъ-Андріенъ, родился въ Страсбургѣ въ 1825 г., получилъ степень доктора медицины въ 1859 г., поселился въ Мецѣ, 8 февраля 1871 г. былъ избранъ представителемъ отъ департамента Мозеля, вторично избранъ депутатомъ отъ того же департамента въ 1876 г., а въ 1877 г.—депутатомъ отъ Нельи.

Дрейфуссъ, Фернандъ, родился въ Парижѣ въ 1849 г., изучалъ юридическія науки и поступилъ въ 1871 г. въ сословіе парижскихъ адвокатовъ; 14 марта 1881 г. избранъ депутатомъ отъ Рамбулье, вторично избранъ 21 августа того же года. (Вапро, 1882).

Жаваль, Леопольдъ, родился въ Мюльгаузенѣ (въ Эльзасѣ) въ 1804 г., испросилъ у генерала Клозеля, тогдашняго губернатора Алжира, позволенія совершить походъ въ рядахъ его арміи въ качествѣ волонтера, отличился своей храбростью и смѣлостью и получилъ орденъ Почетнаго Легіона послѣ взятія Блидаха и Медеаха. Болѣзнь и просьбы его семейства заставили его покинуть военную карьеру; онъ занялся земледѣліемъ и основалъ въ департаментѣ Йонны образцовую ферму, на которой происходили первые земледѣльческіе конкурсы. Въ 1855 г. онъ получилъ золотую медаль за земледѣльческія произведенія, а въ 1863 г., послѣ Лондонской всемірной выставки, получилъ офицерскій крестъ ордена Почетнаго Легіона. Въ 1861 г. онъ былъ избранъ представителемъ отъ департамента Йонны, равно какъ и въ 1863, 1869 и 1871 годахъ. Онъ умеръ въ 1872 г. (Вапро, 1880).

Кенигсвартеръ, Максимиліанъ, былъ избранъ въ 1852 г. представителемъ отъ Сенскаго департамента, вторично избранъ въ 1857 г., въ 1860 г. получилъ офицерскій крестъ ордена Почетнаго Легіона. Умеръ въ 1878 г. (Вапро, 1880).

Леонъ, Адріенъ, былъ избранъ въ 1871 г. членомъ Національнаго Собранія отъ департамента Жиронды.

Лисбоннъ, Эженъ, родился въ 1818 г., состоялъ адвокатомъ въ Монпелье, а въ 1848 г. былъ назначенъ прокуроромъ тамъ же. Въ 1876 г. былъ избранъ депутатомъ отъ 2 избирательнаго округа Монпелье. (Вапро, 1880.)

Лопецъ-Дюбекъ, въ 1849 г. былъ избранъ депутатомъ отъ департамента Жиронды (Arch. 1849).

Перейра, Эмиль, родился въ Бордо въ 1800 г., въ 1863 г. былъ избранъ депутатомъ отъ департамента Жиронды.

Перейра, Исаакъ, родился въ Бордо въ 1806 г., былъ избранъ депутатомъ отъ департамента Восточныхъ Пиренеевъ въ 1863 г. и вторично избранъ въ 1869 году. (Вапро, 1880 г.).

Перейра, Эженъ, сынъ предъидущаго, родился въ Парижѣ въ 1831 г., окончилъ курсъ въ центральной школѣ въ 1851 г., съ званіемъ инженера, въ 1863 г. былъ избранъ представителемъ отъ Тарнскаго департамента. (Вапро, 1880).

Рейналь, Теодоръ, родился въ Нарбоннѣ, былъ избранъ въ этомъ городѣ депутатомъ въ 1848 году, въ теченіи 1870 и 1871 гг. состоялъ префектомъ Одскаго департамента (Вапро, 1880).

Сэ, Камиллъ, родился въ Кольмарѣ въ 1847 году, въ 1870 году былъ назначенъ старшимъ секретаремъ министерства внутреннихъ дѣлъ. 31-го октября того же года, при первой, неудавшейся, попыткѣ возстанія коммуны выказалъ большую энергію и спасъ отъ инсургентовъ архивы и дѣла министерства. Въ 1872 году онъ былъ назначенъ су-префектомъ въ Сенъ-Дени, но затѣмъ вышелъ въ отставку и въ 1876 году явился въ томъ же Сенъ-Дени кандидатомъ на депутатскія полномочія. Онъ былъ избранъ въ этомъ году, равно какъ и въ 1877, и состоялъ однимъ изъ секретарей палаты депутатовъ. Въ 1882 году назначенъ членомъ государственнаго совѣта. (Вапро, 1880).

Эннери, бывшій директоръ еврейской школы въ

Страсбургѣ, былъ избранъ въ 1849 г. представителемъ отъ департамента Нижняго Рейна въ законодательное собраніе.

Префекты.

Гандлэ, былъ назначенъ въ 1881 году префектомъ департамента Крезы, въ 1876 году переведенъ въ департаментъ Луары-и-Шера, а въ 1878 году—въ департаментъ Саоны и Луары, префектура котораго считается первоклассной, въ 1881 году получилъ офицерскій крестъ ордена Почетнаго Легіона, а въ 1883 году назначенъ префектомъ въ Руанъ. („Archives“, 1871, 1876, 1878, 1881 и 1883).

Жаваль, въ 1877 году былъ назначенъ су-префектомъ въ Буссакѣ, а въ 1883 году—префектомъ департамента Крезы. („Archives“, 1877, 1883).

Конъ, Леонъ, въ 1871 году былъ назначенъ частнымъ секретаремъ министра народнаго просвѣщенія, въ 1877 году—секретаремъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ, а въ 1878 году — префектомъ департамента Лауры-и-Шера. („Archives“, 1871, 1877, 1878).

Левальянъ, былъ назначенъ въ 1878 году су-префектомъ въ Сенъ-Клодъ, въ 1880 году—префектомъ департамента Ньевры, въ 1881 году награжденъ орденомъ Почетнаго Легіона, въ 1884 году назначенъ префектомъ въ Безансонъ. („Archives“, 1878, 1880, 1881).

Пинедъ, назначенъ въ 1873 году су-префектомъ въ Лодевъ, въ 1876 году — су-префектомъ же въ Сенъ-Клодъ, въ 1878 году — префектомъ департамента Восточныхъ Пиренеевъ.

Су-префекты и совѣтники префектуръ.

Бэръ, *Альфредъ*, въ 1881 году назначенъ су-префектомъ въ Анделисъ. (Archives).

Вальцъ, су-префектъ въ Рюффекѣ въ 1880 году и въ Арсисъ-сюръ-Объ въ 1883 году.

Канъ, въ 1880 году назначенъ совѣтникомъ префектуры въ Ла-Рошель.

Кинсбургъ, *Оскаръ*, въ 1880 году назначенъ совѣтникомъ префектуры въ Нанси.

Каэнъ, *Ааронъ*, въ 1879 году назначенъ совѣтникомъ префектуры въ Кальвадосъ.

Ламберъ, *Ипполитъ*, въ 1852 году назначенъ су-префектомъ въ Туль.

Левилье, въ 1871 году назначенъ су-префектомъ въ Монбеліаръ.

Ліонъ, въ 1880 году назначенъ совѣтникомъ префектуры въ Маконъ.

Мейеръ, *Эдуардъ*, въ 1872 году назначенъ су-префектомъ въ Мондидье, въ 1878 году переведенъ на ту же должность въ Кастель-Сарразенъ.

Моссе, совѣтникъ префектуры въ Марсели въ 1879 году.

Сенъ-Поль, *Ашиль*, генеральный секретарь префектуры департамента Луары-и-Шера въ 1877 г.

Сэ, *Эженъ*, су-префектъ въ Тулѣ въ 1878 году и въ Реймсѣ—въ 1884 году.

Шенгринъ, совѣтникъ префектуры въ Марсели въ 1864 году.

Штрауссъ, *Шарль*, су-префектъ въ Бойе, въ 1880 году получилъ орденъ Почетнаго Легіона.

Чиновники государственнаго совѣта.

Когенъ, Жюль, секретарь 1-го класса въ государственномъ совѣтѣ въ 1864 г. (Archives).

Лаксъ, инженеръ, въ 1882 году назначенъ членомъ государственнаго совѣта.

Сэ, Камиллъ, назначенъ членомъ государственнаго совѣта въ 1881 г.

Фульдъ, Поль, секретарь 2-го класса въ государственномъ совѣтѣ въ 1865 году и 1-го класса въ 1870 году, кавалеръ ордена Почетнаго Легіона, въ 1872 г. назначенъ докладчикомъ.

Члены генеральныхъ, окружныхъ и муниципальныхъ совѣтовъ.

Члены генеральныхъ совѣтовъ.

Абуамъ. Членъ генеральнаго совѣта департамента Устьевъ Роны въ 1871 и 1880 гг. (Arch. Israel. 1871, 1880 гг.).

Альфандери. Членъ того же совѣта въ 1871 году.

Альфандери, Аристоннъ. Членъ генеральнаго совѣта Воклюзскаго департамента въ 1871 году. (Arch.).

Бедарридесъ. Членъ генеральнаго совѣта департамента Устьевъ Роны въ 1871 г. (Ibidem).

Баронъ А, Ротшильдъ. Членъ совѣта департамента Сены-и-Марны въ 1868 и 1871 гг. (Ibidem).

Гайемъ, Арманъ, членъ генеральнаго совѣта департамента Сены-и-Уазы въ 1871 и 1880 гг. (Ibidem).

Жаваль, Эмиль, избранъ въ генеральный совѣтъ департамента Йонны въ 1871 г. (Ibidem).

Каркассонъ, избранъ членомъ генеральнаго совѣта Гардскаго департамента въ 1880 г. (Ibidem).

Леонъ, Александръ, членъ и вице-президентъ генеральнаго совѣта Жиронды въ 1871 г. (Ibidem).

Лисбоннъ, Эженъ, членъ и президентъ генеральнаго совѣта департамента Геро въ 1871 г. (Ibidem).

Мильо, Эд., членъ и вице-президентъ совѣта департамента Роны въ 1871 г. (Ibidem).

Поллонэ, членъ совѣта департамента Морскихъ Альпъ въ 1867, 1871 и 1878 гг. (Ibidem).

Симонъ, Самуилъ, въ 1875 г. избранъ членомъ совѣта департамента Верхней Марны. (Archiv, 1874).

Члены окружныхъ совѣтовъ.

Беддаридесъ-сынъ, членъ окружнаго совѣта Монпелье въ 1867 году.

Бэръ, членъ Безансонскаго окружнаго совѣта въ 1880 году.

Леви, Люсьенъ, членъ Ліонскаго окружнаго совѣта въ 1880 г. (Департаментскій Ежегодникъ, 1880).

Шваабъ, избранъ членомъ Мецскаго окружнаго совѣта въ 1852 г. (Arch.).

Муниципальные совѣтники, мэры, помощники мэровъ.

NB. Невозможно привести здѣсь имена всѣхъ муниципальныхъ совѣтниковъ - евреевъ, избиравшихся съ 1840 года въ разныхъ французскихъ общинахъ. Къ тому же въ нѣкоторыхъ, отнисящихся къ этому предмету

источникахъ иногда приводятся валовыя цифры совѣтниковъ-евреевъ. безъ поименованія ихъ.

Альфандери, Эммануилъ, членъ Шалонскаго муниципальнаго совѣта 1843 и 1846 гг., помощникъ мэра въ 1878 г.

Аронъ, Исайя, членъ Пфальцбургскаго муниципальнаго совѣта въ 1846 году.

Бедарридесъ, избранный мэромъ города Э въ 1876 и 1878 годахъ.

Блэнъ, членъ муниципальнаго совѣта въ Бишвиллерѣ въ 1846 году.

Блохъ, членъ Дюрменахскаго муниципальнаго совѣта въ томъ же году.

Блохъ, членъ муниципальнаго совѣта Мармутье въ 1846 году.

Блохъ, Исаакъ, членъ муниципальнаго совѣта Бисгейма въ томъ же году.

Валабрегъ—сынъ, избранный въ 1843 году муниципальнымъ совѣтникомъ въ Авиньонѣ.

Вейль-Пикаръ, избранный въ 1846 году муниципальнымъ совѣтникомъ въ Безансонѣ.

Вейль, М., избранный въ 1876 году муниципальнымъ совѣтникомъ въ Седанѣ.

Вейль, Давидъ, избранный въ 1846 году муниципальнымъ совѣтникомъ въ Пфальцбургѣ.

Вейль, Израэль, избранный въ 1846 году муниципальнымъ совѣтникомъ въ Муттерсгольцѣ.

Вогъ, Лазаръ, избранный въ 1860 году муниципальнымъ совѣтникомъ въ Фонтэнбло.

Вольфъ, А., избранный въ 1846 году муниципальнымъ совѣтникомъ въ Муттергольцѣ.

Вормсъ, Жюстенъ, избранный въ 1860 году муниципальнымъ совѣтникомъ въ Мецѣ.

Вормсеръ, С., избранный въ 1846 году муниципальнымъ совѣтникомъ въ Винценгеймѣ.

Герстъ, съ 1846 года членъ Нидербронскаго муниципальнаго совѣта, занималъ эту должность въ теченіе двадцати лѣтъ.

Гудшо, избранный въ 1878 году членомъ парижскаго муниципальнаго совѣта.

Градисъ, Анри, избранный въ 1864 году помощникомъ Бордосскаго мэра.

Гюггенгеймъ—отецъ, избранный муниципальнымъ совѣтникомъ въ Мармутье въ 1846 году.

Гальфенъ, Эдмонъ, назначенный въ 1841 году помощникомъ мэра 2-го парижскаго округа, а въ 1845 — мэромъ.

Гайемъ, Юліанъ, назначенный мэромъ одиннадцатаго парижскаго округа въ 1878 году.

Гирцъ, С., докторъ, избранный въ 1846 году муниципальнымъ совѣтникомъ въ Винценгеймѣ.

Дрейфуссъ, Камиллъ, членъ парижскаго муниципальнаго совѣта въ 1882 году.

Каркассонъ, членъ Шалонскаго муниципальнаго совѣта въ 1846 году.

Каркассонъ, помощникъ Марсельскаго мэра въ 1878 г.

Каркассонъ, Давидъ, членъ Нимскаго муниципальнаго совѣта въ 1843 году.

Каркассонъ, Исайя, былъ въ 1843 году избранъ членомъ Рокеморскаго муниципальнаго совѣта.

Когенъ, Коссманъ, помощникъ мэра въ Мостаганемѣ въ 1848 году.

Когенъ, Ааронъ, членъ муниципальнаго совѣта въ Мецѣ въ 1860 году.

Кремье, М., членъ Марсельскаго муниципальнаго совѣта въ 1846 году.

Кремье, Ж., членъ муниципальнаго совѣта города Э въ томъ же году.

Каруби, Мешадъ, избранный въ 1861 году муниципальнымъ совѣтникомъ въ Оранѣ.

Кенигсвартеръ, Максимъ, избранный въ 1864 году муниципальнымъ совѣтникомъ въ Парижѣ.

Лангъ, Давидъ, избранный въ 1846 году муниципальнымъ совѣтникомъ въ Дурменахѣ.

Лангъ, Эмиль, избранный въ 1846 году муниципальнымъ совѣтникомъ въ Дурменахѣ.

Леманъ—старшій, избранный въ 1841 году муниципальнымъ совѣтникомъ въ Бламонѣ, а въ 1866 году избранный мэромъ тамъ же.

Леонъ, Моисей, назначенный въ 1860 году помощникомъ мэра въ Этэнѣ.

Левенъ, Нарциссъ, избранный въ 1878 году муниципальнымъ совѣтникомъ въ Парижѣ.

Леви, Р., докторъ, избранный въ 1846 году муниципальнымъ совѣтникомъ въ Альткирхѣ.

Леви, Веніаминъ, избранный въ 1846 году муниципальнымъ совѣтникомъ въ Бисгеймѣ.

Леви, Исаакъ, избранный въ 1846 году муниципальнымъ совѣтникомъ въ Ингвиллерѣ.

Леви, Луи, избранный въ 1861 году муниципальнымъ совѣтникомъ въ Оранѣ.

Леви, Рафаэль, назначенный въ 1843 году мэромъ Шильгоффена.

Леви, Соломонъ, избранный въ 1846 году муниципальнымъ совѣтникомъ въ Бисгеймѣ.

Леви, Маркъ, избранный въ 1846 году муниципальнымъ совѣтникомъ въ Мармутье.

Липманъ, избранный въ 1843 году муниципальнымъ совѣтникомъ въ Нанси.

Липманъ, избранный въ 1846 году муниципальнымъ совѣтникомъ въ Саарбургѣ.

Лопесъ-Дюбекъ, избранный въ 1841 году муниципальнымъ совѣтникомъ въ Бордо.

Майеръ, А., назначенный въ 1846 году мэромъ Дурменаха.

Мильо, Давидъ, избранный въ 1843 году муниципальнымъ совѣтникомъ въ Тарасконѣ.

Накэ, Давидъ, избранный въ 1846 году муниципальнымъ совѣтникомъ въ Карпантри.

Натанъ, Соломонъ, избранный въ 1846 году муниципальнымъ совѣтникомъ въ Пфальцбургѣ.

Ошеръ, членъ Лаутербургскаго муниципальнаго совѣта въ 1846 году.

Паранъ-Жаваль, Матвѣй, избранный въ 1864 году муниципальнымъ совѣтникомъ въ Таннѣ.

Пикаръ, назначенный въ 1846 году помощникомъ мэра въ Горбургѣ.

Пикаръ, назначенный въ 1878 году помощникомъ мэра въ Руанѣ.

Рейналь, избранный въ 1871 году муниципальнымъ совѣтникомъ въ Парижѣ.

Самюэль, назначенный въ 1850 году мэромъ въ Сентъ-Эсири.

Симонъ, *Самуилъ*, назначенный въ 1878 году мэромъ въ Шомонѣ.

Спиро, Іаковъ, избранный въ 1841 году муниципальнымъ совѣтникомъ и назначенный помощникомъ мэра въ Бламонѣ.

Сиви, *Жозефъ*, избранный въ 1846 году муниципальнымъ совѣтникомъ въ Бисгеймѣ.

Фуртадо, Авраамъ, членъ байоннскаго муниципальнаго совѣта въ 1841 году, избранный байонскимъ мэромъ въ 1850 году.

Штраусcъ, *Павелъ*, избранный въ 1883 году муниципальнымъ совѣтникомъ въ Парижѣ.

Швaабъ, назначенный въ 1866 году помощникомъ мэра въ Розьеръ-ле-Салинѣ.

Эпштейнъ, *Давидъ*, членъ везульскаго муниципальнаго совѣта въ 1876 году.

Судебное вѣдомство.

Абрамъ, Бенжаменъ, въ 1872 году былъ назначенъ товарищемъ прокурора въ Кастелланѣ, въ 1874—переведенъ на ту же должность въ Динь, а въ 1880 г. назначенъ членомъ суда въ Ниццѣ.

Альфандери, въ 1870 году былъ назначенъ членомъ суда въ Шомонѣ, въ 1871 году — прокуроромъ въ Драгиньонѣ, въ 1878 году—прокуроромъ при Эсскомъ аппеляціонномъ судѣ, а въ 1881-мъ году — старшимъ прокуроромъ Буржскаго аппеляціоннаго суда.

Анспахъ, *Филиппъ*, родился въ Мецѣ въ 1801 году, былъ сначала прокуроромъ въ Мо, затѣмъ товарищемъ прокурора въ Парижѣ, членомъ аппеляціоннаго суда

тамъ-же и наконецъ предсѣдателемъ этого суда. Въ 1864 году былъ назначенъ членомъ главнаго кассаціоннаго суда. Умеръ въ 1875 году. Имѣлъ офицерскій крестъ ордена Почетнаго Легіона. (Вапро, «Словарь современниковъ», 1880).

Анспахъ, Ренэ, въ 1882 году былъ назначенъ товарищемъ прокурора въ Сентъ-Менегу.

Альфандеръ, состоитъ слѣдственнымъ судьею въ Шомонѣ.

Бедорридесъ, Густавъ, родился въ Э въ 1817 году, былъ назначенъ въ 1840 году товарищемъ прокурора въ этомъ-же городѣ, въ 1848 году—прокуроромъ, а въ 1854 году— предсѣдателемъ суда. Въ 1875 году былъ назначенъ оберъ-прокуроромъ кассаціоннаго суда, а въ 1877 г.—предсѣдателемъ палатъ того-же суда. Имѣетъ командорскій крестъ ордена Почетнаго Легіона. (Вапро, 1880).

Беррь, Исайя, въ 1848 году былъ назначенъ прокуроромъ въ Ріомѣ, въ 1858 году—старшимъ прокуроромъ аппелляціоннаго суда въ Дуэ, а затѣмъ въ Ріомѣ же: съ 1881 г. кавалеръ ордена Почетнаго Легіона.

Беррь, Шарль, въ 1871 г. былъ назначенъ товарищемъ прокурора въ Марсели.

Блохъ, въ 1870 г. былъ назначенъ товарищемъ прокурора въ Турѣ, въ 1871 г.—прокуроромъ въ Тоннерѣ, въ 1879 г. — старшимъ прокуроромъ Шамберійскаго аппелляціоннаго суда.

Блохъ, назначенъ въ 1870 году прокуроромъ въ Эперне, въ 1873 г. — товарищемъ прокурора аппелляціоннаго суда, а въ 1880 г. — товарищемъ прокурора судебной палаты въ Парижѣ.

Валабрегъ, въ 1881 г. назначенъ членомъ аппелляціоннаго суда въ Э.

Вельгофъ, былъ назначенъ въ 1845 году членомъ суда первой инстанціи въ Виссамбурѣ, а въ 1871 г. — членомъ аппелляціоннаго суда въ Каэнѣ. Кавалеръ ордена Почетнаго Легіона.

Вейль, въ 1880 году былъ назначенъ членомъ суда первой инстанціи Сенскаго департамента, а въ 1881 г.— слѣдственнымъ судьею въ Парижѣ.

Вольфъ, въ 1873 г. былъ назначенъ мировымъ судьею въ Лонжюмо.

Гальфенъ, Ашиль-Эдмонъ, въ 1852 году былъ назначенъ членомъ версальскаго суда.

Гемердингеръ, въ 1871 г. былъ назначенъ мировымъ судьею 20-го парижскаго округа.

Гомперцъ, Альфонсъ, въ 1846 году былъ назначенъ членомъ суда въ Руанѣ.

Гонель, назначенъ въ 1880 г. товарищемъ прокурора въ Маскора (въ Алжирѣ).

Дакоста, состоитъ прокуроромъ въ Вандомѣ (Департаментскій Ежегодникъ, 1880).

Дальмберъ, сначала членъ суда въ Кутансѣ, въ 1874 году былъ переведенъ на ту же должность въ Дьеппъ.

Зелигманъ, состоялъ товарищемъ прокурора въ Корбейлѣ, въ 1852 г. переведенъ членомъ суда въ Шартръ, въ 1860 году назначенъ товарищемъ предсѣдателя суда въ Шамбери, а въ 1878 г.—предсѣдателемъ Ниццскаго суда. Въ 1881 г. получилъ офицерскій крестъ ордена Почетнаго Легіона.

Зоммеръ, въ 1882 году былъ назначенъ товарищемъ прокурора въ Долѣ.

Кацъ, назначенъ въ 1880 году товарищемъ прокурора въ Шамбонѣ.

Когенъ, въ 1881 году назначенъ товарищемъ прокурора въ Корбейлѣ.

Леви, былъ мировымъ судьею сначала въ Пти-Пьерѣ, затѣмъ въ Гильонѣ и, наконецъ, въ одномъ изъ городовъ Юрскаго департамента.

Лисбоннъ, Жюль, сначала былъ мировымъ судьею, а затѣмъ членомъ городскаго суда въ Блидахѣ (въ Алжирѣ).

Ліонъ, прежде состоялъ прокуроромъ въ Греноблѣ, а затѣмъ назначенъ членомъ парижскаго аппелляціоннаго суда.

Марксъ, былъ назначенъ въ 1881 году товарищемъ прокурора въ Шалонѣ-на-Саонѣ.

Массъ, былъ назначенъ въ 1875 г. товарищемъ прокурора въ Рюффекѣ.

Май, былъ назначенъ въ 1881 году членомъ Лиможскаго суда.

Май, 2-ой, состоялъ прокуроромъ въ Баръ-ле-Дюкѣ, въ 1854 году былъ переведенъ на ту же должность въ Верденъ, а въ 1860 году назначенъ предсѣдателемъ суда въ Эпиналѣ.

Мильо, Эдуардъ, въ 1870 году былъ назначенъ прокуроромъ Ліонскаго аппелляціоннаго суда. Впослѣдствіи онъ былъ избранъ депутатомъ, а затѣмъ и сенаторомъ.

Моссэ, назначенъ въ 1879 году прокуроромъ въ Риберокѣ.

Накэ, Эліаимъ, въ 1883 году назначенъ генеральнымъ прокуроромъ въ Э.

Нефферъ, *Бенжаменъ*, въ 1874 году былъ назначенъ членомъ суда въ Сегрэ.

Понтремоли, былъ назначенъ въ 1881 г. старшимъ товарищемъ прокурора въ Сентъ-Пьеръ.

Розенфельдъ, былъ назначенъ въ 1882 г. товарищемъ прокурора въ Ножанъ-на-Сенѣ.

Сальвадоръ, въ 1879 году былъ назначенъ членомъ суда первой инстанціи въ Анделисѣ.

Спиръ, назначенъ въ 1880 г. товарищемъ прокурора въ Шарльвиллѣ.

Феликсъ, былъ назначенъ въ 1863 году товарищемъ прокурора въ Монпелье, а въ 1867 г. прокуроромъ въ Каэнъ.

Адвокаты и профессора-юристы.

Бедарридесъ, *Іегуда*, адвокатъ въ Монпелье, въ 1840 и 1859 годахъ былъ избираемъ старшиною.

Валабрегъ, адвокатъ при кассаціонномъ судѣ и государственномъ совѣтѣ.

Валабрегъ, *Моисей*, профессоръ гражданскаго судопроизводства при Гренобльскомъ юридическомъ факультетѣ.

Вормсъ Эмиль, въ 1863 г. получилъ премію отъ Академіи моральныхъ и политическихъ наукъ, въ 1867 году былъ назначенъ адъюнктомъ при Реннскомъ факультетѣ, затѣмъ читалъ лекціи политической экономіи при факультетѣ въ Дуэ, впослѣдствіи былъ назначенъ профессоромъ въ Реннѣ, въ 1878 г. избранъ членомъ-корреспондентомъ Академіи словесности и надписей.

Гонель, адвокатъ въ Алжирѣ, въ 1873 г. былъ избранъ старшиною.

Левенъ, Нарцисъ, адвокатъ при парижскомъ аппелляціонномъ судѣ и членъ парижскаго муниципальнаго совѣта.

Леманъ, Леонъ, адвокатъ при кассаціонномъ судѣ и государственномъ совѣтѣ, кавалеръ ордена Почетнаго Легіона.

Ліонъ-Каэнъ, съ 1871 г. адъюнктъ-профессоръ, а впослѣдствіи профессоръ римскаго права при парижскомъ юридическомъ факультетѣ.

Май, Гастонъ, адъюнктъ-профессоръ при Нансійскомъ юридическомъ факультетѣ, а съ 1876 г. профессоръ того же факультета.

Наке, Эліаимъ, съ 1880 г. состоялъ профессоромъ административнаго права приМарсельскомъ юридическомъ факультетѣ, а въ 1883 г. назначенъ генеральнымъ прокуроромъ въ Э.

Улисъ, сначала былъ адвокатомъ въ Мецѣ, впослѣдствіи (около 1840 года) профессоромъ юридическихъ наукъ въ Брюсселѣ, въ 1840 г. былъ награжденъ орденомъ Почетнаго Легіона.

Врачи, гражданскіе и военные.

Гражданскіе врачи.

Аронсонъ, извѣстный Страсбургскій врачъ, кавалеръ ордена Почетнаго Легіона, умеръ въ 1861 году („Archives“, 1861).

Аронсонъ, Поль, тоже Страсбургскій врачъ, состоялъ при медицинскомъ факультетѣ этого города, получилъ

въ 1871 году орденъ Почетнаго Легіона, за услуги, оказанныя имъ во время осады Страсбурга пруссаками. („Archives“, 1871).

Аксенфельдъ, въ 1867 году былъ назначенъ профессоромъ Парижскаго медицинскаго факультета. („Archives“, 1867).

Блокъ, врачъ, состоявшій при парижской полицейской префектурѣ.

Вормсъ, *Жюль*, главный врачъ сенской префектуры, въ 1871 году получилъ офицерскій крестъ ордена Почетнаго Легіона.

Гайемъ, *Жоржъ*, получилъ въ 1868 году золотую медаль за полезную дѣятельность по госпиталямъ, въ 1879 году назначенъ профессоромъ терапіи въ Парижскомъ медицинскомъ факультетѣ.

Гирцъ, *Матье*, назначенъ въ 1867 году профессоромъ клинической патологіи въ Страсбургскомъ медицинскомъ факультетѣ, впослѣдствіи переведенъ былъ въ Нанси, въ 1873 году избранъ членомъ медицинской Академіи; съ 1864-го года имѣетъ орденъ Почетнаго Легіона. („Archives“, 1868, 1873).

Жаваль, *Эмиль*, замѣчательный окулистъ, сынъ агронома и депутата Леопольда Жаваля, съ 1877-го года состоитъ директоромъ Парижской глазной больницы. („Archives“, 1877).

Кагенъ, *Майеръ*, получилъ отъ „Института“ премію за сочиненіе, написанное на задачу по физіологіи, заданную въ 1864 году французской Академіей Наукъ, главный врачъ Общества Сѣверныхъ желѣзныхъ дорогъ, кавалеръ ордена Почетнаго Легіона („Archives“, 1864).

Левенъ, *Манюэль*, въ 1866-мъ году былъ назначенъ

главнымъ врачемъ общества Сѣверныхъ желѣзныхъ дорогъ, два раза получалъ премiи отъ „Института“ за труды по физiологiи, въ 1871 году получилъ орденъ Почетнаго Легiона за услуги, оказанныя имъ во время осады Парижа, главный врачъ Ротшильдовскаго госпиталя. („Archives“, 1864, 1866, 1871).

Сэ, Жерменъ, родился въ 1818 году въ Рибовилье, (въ Эльзасѣ), получилъ въ 1846 году ученую степень доктора, въ 1852 году назначенъ ассистентомъ въ госпиталяхъ, въ 1866 году приглашенъ на каѳедру терапiи въ Парижскомъ медицинскомъ факультетѣ. Въ 1869 году назначенъ профессоромъ клинической терапiи. Имѣетъ командорскiй крестъ ордена Почетнаго Легiона. („Вапро“, 1880).

Сэ, Маркъ, родился въ 1827-мъ году тоже въ Рибовилье. Получивъ въ 1866 году степень доктора хирургiи, онъ состоялъ хирургомъ при разныхъ госпиталяхъ. Впослѣдствiи онъ былъ назначенъ завѣдующимъ анатомическимъ театромъ при Парижскомъ медицинскомъ факультетѣ, а въ 1878 году избранъ членомъ медицинской академiи. („Вапро“, 1880).

Ульмонъ, въ 1847 году назначенъ директоромъ клиники при Парижскомъ медицинскомъ факультетѣ, въ 1860 году получилъ орденъ Почетнаго Легiона въ 1876 году, избранъ членомъ медицинской академiи. („Archives“, 1847, 1860, 1876).

Штрауссъ, старшiй ассистентъ при Парижской факультетской клиникѣ („Archives“, 1868).

Военные врачи.

Аронъ, Жюль, получилъ въ 1856-мъ году степень доктора медицины, кавалеръ ордена Почетнаго Легiона,

въ 1875 году назначенъ главнымъ врачемъ Моннельскаго военнаго госпиталя, а въ 1878-мъ году получилъ степень военнаго врача 1-го класса. („Archives", 1856, 1875, 1878).

Видаль, Викторъ, въ 1854-мъ году назначенъ младшимъ, въ 1859-мъ году—старшимъ врачемъ 2-й степени, въ 1874-мъ году—главнымъ врачемъ 2-ой и наконецъ въ 1879-мъ году—главнымъ врачемъ 1-й степени.

Гейманъ, Исидоръ, родился въ Пфальцбургѣ, главный врачъ арміи.

Коблансъ, главный врачъ арміи, офицеръ ордена Почетнаго Легіона. Умеръ въ 1872 году. („Achives", 1872).

Ламберъ, въ 1854 году былъ назначенъ старшимъ врачемъ 2-й степени, ему выражена была благодарность генерала Пелисье въ дневномъ приказѣ, въ 1859 году былъ назначенъ врачемъ первой степени, въ 1863 году получилъ орденъ Почетнаго Легіона. („Archives", 1854, 1859, 1863).

Леви, Гиршъ, бывшій помощникъ главнаго хирурга армій Наполеона I, получилъ отъ этого императора орденъ за выказанную имъ храбрость на самомъ полѣ сраженія.

Леви, Мишель, докторъ, родился въ Страсбургѣ въ 1809 году, назначенъ въ 1832 году младшимъ полковымъ врачемъ, въ 1841 — старшимъ врачемъ, въ 1849 году — главнымъ врачемъ, и въ 1852 году — военно-медицинскимъ инспекторомъ. Во время Крымской войны онъ былъ назначенъ главнымъ врачемъ восточной арміи, а по возвращеніи во Францію назначенъ директоромъ медико-хирургической высшей школы. Съ 1850-го года онъ состоялъ членомъ Медицинской Ака-

деміи и членомъ военно-медицинскаго совѣта; въ 1854-мъ году получилъ командорскій, а въ 1867 году — большой крестъ ордена Почетнаго Легіона. Онъ умеръ въ 1872 году. Одинъ изъ его братьевъ служитъ во Франціи генераломъ, а другой—инспекторомъ интендантства. („Вапро", 1880).

Неттеръ, Авраамъ-Іаковъ, старшій врачъ арміи, офицеръ ордена Почетнаго Легіона. („Archives", 1871).

Серфъ, Майеръ, въ 1877 году былъ назначенъ главнымъ врачемъ флота. („Archives", 1877).

Сельскіе хозяева, промышленники, фабриканты.

Беррь-де-Тюррикъ, Беръ-Исаакъ, фабрикантъ и бывшій муниципальный совѣтникъ въ Нанси, правительственный пенсіонеръ, авторъ нѣсколькихъ посланій къ своимъ единовѣрцамъ, членъ еврейскаго синедріона 1806 г. („О положеніи евреевъ", Парижъ, 1821 г.).

Блэнъ и *Блокъ,* суконные фабриканты сначала въ Бишвиллерѣ, а затѣмъ въ Эльбефѣ, получили нѣсколько медалей за свои произведенія, и оба получили орденъ Почетнаго Легіона: Блокъ въ 1874-мъ, а Блэнъ — въ 1878 году. (Arch. Israel., 1873, 1874 и 1878 гг.).

Вормсъ (*Обри-Гайемъ*), бывшій помощникъ мэра одного изъ парижскихъ округовъ (около 1815 г.), банкиръ, владѣтель Рамильйской бумагопрядильни, кавалеръ ордена Почетнаго Легіона.

Градисъ, семейство. Основателемъ этого дома былъ Давидъ Градисъ, вошедшій уже съ 1720 года въ обширныя сношенія между Парижемъ и Южной Франціей съ одной, и Сѣверной Европой—съ другой стороны, а

равно и съ тогдашними французскими колоніями, въ которыхъ онъ основалъ двѣ большія факторіи,—одну на островѣ Св. Доминика, а другую — въ Сенъ-Пьерѣ, на островѣ Мартиникѣ. Авраамъ Градисъ сдѣлался съ 1728 года сотрудникомъ своего отца, а въ 1737 году онъ былъ назначенъ поставщикомъ колоніальныхъ произведеній для французскаго двора. Авраамъ Градисъ въ мартѣ 1758 года нагрузилъ и отправилъ въ Европу, въ военное время, разомъ четырнадцать судовъ, съ грузомъ въ 4,500 тоннъ. Впослѣдствіи онъ пользовался большимъ расположеніемъ Людовика XVI и его семейства, и вполнѣ заслужилъ его, благодаря значительнымъ услугамъ, оказаннымъ имъ Франціи. Такъ напр. въ 1759 году, когда французскій флотъ, подъ начальствомъ адмирала Конфланса, былъ разсѣянъ англійскимъ флотомъ, онъ письменно велѣлъ своимъ лондонскимъ корреспондентамъ позаботиться на счетъ торговаго дома Градиса объ удовлетвореніи всѣхъ нуждъ находившихся въ Англіи въ плѣну французскихъ морскихъ офицеровъ. — Послѣ смерти его, племянники его Давидъ и Моисей Градисъ съ достоинствомъ продолжали его традиціи. Нѣкоторые изъ членовъ этого семейства были выдающимися литераторами, какъ напр. Давидъ Градисъ, Веніаминъ Градисъ старшій, и др. (Arch. 1860 г., стр. 610 и 685).

Гальфенъ, *А.*, крупный негоціантъ, въ 1842 году былъ назначенъ членомъ учетнаго комитета Французскаго (государственнаго) Банка. (Archives, 1842 г.).

Гальфенъ, *Эдмундъ*, помощникъ мэра втораго Парижскаго округа, въ 1842 году былъ назначенъ членомъ

совѣта (сберегательныхъ и ссудныхъ учрежденій („Mont-de-Pieté“) Archives, 1842 г.).

Дрейфуссъ, Морицъ, типографъ-издатель въ Парижѣ.

Дюпонъ и *Дрейфуссъ*, владѣтели желѣзныхъ заводовъ въ Арсъ-на-Мозелѣ, получили оба нѣсколько медалей за свои произведенія и награждены орденами Почетнаго Легіона.

Еврейская ремесленная школа, основанная въ Страсбургѣ въ 1825 году, въ 1842 году была признана заведеніемъ общеполезнымъ. Въ 1864 году г. Делькассъ, инспекторъ Страсбургскихъ школъ, указалъ на нее какъ на образецъ, которому должны слѣдовать основанныя съ тою же цѣлью христіанскія учебныя заведенія. (Arch. 1842, 1852 и 1864 гг.).

Жаваль, Леопольдъ, извѣстный агрономъ и политическій дѣятель, основалъ въ одномъ изъ своихъ помѣстій (въ Волюнзанѣ, въ департаментѣ Іонны) образцовую ферму, на которой производились первые по времени земледѣльческіе конкурсы во Франціи. (Вапро, 1880 г.).

Жаваль, Жакъ, промышленникъ, въ 1841 году былъ назначенъ кавалеромъ ордена Почетнаго Легіона, за участіе, принятое имъ въ сооруженіи желѣзныхъ дорогъ во Франціи.

Коблансъ, Самуиль-Викторъ, промышленникъ, родился въ Нанси въ 1814 году, въ 1820 поступилъ въ еврейскую школу для взаимнаго обученія, гдѣ товарищами его были г. Франкъ, членъ парижскаго института, г. Альканъ, членъ парижской консерваторіи искусствъ и ремеслъ, и др. Впослѣдствіи онъ пріѣхалъ

въ Парижъ и, сдѣлавшись типографскимъ наборщикомъ, успѣлъ, благодаря своимъ химическимъ познаніямъ, сдѣлать важныя изобрѣтенія въ области примѣненія гальванопластики къ типографскому дѣлу. Былъ кавалеромъ ордена Почетнаго Легіона. (Вапро, 1880).

Лазаръ, Іаковъ, крупный коммерсантъ, членъ еврейскаго синедріона 1806 года.

Леви, А., книгопродавецъ-издатель, издалъ нѣсколько великолѣпныхъ изданій по архитектурѣ и по другимъ отраслямъ искусства.

Леви, Кальманъ, книгопродавецъ-издатель, глава извѣстной парижской книгопродавческой фирмы, въ 1878 году назначенъ кавалеромъ ордена Почетнаго Легіона. (Вапро, 1880 г.).

Леви, Мишель, братъ предъидущаго, родился въ Пфальцбургѣ въ 1819 году, компаніонъ своего младшаго брата Кальмана, издалъ сочиненія многихъ выдающихся французскихъ литераторовъ, былъ кавалеромъ ордена Почетнаго Легіона, умеръ въ 1875 году. (Вапро, 1880 г.).

Леони, крупный промышленникъ, владѣлецъ заводовъ въ Вожанленѣ, которые посѣтили въ 1865 году императоръ Наполеонъ и императрица Евгенія, въ томъ же году награжденъ орденомъ Почетнаго Легіона. (Archiv).

Липпманъ, извѣстный агрономъ, получилъ за разныя выставки нѣсколько серебряныхъ и золотыхъ медалей, а въ 1860 году — орденъ Почетнаго Легіона. Archives, 1860 г.).

Липпманъ, управляющій національной мануфактурой въ Сентъ-Этьеннѣ, въ 1879 году получилъ орденъ Почетнаго Легіона. (Archives, 1879 г.).

Лопецъ-Дюбекъ-сынъ, извѣстный Бордосскій промышленникъ.

Май, Моисей, негоціантъ въ Невшато и агрономъ, получилъ въ 1807 году большую медаль отъ Парижскаго земледѣльческаго общества.

Майеръ, Самуилъ, уроженецъ Меца, получилъ въ 1843 году бронзовую медаль за типографское искусство.

Оллèндорфъ, книгопродавецъ-издатель, глава крупнаго торговаго дома въ Парижѣ.

Ротшильдъ, Ж., книгопродавецъ-издатель въ Парижѣ.

Руффъ, книгопродавецъ-издатель въ Парижѣ.

Сальвадоръ, Гавріилъ, отставной полковникъ, кавалеръ ордена Почетнаго Легіона, по выходѣ въ отставку занялся земелдѣліемъ и винодѣліемъ, получилъ въ 1881 г. золотую медаль за сельско-хозяйственную выставку (Archives, 1881)

Серфъ, Леопольдъ, бывшій ученикъ высшей нормальной школы, типографщикъ въ Версалѣ.

Фантенштейнъ, изобрѣлъ въ 1840 году особый подвижной нотный шрифтъ, за что и получилъ медаль.

Фуртадо — младшій, судостроитель и заводчикъ въ Бордо въ 1820 году, братъ Фуртадо старшаго, президента созваннаго въ 1806 году въ Парижѣ еврейскаго синедріона.

Коммерсанты.

По «Ежегоднику“ Боттена за 1883 годъ, въ Парижѣ въ этомъ году было не менѣе 165 курпныхъ коммерсантовъ-евреевъ, въ томъ числѣ 50 кавалеровъ и 8 офицеровъ ордена Почетнаго Легіона.

Парижская всемірная выставка 1855 года.

Альконъ, Мишель, за выставленныя имъ ткацкія и прядильныя машины.

Кобланcъ, рабочій-гальвонопластъ за замѣчательныя усовершенствованія по гальвонопластикѣ.

Пожалованъ кавалеромъ ордена Почетнаго Легіона:

Шлоссъ, бывшій рабочій сафьяныхъ издѣлій за усовершенствованіе этого рода издѣлій.

Получили большія медали.

Нейбюргеръ, А., въ Парижѣ, за экономическіе приборы для отопленія и освѣщенія.

Парафъ, Жаваль и К°, въ Мюльгаузенѣ, за красильное и декатировочное производства.

Получили малыя медали.

Вейль, Л, въ Парижѣ за шерстяныя издѣлія.

Гаимъ-бенъ-Садунъ, въ Тлемсенѣ (въ Алжирѣ), за ювелирныя издѣлія.

Гаимъ-Когенъ-Солаллъ, въ Алжирѣ, за одежду.

Гессе, братья, въ Парижѣ.

Даримонъ, Мордохей, въ Оранѣ, за хлопчатобумажныя издѣлія.

Дорвиль, въ Парижѣ, за картонныя издѣлія.

Дрейфуссъ, Шарль, въ Парижѣ, за одежду.

Дюпонъ и Дрейфуссъ, въ Арсъ-на-Мозелѣ, за издѣлія изъ металловъ.

Жаваль и Неймаркъ, въ Эльбефѣ, за суконныя издѣлія.

Левенъ, отецъ и сынъ, въ Парижѣ, за кожевенныя издѣлія.

Липманъ, въ Парижѣ, за химическое и красильное производство.

Медіони, въ Оранѣ, за питательныя вещества.

Моизъ и Анри, за снарядъ для установки скульптурныхъ произведеній.

Салемъ-бенъ-Имонъ, въ Тлемсенѣ, за ювелирныя издѣлія.

Симонъ и Ко, за машины.

Симонъ, С. Г. въ Форбахѣ, за желѣзныя издѣлія.

Табэ, Моисей, въ Алжирѣ, за шерстяныя издѣлія.

Получили похвальные отзывы.

Вейль съ племянникомъ, въ Страсбургѣ.

Давидъ, Александръ, въ Парижѣ, за металлическія издѣлія.

Живаль и Ко, въ Неффи.

Зеглеръ, въ Парижѣ.

Лондонская Всемірная выставка 1862-го года.

Послѣ Лондонской Всемірной выставки французское правительство пожаловало:

Офицерскій крестъ ордена Почетнаго Легіона.

Жавалю, Леопольду, съ слѣдующей мотивировкой: „Сельскій хозяинъ; обработалъ 2,800 гектаровъ земли въ Гаскони, лежавшихъ прежде безплодными; состоитъ кавалеромъ ордена уже 32 года".

Ковалерскій крестъ ордена Почетнаго Легіона.

Альдрофу, архитектору при императорско-французской выставочной коммиссіи.

Дрейфуссу, владѣтелю желѣзо-дѣлательныхъ заводовъ въ Арсъ-на-Мозелѣ, „за созданіе новаго рода желѣзодѣлательной промышленности въ Восточной Франціи и за прекрасныя качества выдѣлываемаго имъ полосоваго желѣза".

Парижская Всемірная выставка 1867-го года.

Послѣ этой выставки назначены были:

Офицерами ордена Почетнаго Легіона.

Альдрофъ, парижскій городской архитекторъ.

Кавалерами того-же ордена.

Гаасъ, шляпный фабрикантъ въ Парижѣ, за усовершенствованія въ шляпномъ производствѣ.

Гальфенъ. Жоржъ, членъ императорской выставочной коммиссіи.

Дюпонъ-Миртиль, владѣтель желѣзодѣлательныхъ заводовъ въ Арсъ-на-Мозелѣ, „за значительныя усовершенствованія въ выдѣлкѣ строеваго желѣза".

Леви, Эмиль, живописецъ.

Ротшильдъ, Ж, членъ жюри по 15-му отдѣлу выставки.

Получили золотыя медали.

Блохъ и сынъ, въ Диттленгеймѣ (въ Эльзасѣ), за хлѣбные злаки.

Дюпонъ и Дрейфуссъ, въ Мецѣ, за руды.

Штернъ, придворный граверъ, за медалировку и за рѣзьбу на металлахъ.

Получили серебряныя медали.

Блень, Морисъ, въ Бишвиллерѣ, за изготовленіе суконъ.

Еврейская ремесленная школа, въ Страсбургѣ.

Парижская Всемірная выставка 1878-го года.

За эту выставку получили:

Офицерскіе кресты ордена Почетнаго Легіона.

Гайемъ, Жюльенъ, представитель торговаго дома „Фениксъ", за бѣлошвейное мастерство.

Гальфемъ, Жоржъ, управляющій „Парижскимъ рафинаднымъ обществомъ".

Кавалерскіе кресты ордена Почетнаго Легіона.

Блэнъ, Морисъ, суконный фабрикантъ въ Эльбефѣ, членъ мѣстной торговой палаты.

Гартогъ, пуговичный фабрикантъ въ Парижѣ.

Левенъ, фабрикантъ лакированной кожи, въ Парижѣ.

Леви, Кальманъ, глава большой книгопродавческой фирмы.

Получили золотыя мадали.

Абукайа, въ Семифѣ (въ Алжиріи), за питательные продукты.

Блохъ, Н. А. Ж, въ Нанси, за питательные продукты.

Гантье-Дрейфуссъ, въ Парижѣ, за картонажныя произведенія.

Гиршъ, въ Парижѣ, за хрустальныя и стекляныя произведенія.

Герцъ, Анри, за музыкальные инструменты.

Левенъ, отецъ и сынъ, въ Парижѣ, за кожевенныя издѣлія.

Леви, въ Парижѣ, за бронзовыя издѣлія.

Леви, Брамъ, въ Алжирѣ, за бѣлыя и красныя вина.

Леви и К°, за фотографіи.

Ліонъ.

Липманнъ, гражданскій инженеръ, въ Парижѣ, за сверлильные и буровые инструменты.

Марксъ, В, въ Парижѣ, за кожевенныя издѣлія.

Оппенгеймъ и Клоцъ, въ Парижѣ, за шапочныя издѣлія.

Плейель и Вольфъ, въ Парижѣ, за музыкальные инструменты.

Ротшильдъ, А. Г. и *Е.,* въ Парижѣ, за пиво и медъ.

Ротшильдъ, Р., за земледѣльческія орудія.

Сиротское заведеніе г-жи С. Ротшильдъ, въ Парижѣ, за учебныя пособія и за ручныя издѣлія.

Шлоссъ и Деннери, въ Парижѣ, за обувь.

Получили серебряныя медали.

Бэръ, госпожа, въ Парижѣ, за одежду.

Блошъ, Б., за примѣненіе рисунковъ къ мануфактурнымъ произведеніямъ.

Брандюсъ, за музыкальные инструменты.

Вейль, за охотничье оружіе.

Гаасъ, въ Парижѣ, за часовое дѣло.

Гальфенъ, за пиво и медъ.

Гейманъ, Ж., въ Парижѣ, за одежду.

Дрейфуссъ, братья, за бумажную пряжу и ткани.

Канъ, въ Парижѣ, за предметы одежды.

Каэнъ С., за шали.
Льевръ и *Нахманъ*, за книгопродавческія издѣлія.
Липманъ, братья, за мебель.
Моизъ, А., за винты и болты.
Реймсъ, за машины и орудія.
Ротшильдъ, за архитектуру и общественныя работы.
Ротшильдъ, А., за лѣсныя издѣлія.
Ротшильдъ, Дж., за книгопродавческія произведенія.
Серфъ и *сынъ*, въ Парижѣ, за обойное дѣло.
Сэ, за ткани.
Спиръ, за пиво и медъ.
Ульмо, С., въ Ліонѣ, за кожи и юфть.
Франкъ, за земледѣльческія произведенія.

Получили бронзовыя медали.

Альканъ-Леви, въ Парижѣ, за книгопродавческія и переплетныя издѣлія.

Берръ, братья, за земледѣльческія не питательныя издѣлія.

Бреннеръ, Канъ и К°, за одежду.
Браунштейгъ и Блохъ, за картонажныя издѣлія.
Гальфенъ и К°, за одежду.
Гальфенъ, вдова, за золотыя издѣлія.
Гиршъ, за одежду.
Гиршъ, за пластическія искусства и рисунки,
Деннери, Л., за шапочныя издѣлія и за бѣлье.
Дрейфуссъ, А, за шапочныя издѣлія и за бѣлье.
Дрейфуссъ и К°, за шали.
Кремницъ, Марксъ, за книгопродавческія издѣлія.
Канъ, за одежду.
Клоцъ, Леонъ-Шарль, за восковыя издѣлія.
Ламъ, за шелковыя ткани.

Ліонъ, вдова, и *К°*, за шапочныя издѣлія и за бѣлье.

Оппенгеймъ, за вышивки.

Ранъ, А., за шапочныя издѣлія и за бѣлье.

Саломонъ, въ Парижѣ за шали.

Стиффель, Г., за вышивки.

Состояли въ числѣ членовъ жюри и вслѣдствіе того сами отказались отъ всякихъ наградъ, розданныхъ по назначенію жюри: Гг. *Гаасъ*, часовщикъ, *Гайемъ*, *Дж.*, фабрикантъ воротниковъ, галстуховъ и рубашекъ, *Ротшильдъ* и *Штернъ*, граверы.

Ульмо и К°, за шапочныя и бѣлошвейныя издѣлія.

Шмолль, въ Парижѣ, за бронзовыя издѣлія.

Художественная выставка 1875 года.

Живопись.

Блумъ (Маврикій), родился въ Ліонѣ. *Фишель* (Евгеній-Веніаминъ), родился въ Парижѣ, картина его объявлена внѣ конкурса; *Гадамаръ* (Огюстъ), родился въ Мецѣ; *Гиршъ* (Александръ-Августъ), родился въ Ліонѣ; *Гиршъ* (Альфонсъ), родился въ Парижѣ; *Леви* (Мишель), родился въ Парижѣ; *Моизъ* (Эдуардъ), родился въ Нанси; *Перэръ* (Павелъ-Эммануилъ), родился въ Бордо; *Сальцедо* (Павелъ-Илія), родился въ Бордо; *Ульманъ* (Веніаминъ), родился въ Блоцгеймѣ; картина его объявлена внѣ конкурса; *Вормсъ* (Жюль), родился въ Парижѣ, внѣ конкурса.

Леви (Эмиль), членъ жюри.

Гравюры.

Балленъ (Огюстъ), *Леви* (Гюставъ), *Ури* (Шарль).

Выставка 1879 года.

Живопись.

Блумъ (Морисъ), *Боршаръ*, *Коссманъ*, *Фишель* (Бенжаменъ), *Фишель* (Жанна, рожденная Самсонъ), *Формштехеръ* (госпожа, А.), *Гадамаръ* (Огюстъ), *Гиршъ* (Александръ-Огюстъ), *Гиршъ* (Альфонсъ), *Мейеръ* (Лазаръ), *Мишель* (Леонъ-Анри), *Моизъ* (Эдуардъ), *Перэръ* (Поль), *Сальцедо* (Поль), *Ульманъ* (Бенжаменъ), *Вормсъ* (Жюль), *Леви* (Эмиль), *Леви* (Анри).

Акварели, рисунки.

Александръ (Леонъ), *Аронъ* (госпожа, Рашель), *Коблансъ* (Жюль), *Коблансъ* (Леви), *Гаазъ* (г-жа Люси).

Ваяніе.

Аданъ (Соломонъ), *Галеви* (г-жа, вдова, Фредерика). *Ганно* (Эммануилъ), *Вейль* (г-жа, Эмилія), *Жакобъ* (А.).

Зодчество.

Ульманъ (Эмиль).

Гравюры.

Леви (Гюставъ).

Выставка 1880 года.

Блохъ (Александръ), *Блумъ* (Морисъ), *Брошаръ* (Эдмонъ), *Дармштетеръ* (г-жа. Арсенъ), *Фишель* (Бенжа-

менъ). *Фишель* (г-жа, Жанна, рожденная Самсонъ), *Формштехеръ* (г-жа, А.), *Формштехеръ* (г-жа, Б.), *Гадамаръ* (Огюстъ), *Гиршъ* (Александръ-Огюстъ), *Гиршъ* (Альфонсъ), *Германъ* (Леонъ), *Леви* (Эмиль), *Леви* (Мишель), *Мейеръ* (Эмиль), *Мейеръ* (Эммануилъ), *Мейеръ* (Лазаръ), *Мишель* (Леонъ-Анри), *Моизъ* (Эдуардъ), *Неймаркъ* (Гюставъ-Мордухай), *Перэръ* (Поль), *Сальцедо* (Поль), *Ульманъ* (Бенжаменъ), *Вормсъ* (Жюль).

Рисунки, картонъ, живопись по эмали.

Кобланс (Жюль), *Кобланс* (Леви), *Гюгенгеймъ* (г-жа, Алина), *Леви* (Альфонсъ), *Леви* (г-жа, Алиса), *Леви* (г-жа, Эмилія), *Леви* (г-жа, Маргерита), *Ульманъ* (Бенжаменъ), *Вертгеймеръ* (г-жа, А.).

Ваяніе.

Адамъ (Соломонъ), *Галеви* (г-жа, вдова Фр.), *Ганно* (Эммануилъ), *Сальди*, *Вейль* (г-жа Елизавета).

Гравюра.

Леви (Гюставъ).

Выставка 1881 года.

Блохъ (Александръ), *Блумъ* (Морисъ), *Дармштетеръ* (г-жа, Арсенъ), *Фишель* (Бенжаменъ), *Фишель* (г-жа, Жанна), *Формштехеръ* (г-жа, Берта), *Гадамаръ* (Огюстъ), *Германъ* (Леонъ), *Гиршъ* (Александръ), *Гиршъ* (Альфонсъ), *Леви* (Эмиль), *Леви* (Мишель), *Моизъ* (Эдуардъ), *Неттеръ* (Бенжаменъ), *Неймаркъ* (Гюставъ-Мардохей), *Перэръ* (Поль), *Полакъ* (Фердинандъ), *Сальцедо* (Поль)

Рисунки.

Кинсбюргеръ (Сильвэнъ), *Натанъ* (А.), *Леви* (г-жа Маргарита).

Ваяніе.

Аданъ (Соломонъ), *Ганно* (Эммануилъ), получившій вторую большую римскую премію въ 1880 году, *Натанъ* (госпожа К.), *Сальди* (Эмиль).

Гравюры.

Леви (Густавъ), *Леви-Дорвиль.*

Выставка 1882 года.

Живопись.

Блохъ (Александръ), *Боршаръ* (Эдмонъ), *Коссманъ* (Морисъ), *Фишель* (Эженъ) *Фишель* (г-жа, Жанна), *Гадамаръ* (Огюстъ), *Германъ* (Леонъ), *Гейманъ* (г-жа, Октавія), *Гиршъ* (Александръ), *Гиршъ* (Альфонсъ), *Мейеръ* (Эмиль), *Мейеръ* (Жоржъ), *Мейеръ* (Лазаръ), *Мишель* (Леонъ-Анри), *Моизъ* (Эдуардъ), *Неттеръ* (Бенжаменъ), *Пара-Жаваль* (г-жа), *Перэръ* (Поль), *Родригъ* (Ж.), *Сальцедо* (Поль), *Ульманъ* (Альберъ), *Ульманъ* (Бенжаменъ), *Вормсъ* (Жюль).

Рисунки.

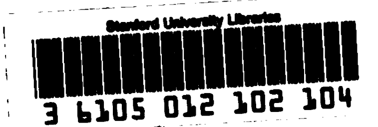
Брюншвигъ (г-жа, Анна). *Кобланcъ* (Жюль), *Кобланcъ* (Леви), *Жакобъ* (г-жа, Амели), *Жакобъ* (г-жа, Женни), *Леви* (Эмиль), *Леви* (Люсьенъ), *Мейеръ* (Альфредъ).

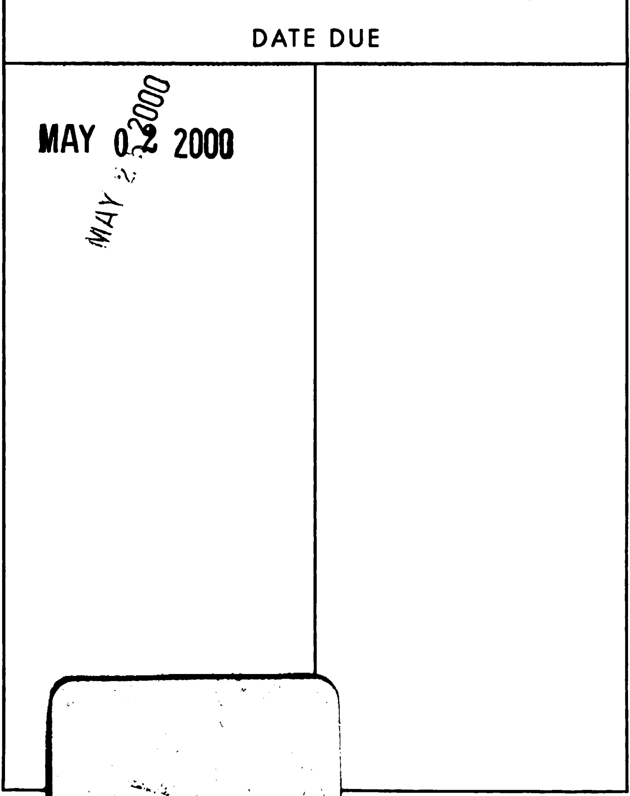
Ваяніе.

Кинсбюргеръ (Люсьенъ), *Натанъ* (г-жа, К.), *Натанъ* (Шарль), *Сальди* (Эмиль), *Вейль* (г-жа, Е.).

Гравюры.

Леви (Гюставъ), *Леви-Дорвиль.*

Stanford University Libraries
3 6105 012 102 104

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(415) 723-1493
All books may be recalled after 7 days
DATE DUE
MAY 02 2000

